2026 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Психология и право

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия
Дворянчиков Н.В. (Россия) – **главный редактор**
Бовина И.Б. (Россия) – **заместитель главного редактора**
Коноплева И.Н. (Россия) – **заместитель главного редактора**
Борисенко (Нуцкова) Е.В. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Богданович Н.В. (Россия, Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибалт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь
Захарова А.В.

Редактор и корректор
Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции
127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru
Сайт: https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/

Индексируется:
ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Scopus, Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года
Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2026

Psychology and Law

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board
Dvoryanchikov N.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Bovina I.B. (Russia) – **deputy editor-in-chief**
Konopleva I.N. (Russia) – **deputy editor-in-chief**
Borisenko (Nutskova) E.V. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary
Zaharova A.V.

Editor and proofreader
Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER
Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address
Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru
Web: https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/

Indexed in:
Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Scopus, DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:
EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

AII rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2026

Журнал «Психология и право»
www.psyandlaw.ru / ISSN: 2222-5196 (online) / E-mail: psyandlaw@mgppu.ru 2026. Том 16. № 3.
E-journal «Psychology and Law»
www.psyandlaw.ru / ISSN: 2222-5196 (online) / E-mail: psyandlaw@mgppu.ru 2026. Vol. 16, no. 3.

СОДЕРЖАНИЕ:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Яковлева Д.В., Рыбакова М.С., Абалмасова А.Д.

Возрастные и половые особенности связи антисоциальной креативности и когнитивных характеристик личности 1–18

Хломов К.Д., Варенов М.А., Давыдов Д.Г.

Сокращенная версия методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма 19–42

Богданович Н.В.

Анализ профессиональных стандартов: нормативная модель профессиональной деятельности психолога (часть 1) 43–59

Аверюшкин А.Н., Дворянчикова К.Н., Коваль А.С., Купцова Д.М.

Креативная компетентность преподавателя юридической психологии как ресурс профилактики выгорания и мотивации студентов 60–75

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Мельникова Д.В., Дворянчиков Н.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.

Социальная идентичность и стигматизация в контексте совладающего поведения у осужденных: теоретическая модель 76–92

Хисматулина Н.В.

Стратегии совладания с патологией одиночества и деструкцией переживания времени в условиях длительного одиночного тюремного заключения (обзор зарубежного опыта) 93–115

Макух Н.О.

Особенности установок на семейные отношения у осужденных мужчин, ранее отбывавших лишение свободы 116–132

Ажимов В.В., Ганишина И.С., Скрипкина Т.П.

Аддиктивная личностная установка как интегративная особенность наркозависимых осужденных, детерминирующая их личностные и поведенческие характеристики в местах лишения свободы 133–153

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Дмитриенко С.О., Политика О.И.

Враждебность и социальное недоверие как предикторы девиантной аффилиации подростков 154–173

© 2026 Московский государственный психолого-педагогический университет
© 2026 Moscow State University of Psychology and Education

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.

Связь агрессивного поведения и представления
об отношении родителей у подростков 174–188

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю.

Восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия
по ситуациям правонарушений несовершеннолетних 189–207

Шеховцова Е.С., Никитский И.С.

Оценка смысловой сферы в клинической практике: адаптация и дифференциально-
диагностический потенциал метода мотивационной индукции Ж. Нюттена 208–239

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В.

Технология Big Data и ее влияние на личностное благополучие студентов:
психологические риски и правовые решения 240–258

Латыпов А.Ф.

Подходы к изучению межпоколенческих конфликтов
в организации и их классификация 259–272

Харитонова Н.К., Русаковская О.А., Васянина В.И.

Функциональный катамнез получателей стационарных социальных услуг,
которым был повышен гражданско-правовой статус 273–292

© 2026 Московский государственный психолого-педагогический университет
© 2026 Moscow State University of Psychology and Education

Журнал «Психология и право»
www.psyandlaw.ru / ISSN: 2222-5196 (online) / E-mail: psyandlaw@mgppu.ru 2026. Том 16. № 3.
E-journal «Psychology and Law»
www.psyandlaw.ru / ISSN: 2222-5196 (online) / E-mail: psyandlaw@mgppu.ru 2026. Vol. 16, no. 3.

CONTENTS:

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Meshkova N.V., Kudryavtsev V.T., Yakovleva D.V., Rybakova M.S., Abalmasova A.D.

Age and gender peculiarities of the relationship between malevolent creativity and cognitive personality characteristics 1–18

Khlomov K.D., Varenov M.A., Davydov D.G.

Diagnostics of dispositions of violent extremism — short version 19–42

Bogdanovich N.V.

Analysis of professional standards: normative model of professional activity of psychologist (part 1) 43–59

Averyushkin A.N., Dvoryanchikova K.N., Koval A.S., Kuptsova D.M.

Creative competence of a legal psychology instructor as a resource for burnout prevention and student motivation 60–75

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Melnikova D.V., Dvoryanchikov N.V., Belova E.D., Bovina I.B.

Social identity and stigmatization in the context of coping behavior among prisoners: A theoretical model 76–92

Khismatulina N.V.

Coping strategies in dealing with the pathology of loneliness and the destruction of time experience in conditions of long-term solitary confinement (review of foreign experience) 93–115

Makuh N.O.

Features of attitudes towards family relationships in convicted men who previously served prison terms 116–132

Azhimov V.V., Ganishina I.S., Skripkina T.P.

Addictive personality attitude as an integrative feature of drug-addicted convicts determining their personal and behavioral characteristics in places of imprisonment 133–153

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Dmitrienko S.O., Politika O.I.

Hostility and social distrust as predictors of deviant affiliation in adolescents 154–173

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.

The relationship between aggressive behavior and perceptions of parental attitudes among adolescents 174–188

© 2026 Московский государственный психолого-педагогический университет
© 2026 Moscow State University of Psychology and Education

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Karnozova L.M., Kormilitsina D.Yu.

The restorative process in restorative justice programs for juvenile offense situations 189–207

Shekhovtsova E.S., Nikitskiy I.S.

Assessment of the semantic sphere in clinical practice: adaptation and differential-diagnostic potential of J. Nuttin's motivational induction method 208–239

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V.

Big Data technology and its influence on the personal well-being of students: psychological risks and legal solutions 240–258

Latypov A.F.

Approaches to the study of intergenerational conflicts in organizations and their classification 259–272

Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A., Vasyanina V.I.

Functional catamnesis (longitudinal functional outcomes) in recipients of inpatient social services who were recognized as legally capable or having restricted legal capacity 273–292

© 2026 Московский государственный психолого-педагогический университет
© 2026 Moscow State University of Psychology and Education

Психология и право
2026. *16*(3), 1–18.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160301
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 1–18.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160301
ISSN 2222-5196 (online)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Возрастные и половые особенности связи антисоциальной креативности и когнитивных характеристик личности

Н.В. Мешкова[1] ✉, **В.Т. Кудрявцев**[1, 2], **Д.В. Яковлева**[1], **М.С. Рыбакова**[1], **А.Д. Абалмасова** [1]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
[2] Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация
✉ nmeshkova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проявление антисоциальной креативности в мошенничестве, коррупции, дезинформации и теориях заговора оставляет актуальным изучение связи креативного мышления и поведения. **Цель.** Изучить и проанализировать связь антисоциальной креативности (АК) с когнитивными особенностями личности. **Гипотезы.** 1. Склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, отрицательно связана с конструктивным мышлением и положительно — с деструктивными стилями мышления и с трудностью в обработке поступающей информации. 2. Эта связь имеет особенности в зависимости от пола и возраста. **Методы и материалы.** Выборку составили 424 человека, из них: студенты московских вузов — 156 человек (M = 20,1; SD = 1,04; 49% — девушки) и взрослые — 266 человек (M = 34,9; SD = 13,76; 59% — женщины). Использовались методики: «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (адаптация Н.В. Мешковой и др.), «Опросник конструктивного мышления» С. Эпштейна (адаптация С.Н. Ениколопова, С.В. Лебедева), «Шкала враждебности BPAQ-24» (адаптация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цыбульского), методика «Характеристики информационно-смыслового поля» (К.В. Злоказов и др.). **Результаты.** Были выявлены следующие значимые корреляции антисоциальной креативности: 1) положительные — с деструктивными стилями мышления, враждебностью и суммарным показателем информационно-смыслового поля личности (ИСП); 2) отрицательные — со шкалой общего конструктивного мышления (ОКМ). Выявлены различия в силе связи АК с когнитивными характеристиками по полу и возрасту. У мужчин сила связи с ОКМ и АК значимо сильнее, чем у женской части выборки. У молодежи, по сравнению со взрослыми, значимо сильнее связь между АК и ИСП. Установлены различия между выборками по полу и возрасту: у молодежи и мужчин, по сравнению со взрослыми и женщинами, ниже ИСП и

© Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Яковлева Д.В., Рыбакова М.С., Абалмасова А.Д., 2026

CC-BY-NC

выше ОКМ; у молодежи и женщин, по сравнению с мужчинами и взрослыми, выше категорическое мышление. **Выводы.** 1. Люди с высокой склонностью к антисоциальной креативности имеют следующий когнитивный профиль: низкое конструктивное мышление в сочетании с высокой враждебностью, развитыми деструктивными стилями мышления, нарушениями в информационно-смысловом поле личности, т. е. они не умеют подстраивать свой способ мышления к требованиям ситуации, чтобы затем эффективно действовать, видят мир только в категориях «черное—белое», подвержены общепринятым суевериям, верят в различные приметы, недостаточно критичны к поступающей информации, в большей степени ориентированы на избегание неудач, мнительны и подозрительны, с трудом обрабатывают поступающую информацию из-за ее динамичности, избыточности и разнородности. 2. Антисоциальная креативность не является следствием какого-либо одного деструктивного стиля мышления — только одно развитое конструктивное мышление не уберегает личность от антисоциальной креативности, здесь важен баланс не только конструктивных и деструктивных стилей мышления, но и других когнитивных особенностей. У мужчин, по сравнению с женщинами, наиболее развит компонент «конструктивное мышление» и, соответственно, неустойчивость к стрессу играет наибольшую роль как предиктор высокой антисоциальной креативности. У молодежи неспособность ориентироваться в поступающей информации и выбирать конструктивные решения (нарушения в информационно-смысловом поле личности) стала предиктором склонности к поведению, в котором реализуется антисоциальная креативность. 3. Установленные различия и общие закономерности выраженности когнитивных характеристик между выборками по полу и возрасту (у молодежи и мужчин, по сравнению со взрослыми и женщинами, ниже суммарный показатель информационно-смыслового поля и выше общее конструктивное мышление; у женщин и молодежи, по сравнению со взрослыми и мужчинами, более развит деструктивный стиль в виде категорического мышления), а также корреляции с деструктивными стилями мышления позволяют выделить в исследованных нами возрастных группах (до 50 лет) те стили мышления, которые не являются факторами риска связи антисоциальной креативности и поведения — это, например, такой стиль мышления, как наивный оптимизм.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, молодежь, взрослые, стили мышления, конструктивное мышление, деструктивное мышление, информационно-смысловое поле

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 25-18-00486 «Эффекты влияния асоциальной креативности на формирование информационно-смыслового поля в условиях проблемности социальной ситуации развития современного человека (2025—2027)» https://rscf.ru/project/25-18-00486.

Для цитирования: Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Яковлева, Д.В., Рыбакова, М.С., Абалмасова, А.Д. (2026). Возрастные и половые особенности связи антисоциальной креативности и когнитивных характеристик личности. *Психология и право, 16*(3), 1—18. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160301

Age and gender peculiarities of the relationship between malevolent creativity and cognitive personality characteristics

N.V. Meshkova[1] ✉, **V.T. Kudryavtsev**[1, 2], **D.V. Yakovleva**[1], **M.S. Rybakova**[1], **A.D. Abalmasova**[1]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
[2] Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation
✉ nmeshkova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The manifestation of malevolent creativity (MC) in fraud, corruption, disinformation, and conspiracy theories leaves the study of the relationship between creative thinking and behavior relevant. **Objective**. To study and analyze the relationship of MC with cognitive personality traits. **Hypothesis.** 1. The tendency to display malevolent creativity in harmful behavior is negatively associated with constructive thinking and positively associated with destructive thinking styles and difficulty processing incoming information; 2. This relationship has features depending on gender and age. **Methods and materials.** The sample consisted of 424 people, including students from Moscow universities N=156 people (M = 20.1, SD = 1.04, 49% of them girls) and adults N =266 people (M = 34.9, SD = 13.76, 59% of them women). The following methods were used: "Behavioral features of malevolent creativity" (adaptation by Meshkova et al.), S. Epstein's Constructive Thinking Questionnaire (adaptation by Yenikolopov and Lebedev), the BPAQ-24 hostility scale (adaptation by Yenikolopov and Tsybulsky), "Characteristics of the information and semantic field" (Zlokazov et al.). **Results.** The following patterns were identified: significant correlations of MC: 1. positive — with destructive thinking styles, hostility and the total indicator of the information and semantic field of personality (IMF), 2. negative - with the scale of general constructive thinking (GCT). Differences in the strength of the association of MC with cognitive characteristics by gender and age have been revealed. Men have significantly stronger bonds with GCT and MC than the female. The connection between MC and IMF is significantly stronger among young people compared to adults. Differences between the samples by gender and age have been established: young people and men have lower IMF and higher GCT compared to adults and women; young people and women have higher categorical thinking compared to men and adults. **Conclusions.** 1. People with a high propensity for MC have the following cognitive profile: low constructive thinking combined with high hostility, developed destructive thinking styles, impairments in the information and semantic field of personality, i.e. they do not know how to adjust their way of thinking to the requirements of the situation in order to act effectively, see

the world only in black and white categories, are subject to generally accepted superstitions, believe in various omens, are insufficiently critical of incoming information, are more focused on avoiding failures, are suspicious, have difficulty processing incoming information because of its dynamism, redundancy, and heterogeneity. 2. MC is not the result of any one destructive style of thinking, but only one developed constructive thinking does not protect a person from having MC. Here, a balance is important not only for constructive and destructive styles of thinking, but also for other cognitive features. Men have the most developed component compared to women, constructive thinking, and, consequently, instability to stress, plays the greatest role as a predictor of high MC. In young people, the inability to navigate incoming information and choose constructive solutions (violations in the information and semantic field of personality) is the least developed compared to adults, but it has become a predictor of a tendency to behavior in which MC is realized. 3. The established differences and general patterns of cognitive characteristics between the samples by gender and age (youth and men have a lower total index of the information and semantic field and higher overall constructive thinking compared to adults and women; women and youth have a more developed destructive style in the form of categorical thinking compared to adults and men), as well as correlations with destructive thinking styles, allow us to identify those thinking styles that are not risk factors for the association of malevolent creativity and behavior in the age groups we studied (up to 50 years) — this is the naive optimism thinking style.

Keywords: malevolent creativity, youth, adults, thinking styles, constructive thinking, destructive thinking, information and semantic field

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number No. 25-18-00486, https://rscf.ru/project/25-18-00486.

For citation: Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Yakovleva, D.V., Rybakova, M.S., Abalmasova, A.D. (2026). Age and gender peculiarities of the relationship between malevolent creativity and cognitive personality characteristics. *Psychology and Law, 16*(3), 1—18. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160301

Введение

Проявление антисоциальной креативности в мошенничестве, коррупции и терроризме оставляет актуальным изучение связи креативного мышления и поведения. Исследователями установлена связь склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, с низкой способностью регулировать эмоции гнева, порожденного несправедливостью (Wang et al., 2024), низкой психологической устойчивостью (Wang, Wang, Chen, 2022), негативными копинг-стратегиями (Zhang et al., 2025), стрессом (Zhang et al., 2024) и психологической детской травмой в результате негативных практик детского воспитания (Li et al., 2025). Также были выявлены гендерные особенности: у мужчин сильнее влияние детской травмы на антисоциальную креативность (Li et al., 2025), а у женщин антисоциальная креативность связана с эмоциональными симптомами депрессии (Perchtold-Stefan, Rominger, Fink, 2023). Данные результаты позволяют говорить о том, что антисоциальная креативность

сочетается с неустойчивостью к стрессу. Согласно теории С. Эпштейна, устойчивость к стрессу связана со стилями мышления таким образом, что, чем лучше у человека развито конструктивное мышление, тем у него выше способность к эмоциональному и поведенческому совладанию и тем меньше в нем элементов деструктивного мышления (Epstein, 1993), что является основанием для исследования связи стилей мышления и других когнитивных характеристик личности с антисоциальной креативностью.

Исследований связи вредоносной креативности и когнитивных характеристик в психологии явно недостаточно. Б*о*льшая часть таких исследований осуществлялась для изучения личности создателей (генераторов) и потребителей (верующих) теорий заговора, конспирологических теорий и дезинформации (Kapoor, Puthillam, 2024), а также жертв манипулятивного воздействия телефонных мошенников (Мешкова, Кудрявцев, Ениколопов, 2022). В этом направлении было показано, что вредоносная креативность в виде конспирологических теорий, агрессивных нарративов, враждебных хэштегов в социальных сетях не является следствием какого-либо одного деструктивного стиля мышления. Она возникает из нормальных когнитивных механизмов, но ее направленность и выраженность модулируются определенными стилями мышления под влиянием тревоги и социальной угрозы (Bonetto, Arciszewski, 2021). Факторы риска включают в себя магическое мышление (Dyrendal, Kennair, Bendixen, 2021), отсутствие рефлексивности (Pennycook, Rand, 2020), конфликтное мышление (Baas et al., 2019) и потребность в знании (Jackson, 2019). Было установлено, что вера в теории заговора отрицательно коррелирует с критическим мышлением (Lantian et al., 2021), а подверженность манипулятивному воздействию телефонных мошенников у добропорядочных обывателей старшего возраста сочетается со стилем мышления «наивный оптимизм» (Мешкова, Кудрявцев, Ениколопов, 2022). Как видно, мышление играет важную роль как в подверженности манипуляциям, так и в генерировании креативных идей, наносящих вред, но как это проявляется в поведении остается мало изученным полем, а имеющиеся результаты исследований противоречивы. Так, П. Зиви (P. Zivi) с коллегами обнаружили, что у мужчин поленезависимость положительно коррелирует с негативным дивергентным мышлением и черным юмором, но не связана со склонностью к реализации антисоциальной креативности в поведении (Zivi et al., 2025), в то время как на выборке женщин была установлена связь поведения, в котором реализуется антисоциальная креативность, с трудностью в обработке поступающей информации, являющейся компонентом информационно-смыслового поля личности (Мешкова и др., 2025; Злоказов, Ениколопов, Бабикова, 2025).

Учитывая все вышесказанное и результаты исследований, показавшие наличие качественных возрастных и половых особенностей личностных предикторов склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении (Бочкова, 2023), мы поставили перед собой цель изучить связь антисоциальной креативности с когнитивными особенностями личности. Гипотезы исследования: 1) склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, связана отрицательно с конструктивным мышлением и положительно — с деструктивными стилями мышления и с трудностью в обработке поступающей информации; 2) эта связь имеет особенности в зависимости от пола и возраста.

Материалы и методы

Исследование проводилось в конце 2025 года с помощью очного опроса. Выборку составили 424 человека, из них: студенты московских вузов — 156 человек (M = 20,1; SD = 1,04; 49% — девушки) и взрослые — 266 человек (M = 34,9; SD = 13,76; 59% — женщины).

Использовались следующие методики: «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (в адаптации Н.В. Мешковой и др., 2018), «Опросник конструктивного мышления» (далее ОКМ) (С. Эпштейн, 1993) в адаптации С.Н. Ениколопова, С.В. Лебедева (2004) (для анализа были выбраны общая шкала конструктивного мышления и шкалы деструктивного мышления), шкала враждебности BPAQ-24 А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цыбульского (2007), методика «Характеристики информационно-смыслового поля» (Злоказов и др., 2025)(далее ХИСП).

Методика ХИСП включает 3 шкалы: «Получение информации» (далее Пинф), «Обработка информации (далее Обринф) и «Применение информации» (далее Приминф). Для анализа мы взяли суммарный показатель информационно-смыслового поля (далее СуммИСП). Согласно авторам методики, низкие значения СуммИСП говорят об информационной недостаточности и неактуальности ИСП личности, компенсируемой быстротой ее понимания и осмысленностью, приводящих к результативному применению; высокие значения указывают на избыточность, динамичность и разнородность информационной составляющей ИСП, сопряженной с трудностью в обработке содержащейся информации, совместно приводящих к снижению ценности практического применения знаний и смыслов (Злоказов, Ениколопов, Бабикова, 2025).

Статистическая обработка проводилась в программе jamovi 2.6.16 с использованием описательных статистик, теста нормальности распределения, корреляционного анализа по критерию Спирмена, непараметрические сравнения — по критерию Манна—Уитни, линейной регрессии взаимодействия переменных.

Результаты

Описательные статистики полученных данных представлены в табл 1.

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики антисоциальной креативности, враждебности, информационно-смыслового поля и стиля мышления по полу и возрасту
Descriptives of Malevolent Creativity, Hostility, Information-Meaning Field, Constructive Thinking via sex and age

Переменные / Parameters	**Выборка / Sample N(1) = 81, N(2) = 71, N(3) = 110, N(4) = 156**	**Mean**	**SD**	**Асимметрия / Skewness SE(1) = 0,267, SE(2) = 0,285, SE(3) = 0,23, SE(4) = 0,19**	**Эксцесс / Kurtosis SE(1) = 0,529, SE(2) = 0,563, SE(3) = 0,457 SE(4) = 0,386**
АК / MC	1	12,99	8,36	0,586	0,113
	2	13,69	7,34	0,419	0,039

	3	11,09	6,60	0,510	–0,384
	4	12,51	6,23	0,232	–0,047
Враждебность / Hostility	1	18,00	6,60	0,638	0,617
	2	19,25	5,65	–0,222	–0,601
	3	17,59	5,82	0,453	–0,148
	4	20,22	5,77	0,263	–0,199
СуммИСП / information-meaning field	1	24,16	6,83	0,076	–0,083
	2	26,42	6,84	–0,197	–0,132
	3	28,72	7,04	–0,216	–0,657
	4	29,41	5,77	0,171	0,134
ОКМ / GCT	1	117,69	16,67	–0,443	–0,083
	2	109,77	18,84	0,132	–0,132
	3	121,53	18,68	–0,524	–0,657
	4	102,91	17,45	0,142	0,134
ЭМ / ET	1	27,56	7,85	1,053	0,373
	2	30,46	7,51	0,600	–0,529
	3	25,68	7,90	0,764	0,823
	4	29,71	8,33	0,223	–0,40
КМ / CT	1	37,33	7,93	0,172	–0,327
	2	37,68	7,40	–0,317	0,602
	3	33,04	7,37	0,145	–0,119
	4	36,57	7,67	0,190	1,466
НО / NO	1	37,52	6,50	0,106	–0,416
	2	39,31	6,10	–0,120	1,153
	3	38,65	7,20	0,064	0,044
	4	35,56	6,54	–0,151	–0,471
ЛСМ / PST	1	9,36	3,19	0,666	0,617
	2	10,77	3,94	0,144	–0,440
	3	8,73	3,37	0,348	–0,210
	4	10,74	3,33	0,037	0,051

Примечание: АК — Антисоциальная креативность; СуммИСП — Информационно-смысловое поле; ОКМ — Общее конструктивное мышление; ЭМ — Эзотерическое мышление, КМ— Категорическое мышление; НО — Наивный оптимизм; ЛСМ — Личностно-суеверное мышление; SE — стандартная ошибка. Выборки: 1 — студенты-юноши; 2 — студенты-девушки; 3 — взрослые мужчины; 4 — взрослые женщины.
Note: MC —Malevolent Creativity; IMF —Information-Meaning Field; GCT — Global Constructive Thinking; ET — Esoteric Thinking; CT — Categorical Thinking; NO — Naive Optimism; PST — Personal Superstitious Thinking; SE —standard error. Выборки: 1 — students-men; 2 — students-women; 3 — adults men; 4 — adults women.

Оценка нормальности распределения антисоциальной креативности проводилась на основе асимметрии и эксцесса. Нормальное распределение эта переменная имеет только у женской части выборки: As находится в пределах нормы по модулю 0,46 и 0,32, соответственно у студенток и взрослых; у мужской части выборки — ненормальное распределение, так как As превышает допустимое значение по модулю 0,43 и 0,39 — соответственно для студентов и взрослых мужчин. При этом показатели эксцесса у переменной — в пределах критических значений ±0,83—±0,84. Полученные результаты позволяют применить для анализа связей антисоциальной креативности только непараметрические методы.

В общей выборке были выявлены, по Спирмену[1], следующие значимые корреляции антисоциальной креативности: положительные умеренные — с враждебностью, категорическим мышлением (КМ), личностно-суеверным мышлением (ЛСМ) и положительные слабые — с суммарным показателем информационно-смыслового поля личности (СуммИСП) и эзотерическим мышлением (ЭМ); отрицательные умеренной силы — с общим конструктивным мышлением (ОКМ). СуммИСП положительно коррелирует с ЭМ (слабая связь), КМ (слабая связь) и ЛСМ (умеренная связь), и отрицательно — с ОКМ (умеренная связь). Между враждебностью и а) СуммИСП, ЭМ выявлена умеренная положительная связь, б) КМ, ЛСМ — заметная положительная связь, в) ОКМ — отрицательная связь заметной силы (табл. 2). Таким образом, в общей выборке склонность к поведению, в котором реализуется антисоциальная креативность, и враждебность показывают схожие корреляционные связи со стилями мышления. Обе переменные положительно связаны с деструктивными стилями мышления (слабая и умеренная силы связи) и отрицательно — с общим конструктивным мышлением (умеренная и заметная сила связи). Данный факт дает основание полагать, что антисоциальная креативность опирается на тот же дезадаптивный когнитивный базис, что и враждебность, тогда как конструктивное мышление может стать буфером, сдерживающим проявление антисоциальной креативности в деструктивном поведении.

Таблица 2 / Table 2

Корреляции по Спирмену антисоциальной креативности, стилей мышления, враждебности и информационно-смыслового поля (N = 424)
Correlation Matrix (rho) of malevolent creativity, Information-Meaning Field, Hostility and Cognitive Styles (N = 424)

Переменные / Parameters	**АК / МС**	**Враждебность / Hostility**	**СуммИСП / Information-Meaning Field**
СуммИСП / Information-Meaning Field	0,229***	0,319***	-
ОКМ / GCT	–0,396***	–0,667***	–0,380***
ЭМ / ET	0,144**	0,392***	0,147**

[1] Для качественной интерпретации силы выявленных взаимосвязей мы использовали шкалу Чеддока, традиционно применяемую в психологических исследованиях для оценки тесноты корреляционных связей. Учитывая, что в работе применялся ранговый коэффициент Спирмена, данная шкала использовалась нами как содержательный ориентир, позволяющий стандартизировать описание выраженности монотонных зависимостей.

КМ / CT	0,367***	0,585***	0,152**
ЛСМ / PST	0,348***	0,557***	0,356***
Враждебность / Hostility	0,388***	-	-

Примечание: «**» — p < 0,01; «***» — p < 0,001. Оценка силы связей произведена по шкале Чеддока (слабая: 0,1—0,3; умеренная: 0,3—0,5; заметная: 0,5—0,7; высокая: 0,7—0,9). АК — Антисоциальная креативность; СуммИСП — Информационно-смысловое поле; ОКМ — Общее конструктивное мышление; ЭМ — Эзотерическое мышление; КМ — Категорическое мышление; ЛСМ — Личностно-суеверное мышление.
Note: «**» — p < 0,01; «***» — p < 0,001. The strength of the correlations was assessed using the Chaddock scale (weak: 0,1—0,3; moderate: 0,3—0,5; substantial: 0,5—0,7; high: 0,7—0,9). MC — Malevolent Creativity; IMF — Information-Meaning Field; GCT — Global Constructive Thinking; ET — Esoteric Thinking; CT — Categorical Thinking; PST — Personal Superstitious Thinking.

Непараметрические сравнения по критерию Манна—Уитни показали, что выборки по полу имеют значимые различия: у женщин, по сравнению с мужской частью выборки, ниже значения по переменным ОКМ и наивный оптимизм (НО) и выше значения СуммИСП, по враждебности и стилям мышления — ЭМ, КМ, ЛСМ. Наибольший размер эффекта — у переменных ОКМ (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Непараметрические сравнения переменных (критерий Манна—Уитни) в выборках по полу (N = 227 женщин и 191 мужчин)
Nonparametric comparisons of variables (Mann—Whitney U) in groups via sex (N = 227 women and 191 men)

Переменные / Parameters	**Statistic**	**p**	**Rank biserial correlation Effect Size**
СуммИСП / Information-Meaning Field	18735	0,017	–0,13580
ОКМ / GCT	11747	< ,001	**0,45815**
ЭМ / ET	15984	< ,001	–0,26268
КМ / CT	18237	0,005	–0,15877
НО / NO	19250	0,048	0,11202
ЛСМ / PST	15344	<,001	–0,29223
Враждебность / Hostility	16880	<,001	–0,22137

Примечание: СуммИСП — Информационно-смысловое поле; ОКМ — Общее конструктивное мышление; ЭМ — Эзотерическое мышление; КМ — Категорическое мышление; НО — Наивный оптимизм; ЛСМ — Личностно-суеверное мышление.
Note: IMF — Information-Meaning Field; GCT — Global Constructive Thinking; ET — Esoteric Thinking; CT — Categorical Thinking; NO — Naive Optimism; PST — Personal Superstitious Thinking.

Регрессионный анализ взаимодействия пола и ОКМ показал, что эффект ОКМ на антисоциальную креативность различается у мужчин и женщин. Коэффициент

взаимодействия — 0,245 (p = 0,012) указывает на то, что связь между ОКМ и АК слабее у женщин, по сравнению с мужчинами. Хотя распределение АК не является нормальным формально (p < 0,05), использование линейной регрессии, согласно Lumley et al. (2002), является допустимым при данном объеме выборки.

Непараметрические сравнения по критерию Манна—Уитни показали, что выборки по возрасту также имеют значимые различия: у студентов, по сравнению со взрослыми, ниже значения переменной СуммИСП и выше значения ОКМ, КМ и НО. Причем наибольший размер эффекта выявляется у переменной суммарного показателя информационно-смыслового поля личности (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Непараметрические сравнения переменных (критерий Манна—Уитни) в выборках по возрасту (N = 156 студентов и 266 взрослых)
Nonparametric comparisons of variables (Mann—Whitney U) in groups via age (N = 156 students and 266 adults)

Переменные / Parameters	**Statistic**	**p**	**Rank biserial correlation Effect Size**
СуммИСП / Information-Meaning Field	13785	< ,001	**0,344**
ОКМ / GCT	18531	0,042	–0,118
КМ / CT	17435	0,003	–0,170
НО / NO	18253	0,024	–0,131

Примечание: СуммИСП — Информационно-смысловое поле; ОКМ — Общее конструктивное мышление; КМ — Категорическое мышление; НО — Наивный оптимизм.

Note: IMF — Information-Meaning Field; GCT — Global Constructive Thinking; CT — Categorical Thinking; NO — Naive Optimism.

Регрессионный анализ взаимодействия пола и СуммИСП показал, что эффект СуммИСП на антисоциальную креативность различается в зависимости от возраста. Коэффициент взаимодействия — 0,217 (p = 0,029) указывает на то, что связь между СуммИСП и АК сильнее у студентов, по сравнению со взрослой частью выборки. Хотя распределение АК не является нормальным формально (p < 0,05), использование линейной регрессии, согласно Lumley et al. (2002)? является допустимым при данном объеме выборки.

Обсуждение результатов

Согласно гипотезе 1, в общей выборке были проанализированы корреляции между склонностью к проявлению антисоциальной креативности в поведении в виде нанесения вреда, лжи и злых шуток, со стилями мышления и суммарным компонентом информационно-смыслового поля личности. Были установлены следующие закономерности: чем выше антисоциальная креативность, тем ниже конструктивное мышление и выше деструктивные стили мышления. Характерным стал тот факт, что это не один какой-то стиль деструктивного мышления, а несколько — личностно-суеверный, категорический и эзотерический стили мышления, что не только согласуется с результатами зарубежных авторов, установивших

положительную связь генерирования антисоциально креативных идей с такими когнитивными характеристиками, как магическое мышление (Dyrendal, Kennair, Bendixen, 2021), отсутствие рефлексивности (Pennycook, Rand, 2020), конфликтное мышление (Baas et al., 2019), но и дополняет их новыми переменными. Полученные результаты означают, что люди с высокой антисоциальной креативностью не умеют подстраивать свой способ мышления к требованиям ситуации, чтобы затем эффективно действовать, особенно если это неприятные ситуации, связанные с неудачами, неодобрением, отказами или ситуации, не вписывающиеся в их стереотипы; они видят мир только в категориях «черное—белое», подвержены общепринятым суевериям, верят в различные приметы, недостаточно критичны к поступающей информации, в большей степени ориентированы на избегание неудач. Такое сочетание стилей мышления говорит о том, что склонность к поведению, в котором реализуется антисоциальная креативность, сочетается, согласно С. Эпштейну, с неустойчивостью к стрессу (Epstein, 1998). Характерным также стал и тот факт, что это люди с повышенной враждебностью. Враждебность является когнитивной характеристикой агрессии. Для обладателей высоких значений свойственны мнительность, обидчивость, зависть, подозрительность (Ениколопов, Цыбульский, 2007). Эта переменная положительно связана с антисоциальной креативностью и деструктивными стилями мышления и отрицательно — с конструктивным мышлением.

Что касается информационно-смыслового поля личности, то положительные корреляции с антисоциальной креативностью означают, что люди с высокой склонностью к поведению, наносящему вред другим, с трудом обрабатывают поступающую информацию из-за ее динамичности, избыточности и разнородности. Это все снижает ценность практического применения знаний и смыслов (Злоказов, Ениколопов, Бабикова, 2025). На наш взгляд, данная переменная является важной составляющей когнитивной характеристики личности, позволяющей ориентироваться в современном обществе и в соответствии с этим принимать конструктивные решения. Таким образом, первая гипотеза получила свое подтверждение.

Вторая гипотеза касалась особенностей связи антисоциальной креативности и когнитивных характеристик в зависимости от пола и возраста. Согласно полученным результатам, у молодежи ниже суммарный показатель информационно-смыслового поля личности и выше показатели, как по конструктивному, так и по таким деструктивным стилям мышления, как категорическое и наивный оптимизм. Это означает, что молодежь в большей степени склонна принимать конструктивные решения, легче обрабатывает поступающую информацию, хотя и склонна к максимализму и в большей степени видению мира без деталей, более оптимистична и не способна осознавать угрозу и принимать адекватные меры (Ениколопов, Лебедев, 2004). Особенность молодежи, по сравнению со взрослой частью выборки, состоит также и в более сильной положительной связи антисоциальной креативности и информационно смыслового поля личности. Таким образом, у молодежи предиктором склонности к реализации антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, является низкая способность ориентироваться в поступающей информации.

Что касается пола, то здесь также установлены значимые различия: у женской части выборки выше такие переменные, как враждебность; больше нарушений в информационно-смысловом поле личности; им свойственны деструктивные стили мышления — эзотерическое, категорическое и личностно-суеверное; у них ниже конструктивное мышление и наивный оптимизм. Особенностью в этом случае стала менее сильная, чем у мужчин, связь

антисоциальной креативности и конструктивного мышления. Иными словами, у мужчин, чем выше конструктивное мышление, тем ниже склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред. Таким образом, низкая устойчивость к стрессу, характеризуемая низким конструктивным мышлением, в большей степени является предиктором антисоциальной креативности у мужчин, чем у женщин. При имеющемся наборе компонентов у женщин снижается предсказательная сила конструктивного мышления как предиктора поведения. Вторая гипотеза также получила свое подтверждение. Полученные половые различия вносят вклад в понимание механизмов антисоциальной креативности (АК) и представляют интерес по нескольким причинам. Во-первых, они согласуются с данными У. Ли (W. Li) и коллег, показавшими, что влияние дефицита психологических ресурсов на АК сильнее у мужчин (Li et al., 2025). Наши данные расширяют это представление: именно снижение конструктивного мышления оказывается более критичным предиктором АК для мужчин, тогда как у женщин его предсказательная сила ниже. Во-вторых, наши данные дополняют исследования К. Перхтольд-Штефан (C. Perchtold-Stefan) и коллег, обнаруживших, что эмоциональные симптомы депрессии связаны с АК только у женщин, но не у мужчин (Perchtold-Stefan, Rominger, Fink, 2023). Можно предположить, что у женщин существуют альтернативные пути активации АК (например, через эмоциональный дистресс), которые ослабляют защитный эффект конструктивного мышления. Это объясняет, почему даже при относительно высоком конструктивном мышлении у женщин сохраняется склонность к АК. В-третьих, мы показываем, что более высокий уровень враждебности и деструктивных когнитивных стилей у женщин может создавать благоприятную почву для АК, не зависящую от уровня конструктивности. Таким образом, в отличие от мужчин, у которых конструктивное мышление выступает буфером против АК, у женщин этот буфер ослаблен, что требует учета в профилактических программах.

Неожиданным для нас стал факт отсутствия корреляций между наивным оптимизмом и антисоциальной креативностью. Этот результат может быть связан с тем, что, во-первых, данный стиль мышления, наряду с высокой доброжелательностью, в большей степени связан с виктимностью и выявлен у пожилых людей 60+ в исследовании жертв мошенничества (Мешкова Кудрявцев, Ениколопов, 2022), тогда как в нашем исследовании максимальный возраст взрослых людей составил не более 50 лет. Согласно Эпштейну, наивный оптимизм представляет собой дезадаптивный стиль мышления, характеризующийся неспособностью адекватно воспринимать угрозу и принимать соответствующие меры (Ениколопов, Лебедев, 2004). Однако антисоциальная креативность не является исключительно реакцией на угрозу — она может активироваться личностной предрасположенностью (враждебностью), эмоцией гнева или стремлением получить выгоду. Таким образом, даже если наивный оптимист не воспринимает угрозу, это не блокирует другие пути активации деструктивной креативности.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие **выводы.**

1. Люди с высокой склонностью к антисоциальной креативности имеют следующий когнитивный профиль: низкое конструктивное мышление в сочетании с высокой враждебностью, развитыми деструктивными стилями мышления, нарушениями в информационно-смысловом поле личности. Они не умеют подстраивать свой способ

мышления к требованиям ситуации, чтобы затем эффективно действовать, видят мир только в категориях черное-белое, подвержены общепринятым суевериям, верят в различные приметы, недостаточно критичны к поступающей информации, в большей степени ориентированы на избегание неудач, мнительны и подозрительны, с трудом обрабатывают поступающую информацию из-за ее динамичности, избыточности и разнородности.

2. Антисоциальная креативность не является следствием какого-либо одного деструктивного стиля мышления — только одно развитое конструктивное мышление не уберегает личность от антисоциальной креативности. В данном случае важен баланс не только конструктивных и деструктивных стилей мышления, но и других когнитивных особенностей. У мужчин наиболее развитый компонент, по сравнению с женщинами, — конструктивное мышление, и, соответственно, неустойчивость к стрессу играет наибольшую роль как предиктор высокой антисоциальной креативности. У молодежи неспособность ориентироваться в поступающей информации и выбирать конструктивные решения (нарушения в информационно-смысловом поле личности) наименее развита по сравнению со взрослыми, но именно она стала предиктором склонности к поведению, в котором реализуется антисоциальная креативность.

3. Установленные различия и общие закономерности выраженности когнитивных характеристик между выборками по полу и возрасту (у молодежи и мужчин, по сравнению со взрослыми и женщинами, ниже суммарный показатель информационно-смыслового поля и выше общее конструктивное мышление; у женщин и молодежи, по сравнению со взрослыми и мужчинами, более развит деструктивный стиль в виде категорического мышления). Отсутствие корреляций позволяет исключить наивный оптимизм как стиль мышления, являющийся деструктивным в числе факторов риска связи антисоциальной креативности и поведения в возрастных группах до 50 лет.

В исследовании показана роль когнитивных характеристик как предикторов склонности к реализации антисоциальной креативности в поведении. Полученные данные могут быть полезными для профилактики девиантного поведения. Здесь стоит отметить то, как важно формирование эмоционального и поведенческого совладания у мальчиков с раннего детства, поскольку оно зависит больше от воспитания, когда происходит развитие посредством прямого или опосредованного опыта, и меньше от врожденных факторов (Ениколопов, Лебедев, 2004). Дальнейшими направлениями исследований может стать более детальное изучение когнитивных предикторов у женщин и мужчин в зависимости от возраста.

Ограничения. Важно признать, что формальная проверка распределения зависимой переменной показала статистически значимое отклонение от нормальности (критерий Шапиро—Уилка, $p < 0{,}05$). Однако, как убедительно показано Т. Люмли (T. Lumley) с коллегами (Lumley et al. (2002), линейная регрессия является робастным методом, который дает корректные оценки коэффициентов и стандартных ошибок при достаточно больших объемах выборки ($n > 100$), даже когда распределение зависимой переменной отличается от нормального. В нашем исследовании численность выборок составила 227 и 191 наблюдение, что превышает рекомендуемый порог и обеспечивает состоятельность выводов благодаря действию центральной предельной теоремы. Более того, ключевым допущением линейной регрессии является не нормальность самой переменной, а гомоскедастичность и нормальность распределения остатков. Проверка остатков в нашей модели не выявила критических

отклонений (визуальный анализ Q—Q графика и гистограммы). Тем не менее мы признаем, что ненормальность распределения может влиять на точность индивидуальных предсказаний, поэтому полученные коэффициенты следует интерпретировать как оценку средних эффектов на уровне группы, а не как инструмент точного прогноза для отдельных испытуемых.

Limitations. Although the dependent variable showed a significant deviation from normality (Shapiro—Wilk, $p < 0.05$), linear regression remains appropriate given our sample sizes ($n = 227$ and 191). According to Lumley et al. (2002), this method yields reliable estimates with $n > 100$, even under non-normality, due to the central limit theorem. Critically, the primary assumption concerns the residuals rather than the variable itself; residual diagnostics (Q—Q plots, histograms) showed no major violations. However, non-normality may limit the precision of individual predictions, so our coefficients should be interpreted as group-level effects. Future studies should consider bootstrapping or GLM with alternative distributions to further improve robustness.

Список источников / References

1. Бочкова, М.Н. (2023). Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций. *Психология и право, 13*(3), 135—149. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130310
   Bochkova, M.N. (2023). Features of the Relationship of Malevolent Creativity and Understanding of One's Own Emotions. *Psychology and Law, 13*(3), 135—149. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130310
2. Ениколопов, С.Н., Лебедев, С.В. (2004). Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств. *Психологическая диагностика,* 3, 19—38.
   Enikolopov, S.N., Lebedev, S.V. (2004). Adaptation of research methods for post-traumatic stress disorders. *Psychological Diagnostics, 3*, 19—38. (In Russ.).
3. Ениколопов, С.Н., Цибульский, Н.П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал, 28*(1), 115—124. URL: https://elibrary.ru/hykjqx (дата обращения: 01.05.2026).
   Enikolopov, S.N., Tsybulsky, N.P. (2007). Psychometric analysis of Russian-language version of Questionnaire for aggression diagnostics by A. Buss And M. Perry. *Psychological Journal, 28*(1), 115—124. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/hykjqx (viewed: 01.05.2026).
4. Злоказов, К.В., Ениколопов, С.Н., Бабикова, М.Р. (2025). Исследование информационно-смыслового поля личности: эмпирическая оценка характеристик опросника. *Психолого-педагогические исследования, 17*(3), 115—133. https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170307
   Zlokazov, K.V., Enikolopov, S.N., Babikova, M.R. (2025). Study of information-semantic field of personality: the empirical analysis characteristics of the questionnaire. *Psychological-Educational Studies, 17*(3), 115—133. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170307
5. Мешкова, Н.В., Ениколопов, С.Н., Митина, О.В., Мешков, И.А. (2018). Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности. *Психологическая наука и образование, 23*(6), 25—40. https://doi.org/10.17759/pse.2018230603
   Meshkova, N.V., Enikolopov, S.N., Mitina, O.V., Meshkov, I.A. (2018). Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psychological Science and Education, 23*(6), 25—40. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2018230603

6. Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Ениколопов, С.Н. (2022). К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества. *Вестник Московского университета*. *Серия 14. Психология, 45*(1), 138—157. https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06
Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Enikolopov, S.N. (2022). To the Psychological Portrait of the Victims of Telephone Fraud. *Moscow University Psychology Bulletin, 45*(1), 138—157. (In Russ.). https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06
7. Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Рыбакова М.С., Яковлева, Д.В., Мешков, И.А. (2025). Асоциальная креативность и информационно-смысловое поле личности. *Психология и право, 15*(3),146—159. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150310
Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S., Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025). Malevolent creativity and information-meaning field. *Psychology and Law, 15*(3), 146—159. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150310
8. Baas, M., Roskes, M., Koch, S., Cheng, Y., De Dreu, C.K.W. (2019). Why social threat motivates malevolent creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin, 45*(11), Article 1590. https://doi.org/10.1177/0146167219838551
9. Bonetto, E., Arciszewski, T. (2021). The Creativity of Conspiracy Theories. *Journal of Creative Behavior, 55*(4), 916—924. https://doi.org/10.1002/jocb.497
10. Dyrendal, A., Kennair, L.E.O., Bendixen, M. (2021). Predictors of belief in conspiracy theory: The role of individual differences in schizotypal traits, paranormal beliefs, social dominance orientation, right wing authoritarianism and conspiracy mentality. *Personality and Individual Differences, 173*, Article 110645. https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110645
11. Epstein, S. (1998). *Constructive Thinking: The Key to Emotional Intelligence*. Praeger Publishers.
12. Jackson, S. (2019). How a critical thinker uses the web. In: J.A. Blair (Ed.), *Windsor studies in argumentation: Studies in critical thinking* (pp. 227—248). Windsor, Canada: University of Windsor.
13. Kapoor, H., Puthillam, A. (2024). The crisis of misinformation and dark creativity. In: Z. Ivcevic, R. Reiter-Palmon, M. Tang, M.G. Grohman (Eds.), *Crises, creativity and innovation* (pp. 179—203). Palgrave Macmillan / Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-031-61782-9_9
14. Lantian, A, Bagneux, V, Delouvée, S, Gauvrit, N. (2021). Maybe a free thinker but not a critical one: High conspiracy belief is associated with low critical thinking ability. *Applied Cognitive Psychology, 35*(3), 674—684. https://doi.org/10.1002/acp.3790
15. Li, W, Qiu, M, Liu, J, Zhang, A, Xu, F, Wang, Y. (2025). Childhood trauma and malevolent creativity: the mediating role of positive psychological capital and gender differences. *BMC Psychology*, *13*(1), Article 1021. https://doi.org/10.1186/s40359-025-03390-9
16. Lumley, T., Diehr, P., Emerson, S., Chen, L. (2002). The importance of the normality assumption in large public health data sets. *Annual Review of Public Health, 23*, 151—169. https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.23.100901.140546
17. Pennycook, G., Rand, D.G. (2020). Who falls for fake news? The roles of bullshit receptivity, overclaiming, familiarity, and analytic thinking. *Journal of Personality, 88*(2), 185—200. https://doi.org/10.1111/jopy.12476
18. Perchtold-Stefan, C.M., Rominger, C., Fink, A. (2023), Depressive Symptoms are Positively Linked to Malevolent Creativity: A Novel Perspective on the Maladaptive Nature of Revenge Ideation. *Journal of Creative Behavior, 57*(2), 319—330. https://doi.org/10.1002/jocb.580

19. Wang, D., Wang D., Chen, W. (2022). The relationship between adolescent`s resilience and their malevolent creative behavior. *Acta Psychologica Sinica, 54*(2), 154—167. https://doi.org/10.3724/SP.J.1041.2022.00154
20. Wang, Y., Zhang, K., Xu, F., Zong, Y., Chen, L., Li, W. (2024). The effect of justice sensitivity on malevolent creativity: the mediating role of anger and the moderating role of emotion regulation strategies. *BMC Psychology, 12*(1), Article 265. https://doi.org/10.1186/s40359-024-01759-w
21. Zivi, P., Giancola, M., Nori, R., Piccardi, L., D'Amico, S., Palmiero, M. (2025). Field dependent-independent cognitive style as a predictor of malevolent creativity: a multifaceted approach. *Frontiers in Psychology, 16*. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1502823.
22. Zhang, Y., Geng, Y., Zhan, T., Hu, W., Shi, Y., Jin, W. (2024). Fight Injustice with Darkness: The Effect of Early Life Adversity on Malevolent Creativity Behavior. *The Journal of Creative Behavior, 58*(2), 279—296. https://doi.org/10.1002/jocb.648.
23. Zhang J., Lu J., Ge J., Li S., Liang X. (2025). Managing malice in negative environments: the mediating effect of coping styles on the relationship between negative sense of place and malevolent creativity among Chinese high school students. *BMC Psychology, 13*(1), Article 35. https://doi.org/10.1186/s40359-024-02333-0

Информация об авторах

Наталья Владимировна Мешкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии; ведущий научный сотрудник лаборатории «Изучение асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3965- 9382, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Владимир Товиевич Кудрявцев, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); профессор, Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9283-6272, e-mail: vtkud@mail.ru

Дарья Владимировна Яковлева, лаборант-исследователь лаборатории «Изучение асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-6166-6345, e-mail: dasha.yak04@mail.ru

Марина Сергеевна Рыбакова, младший научный сотрудник лаборатории «Изучение асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1622-7715, e-mail: ryb-mar@yandex.ru

Анастасия Дмитриевна Абалмасова, преподаватель кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный

психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-9336-5756, e-mail: abalmasovaad@mgppu.ru

Information about the authors

Natalya V. Meshkova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology; Leading Research Fellow, Laboratory for the Study of Malevolent Creativity in the Context of Contemporary Challenges and Threat, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https:// orcid.org/0000-0003-3965-9382, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Vladimir T. Kudryavtsev, Doctor of Psychology, Professor of the UNESCO Department "Cultural-Historical Psychology of Childhood", Moscow State University of Psychology and Education; Professor, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9283-6272, email: vtkud@mail.ru

Darya V. Yakovleva, Laboratory Research Assistant of the Laboratory for the Study of Malevolent Creativity in the Context of Contemporary Challenges and Threat, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-6166-6345, e-mail: dasha.yak04@mail.ru

Marina S. Rybakova, Junior Researcher of the Laboratory for the Study of Malevolent Creativity in the Context of Contemporary Challenges and Threat, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1622-7715, e-mail: ryb-mar@yandex.ru

Anastasia D. Abalmasova, Lecturer of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-9336-5756, e-mail: abalmasovaad@mgppu.ru

Вклад авторов

Мешкова Н.В. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Кудрявцев В.Т. —планирование исследования; контроль за проведением исследования, проверка рукописи.

Яковлева Д.В. — сбор и анализ данных, оформление статьи.

Рыбакова М.С. — сбор данных, оформление статьи.

Абалмасова А.Д. — применение статистических и математических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalya V. Meshkova — research ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Vladimir T. Kudryavtsev —planning of the research; control over the research, checking the manuscript.

Darya V. Yakovleva — data and analysis collection; design of the manuscript.

Marina S. Rybakova — data collection; design of the manuscript and references.

Anastasia D. Abalmasova — application of statistical and mathematical methods for data analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Проведение данного исследования рассмотрено и одобрено Этической комиссией факультета Экстремальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ (номер разрешения: 15-21/12 от 23.12.2025).

Ethics statement

The study and consent procedures were approved by the Ethics Commission of Faculty of Extreme Psychology at Moscow State University of Psychology and Education (the approval no: 15-21/12 from 23.12.2025).

Поступила в редакцию 05.06.2026 Received 2026.06.05
Поступила после рецензирования 10.08.2026 Revised 2026.08.10
Принята к публикации 12.08.2026 Accepted 2026.08.12
Опубликована 30.09.2026 Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 19–42.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160302
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 19–42.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160302
ISSN 2222-5196 (online)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Сокращенная версия методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма

К.Д. Хломов[1]✉, **М.А. Варенов**[1], **Д.Г. Давыдов**[1]
[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
✉ kirkhlomov@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Насильственный экстремизм остается значимой проблемой в современном мире. В актуальной работе приведены результаты валидизации сокращенной версии методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма на подростковом и юношеском возрасте. **Цель.** Провести анализ и проверку факторной структуры методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма на юношеской выборке. **Гипотеза.** Существует приемлемая факторная структура методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма. **Методы и материалы.** В адаптации методики приняли участие 715 студентов российских вузов. Использовались: Опросник уровня агрессивности Басса—Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского; Опросник легитимизированной агрессии С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского для оценки социально одобряемой агрессии, методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. **Результаты.** При проверке внешней валидности были обнаружены статистически значимые связи диспозиций насильственного экстремизма со шкалами легитимизированной агрессии. При проверке факторной структуры методики на обеих выборках при помощи конфирматорного факторного анализа было выявлено, что шестифакторная структура является приемлемой. **Выводы.** В работе представлена новая модель сокращенной методики, состоящая из шести шкал: «Дегуманизация», «Мистичность», «Допустимость насилия», «Готовность к насилию», «Редукционный максимализм» и «Открытость и миролюбие» как контрфактор. Полученная модель оказалась надежной и валидной (внутренняя и внешняя валидность).

Ключевые слова: экстремизм, агрессия, насилие, диспозиции насильственного экстремизма, шкалы легитимизированной агрессии, юношеский возраст, студенты, валидизация методики

© Хломов К.Д., Варенов М.А., Давыдов Д.Г., 2026

CC-BY-NC

Финансирование. Исследование проведено в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в наборе респондентов Т.Ю. Юдину, Н.А. Случ, Л.А. Ожигову.

Для цитирования: Хломов, К.Д., Варенов, М.А., Давыдов, Д.Г. (2026). Сокращенная версия методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психология и право, 16*(3), 19—42. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160302

Diagnostics of dispositions of violent extremism — short version

K.D. Khlomov[1] ✉, **M.A. Varenov**[1], **D.G. Davydov**[1]
[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
✉ kirkhlomov@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Violent extremism remains a significant problem in the modern world (Radicalization and Deradicalization, 2025). This article presents the results of the validation of an abbreviated version of the methodology for diagnosing violent extremism dispositions in adolescents and young adults. **Objective.** To analyze and test the factor structure of the methodology for diagnosing violent extremism dispositions in a sample of young adults. **Hypothesis.** There is an acceptable factor structure for the methodology of diagnosing dispositions of violent extremism. **Methods and materials.** The adaptation of the methodology involved 715 students from Russian universities. The Bass-Perry Aggression Questionnaire was adapted by S.N. Enikolopov and N.P. Tsibulsky, and the S.N. Enikolopov and N.P. Tsibulsky Legitimized Aggression Questionnaire was used to assess socially acceptable aggression. **Results.** When checking the external validity, statistically significant associations between the dispositions of violent extremism and the scales of legitimized aggression were found. When checking the factor structure of the methodology on both samples using confirmatory factor analysis, it was revealed that the six-factor structure is acceptable. **Conclusions.** The paper presents a new model of a shortened methodology consisting of six scales: "dehumanization," "mysticalism," "acceptance of violence," "readiness for violence," "reductive maximalism," and "openness and peacefulness" as a counterfactor. The resulting model proved to be reliable and valid (internal and external validity)..

Keywords: extremism, aggression, violence, dispositions of violent extremism, scales of legitimized aggression, adolescence, students, validation of methodology

Funding. The research was carried out as part of the scientific research work of the RANEPA state assignment.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection N.A. Slutch, T.Yu. Yudina, L.A. Ozhigova.

For citation: Khlomov, K.D., Varenov, M.A., Davydov, D.G. (2026). Diagnostics of dispositions of violent extremism — short version. *Psychology and Law, 16*(3)*,* 19—42. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160302

Введение

Проблема насильственного экстремизма представлена в культуре человечества с ранних времен (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025), но со второй половины XIX века, после ускорения передачи новостей по всему миру, перед обществом она встала особенно остро. За последние 100 лет идет постепенное осмысление и оформление научного понимания того, что может быть предпосылками устойчивых проявлений насилия и враждебности к людям, отличающимся по расе, национальности, вероисповеданию, мировоззрению, социально-экономическому статусу или образу жизни (out-group), и как они образуются (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2022; Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Дворянчиков и др., 2023; Злоказов, 2016; Злоказов, Лату, Тагильцева 2021; Злоказов, Муслумов, 2014; Ситяева, Яремчук, 2019; Эльзессер и др., 2022). Существуют различные определения экстремизма, также отдельно выделяют убеждения/представления и поведенческие компоненты экстремистского поведения (Гурина, Ремеева, 2024; Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Дивеева, 2020; Злоказов, Муслумов, 2014; Ситяева, Яремчук 2019; Эльзессер и др., 2022). В нашей работе используется следующее представление о насильственном экстремизме: это поведение, проявляющееся в крайней форме нетерпимости (интолерантности) к ряду социальных групп с иными взглядами, а также в склонности к применению насилия и чрезмерной жестокости вследствие когнитивной простоты и ригидности взглядов, рассматривающих насилие как единственный способ разрешения конфликта и доминирования мировоззрения одной из сторон (Давыдов, 2017).

Радикализм, экстремизм и терроризм можно рассматривать как разные по степени выраженности в поведении человека одной и той же комбинации факторов (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025). Экстремизм может быть реализован на религиозной, национальной или политической почве (Злоказов, Муслумов, 2014; Ситяева, Яремчук, 2019). От радикализма, который мы определим как приверженность крайним взглядам, экстремизм будет отличать готовность субъекта использовать насилие и жестокость для достижения своей цели, что происходит за счет дегуманизации (Ситяева, Яремчук, 2019). Радикализм также может быть описан как система устойчивых лабильных и полярных убеждений в отношении какой-либо группы лиц, которая может стать экстремистской при условии допустимости насилия в отношении других людей и направленности этих убеждений против определенных социальных групп.

Идеология необходима экстремистам для подтверждения рациональности и обоснованности своего поведения: насилие не является следствием идеологии, идеология допустимости насилия помогает оправдать, придать легитимности его осуществлению (Давыдов, 2017; Злоказов, 2023).

Под рамки насильственного экстремизма будут попадать действия под эгидой радикальной идеологии, носящие насильственный или жестокий характер: массовые драки на национальной/религиозной/расовой и другой почве, террористические акты, лишение каких-либо социальных, эмоциональных или физических благ представителей определенных социальных групп с другим мировоззрением, другой национальности, или другими убеждениями с применением запугивания или насилия.

Особенно важно различать понятия «терроризм» и «экстремизм». Терроризм можно рассматривать как проявление крайней формы насильственного экстремизма; терроризм — это более узкое понятие. Эти понятия иногда употребляются в качестве синонимов: если говорим непосредственно о террористическом акте, он одновременно попадает под определение как терроризма, так и насильственного экстремизма и также может включать в себя проявления радикализма на уровне идей, представлений. При этом терроризм может быть определен как ряд политически мотивированных действий, имеющих насильственный характер, против мирного населения, в том числе с целью воздействия на правительство (Elmas, 2021) или на общество в целом (Goode, Ben-Yehuda, 2010). Нам кажется возможным рассмотрение подобных действий в виде континуума «радикализм—экстремизм—терроризм», где происходит переход от убеждений до поведения, носящего противоправный характер разной степени тяжести, в крайнем случае даже политический, и весь этот процесс может быть описан как процесс радикализации (Doosje et al. 2016; Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025).

В рамках обсуждаемых моделей радикализации, Дворянчиковым и коллегами в 2025 году были выделены 3—6-стадийные концепции R. Borum (2003), K. Wiktorowicz (2004), F. Moghaddam (2006), M. Silber, A. Bhatt (2007), M. Sageman (2008), B. Doosje (2016), K. McCauley, S. Moskalenko (2017), описывающие представления о различных возможных траекториях психологической готовности от пре-радикализации к террористическому акту (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Doosje et al., 2016; McCauley, Moskalenko, 2017).

Согласно модели экстремистского поведения, предложенной исследователями из Австралии, США и Сербии (Stankov, Saucier, Knežević, 2010), существуют три основных фактора, которые можно объединить в конструкт «экстремизм». Были выделены «поддержка насилия», «убежденность в несправедливости мира» и «вера в божественную силу» в качестве компонентов, составляющих экстремистский образ мышления, причем убежденность в несправедливости мира позволяет совершать ряд действий, в том числе агрессивных и насильственных для восстановления справедливости и защиты людей, принадлежащих к «своей» группе (in-group).

Большое количество экстремистских действий совершается на религиозной почве. При этом идентификация со своей религиозной группой сама по себе не является предиктором межгрупповой неприязни, но служит идеологией, которая оправдывает агрессивное и насильственное поведение (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Злоказов, 2023; Хухлаев и др., 2019; Эльзессер и др., 2022; Buana, Juwita, 2021). Другой важный аспект — это разделение криминального и экстремистского насильственного поведения, насколько эти формы деструктивного поведения взаимосвязаны и могут быть разделены (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Злоказов, 2022; Казберов, Бовин, 2019).

Для последователей экстремистских движений характерны определенные личностные особенности: физическая и вербальная агрессия, интолерантность и неприязнь к другим социальным группам (в том числе национальностям), демонстративность, грубость, неприятие законов и социальных норм, демонстрация превосходства и пропаганда собственных идей и нужда в принадлежности к группе (Кирсанов и др., 2014). Зарубежные коллеги также пришли к выводу о тому, что наиболее вероятными факторами, которые могут быть связаны с экстремизмом, являются некогнитивные сферы личности, социальные установки, ценности и социальные нормы (Stankov, Saucier, Knežević, 2010). Гипотезы о связи психопатологии со склонностью к экстремистской или террористической деятельности многократно были

отвергнуты в ходе эмпирических исследований: психические заболевания и отклонения от нормы, как правило, не являются основными причинами террористического поведения (Horgan, 2008; Humaidi, 2012).

Молодые люди вовлекаются в экстремистские движения не только из-за влияния какой-либо идеологии, но и из-за потребности в экстремальной активности, агрессивности и стремлению к власти, как одной из доминирующих ценностей (Дворянчиков и др., 2010). Кроме того, стремление к личной значимости и признанию в группе представляет собой основную мотивационную силу, которая может подтолкнуть молодых людей к вовлечению в насильственный экстремизм (Kruglanski et al., 2014). В образовательных организациях проводятся профилактические мероприятия для снижения риска вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, однако существует сложность выделения ее маркеров, в том числе для психологов и педагогов. Важно отметить, что не существует психологического портрета экстремиста — связи, обнаруженные между реальным экстремистским поведением и психологическими конструктами весьма слабые.

Радикализация — процесс, во многом связанный с групповым социальным поведением, что особенно важно в контексте подросткового и юношеского возраста (Бовин, Казберов, Дикопольцев, 2024; Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Гурина, Ремеева, 2024). Социальная среда предоставляет возможности для собственной идентификации, для поддержки системы убеждений, для удовлетворения социальных потребностей (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Злоказов, Ворошилова, 2022)

Необходимость идентификации себя как члена какой-то группы может стать одним из предикторов вовлечения в экстремистскую деятельность, однако это далеко не единственная составляющая радикализации (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Злоказов, Лату, Тагильцева, 2021). Ряд факторов одновременно может выступать в качестве диспозиций (устойчивых предикторов) насильственных экстремистских действий — диспозиции могут отражать неспецифическую склонность к экстремистскому поведению, а установки, которые формируются на их основе, направлены на конкретные социальные группы и при этом константны (Давыдов, Хломов, 2017). В работе Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова было выделено 11 диспозиций насильственного экстремизма: культ силы, допустимость агрессии, интолерантность, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм, мистичность, деструктивность и цинизм, протестная активность, нормативный нигилизм, антиинтрацепция и конформизм (Давыдов, Хломов, 2017). За 8 лет, прошедшие с момента разработки опросника, были опубликованы более 100 работ, использовавших эту методику. Были получены любопытные результаты использования методики: выявлены взаимосвязи различных показателей агрессивности, предпочтения агрессивных коммуникативных стратегий и использования неадаптивных коппинг-стратегий со шкалами «Культ силы», «Допустимость агрессии» и другими опросниками (Маджуга, Саидов, 2025), изучены тенденции в отношении насильственного экстремизма у студентов, обучающихся по направлению психология в ГГТУ г. Орехово-Зуево, МПСУ Москвы (Павлова, Барышева, 2025); обнаружены высокие тенденции по показателям деструктивности и цинизма, культа силы и допустимости насилия, протестной активности у курсантов ВИПЭ ФСИН России (Сперанская и др., 2022); проведено комплексное исследование агрессивности школьников (Адрианова и др., 2022), изучены возможности использования методики для предупреждения преступлений экстремистской и террористической направленности (Георгадзе, 2024); произведена оценка протестной активности московского студенчества (Ларина и др., 2023);

осуществлена организация профилактической работы с воспитанниками СУВУ (Бойкина и др., 2024); были проведены модификации методики с использованием отдельных шкал пунктов и статистической переработкой опросника с использованием в том числе нечеткого подхода (Каган, Леухова, Киндяков, 2022; Марченко, Колесникова, 2024); на данных молодежи Чеченской Республики была показана отрицательная взаимосвязь допустимости агрессии с различными видами и компонентами толерантности (Саидов, 2023); показана взаимосвязь системы «симпатия—эмпатия» в радикализации молодежи, особенно девушек (Тупикова и др., 2023); получены данные о выраженности показателей по шкалам «Конвенциональное принуждение» и «Антиинтрацепция» у студентов ТвГТУ и ТвМГУ (Евстифеева, 2024); Проведены исследования автономии и агрессии у подростков (Хломов и др., 2022). Все это говорит о значительном интересе как к данной теме, так и к методике.

Проведенные ранее исследования на подростковой и юношеской выборке показали неприемлемость одиннадцатифакторной структуры и необходимость модернизации методики (Хломов, Варенов, 2023; Хломов, Варенов, Бочкова, 2024). Это определило ***цель данного исследования*** — разработка сокращенной версии методики диагностики насильственного экстремизма и ее валидизация и апробация на юношеской выборке, потенциально являющейся группой риска ввиду возрастных особенностей. Как и предыдущая версия, данная методика не ставит перед собой цель выявления индивидуальных склонностей или прогнозирование риска индивидуального экстремистского или террористического поведения, а только оценку социальной среды с точки зрения обнаружения диспозиций, способствующих формированию насильственного экстремизма, нацелена на выявление условий и мишеней профилактики (Давыдов, Хломов, 2017; Злоказов и др., 2022).

Материалы и методы

Исследование (использовался онлайн-опрос) проводилось с помощью следующих методик:

- Опросник уровня агрессивности Басса-Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского (Ениколопов, Цибульский 2007);
- Опросник легитимизированной агрессии С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского для оценки социально одобряемой агрессии (Барканова, 2009);
- Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Давыдов, Хломов, 2017).

Исследование проводилось на молодежной выборке с целью проверки структуры и внешней валидности методики. Адаптация методики диспозиций насильственного экстремизма проводилась на выборке из 715 студентов российских вузов (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, РУТ, МФТИ, КУБГУ), 465 из которых женского пола (65%). Средний возраст участников исследования составил 19,22, стандартное отклонение SD — 2,82. Минимальный возраст участника исследования — 19 лет, максимальный — 26 лет.

Результаты

Проверка факторной структуры

При проверке факторной структуры 11-факторной модели при помощи конфирматорного факторного анализа была выявлена ее непригодность: $\chi 2 = 8343{,}141$, $p < 0{,}001$, RMSEA = 0,066, CFI = 0,361, TLI = 0,34. По этой причине нами было принято решение применить эксплораторный факторный анализ с целью выяснения количества факторов, выделенных на

собранных данных. Данные являлись пригодными для факторизации: KMO = 0,874 (> 0,5), $\chi 2$ = 12126,727, df = 2145,000, p = 0,001 (Bartlett's Test of Sphericity).

В результате факторизации было выделено 9 факторов: нами была установлена минимально приемлемая факторная нагрузка 0,4 (см. Приложение 1).

Далее мы решили проверить приемлемость полученной структуры при помощи конфирматорного факторного анализа, и, поскольку фактор не может измеряться только одним вопросом, провели проверку 6-факторной модели, исключив факторы № 7—9. Получившаяся модель оказалась слабо приемлемой: $\chi 2$ = 1602,535, p < 0,001, RMSEA = 0,052, CFI = 0,822, TLI = 0,806. По этой причине мы исключали пункты из шкал до достижения моделью достаточно приемлемых значений: $\chi 2$ = 372,199, p < 0,001, RMSEA = 0,044, CFI = 0,925, TLI = 0,908. В итоговую версию вошли 20 вопросов, распределенных между шестью факторами (см. Приложение 2).

При сравнении моделей было также обнаружено, что 6-факторная «сокращенная» версия является более приемлемой (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сравнение показателей 11-факторной и 6-факторной моделей
Comparison of the 11-factor and 6-factor models

Модель / Model	**Log-likelihood**	**AIC**
11-факторная модель / the 11 factor model	–71073,382	142538,763
6-факторная модель/ the 6 factor model	–22059,686	44269,372

Показатель log-likelihood лучше у 6-факторной модели: –22059,686 > –71073,382; такой же результат был показан и по критерию Акаике (AIC): 44269,372 < 142538,763.

Внешняя валидность

Для проверки внешней валидности были использованы Опросник легитимизированной агрессии и Опросник агрессии Басса—Перри, представлены в табл. 2. При проверке соответствия нормальному распределению было выявлено, что распределения по всем шкалам отлично от нормального (< 0,05), поэтому при дальнейших расчетах была использована непараметрическая корреляция Спирмена.

Таблица 2 / Table 2

Результаты проверки связи диспозиций насильственного экстремизма и шкал опросника агрессии
Results of the connection between violent extremism dispositions and the aggression questionnaire scales

Шкалы опросников/ Questionnaire scales	**Физическая агрессия / Physical aggression**	**Гнев / Anger**	**Враждебность/ Hostility**	**Общий показатель агрессии / Overall aggression score**
Д1/D1	*rho = 0,116* *p = 0,002*	rho = 0,029 p = 0,432	rho = 0,003 p = 0,935	rho = 0,068 p = 0,071

Д2/D2	rho = 0,065 p = 0,08	rho = 0,046 p = 0,223	rho = –0,004 p = 0,925	rho = 0,057 p = 0,126
Д3/D3	*rho = 0,239* *p = 0,000*	rho = –0,32 p = 0,392	rho = 0,059 p = 0,113	*rho = 0,124* *p = 0,001*
Д4/D4	*rho = 0,123* *p = 0,001*	rho = 0,027 p = 0,469	rho = 0,008 p = 0,837	rho = 0,069 p = 0,064
Д5/D5	*rho = 0,195* *p = 0,000*	*rho = 0,135* *p = 0,000*	rho = 0,015 p = 0,687	rho = –0,032 p = 0,398
Д6/D6	*rho = 0,139* *p = 0,000*	rho = –0,057 p = 0,129	*rho = 0,077* *p = 0,038*	*rho = 0,083* *p = 0,026*

Примечание: значимые связи выделены курсивом.
Note: significant connections are highlighted in italics.

При выявлении наличия связи между диспозициями насильственного экстремизма и шкалой опросника агрессии было выявлено, что физическая агрессия значимо положительно коррелирует со всеми диспозициями, кроме Д2. Важно заметить, что все связи при этом являются крайне слабыми (rho < 0,3), наибольшая связь была обнаружена между физической агрессией и Д3 (rho = 0,239, p = 0,000). «Гнев» оказался положительно слабо связан только с Д5 (rho = 0,135, p = 0,000). «Враждебность» также показала значимую положительную слабую связь только с одной диспозицией — Д6 (rho = 0,077, p = 0,038). Общий показатель агрессии статистически значимо положительно слабо связан с Д3 (rho = 0,124, p = 0,001) и Д6 (rho = 0,083, p = 0,026).

В таблице Приложения 3 представлены результаты, демонстрирующие наличие связи между легитимизированной агрессией в политике и каждой из диспозиций насильственного экстремизма, кроме Д2; причем наиболее сильная положительная связь была обнаружена с Д3 (rho = 0,263, p = 0,000). Легитимизированная агрессия в личном опыте также оказалась связана со всеми шкалами, кроме Д2: наиболее сильные связи была обнаружены с Д3 (rho = 0,280, p = 0,000) и Д5 (rho = 0,221, p = 0,000).

Легитимизированная агрессия в воспитании оказалась значимо связана с Д1 (rho = 0,085, p = 0,022), Д3 (rho = 0,199, p = 0,000) и Д5 (rho = 0,250, p = 0,000); легитимизированная агрессия в спорте значима связана с теми же диспозициями: с Д1 (rho = 0,088, p = 0,019), с Д3 (rho = 0,195, p = 0,000) и с Д5 (rho = 0,148, p = 0,000).

Легитимизированная агрессия в СМИ оказалась связана только с двумя диспозициями: с Д3 (rho = 0,082, p = 0,029) и Д5 (rho = 0,078, p = 0,038), однако обе связи являются крайне слабыми.

При этом мы выявили, что общий показатель агрессии значимо связан с каждой диспозицией, кроме Д4. Наиболее сильные связи были продемонстрированы с Д3 (rho = 0,242, p = 0,000) и Д5 (rho = 0,225, p = 0,000).

При адаптации методики диспозиций насильственного экстремизма на выборке студентов оригинальная 11-факторнаяя структура методики не подтвердилась. При сравнении различных вариантов моделей наиболее приемлемой оказалась версия, состоящая из 6 факторов (см. Приложение 4, Приложение 5).

Обсуждение результатов

При проверке связи шести новых диспозиций со шкалами легитимизированной агрессии в различных сферах было выявлено, что «мистичность» не связана с проявлением агрессии, что согласуется с результатами проверки внешней валидности с опросником Басса—Перри. По всей видимости, диспозиция «мистичность», являясь важной составляющей насильственных, экстремистских действий, не является ядром, определяющим агрессивное поведение. Обнаруженные связи с другими диспозициями носили крайне слабый характер, вопреки статистической значимости. Наиболее сильные связи были обнаружены с диспозициями «дегуманизация» и «допустимость насилия», что является подтверждением того, что рассмотрение людей в качестве объектов, бесчеловечное отношение к ним, ксенофобия, а также восприятие насилия как допустимого механизма решения проблемы являются явными маркерами экстремистской деятельности. Однако снова были обнаружены крайне слабые связи с «открытостью и миролюбием», что говорит о необходимости дополнительной проверки.

Описание структуры опросника

Для интерпретации новых выделенных диспозиций насильственного экстремизма мы опирались на оригинальную факторную структуру методики, сопоставляя пункты с факторами, к которым они относились ранее.

Таким образом, *первая диспозиция (Д1)* получила название «дегуманизация»: она является сокращением диспозиции «деструктивность и цинизм» и проявляется в объектном отношении к людям, обесценивании эмоциональных, теплых близких и важных отношений с людьми таких как дружба, любовь, брак и т. п. Характерными проявлениями будут сексизм, материалистическое и предубежденное представление о мотивах других людей, объяснение поведения окружающих целями индивидуальной конкретной выгоды. При сильно выраженной данной диспозиции ценность жизни, значимость любого человека, как противника, так и сторонника, включая собственную, низкая. Это создает условия, при которых жизнь окружающих с легкостью приносится в жертву любой «идее», при этом противники воспринимаются как неполноценные люди («генетический мусор»), к которым не следует применять сострадание и нормы человеческих отношений.

Вторая диспозиция (Д2) получила название «мистичность»: она характеризуется тенденцией к внешнему локусу контроля, при этом ответственность за происходящее приписывается внешним силам. Одновременно мир разделяется на обычных людей и избранных, особенных людей, при этом у испытуемых с сильно выраженной шкалой будет тенденция к досягаемости такой исключительности. У испытуемого может быть сильно выражено убеждение в мистическом предначертании собственной судьбы и особой миссии своей социальной группы. Это может сочетаться с установками национального (религиозного, расового, классового и т. д.) шовинизма. Суеверность, увлечение теориями заговора, любовь к символам, рунам и фашисткой и языческой символике позволяют апеллировать к мистическому откровению, интуиции и позволяет игнорировать или заменять логические рассуждения или противоречия с юридическими или моральными законами. В основе диспозиции лежат желание ухода от ответственности и защита от страха перед реальностью, стремление к объяснению явлений окружающего мира простыми схемами, потребность в редукции, в устранении логических противоречий в своем поведении, и при этом моральном оправдании.

Третья диспозиция (Д3) — «допустимость насилия» как предпочитаемого способа достижения целей и разрешения противоречий, включающий в себя легализацию импульсивности и право на демонстрацию националистической враждебности. Данная диспозиция предполагает не только оправдание физического и социального насилия, но и готовность совершить его. Проявлением данной диспозиции являются: восприятие реальности в категориях «сильный—слабый» и «доминирование—подчинение», вера в эффективность насилия как средства решения социальных проблем. Насилие является способом обеспечить статус, авторитет, честь, безопасность. Диспозиция отражает стремление навязать окружающим свои взгляды любой ценой, неприятие ценностей универсализма (по Ш. Шварцу). Диспозиция может имплицитно поддерживаться совокупностью имеющихся в обществе норм и ценностей, известной как культура насилия. Противоположностью такой диспозиции выступает признание необходимости договариваться и учитывать мнение других, независимо от их «силы».

Четвертая диспозиция (Д4) была проинтерпретирована как «готовность к агрессивному поведению». Здесь предполагается наличие устойчивого определенного состояния готовности действовать крайне агрессивно. Многие исследователи выводят склонность к экстремистской агрессии из социальных условий, прежде всего неустроенности, неудовлетворенности своим положением, ведущих к накоплению фрустрации. К фрустрации ведут как реальные финансовые проблемы семьи, безработица, отсутствие возможности социального продвижения, завышенные ожидания на фоне навязчиво транслируемых в СМИ ценностей потребления и успеха, так и завышенные ожидания. Естественным следствием фрустрации является агрессия. Если непосредственно проявить агрессию в направлении фрустрирующих объектов (школа, родители, государство и т. д.) человек не может вследствие ожидаемых негативных последствий, то агрессивные импульсы сдерживаются, что может явиться источником дополнительной фрустрации. Сдержанная агрессия обычно «смещается» — направляется не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-либо другой объект, например мигрантов, бездомных и т. д. В формировании данной диспозиции также участвует подавление враждебных чувства по отношению к себе или авторитетам своей группы и проекцией на группы чужаков.

Пятая диспозиция (Д5) оказалась отличной от остальных — она стала контрфактором, включив в себя только обратную шкалу. Мы противопоставили «открытость и миролюбие» остальным диспозициям, поскольку выраженность данной диспозиции включает в себя убеждение о необходимости договариваться и учитывать мнение других независимо от их «силы». Готовность применять сострадание и нормы человеческих отношениях обозначает ценности уважения и достоинства. Проявленность этой диспозиции выступает защитным фактором по отношению к насильственному поведению.

Шестая диспозиция (Д6) — «редукционный максимализм», она обозначает стремление к однозначности образа мира, неприятие отличий других людей, отрицание возможности инакомыслия и готовность настаивать на своих взглядах любой ценой и, таким образом, неприятие ценностей универсализма (по Ш. Шварцу). Потребность, лежащая в основе интолерантности, отражает необходимость избегать когнитивный диссонанс, иметь простой и непротиворечивый образ мира, снять ответственность за оценку других и выбор своего поведения в неоднозначных социальных ситуациях. Эта диспозиция имеет большое значение для формирования ксенофобии. Выраженный слабо, полюс этой диспозиции проявляется в

терпимости к противоречиям, готовности согласится с правом другого на иную точку зрения, принятии возможной ошибочности собственной позиции, способности к децентрации.

Итоговый вариант опросника и ключ представлены в Приложении 5.

Заключение

В результате валидизации методики диспозиций насильственного экстремизма на испытуемых юношеского возраста было выявлено, что ранее предложенная одиннадцатифакторная структура методики является неподходящей и, как следствие, требует концептуального пересмотра (Хломов, Варенов, Давыдов, 2024). Мы рассмотрели ряд альтернативных моделей методики диспозиций насильственного экстремизма при адаптации на студенческой выборке. Наиболее приемлемой оказалась шестифакторная версия, в которой были выделены следующие диспозиции: «дегуманизация», «мистичность», «допустимость насилия», «готовность к агрессивному поведению», «редукционный максимализм» и «открытость и миролюбие» как контрфактор. Полученная модель оказалась надежной и валидной (внутренняя и внешняя валидность).

Мы считаем важным еще раз подчеркнуть, что фактор допустимости агрессии и склонность к ее реализации является одной из ведущих черт насильственного экстремизма: при его отсутствии у человека наблюдаются только радикальные убеждения, которые могут так и не дойти до стадии намерений и, тем более, действий. Это согласуется с предложениями, представленными в работе коллег (Stankov, Saucier, Knežević, 2010). Предлагаемая в данной статье методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма может быть соотнесена с моделями радикализации F. Moghaddam вплоть до стадии моральной готовности. Шкалы, связанные с допустимостью насилия и готовностью к агрессивному поведению могут быть соотнесены с последней стадией по модели R. Borum. Сочетания выраженности крайних значений по шкалам дегуманизации, допустимости насилия, соотносятся с готовностью к действию по моделям B. Doosje, K. McCauley, S. Moskalenko, что в большей степени раскрывает полюс, связанный с поступками, поведением, чем с убеждениями (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025; Doosje et al., 2016; McCauley, 2017). Полученная новая структура подтверждает высокую значимость фактора допустимости насилия и рассмотрение его в качестве адекватного индикатора одного из основных поведенческих составляющих экстремистского поведения. В дальнейшем необходимо провести адаптацию новой модели методики на других выборках, включая старших подростков (на младших подростках одиннадцатифакторная структура показала неприемлемость) (Хломов, Варенов 2023) и другие группы риска вовлечения в экстремистскую деятельность, а также на осужденных за преступления экстремистского характера (Дворянчиков, Бовин, Бовина, 2025).

Ограничения. В данном исследовании не была проведена экспертная внешняя валидизация, не соотнесены высокие баллы по полученным шкалам с реальным насильственным поведением, отсутствуют шкалы оценки социальной желательности, искренности, лжи, случайного заполнения. Методика не оценивает индивидуальное психологическое благополучие, не оценивает индивидуальный риск совершения насильственного экстремистского поведенческого акта. В новой версии методики нет оценки протестного настроения, степени политического, религиозного вовлечения, идентичности с соответствующими убеждениями. Выборка носит общий характер, требуются дополнительный кросс-культурные исследования, в том числе среди не имеющих и не получающих высшее образование, молодежи.

Limitations. In this study, expert external validity was not conducted, and high scores on the scales were not correlated with actual violent behavior. There are no scales for assessing social desirability, sincerity, lies, or random filling. The method does not assess individual psychological well-being or the individual risk of committing a violent extremist act. The new version of the method does not assess protest attitudes, political or religious involvement, or identity with corresponding beliefs. The sample is general, and additional cross-cultural research is required, including among young people who do not have or receive high education.

Список источников / References

1. Андрианова, Р.А., Бочавер, А.А., Гурьянова, М.П., Лобынцева, С.В., Метлик, И.В., Расчетина, С.А., Селиванова, Е.И., Фоменко, Е.С., Хломов, К.Д., Чернов, В.А., Шемшурин, А.А. (2022). *Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде: Монография* (А.А Бочавер, К.Д. Хломов, Р.А. Андрианова, А.А. Шемшурин, отв. ред.). М.: ФГБНУ ИИДСВ РАО. URL: https://elibrary.ru/jjbmsy (дата обращения: 12.01.2026).
   Andrianova, R.A., Bochaver, A.A., Guryanova, M.P., Lobyntseva, S.V., Metlik, I.V., Raschetina, S.A., Selivanova, E.I., Fomenko, E.S., Khlomov, K.D., Chernov, V.A., Shemshurin, A.A. (2022). *Comprehensive prevention of aggressive behavior in an educational environment: A monograph* (A.A. Bochaver, K.D. Khlomov, R.A. Andrianova, A.A. Shemshurin, eds.). Moscow: Research Institute for Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/jjbmsy (viewed: 12.01.2026).
2. Барканова, О.В. (Сост.). (2009). *Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум: Учебное пособие*. Красноярск: Литера-Принт. URL: https://elibrary.ru/vhjnqd (дата обращения: 12.01.2026).
   Barkanova, O.V. (Ed.). (2009). *Methods for diagnosing the emotional sphere: a psychological workshop: A training manual*. Krasnoyarsk: Litera-Print Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/vhjnqd (viewed: 12.01.2026).
3. Бовин, Б.Г., Казберов, П.Н., Дикопольцев, Д.Е. (2024). Распознавание лиц, склонных к распространению экстремистской идеологии в местах лишения свободы. *Психология и право, 14*(2), 17—32. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140202
   Bovin, B.G., Kazberov, P.N., Dikopoltsev, D.E. (2024). Recognizing Individuals Prone to Spreading Extremist Ideology in Prison. *Psychology and Law, 14*(2), 17—32. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140202
4. Бойкина, Е.Э., Гурина, О.Д., Куприянова, Е.А., Радчиков, А.С., Шпагина, Е.М., Чиркина, Р.В. (2024). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ. *Психология и право, 14*(4), 1—14. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140401
   Boykina, E.E., Gurina, O.D., Kupriyanova, E.A., Radchikov, A.S., Shpagina, E.M., Chirkina, R.V. (2024). Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors. Part 1. Portrait of a Special Educational Institution's Student. *Psychology and Law, 14*(4), 1—14. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140401
5. Георгадзе, М.С. (2024). Опыт разработки психодиагностической методики выявления лиц, приверженных идеологии деструктивных религиозных течений и организаций, с целью

предупреждения преступлений экстремистской и террористической направленности. В: В.В. Меркурьев (ред.), *Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 21—22 марта 2024 года)* (с. 222—230). М. URL: https://elibrary.ru/fderpo (дата обращения: 12.01.2026).
Georgadze, M.S. (2024). The experience of developing a psychodiagnostic methodology for identifying individuals who adhere to the ideology of destructive religious movements and organizations in order to prevent extremist and terrorist crimes. In: V.V. Merkuriev (Ed.), *Methodology and methods of conducting criminological research and expertise (Dolgov Readings): Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation (Moscow, March 21-22, 2024)* (pp. 222—230). Moscow. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/fderpo (viewed: 12.01.2026).

6. Гурина, О.Д., Ремеева, А.Ф. (2024). Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей). *Психология и право, 14*(3), 1—12. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024000001
Gurina, O.D., Remeeva, A.F. (2024). Psychological Mechanisms of Youth Involvement in Extremist and Terrorist Organizations (Using the Example of Social Networks*). Psychology and Law, 14*(3), 1—12. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024000001
7. Давыдов, Д.Г. (2017). Личностные диспозиции насильственного экстремизма. *Психология и право, 7*(1), 106—121. https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070109
Davydov, D.G. (2017). The personal dispositions of violent extremism. *Psychology and Law, 7*(1), 106—121. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070109
8. Давыдов, Д.Г., Хломов, К.Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика, 14*(1), 78—98. URL: https://elibrary.ru/zwraqt (дата обращения: 12.01.2026).
Davydov, D.G., Khlomov, K.D. (2017). Diagnostics of Dispositions of Violent Extremism. *Psychological Diagnostics, 14*(1), 78—98. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zwraqt (viewed: 12.01.2026).
9. Дворянчиков, Н.В., Бовин, Б.Г., Бовина, И.Б. (2022). Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания. *Психология и право, 12*(2), 207—223. https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120215
Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Bovina, I.B. (2022). Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model. *Psychology and Law, 12*(2), 207—223. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120215
10. Дворянчиков, Н.В., Бовин, Б.Г., Бовина, И.Б. (Ред.). (2025). *Радикализация и дерадикализация: социально-психологическая перспектива: Учебное пособие*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/rd2025 (дата обращения: 12.01.2026).
Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Bovina, I.B. (Eds.), (2025). *Radicalization and deradicalization: a socio-psychological perspective: A training manual*. Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/rd2025 (viewed: 12.01.2026).
11. Дворянчиков, Н.В., Бовин, Б.Г., Мельникова, Д.В., Белова, Е.Д., Бовина, И.Б. (2023). Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты. *Психология и право, 13*(3), 93—107. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130307
Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Melnikova, D.V., Belova, E.D., Bovina, I.B. (2023).

Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence. *Psychology and Law, 13*(3), 93—107. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130307

12. Дворянчиков, Н.В., Ениколопов, С.Н., Сокольская, М.Д., Фурсова, И.А. (2010). Ценностные ориентации правых экстремистов. *Психологическая наука и образование, 15*(5), 92—103. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2010_n5/33773 (дата обращения: 12.01.2026).
    Dvoryanchikov, N.V., Enikolopov, S.N., Sokolskaya, M.D., Fursova, I.A. (2010). Value Orientations of the Right-Wing Extremists. *Psychological Science and Education, 15*(5), 92—103. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/pse/archive/2010_n5/33773 (viewed: 12.01.2026).
13. Дивеева, К.А. (2020). Экстремистские установки студенческой молодежи Красноярска. *Социологические исследования,* 10, 139—145. https://doi.org/10.31857/S013216250010653-1
    Diveeva, K.A. (2020). Extremist Attitudes among the Krasnoyarsk Students. *Sociological Studies,* 10, 139—145. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S013216250010653-1
14. Ениколопов, С.Н., Цибульский, Н.П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал, 28*(1), 115—124. URL: https://elibrary.ru/hykjqx (дата обращения: 12.01.2026).
    Enikolopov, S.N., Tsybulsky, N.P. (2007). Psychometric analysis of Russian-language version of Questionnaire for aggression diagnostics by A. Buss And M. Perry. *Psychological Journal, 28*(1), 115—124. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/hykjqx (viewed: 12.01.2026).
15. Злоказов, К.В. (2016). Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе. *Педагогическое образование в России*, 5, 71—81. https://doi.org/10.26170/po16-05-12
    Zlokazov, K.V. (2016). Social and psychological premises of destructive behavior of teenagers at school. *Pedagogical Education in Russia*, 5, 71—81. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/po16-05-12
16. Злоказов, К.В. (2022). Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением. *Пенитенциарная наука, 16*(1), 97—106. https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.010
    Zlokazov, K.V. (2022). Impact of criminal subculture on social interaction of juvenile offenders. *Penitentiary Science*, *16*(1), 97—106. (In Russ.). https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.010
17. Злоказов, К.В. (2023). Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструкт и опросник. *Российский девиантологический журнал, 3*(2), 155—172. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-155-172
18. Zlokazov, K.V. (2023). Measuring the risk of religious radicalization of young people: construct and questionnaire. *Russian Journal of Deviant Behavior, 3*(2), 155—172. (In Russ.). https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-155-172
19. Злоказов, К.В., Ворошилова, М.Б. (2022). Социальная поддержка, признание и уважение: психологические мотивы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества. В: *Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа»*

(Москва, 5–6 октября 2021 г.) (с. 75—83). М.: Государственный институт русского языка. URL: https://elibrary.ru/zcqvzm (дата обращения: 12.01.2026).
Zlokazov, K.V., Voroshilova M.B. (2022). Social support, acceptance and respect by others: psychological roots of youth involvement in extremist group. In: *Fundamental linguistics and problems of forensic examination: social networks as an object of scientific and expert analysis: A collection of scientific papers based on the results of an International scientific conference "Fundamental linguistics and problems of forensic examination: social networks as an object of scientific and expert analysis" (Moscow, 05—06 October 2021)* (p. 75—83). Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zcqvzm (viewed: 12.01.2026).

20. Злоказов, К.В., Карапетян, А.А., Савва, К.М., Тагильцева, Ю.Р. (2022). *Методические рекомендации для образовательных организаций среднего и высшего образования по профилактике экстремистских (протестных и радикальных) моделей поведения молодежи.* Екатеринбург. URL: https://elibrary.ru/vywyqs (дата обращения: 12.01.2026).
Zlokazov, K.V., Karapetyan, A.A., Savva, K.M., Tagiltseva, Y.R. (2022). *Methodological recommendations for educational organizations of secondary and higher education on the prevention of extremist (protest and radical) behaviors of youth.* Yekaterinburg. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/vywyqs (viewed: 12.01.2026).
21. Злоказов, К.В., Лату, М.Н., Тагильцева, Ю.Р. (2021). Влияние идентичности на формирование экстремистских установок: эмпирическое исследование (психолого-лингвистический подход). *Сибирский психологический журнал,* 79, 153—167. https://doi.org/10.17223/17267080/79/9
Zlokazov, K.V., Latu, M.N., Tagiltseva, Yu.R. (2021). Influence of Identity on Extremist Attitudes Formation: An Empirical Study (Psychological and Linguistic Approach). *Siberian Psychological Journal*, 79, 153—167. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/17267080/79/9
22. Злоказов, К.В., Муслумов, Р.Р. (2014). Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки. *Педагогическое образование в России*, 5, 81—87. URL: https://elibrary.ru/siicoj (дата обращения: 12.01.2026).
Zlokazov, K.V., Muslumov, R.R. (2014). Psychological peculiarities of involevement of the minor into extremist groups. *Pedagogical Education in Russia*, 5, 81—87. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/siicoj (viewed: 12.01.2026).
23. Каган, Е.С., Леухова, М.Г., Киндяков, А.А. (2022). Статистический подход к определению условных норм интегрального показателя склонности студенческой молодежи к экстремизму в условиях отсутствия обучающей выборки. В: *Информационные технологии в моделировании и управлении: подходы, методы, решения: V Всероссийская научная конференция с международным участием, Тольятти, 20—22 апреля 2022 года: сборник материалов* (с. 435—444). Тольятти: Издательство ТГУ. URL: https://elibrary.ru/bzwykq (дата обращения: 12.01.2026).
Kagan, E.S., Leukhova, M.G., Kindyakov, A.A. (2022). A statistical approach to determining conditional standards of the integrated indicator of inclination of student youth to extremism under conditions of lack of training sampling. *Information technologies in modeling and management: approaches, methods, solutions: V All-Russian Scientific Conference with International participation, Tolyatti, April 20-22, 2022: collection of materials* (p. 435—444).

Tolyatti: Tolyatti State University Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/bzwykq (viewed: 12.01.2026).

24. Казберов, П.Н., Бовин, Б.Г. (2019). Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. *Психология и право*, *9*(1), 36—53. https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090103
    Kazberov, P.N., Bovin, B.G. (2019). General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes. *Psychology and Law, 9*(1), 36—53. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090103
25. Кирсанов, А.И., Давыдов, Д.Г., Завальский, А.В., Скрибцова, Н.А. (2014). Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса). *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, *6*(1), 85—99. https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060111
    Kirsanov, A.I., Davydov, D.G., Zavalskiy, A.V., Skribtsova, N.A. (2014). Extremism among young people and its prevention in educational organization. *Psychological Science and Education psyedu.ru, 6*(1), 85–99. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060111
26. Ларина, Т.И., Лицоева, Е.Д., Тумакова, А.С., Бочарникова, О.И. (2023). Портрет представителя молодежи с экстремальным сознанием. *Оригинальные исследования, 13*(1), 283—293. URL: https://elibrary.ru/bzwykq (дата обращения: 12.01.2026).
    Larina, T.I., Litsoeva, E.D., Tumakova, A.S., Bocharnikova, O.I. (2023). Portrait of a youth representative with an extreme consciousness. *Original Research*, *13*(1), 283—293. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/bzwykq (viewed: 12.01.2026).
27. Маджуга, А.Г., Саидов, А.А. (2025). Система социально-психологических детерминант, оказывающих влияние на возникновение склонности к насильственному экстремизму у студенческой молодежи. *Сибирский психологический журнал,* 95, 96—120. https://doi.org/10.17223/17267080/95/6
    Madzhuga, A.G., Saidov, A.A. (2025). The system of socio-psychological determinants influencing the emergence of propensity to violent extremism among students. *Siberian Psychological Journal,* 95, 96—120. https://doi.org/10.17223/17267080/95/6
28. Марченко, С.А., Колесникова, А.С. (2024). Применение нечеткого подхода для перевода лингвистических значений в метрическую шкалу. В: *Фундаментальные и прикладные исследования в информатике и цифровизации: Материалы симпозиума XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей», Кемерово, 25 апреля 2024 года* (с. 28—30). Кемерово: Кемеровский государственный университет. URL: https://elibrary.ru/japwdr (дата обращения: 12.01.2026).
    Marchenko, S.A., Kolesnikova, A.S. (2024). Application of a fuzzy approach for translating linguistic meanings into a metric scale. *Fundamental and applied research in computer science and digitalization: Proceedings of the symposium of the XIX (LI) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists "Education, Science, and Innovation: The Contribution of Young Researchers", Kemerovo, April 25, 2024* (p. 28—30). Kemerovo: Kemerovo State University Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/japwdr (viewed: 12.01.2026).
29. Павлова, А.Б., Барышева, Е.В. (2025). К вопросу об изучении экстремистских склонностей среди молодежи. *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета,* 1, 91—98. URL: https://elibrary.ru/wigukl (дата обращения: 12.01.2026).

Pavlova, A. B. Barysheva E. V. (2025). On the question of studying extremist tendencie among youth. *Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 1, 91—98. URL: https://elibrary.ru/wigukl (viewed: 12.01.2026).

30. Саидов, А.А. (2023). Социально-психологические факторы, обусловливающие склонность молодежи к насильственному экстремизму. *Высшее образование сегодня*, *2*, 90—99. https://doi.org/10.18137/RNU.HET.23.02.P.090
Saidov, A.A. (2023). Socio-psychological factors of youth proneness to violent extremism. *Higher Education Today*, 2, 90—99. (In Russ.). https://doi.org/10.18137/RNU.HET.23.02.P.090
31. Ситяева, С.М., Яремчук, С.В. (2019). *Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи: Монография*. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ. URL: https://elibrary.ru/bxdpuy (дата обращения: 12.01.2026).
Sityaeva, S.M., Yaremchuk, S.V. (2019). *Subjective and objective predictors of extremist attitudes of youth*. Komsomolsk-on-Amur: Amur Humanitarian and Pedagogical State University Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/bxdpuy (viewed: 12.01.2026).
32. Сперанская, А.В., Коданева, М.С., Колпакова, Л.А., Букалерова, Л.А., Житков, А.А. (2022). Диагностико-коррекционная программа профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма среди курсантов образовательных организаций ФСИН России. В: А.В. Сперанская, М.С. Коданева, Л.А. Колпакова, Л.А. Букалерова, А.А. Житков. *Противодействие идеологии экстремизма и терроризма среди курсантов образовательных организаций ФСИН России: Практическое руководство* (с. 21—30). *Вологда: ВИПЭ ФСИН России.* URL: https://elibrary.ru/jjbmsy (дата обращения: 12.01.2026).
Speranskaya, A.V., Kodaneva, M.S., Kolpakova, L.A., Bukalerova, L.A., Zhitkov, A.A. (2022). Diagnostic and correctional program for the prevention of the spread of the ideology of extremism and terrorism among cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: A.V. Speranskaya, M.S. Kodaneva, L.A. Kolpakova, L.A. Bukalerova, A.A. Zhitkov. *Countering the ideology of extremism and terrorism among cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: A practical guide* (p. 21—30). Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/jjbmsy (viewed: 12.01.2026).
33. Тупикова, В.А., Гудкова, Я.А., Овчинников-Лысенко, Е.Г. (2023). Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 23*(3), 579—589. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589
Tupikova, V. A. Gudkova Ya. A., Ovchinnikov-Lysenko E. G. (2023). Students' empathy in the context of extremist risks. *RUDN Journal of Sociology, 23*(3), 579—589. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589
34. Хломов, К.Д., Бочавер, А.А., Фоменко, М.С., Селиванова, Е.И., Шемшурин, А.А. (2022). Агрессия и автономия в подростковом возрасте. *Психологическая наука и образование, 27*(3), 117—128. https://doi.org/10.17759/pse.2022270309
Khlomov, K.D., Bochaver, A.A., Fomenko, M.S., Selivanova, E.I., Shemshurin, A.A. (2022). Aggression and Autonomy in Adolescence. *Psychological Science and Education, 27*(3), 117—128. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2022270309
35. Хломов, К.Д., Варенов, М.А. (2023). К вопросу валидизации методики диспозиций насильственного экстремизма на выборке подростков и молодежи. В: А.А. Бочавер (ред.), *Подросток в мегаполисе: поиск вопросов и ответов: Сборник трудов XVI*

Международной научно-практической конференции, 4—5 апреля 2023 года, Москва (с. 125—127). М.: НИУ ВШЭ. URL: https://elibrary.ru/urcosi (дата обращения: 12.01.2026).
Khlomov, K.D., Varenov, M.A. (2023). On the issue of validating the methodology of violent extremism dispositions in a sample of adolescents and young adults. In: A.A. Bochaver (Ed.), *Teenagers in a Megalopolis: Searching for Questions and Answers: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference, April 4-5, 2023, Moscow* (p. 125—127). Moscow: HSE University Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/urcosi (viewed: 12.01.2026).

36. Хломов, К.Д., Варенов, М.А., Бочкова, Т.Е. (2024). Валидизация опросника диагностики диспозиций насильственного экстремизма на юношеской выборке. В: А.А. Бочавер (ред.), *Подросток в мегаполисе: Сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции (9—10 апреля 2024 года, Москва)* (с. 168—170). М.: НИУ ВШЭ. URL: https://elibrary.ru/gicqpg (дата обращения: 12.01.2026).
Khlomov, K.D., Varenov, M.A., Bochkova, T.E. (2024). Validation of the Violent Extremism Disposition Questionnaire in a Youth Sample. In: A.A. Bochaver (Ed.), *Teenagers in a Megalopolis: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference*, *April 9-10, 2024, Moscow* (p. 168—170). Moscow: HSE University Publ. (In Russ.). https://elibrary.ru/gicqpg (viewed: 12.01.2026).
37. Хухлаев, О.Е., Александрова, Е.А., Гриценко, В.В., Константинов, В.В., Кузнецов, И.М., Павлова, О.С., Рыжова, С.В., Шорохова, В.А. (2019). Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи. *Культурно-историческая психология, 15*(3), 71—82. https://doi.org/10.17759/chp.2019150308
Khukhlaev, O.E., Alexandrova, E.A., Gritsenko, V.V., Konstantinov, V.V., Kuznetsov, I.M., Pavlova, O.S., Ryzhova, S.V., Shorokhova, V.A. (2019). Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Cultural-Historical Psychology, 15*(3), 71—82. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/chp.2019150308
38. Эльзессер, А.С., Капустина, Т.В., Жданова, Д.Е., Кадыров, Р.В. (2022). Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях. *Современная зарубежная психология, 11*(1), 68—79. https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110107
Elzesser, A.S., Kapustina, T.V., Zhdanova, D.E., Kadirov, R.V. (2022). Methods for diagnosing tendencies towards to extremism in foreign studies. *Journal of Modern Foreign Psychology, 11*(1), 68—79. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110107
39. Buana, D.R., Juwita, M.N. (2021). Government Policy in Overcoming Religious Extremism in Indonesia: A Multidisciplinary Review between Public Administration and Psychology. *RUDN Journal of Public Administration, 8*(4), 423—433. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-4-423-433
40. Doosje, B., Moghaddam, F.M., Kruglanski, A.W., De Wolf, A., Mann, L., Feddes, A.R. (2016). Terrorism,radicalization and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 11, 79—84. https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2016.06.008
41. Elmas, M.S. (2021) Perceived risk of terrorism, indirect victimization, and individual-level determinants of fear of terrorism. *Security Journal*, *34*(3), 498—524. https://doi.org/10.1057/s41284-020-00242-6
42. Goode, E., Ben-Yehuda, N. (2010). *Moral panics: The social construction of deviance*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons.

43. Horgan, J. (2008). From profiles to pathways and roots to routes: Perspectives from psychology on radicalization into terrorism. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 618*(1), 80—94. https://doi.org/10.1177/0002716208317539
44. Humaidi, N.S. (2012). Causal connection between terrorism and mental illness. *European Psychiatry*, *27*(S1), Article P-660. https://doi.org/10.1016/S0924-9338(12)74827-7
45. Kruglanski, A.W., Gelfand, M.J., Bélanger, J.J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., Gunaratna, R. (2014). The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism. *Political Psychology*, *35*(S1), 69—93. https://doi.org/10.1111/pops.12163
46. McCauley, C., Moskalenko, S. (2017). Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*, *72*(3), 205—216. https://doi.org/10.1037/amp0000062
47. Stankov, L., Saucier, G., Knežević, G. (2010). Militant extremist mind-set: Proviolence, Vile World, and Divine Power. *Psychological Assessment, 22*(1), 70—86. https://doi.org/10.1037/a0016925

Приложение / Appendix

Приложение 1. Результаты факторизации с применением вращения варимакс
Appendix 1. Results of factorization using varimax rotation

№ п/п	Номер вопроса (факторная нагрузка) / Question numbers (factor load)
1	Q28 (0,520), Q48 (0,517), Q66 (0,498), Q24 (0,493), Q41 (0,459), Q53 (0,416), Q63 (0,414)
2	Q44 (0,673), Q56 (0,649), Q36 (0,492), Q31 (0,410), Q62 (0,407)
3	Q64 (0,543), Q27 (0,504), Q67 (0,488), Q40 (0,461), Q68 (0,444), Q14 (0,443)
4	Q49 (0,556), Q65 (0,485), Q25 (0,448), Q29 (0,438), Q60 (0,417), Q42 (0,410)
5	Q35 (0,751), Q58 (0,743), Q5 (0,551), Q33 (0,550), Q3 (0,538), Q10 (0,464)
6	Q12 (0,524), Q16 (0,449), Q32 (0,448), Q11 (0,445), Q22 (0,417)
7	Q38 (0,553)
8	Q13 (0,456)
9	Q43 (0,402)

Приложение 2. Распределение пунктов шкал опросника диспозиций насильственного экстремизма по 6 факторам
Appendix 2. Distribution of items on the Violent Extremism Disposition Questionnaire by 6 factors

№ п/п	Номер вопроса / Question numbers
1	Q28, Q53
2	Q36, Q44, Q56
3	Q14, Q27, Q40, Q64, Q67, Q68
4	Q25, Q49, Q60, Q65
5	Q3, Q33, Q35
6	Q11, Q16

Приложение 3. Результаты проверки связи диспозиций насильственного экстремизма и шкал опросника легитимизированной агрессии
Appendix 3. Results of the connection between the dispositions of violent extremism and the scales of the questionnaire on legitimized aggression

Шкалы опросников/ Questionnaire scales	**Политика / Policy**	**Личный опыт / Personal experience**	**Воспитание / Upbringing**	**Спорт / Sport**	**СМИ / MEDIA**	**Интегральный показатель агрессии / The integral indicator of aggression**
Д1 / D1	*rho =0,105 p =0,005*	*rho = 0,133 p = 0,000*	*rho = 0,085 p = 0,022*	*rho = 0,088 p = 0,019*	rho = 0,005 p = 0,888	*rho = 0,083 p = 0,027*
Д2 / D2	rho =0,067 p = 0,075	rho = 0,036 p = 0,332	rho = 0,033 p = 0,385	rho = 0,006 p = 0,879	rho = -0,019 p = 0,609	rho = 0,012 p = 0,752
Д3 / D3	*rho = 0,263 p = 0,000*	*rho = 0,280 p = 0,000*	*rho = 0,199 p = 0,000*	*rho = 0,195 p = 0,000*	*rho = 0,082 p = 0,029*	*rho = 0,242 p = 0,000*
Д4 / D4	*rho = 0,132 p = 0,000*	*rho = 0,142 p = 0,000*	rho = 0,031 p = 0,406	rho = 0,062 p = 0,099	rho = -0,004 p = 0,924	rho = 0,068 p = 0,069
Д5 / D5	*rho = 0,175 p = 0,000*	*rho = 0,221 p = 0,000*	*rho = 0,250 p = 0,000*	*rho = 0,148 p = 0,000*	*rho = 0,078 p = 0,038*	*rho = 0,225 p = 0,000*
Д6 / D6	*rho = 0,167 p =0,000*	*rho = 0,170 p = 0,000*	rho = 0,062 p = 0,097	rho = 0,066 p = 0,080	rho = 0,072 p = 0,055	*rho = 0,093 p = 0,013*

Приложение 4. Названия 6 диспозиций насильственного экстремизма
Appendix 4. Names of 6 types of violent extremism

Номер диспозиции / The disposition number	**Номера вопросов. Полная версия Давыдов, Хломов, 2017 / Короткая версия / Question numbers. Full version, Davydov, Khlomov 2017 / Short version**	**Номера вопросов / Question numbers**	**Название диспозиций / The name of the dispositions**
Д1 / D1	Q28, Q53 / 7, 14	Q28, Q53	Дегуманизация / Dehumanization
Д2 / D2	Q36, Q44, Q56 / 10, 12, 15	Q36, Q44, Q56	Мистичность / Mystique
Д3 / D3	Q14, Q27, Q40, Q64, Q67, Q68 / 3, 6, 11, 17, 19, 20	Q14, Q27, Q40, Q64, Q67, Q68	Допустимость насилия / The permissibility of violence
Д4 / D4	Q25, Q49, Q60, Q65 / 5, 13, 16, 18	Q25, Q49, Q60, Q65	Готовность к агрессивному поведению / Willingness to engage in aggressive behavior
Д5 / D5	Q3, Q33, Q35 / 1, 8, 9	Q3, Q33, Q35	Открытость и миролюбие / Openness and peacefulness

Д6 / D6	Q11, Q16 / 2, 4	Q11, Q16	Редукционный максимализм / Reductive maximalism

Приложение 5. Бланк Методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Хломов, Варенов, Давыдов, 2026). Краткая версия
Appendix 5. A Form of Methodology for diagnosing the dispositions of violent extremism (Khlomov, Varenov, Davydov, 2026). The short version

Пожалуйста, оцените, насколько приведенные ниже утверждения можно отнести к вам. Поставьте одну отметку («галочку») в каждой строке.
/ Please evaluate to what extent the statements below can be attributed to you. Put one check mark in each row.

№ п/п		Категорически не согласен / Strongly disagree	Скорее не согласен / Rather disagree	Не уверен / I'm not sure	Скорее согласен / Rather agree	Согласен / I agree
1.	Со всеми людьми можно найти общий язык / You can find a common language with all people.	☐	☐	☐	☐	☐
2.	Каждый человек либо хороший, либо плохой / Everyone is either good or bad	☐	☐	☐	☐	☐
3.	Иногда невозможно удержаться от драки / Sometimes it's impossible to keep from fighting	☐	☐	☐	☐	☐
4.	Все люди делятся на сильных и слабых / All people are divided into strong and weak	☐	☐	☐	☐	☐
5.	Часто попадаются люди, которые раздражают меня одним своим присутствием / I often come across people who annoy me with their mere presence.	☐	☐	☐	☐	☐
6.	Добро должно быть с кулаками, уметь защитить себя / Good should be with your fists, be able to defend yourself	☐	☐	☐	☐	☐
7.	Человек человеку волк, и все заботятся лишь о себе / Man is a wolf to man, and everyone cares only about themselves	☐	☐	☐	☐	☐
8.	Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей / I want people of different nationalities to be among my friends	☐	☐	☐	☐	☐
9.	Почти все разногласия можно решить с помощью переговоров / Almost all disagreements can be resolved through negotiations.	☐	☐	☐	☐	☐
10.	От символов, которые используют люди, часто зависит их судьба / The symbols that people use often determine their fate	☐	☐	☐	☐	☐

№ п/п		Категорически не согласен / Strongly disagree	Скорее не согласен / Rather disagree	Не уверен / I'm not sure	Скорее согласен / Rather agree	Согласен / I agree
11.	Исконный образ жизни моего народа можно защитить только силой / The original way of life of my people can only be protected by force	☐	☐	☐	☐	☐
12.	Есть знаки, в которых сокрыто особое знание, известное посвященным / There are signs in which special knowledge is hidden, known to initiates	☐	☐	☐	☐	☐
13.	Если меня кто-то оскорбит, я могу действовать очень жестко / If someone insults me, I can act very harshly	☐	☐	☐	☐	☐
14.	Все продается, и все покупается, вопрос только в цене / Everything is for sale, and everything is bought, the only question is the price	☐	☐	☐	☐	☐
15.	Тот, кто понимает тайное значение древних символов, может влиять на других людей / Anyone who understands the secret meaning of ancient symbols can influence other people	☐	☐	☐	☐	☐
16.	Не стоит церемониться с людьми, которые тебе не нравятся / Don't stand on ceremony with people you don't like	☐	☐	☐	☐	☐
17.	При общении с приезжими надо показывать, кто в доме хозяин / When communicating with visitors, it is necessary to show who is the boss in the house	☐	☐	☐	☐	☐
18.	Некоторые преступления заслуживают более тяжкого наказания, чем тюрьма: иногда преступников следует публично казнить / Some crimes deserve a heavier punishment than prison: sometimes criminals should be publicly executed	☐	☐	☐	☐	☐
19.	К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться / It is difficult to treat some nations and peoples well	☐	☐	☐	☐	☐
20.	Человека можно понять, если его разозлили, а он ударил в ответ или сломал какую-либо вещь / You can understand a person if they get angry and they hit back or break something.	☐	☐	☐	☐	☐
21.	Я внимательно и искренне отвечал(а) на вопросы анкеты / I answered carefully and sincerely answers to the questionnaire questions	☐	☐	☐	☐	☐

Данные по шкалам:

Номер диспозиции / The disposition number	**Номера вопросов. Короткая версия 2026 / Question numbers. Short version 2026**	**Название диспозиций / The name of the dispositions**
Д1 / D1	7, 14	Дегуманизация
Д2 / D2	10, 12, 15	Мистичность
Д3 / D3	3, 6, 11, 17, 19, 20	Допустимость насилия
Д4 / D4	5, 13, 16, 18	Готовность к агрессивному поведению
Д5 / D5	1, 8, 9	Открытость и миролюбие
Д6 / D6	2, 4	Редукционный максимализм

Контроль внимания — 21 пункт. Шкала Д5 имеет значение защитного фактора, при суммировании должна вычитаться из общего балла.

Информация об авторах

Кирилл Даниилович Хломов, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований, начальник психологической службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1016-6154, e-mail: kirkhlomov@yandex.ru

Михаил Александрович Варенов, аспирант факультета психологии, стажер-исследователь лаборатории когнитивных исследований, преподаватель факультета психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7737-9704, e-mail: michael.varenov@mail.ru

Денис Геннадьевич Давыдов, кандидат психологических наук, доцент факультета психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3747-7403, e-mail: dgdavydov19@gmail.com

Information about the authors

Kirill D. Khlomov, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher at the Cognitive Investigation Laboratory, Head of Psychological Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1016-6154, e-mail: kirkhlomov@yandex.ru

Mikhail A. Varenov, Postgraduate Student at the Faculty of Psychology, Junior Researcher at the Laboratory of Cognitive Research, Lecturer at the Faculty of Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7737-9704, e-mail: michael.varenov@mail.ru

Denis G. Davydov, Candidate of Science (Psychology), Docent at the Faculty of Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3747-7403, e-mail: dgdavydov19@gmail.com

Вклад авторов

Хломов К.Д. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Варенов М.А. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Давыдов Д.Г. — аннотирование, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Kirill D. Khlomov — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; research planning; control over the research.

Mikhail A. Varenov — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; annotation, writing and formatting of a manuscript; data collection and analysis; visualization of research results.

Denis G. Davydov — annotation, writing and design of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ИОН РАНХиГС (протокол № 9 от 15.03.2025 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (report no. 9, 2025/03/15).

Поступила в редакцию 17.01.2026 — Received 2026.01.17
Поступила после рецензирования 30.01.2026 — Revised 2026.01.30
Принята к публикации 05.02.2026 — Accepted 2026.02.05
Опубликована 30.09.2026 — Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 43–59.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160303
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 43–59.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160303
ISSN 2222-5196 (online)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Анализ профессиональных стандартов: нормативная модель профессиональной деятельности психолога (часть 1)

Н.В. Богданович[1]✉
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ bogdanovichnv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях отсутствия единого федерального закона о психологической помощи профессиональные стандарты выступают основным регулятором деятельности психолога. Однако разрозненность стандартов, принятых в разные годы, затрудняет понимание нормативного содержания профессии, создавая риск формализма в подготовке и трудоустройстве специалистов. **Цель.** Проанализировать содержание профессиональных стандартов как набор идеализированных представлений о деятельности и определение предлагаемой ими нормативной модели. **Гипотеза.** Существующие профессиональные стандарты различаются по элементам системы деятельности (от широты охвата психологических проблем клиентов до требований к личности и среде) и отражают внутренние противоречия профессии, в частности между декларируемой субъектностью и жесткой регламентацией процедур. **Методы и материалы.** Использована модель системы деятельности Ю. Энгестрёма, позволяющая выделить элементы деятельности: объект (проблемы клиентов), орудия (методики), правила (нормативная база), разделение труда (взаимодействие), сообщество и субъект. Эмпирической базой выступили 15 актуальных профессиональных стандартов, отобранных по критерию принадлежности к психологической сфере. **Результаты.** Исследование показало отсутствие единого терминологического и функционального пространства: мы выделили наиболее распространенные виды деятельности (диагностика, консультирование, развитие) и установили, что психотерапия, супервизия и экспертиза остаются в «серой зоне». Кроме того, мы обнаружили тенденцию к универсализации деятельности в одних стандартах в противовес узкофункциональному администрированию в других. **Выводы.** Нормативная модель деятельности психолога в России характеризуется высокой вариативностью и системными разрывами: специалисты разных сфер характеризуются акцентами на разные элементы деятельности.

© Богданович Н.В., 2026

CC-BY-NC

Ключевые слова: профессиональный стандарт, деятельностный подход, нормативная модель деятельности, психолог, межведомственное взаимодействие, нормативно-правовая база

Для цитирования: Богданович, Н.В. (2026). Анализ профессиональных стандартов: нормативная модель профессиональной деятельности психолога (часть 1). *Психология и право, 16*(3), 43—59. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160303

Analysis of professional standards: normative model of professional activity of psychologist (part 1)

N.V. Bogdanovich[1] ✉
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ bogdanovichnv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. In the absence of a unified federal law on psychological assistance, professional standards serve as the primary regulator of psychologists' activities. However, the disparity of standards adopted over the years complicates understanding the normative content of the profession, creating the risk of formalism in the training and employment of specialists. **Objective.** To analyze the content of professional standards as a set of idealized notions of activity and to define the normative model they propose. **Hypothesis.** Existing professional standards vary in the elements of their activity system (from the breadth of coverage of clients' psychological problems to the demands placed on the individual and the environment) and reflect the internal contradictions of the profession, particularly between its declared subjectivity and the strict regulation of procedures. **Methods and materials.** We used J. Engeström's activity system model, which allows us to identify the following elements of activity: object (client problems), tools (methods), rules (regulatory framework), division of labor (interaction), community, and subject. The empirical base consisted of 15 current professional standards, selected based on their relevance to the psychological field. **Results.** A lack of a unified terminological and functional framework was established: widespread types of activities (diagnosis, counseling, development) have been identified, while psychotherapy, supervision and expertise remain in the "gray zone". The tendency towards universality of activities in a number of standards has been revealed, as opposed to narrowly functional administration in others. **Conclusions.** The normative model of a psychologist's activity in Russia is characterized by high variability and systemic gaps: specialists in different fields are characterized by accents on different elements of activity.

Keywords: professional standard, activity-based approach, normative model of activity, psychologist, interdepartmental interaction, regulatory framework

For citation: Bogdanovich, N.V. (2026). Analysis of professional standards: normative model of professional activity of psychologist (part 1). *Psychology and Law, 16*(3), 43—59. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160303

Введение

В условиях отсутствия федерального закона о психологической помощи и обновленных федеральных государственных образовательных стандартов профессиональные стандарты фактически выступают основным регулятором деятельности психолога в современной России. С 2014 года было утверждено значительное количество таких стандартов, часть из них переутверждена в последние годы, однако систематические обзоры, позволяющие работодателям и самим специалистам ориентироваться в этом нормативном пространстве, пока немногочисленны. Это создает риск формального использования стандартов при проектировании образовательных программ и организации труда психологов.

Профессиональные стандарты психолога ранее анализировались преимущественно в рамках профессиографического подхода, фокусирующегося на компонентах трудовой деятельности, требованиях к специалисту (например: Бычкова, Кузнецова, 2026) и выделении профессионально-важных качеств (например: Одинцова и др., 2024), а также в логике компетентностных моделей, сопоставляющих образовательные и профессиональные требования (например: Дериш и др., 2016; Забродин, Пахальян, 2017; Ковалева, 2019; Цветкова и др., 2017; Шаламова, 2025). Такие исследования важны, чтобы описать структуру труда и профиля компетенций, но в меньшей степени позволяют реконструировать целостную систему деятельности, задаваемую стандартами, и выявить ее внутренние противоречия.

В настоящей статье мы используем иной ракурс — теорию деятельности Ю. Энгестрёма. Соответственно, профессиональный стандарт рассматривается как нормативный артефакт, задающий объект деятельности, допустимые инструменты и правила, тип межведомственного взаимодействия (разделение труда), профессиональное сообщество и образ субъекта профессиональной деятельности. Такой подход позволяет анализировать профессиональные стандарты как нормативные модели деятельности, а не только как перечни трудовых функций и компетенций, расширяя объяснительный потенциал исследования по сравнению с профессографическими и компетентностными подходами.

Цель исследования — реконструкция нормативной модели профессиональной деятельности психолога, имплицитно задаваемой действующими профессиональными стандартами, на основе сопоставления текстов стандартов с деятельностной схемой, по Ю. Энгестрёму. Основная гипотеза состоит в том, что профессиональные стандарты, предполагающие работу психологов, существенно различаются по ключевым элементам деятельностной системы (объект, инструменты, правила, разделение труда, сообщество, субъект) и тем самым отражают внутренние противоречия современной психологической профессии — в частности между декларируемой субъектностью и строгой регламентацией процедур, между требованием межведомственного взаимодействия и индивидуализированным режимом труда, между заявленной цифровой компетентностью и инфраструктурными ограничениями.

Материалы и методы

В процессе исследования мы применили следующие методы.

На портале «Реестр профессиональных стандартов»[1] мы провели поиск по ОКСО-2016 по ключевому слову «психолог». Из 14 найденных профессиональных стандартов (далее — ПС) были исключены два (03.021 «Тифлокомментатор» и 09.004 «Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений») в связи с их слабой связанностью с психологией как профессией. Затем были добавлены еще три ПС (01.002 «Педагог-психолог. Психолог в сфере образования», 03.009 «Специалист по работе с семьей», 07.001 «Специалист в области медиации (медиатор)»), так как в них базовым образованием может быть психологическое (если точнее, то психолого-педагогическое).

В итоговый перечень мы включили 15 ПС, предполагающих работу психологов:

1) **01.002 «**Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»;
2) **01.005** «Специалист в области воспитания»;
3) **03.006** «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних»;
4) **03.007 «**Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере»;
5) **03.008** «Психолог в социальной сфере»;
6) **03.009** «Специалист по работе с семьей»;
7) **03.011** «Специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения»;
8) **03.015** «Специалист по работе с молодежью»;
9) **03.018** «Психолог-консультант»;
10) **03.020** «Профконсультант»;
11) **07.001** «Специалист в области медиации (медиатор)»;
12) **07.003** «Специалист по управлению персоналом»;
13) **12.019** «Психолог в служебной деятельности»;
14) **24.016** «Специалист лаборатории психофизиологического обеспечения атомной станции»;
15) **40.250** «Бизнес-тренер».

Теоретической основой анализа выступила модель системы деятельности психолога, разработанная ранее для контекста профилактики девиантного поведения несовершеннолетних (Богданович, Делибалт, 2020) и опирающаяся на расширенную модель деятельностной системы Ю. Энгестрёма (Ветошкина, Горюнова, 2013). В ней выделяется шесть взаимосвязанных элементов: объект (психологические проблемы клиентов), субъект (личность и деятельность психологов), правила (нормативно-правовая база), орудия (материально-методическое обеспечение), разделение труда (межведомственное взаимодействие), сообщество (профессиональное сообщество специалистов). Эти элементы легли в основу критериев анализа.

Заполнение аналитических таблиц проводилось с использованием сервиса на базе искусственного интеллекта (bloha.ai) с последующей верификацией, коррекцией и глубоким качественным анализом, выполненными автором.

[1] *Реестр профессиональных стандартов.* [б. г.]. Профессиональные стандарты. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/ (дата обращения: 14.07.2026).

Результаты

Распределение ПС согласно их кодировке показывает: 53% стандартов относится к сфере социального обслуживания (группа 03). Вторыми по частоте (по 13%) стали сфера образования (01) и административно-управленческая и офисная деятельность (07). Имеются ПС в сфере обеспечения безопасности, атомной отрасли и в сфере бизнеса (предпринимательства).

В данной статье ПС понимаются как нормативные артефакты, фиксирующие субъект (особенности личности и деятельности психолога) и объект деятельности (основные проблемы клиентов), регламентирующие правила (нормативно-правовую базу), предполагающие определенные инструменты (материально-методическое оснащение), определяющие модель сообщества (профессионального), разделение труда (межведомственное взаимодействие). Последовательно рассмотрим эти элементы.

Нормативно-правовая база (правила) регламентирует правила входа в профессию (образование, опыт работы, противопоказания и профессиональные риски, нормирование труда) и очерчивает необходимый объем знаний нормативных актов.

Требуемый уровень образования. Данный аспект характеризуется вариативностью из-за размытости формулировок ПС и изменений законодательства. По умолчанию предполагалось, что при указании бакалавриата по данному направлению уровни магистратуры и специалитета также являются допустимыми. Анализ проводился преимущественно в отношении исполнительского уровня (6-й уровень квалификации); специфика руководящих должностей в данном исследовании не рассматривалась.

Изучив требования к уровню образования, мы установили, что магистратура по направлению «Психология» обеспечивает наибольшие возможности трудоустройства по данным ПС, тогда как бакалавриаты и специалитеты по психологии («Психология служебной деятельности») и психолого-педагогическому образованию («Педагогика и психология девиантного поведения») обеспечивают несколько меньший спектр позиций (табл. 1). Наиболее проблемным является соотнесение специалитета «Педагогика и психология девиантного поведения» с ПС, где прямо указаны только уровни бакалавриата и магистратуры (хотя по закону уровни магистратуры и специалитета равны).

Таблица 1 / Table 1

Соотношение уровня образования и возможности работать по ПС
Relationship between level of education and opportunity to work according to professional standard

Стандарт (Standart) / Уровень (Level)	**1.002**	**1.005**	**3.006**	**3.007**	**3.008**	**3.009**	**3.011**	**3.015**	**3.018**	**3.020**	**7.001**	**7.003**	**12.02**	**24.02**	**40.25**
Бакалавриат / Bachelor's degree	П / ППО	П** / ППО	П** / ППО	П / ППО	П / ППО	П** / ППО	П / ППО	П / ППО	П** / ППО**	П / ППО	П*/ ППО*	П** / ППО**	П / ППО**	П / ППО**	П / ППО**

Магистратура / Master's degree	П / ППО	П** / ППО	П / ППО	П / ППО	П / ППО	П** / ППО	П / ППО	П / ППО	П/ ППО	П / ППО	П*/ ППО *	П** / ППО **	П / ППО **	П / ППО **	П / ППО **
Специалитет / Specialty	П / ППО	П** / ППО	П** / ППО	П / ППО	П / ППО	П** / ППО	П / ППО	П / ППО	П / ППО **	П / ППО	П*/ ППО *	П** / ППО **	П / ППО **	П / ППО **	П / ППО **

Примечание: «П» — психология; «ППО» — психолого-педагогическое образование; «*» — требуют ДПО; «**» — требуют переподготовки.
Note: «П» — psychology; «ППО» — psychological and pedagogical education; «*» — additional professional education is required; «**» — retraining is required.

Таким образом, проанализированные ПС различаются по степени доступности для входа в профессию, поэтому их можно разделить на следующие группы: 1) специализированные на «Психологии» (например, «Психолог в служебной деятельности»); 2) специализированные на «Психолого-педагогическом образовании» (например, «Специалист по работе с семьей»); 3) требующие переподготовки для обоих направлений («Специалист по управлению персоналом») или повышения квалификации (ДПО) — «Специалист в области медиации»; 4) универсальные стандарты, позволяющие работать по обоим направлениям.

Требования к опыту работы. Опыт не требуется для исполнительских ОТФ в 11 стандартах, таким образом вход в профессию возможен сразу после получения образования. Зато он нужен почти для всех управленческих ОТФ, т. е. магистр/специалист после примерно 3 лет практики (в разных стандартах по-разному) может стать руководителем. Самый высокий порог стажа — в ПС «Медиатор» (до 7 лет для ОТФ С — супервизор в специализированной сфере медиации).

Профессиональные риски и противопоказания. В ПС встречаются следующие виды рисков и противопоказаний: медосмотры предусмотрены в 4 стандартах; ограничения по судимости прописаны в 7 ПС. Стандарт «Психолог в служебной деятельности» демонстрирует уникальную для выборки закономерность: в нем отсутствуют требования к судимости или медосмотрам (поскольку это регулируется профильными ведомствами), но закреплены строгие требования по обучению охране труда и мерам пожарной безопасности (без этого нет допуска к работе). Интересно, что один стандарт («Медиатор») имеет возрастные ограничения (не допускает к работе людей младше 25 лет).

Нормирование труда. Анализ показал отсутствие в ПС фиксированных норм нагрузки (количества клиентов, часов консультирования, размера групп). Данные параметры регулируются ведомственными документами.

Знание нормативной базы. В эту категорию отнесем упоминание нормативно-правовой базы в знаниях специалистов. Знание нормативной базы — сквозное требование для всех 15 ПС. Отличается только состав нормативно-правовых актов в зависимости от сферы деятельности. Закономерно, что большинство стандартов обязывают специалиста знать ведомственные нормативные акты. Однако упоминаются и основные кодексы (самый упоминаемый (в 10 стандартах) — Трудовой кодекс), и федеральные законы (знание ФЗ-152 «О персональных данных» требуется в 10 стандартах, а в 6 стандартах (из сферы образования, социальной защиты и управления персоналом) упоминается ФЗ № 273 «Об образовании в РФ»).

Можно выделить стандарты с широкими требованиями к знаниям нормативно-правовой базы: например, стандарт «Специалист по... занятости населения» охватывает самый широкий перечень нормативных документов (и единственный, кто требует знания Уголовного права). Минимальный охват по этому параметру, например у стандартов «Специалист лаборатории...» (в основном, требуется знание ведомственных локальных актов и вышестоящих и других органов, касающихся организации труда и управления производством, а также Закона об образовании). Примечательно, что знание самого профессионального стандарта требуется только в ПС «Психолог-консультант».

Теперь перейдем к критерию ***психологические проблемы клиентов (объект труда)***, в котором выделим следующие параметры: категории клиентов (кто обращается за помощью), категории психологических проблем (с чем работает специалист), категории жизненных ситуаций (в каких ситуациях).

Категории клиентов можно выделить по разным основаниям (во многом пересекающимся): по широте охвата, по возрасту и статусу.

В 4 из 15 ПС клиенты описаны максимально широко («население», «граждане», «лица») — это «Психолог-консультант», «Профконсультант», «Психолог в социальной сфере», «Медиатор». Например, по ПС «Психолог-консультант» предполагается работа с физическими лицами, семьями, а также с трудовыми коллективами. Остальные ПС имеют специфицированные целевые группы с четкими ограничениями по возрасту или социальному статусу, что логично проистекает из их отраслевой привязки. Самый узкий, строго определенный контингент — у ПС «Специалист лаборатории...» и «Психолог в служебной деятельности» — их клиенты жестко привязаны к конкретной организации или ведомству.

Детей и несовершеннолетних как целевую аудиторию выделяет большинство стандартов. Однако только ПС «Специалист по реабилитационной работе...» предусматривает работу с детьми от рождения (независимо от инвалидности) при реализации программ ранней помощи.

Отдельно можно выделить социально-трудовой кластер, где клиентом выступает не столько «нуждающийся», сколько «действующий субъект» (работник, предприниматель, безработный в поиске) — это принципиально иная модель отношений специалист↔клиент.

Анализ *психологических проблем клиентов* позволил сгруппировать их в несколько кластеров.

1. Когнитивно-образовательный: внутриличностные проблемы детей и подростков (нарушения когнитивной сферы, учебная неуспеваемость, педагогическая запущенность и слабая адаптация к образовательному процессу).
2. Поведенческо-деструктивный: индивидуальные поведенческие отклонения от социальных норм, патологические зависимости и восприимчивость к деструктивному влиянию информационной среды.
3. Профориентационно-мотивационный: выбор жизненного пути, построение карьеры, деформация трудовой мотивации у безработных граждан или сотрудников.
4. Инженерно-психофизиологический кластер: специфика функционирования человека в сложных технических средах, профессиональная пригодность и анализ операторских сбоев.
5. Ресурсно-эмоциональный: истощение внутренних ресурсов и выгорание, возникающие как у самих специалистов помогающих профессий, так и у членов семей, ухаживающих за больными.

6. Семейно-онтогенетический: нарушения психики ребенка, вызванные дефицитом родительского тепла; специфика развития в казенных учреждениях; барьеры при семейном устройстве.
7. Организационно-динамический: процессы, происходящие внутри малых и больших социальных групп; проблемы лояльности, сплоченности и социально-психологического климата.
8. Индивидуально-психологический: индивидуальные психологические барьеры личности, мешающие нормальной адаптации и самореализации, а также проблемы самопознания.

По этому критерию можно выделить стандарты сверхширокого («Педагог-психолог», «Психолог в социальной сфере», «Психолог-консультант») и узкого («Медиатор») охвата.

Категория жизненных ситуаций (стрессовая, конфликтная, кризисная, трудная жизненная, юридически значимая).

Конфликтные ситуации — единственная сквозная категория, встречающаяся в 80% ПС, за исключением «Специалист по управлению персоналом», «Бизнес-тренер» (работает с проблемными ситуациями) и «Психолог в служебной деятельности» (хотя в ОКСО указана конфликтология). О работе с кризисами говорят только три ПС («Педагог-психолог», «Психолог в социальной сфере», «Психолог-консультант»), с чрезвычайными ситуациями — четыре, а со стрессовыми — пять (например, в ПС «Специалист лаборатории...» это содержание психологической поддержки).

По параметру трудной жизненной ситуации ПС можно разделить на три группы.

В стандартах первой группы трудная жизненная ситуация (ТЖС) прямо заявлена как ключевой критерий нуждаемости клиента. Без ее наличия обращение к специалисту, по сути, не происходит. Так, в ПС «Специалист по работе с семьей» ТЖС является исходной точкой деятельности: специалист определяет причины ТЖС и социально опасного положения семей; ведет учет и организует социальное сопровождение различных типов семей, находящихся в ТЖС; оказывает индивидуализированную помощь, а также помогает выпускникам интернатов выстроить план выхода из «трудной ситуации» при материальных или иных затруднениях.

Во второй группе ТЖС не является исключительным основанием для работы, а учитывается как один из факторов. В ПС «Педагог-психолог» ТЖС выделена лишь как одна из категорий обучающихся; основной контекст деятельности — образовательный процесс, и специалист работает как с детьми в ТЖС, так и с «обычными», одаренными и испытывающими трудности в обучении.

В третьей группе стандартов трудная жизненная ситуация отсутствует — не является элементом профессиональной деятельности. Развитие клиента происходит в условиях стабильной трудовой или деловой среды без угрозы жизни и здоровью (например, ПС «Бизнес-тренер»).

Юридически значимые ситуации описаны в десяти из 15 ПС. Например, в ПС «Специалист органа опеки...» максимальный их спектр: жестокое обращение с детьми (физическое, сексуальное, психологическое насилие); международное похищение детей; торговля детьми; эксплуатация детей; эмансипация (признание несовершеннолетнего полностью дееспособным); установление/оспаривание отцовства; дача согласия на сделки с имуществом несовершеннолетних и т. д. В свою очередь, ПС «Психолог в служебной деятельности» — единственный стандарт, связывающий юридически значимые ситуации

с внутриведомственными процедурами («Разработка и проведение комплекса мероприятий психологической работы по недопущению проявлений девиантного (отклоняющегося от нормы, общественно опасного) поведения»[2]).

Самый широкий охват жизненных ситуаций — в ПС «Психолог в социальной сфере»; в стандарте описаны все типы жизненных ситуаций: он покрывает и «социальные» трудные жизненные ситуации (бедность, безработица), и «психологические» кризисы (утрата, травма), и «юридические» контексты (насилие). Другие ПС более узко специализированы.

Следующий критерий ***Особенности профессиональной деятельности как характеристика субъекта труда*** предполагает анализ цели и результатов труда, рассмотрение доминирующих направлений, основных видов деятельности, диапазона дополнительных видов деятельности, определение форм работы и возможность ведения частной практики.

Авторы стандартов задают *цели и результаты труда* в ПС через рубрику «Основная цель вида профессиональной деятельности». Мы условно делим эти формулировки на три группы: 1) цели-процессы, ориентированные на описание действий (сопровождение, организация, обеспечение, решение задач) без указания ожидаемого изменения у клиента; 2) цели-результаты, описывающие конкретное изменение в объекте деятельности (состоянии человека, группы, организации); 3) лаконичные цели-результаты, сформулированные короткими выражениями, где результат представлен одним понятием.

Образовательные ПС относятся преимущественно к первой группе: цели описываются через перечень видов деятельности психолога (сопровождение, организация), а не через изменения в учащихся, что создает риск формального понимания выполнения функции («занятие проведено — цель достигнута»). В ПС сферы социальной защиты картина смешанная: «Специалист по работе с семьей» и «Специалист по … занятости населения» используют процессные формулировки, тогда как «Специалист по реабилитационной работе…» и «Психолог в социальной сфере» задают цели как результаты. Наиболее лаконичные формулировки представлены в ПС «Психолог-консультант» («поддержание психологической стабильности граждан и трудовых коллективов» [3]) и «Медиатор» («урегулирование споров с помощью процедуры медиации»[4]).

В одних сферах (служебная деятельность, атомная отрасль) доминируют цели-результаты, что связано с наличием четких внешних критериев успеха (надежность АС, экономический эффект). Напротив, в областях с трудноизмеримым результатом (образование, управление персоналом) цели чаще описываются как процессы.

Показательно, что ПС «Психолог-консультант» формулирует цель через поддержание стабильности, тогда как ПС «Психолог в служебной деятельности» — через обеспечение

---

[2] *Об утверждении профессионального стандарта «Психолог в служебной деятельности»: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 апреля 2023 г. № 395н.* (2023). М. URL: https://docs.cntd.ru/document/1301709297 (дата обращения: 30.06.2026).

[3] *Об утверждении профессионального стандарта «Психолог-консультант»: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14 сентября 2022 г. № 537н.* (2022). М. URL: https://docs.cntd.ru/document/352000915 (дата обращения: 30.06.2026).

[4] *Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)»: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2014 г. № 1041н.* (2014). М. URL: https://docs.cntd.ru/document/420245018 (дата обращения: 30.06.2026).

психологического благополучия и поддержание психического здоровья сотрудников, что отражает различия в акцентах нормативной модели деятельности.

Направления деятельности (профилактика, сопровождение, реабилитация). При анализе выяснилось, что сопровождение — самое распространенное направление (11 из 15 ПС). Однако его содержание меняется в зависимости от стандарта — от строго психологического сопровождения (у педагогов-психологов) до социально-педагогического (у специалистов по воспитанию) и сугубо организационного (у специалистов по работе с молодежью). Примечательно, что профилактическое направление представлено лишь в 9 из 15 стандартов, присутствует только в тех ПС, где есть явная работа с девиациями или негативными явлениями (например, профессиональным выгоранием). В некоторых социальных ПС (опека, занятость) профилактика как отдельная функция не выделена — работа начинается уже с состоявшейся проблемы. Реабилитация (в 6 из 15) предусмотрена преимущественно в тех стандартах, где констатируется наличие травмы, инвалидности или глубокого кризиса (социальная сфера, служебная деятельность в особых условиях). Четыре ПС не содержат ни одного из трех направлений — это те стандарты, которые можно свести к какому-либо виду деятельности, например профконсультанта, медиатора, HR, бизнес-тренера. Их деятельность часто строится на иной логике, предполагающей разовую/сессионную работу (консультация, медиация, тренинг, профориентация). Указание же направления деятельности отражает тренд на стратегию: специалист не просто оказывает разовую услугу, а ведет клиента во времени.

Сочетание всех направлений деятельности реализовано только в 4 из 15 ПС: «Педагог-психолог», «Психолог по реабилитационной работе…», «Психолог в социальной сфере», «Психолог в служебной деятельности» («Специалист в области воспитания» и «Специалист по работе с семьей» — тоже, но там проводится социальное или социально-педагогическое и организационное сопровождение).

Рассмотрев *основные виды деятельности* (ранее выделенные в исследовании: Богданович, Делибалт, Дегтярёв, 2025а), мы установили, что разработчики стандартов не используют единую терминологию: ключевые виды деятельности психологов описываются различными, часто пересекающимися терминами. Тем не менее по частоте упоминания можно выделить три «ядерных» вида деятельности (табл. 2) для большинства ПС — это психологическое консультирование (14 из 15), психодиагностика (12 из 15) и развивающая деятельность/тренинг (12 из 15).

Экспертиза и супервизия представлены в стандартах эпизодически, что объясняется приоритетом «практического» контура: большинство стандартов ориентированы на текущий запрос (диагностика, оказание помощи) и не охватывают метауровни — анализ качества и контроль профессиональной деятельности. Показательно, что психотерапия как самостоятельный вид деятельности в действующих стандартах отсутствует полностью. Это можно объяснить, с одной стороны, трудностями разграничения медицинской и немедицинской психотерапии: «Согласно нормативному акту Министерства здравоохранения, оказание психотерапевтической помощи отнесено к исключительной компетенции врачей психотерапевтов, что запрещает ее проведение психологами в системе здравоохранения. Однако данный запрет имеет отраслевой (ведомственный) характер и не распространяется на иные сферы деятельности. На уровне федерального законодательства прямого запрета на осуществление психотерапии психологами в настоящий момент не установлено» (Ищенко и др., 2025). Возможно, требуется отдельный ПС «Немедицинский

психотерапевт». С другой стороны, это можно объяснить институциональным барьером: исключение этой деятельности освобождает работодателя от дополнительных рисков, связанных с повышенными требованиями к квалификации специалиста: например, прохождением личной терапии для ведения психотерапевтической практики и т. д. (Махнач, 2011).

Таблица 2 / Table 2

Основные виды деятельности (по 15 ПС)
Main types of activities (according to 15 professional standards)

Вид деятельности / Type of activity	**Код стандарта / Standard code**															
	1.002	**01.005**	**03.006**	**03.007**	**03.008**	**03.009**	**03.011**	**03.015**	**03.018**	**03.020**	**07.001**	**07.003**	**12.019**	**24.016**	**40.250**	**Итого/ Total**
Психодиагностика / Psychodiagnostics	1		1*	1	1	1*	1		1	1		1*	1	1	1*	**12**
Консультирование / Counseling	1	1*	1*	1	1	1*	1*	1*	1	1	1*	1*	1	1		**14**
Развивающая деятельность (тренинг) / Development (Training)	1	1*		1	1	1*	1	1*		1		1*	1*	1	1	**12**
Психопросвещение / Psychoeducation	1	1*		1	1	1*		1*		1*				1*		**8**
Профориентация / Career Guidance	1	1*		1	1		1		1	1		1*		1*		**9**
Психокоррекция / Psychocorrection	1			1	1	1*	1*			1*	1*		1	1		**9**
Экспертиза / Expertise	1							1*				1*	1	1		**5**
Супервизия / Supervision				1		1*					1					**3**
Психотерапия / Psychotherapy																**0**
Преподавание психологии / Teaching Psychology	1*	1*		1*						1*	1*		1	1	1*	**7**
Итого / Total	**8**	**5**	**2**	**8**	**6**	**6**	**5**	**4**	**3**	**7**	**4**	**5**	**6**	**8**	**3**	

Примечание: «*» — синонимичное обозначение видов деятельности.
Note: «*» — synonymous designations of types of activities.

По широте охвата основных видов деятельности можно выделать следующие ПС.

Так, в ПС «Педагог-психолог» многие виды деятельности вошли как отдельные трудовые функции (психодиагностика, экспертиза, просвещение, психологическое консультирование,

коррекционно-развивающая деятельность). Примечательно, что данный стандарт не предусматривает преподавание (уроков по психологии). Видимо, это не стали регламентировать, так как по этому поводу до сих пор ведутся дискуссии.

В ПС «Специалист по реабилитационной работе...» также реализуется весь базис видов деятельности психолога (психодиагностика, психологическое консультирование, развивающая деятельность (тренинги), психопросвещение, профориентация, психокоррекция), но есть еще и супервизия, что пока большая редкость для ПС. Неожиданным результатом анализа стало выявление ПС «Специалист лаборатории...» в числе лидеров по широте охвата видов деятельности. Хотя в нем немного неявно прописаны психопросвещение и профориентация, зато упоминаются преподавание (обучение взрослых) и экспертиза.

Можно также выделить стандарты, где есть сужение до административно-коммуникативных функций с вторичностью психологической составляющей, например «Специалист органа опеки и попечительства...», однако есть и очевидно психологические стандарты, в которых акцентируется определенный вид деятельности (например, «Психолог-консультант»).

Анализируя ПС, можно понять, что основными видами деятельности психолога работа не ограничивается. Перечень дополнительных видов деятельности (Богданович и др., 2025б) мы расширили за счет прогнозирования (Пахальян, 2017) и правотворческой деятельности (предложение специалистом изменений в существующие нормы (на уровне организации и выше) на основе научных и практических исследований).

По диапазону дополнительных видов деятельности абсолютным лидером является «Психолог в социальной сфере», чуть отстают все те же «Специалист по реабилитационной работе…» и «Специалист лаборатории...».

Можно заметить тенденцию — лидерство управленческих (организация, планирование, мониторинг) и методической видов деятельности. Это довольно закономерный результат для ПС, ведь во многих из них отдельно выделены руководящие должности. Но даже там, где этого нет, у психологов (и смежных специалистов) довольно много функций, связанных с организацией собственной деятельности. Они естественным образом дополняют основные виды деятельности (психодиагностику, консультирование, развивающую деятельность, профориентацию): психолог уже не просто проводит отдельные мероприятия, а строит систему, планирует ее, методически ее оформляет и отслеживает результаты через мониторинг и прогнозирование. Интересно, что в ряде стандартов (в 6 из 15) есть правотворческая деятельность, правда, большей частью в рамках локальной нормативной базы, например, в ПС «Специалист по реабилитационной работе…» приводится трудовое действие «Разработка или подготовка предложений в локальные нормативные акты на основе задач социального обслуживания, сопровождаемого проживания, социальной занятости, социальной реабилитации (абилитации), ранней помощи детям и их семьям[5]».

Второй значимый с точки зрения представленности в стандартах — это блок работы с персоналом (отбор, подбор, аттестация, подготовка). Данные виды деятельности характерны для стандартов с выраженной профессионально-ориентационной (например:

[5] *Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере»: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13 февраля 2026 г. № 69н.* (2026). М. URL: https://docs.cntd.ru/document/1316224012 (дата обращения: 30.06.2026).

«Профконсультант») или ведомственной («Психолог в служебной деятельности») направленностью, предполагающих прежде всего работу с персоналом.

Ограниченное упоминание консилиума и диспетчерской деятельности в ПС указывает на недостаточную институционализацию механизмов межведомственного взаимодействия (об этом подробнее — в соответствующем разделе). Психогигиена упоминается только в одном стандарте, а ведь сейчас в условиях цифровизации работа с физической средой (в том числе с различными электронными устройствами) выходит на первый план (Гулямов, Родионов, 2024). Интересно, что в ПС начала упоминаться научно-исследовательская деятельность как отдельная функция (например, в ПС «Психолог в служебной деятельности»).

По *формам работы* можно условно разделить ПС на бинарные (индивидуальная и групповая) — таких семь из 15 (например, ПС «Педагог-психолог»); преимущественно индивидуальные (в 4 стандартах, например, ПС «Специалист органа опеки…»); преимущественно групповые (например, ПС «Бизнес-тренер») и стандарты, где формы не специфицированы (например, «Медиатор», что логично: процедура медиации — работа со сторонами одновременно (не «групповая» и не «индивидуальная» в классическом понимании). Консультирование в большинстве ПС описывается как базовая индивидуальная форма, а групповое и семейное консультирование — как расширение компетенций; групповые форматы также реализуются через учебные занятия и тренинги.

С позиции совместимости с *частной практикой* можно выделить «*совместимые*» — стандарты, функции которых масштабируемы для частного сектора (например, «Психолог-консультант»), *«исключительные»*, привязанные к госслужбе или опасным объектам, где частная практика формально невозможна (например, «Психолог в служебной деятельности», и *«обязательные»*, для которых самостоятельная практика закреплена законодательно (например, «Медиатор»).

Заключение

Проанализировав 15 стандартов, предполагающих работу психологов, мы пришли к выводу: нормативная модель профессиональной деятельности психолога в современной России не образует единой и внутренне согласованной системы. Напротив, она представляет собой совокупность разнородных профессиональных режимов, различающихся по объекту, субъекту и правилам деятельности. Тем самым ПС выступают не только перечнями трудовых функций, но и моделями деятельности, фиксирующими различные варианты институционализации психологической профессии.

Результаты исследования частично подтвердили основную гипотезу о существенных различиях между ПС по трем элементам деятельностной системы: профессиональные стандарты в сфере образования (01) и силовых ведомств (12 и 24) различаются по параметру субъекта деятельности (характеристикам профессиональной деятельности), в сфере социального обслуживания (07) — по параметру правил (нормативно-правовой базы) и объекта деятельности (широте охвата клиентов и психологических проблем). ПС в управленческой сфере (области 07 и 40) характеризуются средним уровнем выраженности показателей по всем элементам.

Это указывает на фрагментарность нормативной репрезентации профессии и на наличие «серых зон» в регулировании содержания психологической помощи.

Во второй части статьи будет проведен анализ инструментов, характеристик профессионального сообщества и особенностей межведомственного взаимодействия как элементов деятельности психологов, а также будут описаны ключевые системные противоречия.

Ограничения. К сожалению, на данный момент не вышел обновленный ПС «Педагог-психолог (психолог образования)». Использовались только те стандарты, которые действительны на 01.09.2026 г. или вступают в силу 01.09.2026 г.

Limitations. Unfortunately, an updated standard for the "Educational Psychologist (Psychologist)" training program has not yet been released. Only the standards valid as of September 1, 2026, were used.

Список источников / References

1. *Богданович, Н.В., Делибалт, В.В.* (2020). Актуальные проблемы подготовки специалистов в области профилактики девиантного поведения в образовательных учреждениях. *Вестник практической психологии образования*, *17*(2), 87—96. https://doi.org/10.17759/bppe.2020170208
   Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2020). Actual Problems of Training Specialists in the Field of Deviant Behavior Prevention in Educational Institutions. *Bulletin of Practical Psychology of Education, 17*(2), 87—96. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/bppe.2020170208
2. Богданович, Н.В., Делибалт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2025а). Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1). *Психология и право*, *15*(2), 250—264. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216
   Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2025). Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1). *Psychology and Law, 15*(2), 250—264. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216
   Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2025). Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1). *Psychology and Law, 15*(2), 250—264. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216
3. Богданович, Н.В., Делибалт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2025б). Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2). *Психология и право*, *15*(3), 206—223. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150314
   Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2025). Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2). *Psychology and Law, 15*(3), 206—223. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150314
4. Бычкова, В.И., Кузнецова, А.С. (2026). Профессиографическое исследование трудовой деятельности психологов-консультантов. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 49*(1), 146—172. https://doi.org/10.11621/LPJ-26-06
   Bychkova, V.I., Kuznetsova, A.S. (2026). Professiographic study of the professional activity of counselling psychologists. *Lomonosov Psychology Journal. 49*(1), 146—172. (In Russ.). https://doi.org/10.11621/LPJ-26-06
5. Ветошкина, Л.П., Горюнова, Л.Н. (2013). Основные идеи деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгестрёма. *Культурно-историческая психология, 9*(1), 13—21. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2013_n1/59616 (дата обращения: 13.07.2026).

Vetoshkina, L.P., Goryunova, L.N. (2013). Fundamentals of Engestrom's Activity-Theoretical Concept of Expansive Learning and Development. *Cultural-Historical Psychology, 9*(1), 13Ч21. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/chp/archive/2013_n1/59616 (viewed: 13.07.2026).

6. Гулямов, С.С., Родионов, А.А. (2024). Применение кибергигиены в качестве эффективной психологической меры профилактики киберзависимостей. *Психология и право, 14*(2), 77—91. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140206
   Gulyamov, S.S., Rodionov, A.A. (2024). Cyber Hygiene as an Effective Psychological Measure in the Prevention of Cyber Addictions. *Psychology and Law, 14*(2), 77—91. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140206
7. Дериш, Ф.В., Ладкина, А.А., Марышева, Ю.М., Мелентьева, А.А., Репина, Е.В., Цымбалюк, И.А. (2016). Профессиональный и образовательный стандарты педагога-психолога: сравнительный анализ. *Концепт,* 44, 216—221. URL: https://elibrary.ru/xamjhd (дата обращения: 14.07.2026).
   Derish, F.V., Ladkina, A.A., Marysheva, Yu.M., Melentyeva, A.A., Repina, E.V., & Tsymbalyuk, I.A. (2016). Professional and educational standards of the educational psychologist: a comparative analysis. *Concept*, 44, 216—221. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/xamjhd (viewed: 14.07.2026).
8. Забродин, Ю.М., Пахальян, В.Э. (2017). Психологическое просвещение в контексте содержания ФГОС и стандартов профессиональной деятельности. *Психологическая наука и образование psyedu.ru, 9*(1), 135–147. https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090114
   Zabrodin, Y.M., Pakhalyan, V.E. (2017). Psychological Education in the Context of the Professional Standard for Teachers and Professional Standards. *Psychological Science and Education psyedu.ru, 9*(1), 135—147. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090114
9. Ищенко, В.В., Вилкова, А.В., Токарева, Е.Е., Сазонова, А.В. (2025). Институциональные условия предоставления психологической помощи в России. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 14*(12-1), 47—56. https://doi.org/10.34670/AR.2026.63.42.002
   Ishchenko, V.V., Vilkova, A.V., Tokareva, E.E., Sazonova, A.V. (2025 Institutional Conditions for Providing Psychological Assistance in Russia. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches, 14*(12-1), 47—56. (In Russ.). https://doi.org/10.34670/AR.2026.63.42.002
10. Ковалева, А.К. (2019). Анализ профессиональных стандартов направления подготовки «Психология». *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус, 18*(39), 25—33. https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-39-25-33
    Kovalyova, A.K. (2019). Analysis of professional standards of the direction of preparation «Psychology». *Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus, 18*(39), 25—33. (In Russ.). https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-39-25-33
11. Махнач, А.В. (2011). Актуальные вопросы профессионального отбора и обучения профессии «психотерапевт». *Консультативная психология и психотерапия, 19*(2), 192—219. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2011_n2/47104 (дата обращения: 30.06.2026).
    Makhnach, A.V. (2011). Current issues in professional selection and job training in psychoterapy. *Counseling Psychology and Psychotherapy, 19*(2), 192—219. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/cpp/archive/2011_n2/47104 (viewed: 30.06.2026).

12. Одинцова, М.А., Расходчикова, М.Н., Кузьмина, Е.И. (2024). Профессионально важные качества психологов в современных зарубежных исследованиях. *Современная зарубежная психология, 13*(4), 151—162. https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130414
Odintsova, M.A., Raskhodchikova, M.N., Kuzmina, E.I. (2024). Professionally Important Personal Qualities of Psychologists in Modern Foreign Researches. *Journal of Modern Foreign Psychology, 13*(4), 151—162. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130414
13. Пахальян, В.Э. (2017). Психолого-педагогическое прогнозирование и психопрофилактика в работе педагога-психолога в контексте требований ФГОС и стандартов профессиональной деятельности. *Вестник практической психологии образования, 14*(1), 26—36. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n1/Pachalian (дата обращения: 30.06.2026).
Pakhalyan, V.E. (2017). Psychological and pedagogical forecasting and psychoprophylaxis in the work of an educational psychologist in the context of federal state educational standards and professional activity standards. *Bulletin of Practical Psychology of Education, 14*(1), 26—36. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n1/Pachalian (viewed: 30.06.2026).
14. Цветкова, Л.А., Волкова, Е.Н., Коржова, Е.Ю., Микляева, А.В. (2017). Профессиональное становление педагога-психолога: между образовательным и профессиональным стандартом. *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*, 10, 83—95. URL: https://elibrary.ru/zweidh (дата обращения: 30.06.2026).
Tsvetkova, L.A., Volkova, E.N., Korzhova, E.Yu., Miklyaeva, A.V. (2017). Professional becoming of educational psychologist: between the educational and professional standard. *Proceedings of Southern Federal University. Education*, 10, 83—95. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zweidh (viewed: 30.06.2026).
15. Шаламова, О.О. (2025). Модель базовых общепрофессиональных компетенций психолога. *Наука о человеке: гуманитарные исследования, 19*(1), 132—141. https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.12
Shalamova, O.O. (2025). The model of a psychologist's fundamental general professional competencies. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities, 19*(1), 132—141. (In Russ.). https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.12

Информация об авторах

Наталья Викторовна Богданович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1507-9420, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Information about the authors

Natalia V. Bogdanovich, Candidate of Science (Psychology), Docent, Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1507-9420, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 14.07.2026
Поступила после рецензирования 06.08.2026
Принята к публикации 06.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.14
Revised 2026.08.06
Accepted 2026.08.06
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 60–75.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000003
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 60–75.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000003
ISSN 2222-5196 (online)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Креативная компетентность преподавателя юридической психологии как ресурс профилактики выгорания и мотивации студентов

А.Н. Аверюшкин[1] ✉, **К.Н. Дворянчикова**[1], **А.С. Коваль**[1], **Д.М. Купцова**[1]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ averyushkinan@mgppu.ru

Резюме

Актуальность. Преподавание дисциплин юридико-психологического профиля сопряжено с постоянным анализом деструктивного и криминального поведения, что создает риски эмоционального истощения у преподавателей и снижения внутренней учебной мотивации у студентов. Традиционные репродуктивные методы обучения в данной предметной области демонстрируют ограниченную эффективность. **Цель.** Эмпирическая проверка влияния креативной компетентности преподавателя (реализованной через проектно-игровые и симуляционные технологии) на снижение профессионального выгорания педагогов и рост академической мотивации студентов факультета юридической психологии. **Методы.** Формирующий эксперимент с контрольной группой. Выборка: 14 преподавателей (стаж 11,4 года) и 86 студентов (2—3 курсы). Диагностический инструментарий: Опросник выгорания MBI (адаптация Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой), Шкала академической мотивации (адаптация Т.О. Гордеевой и соавт.), полуструктурированное интервью, анкета обратной связи. Статистическая обработка: U-критерий Манна—Уитни, T-критерий Вилкоксона. **Результаты.** В экспериментальной группе зафиксировано статистически значимое снижение эмоционального истощения на 18,5% ($p < 0,05$) и деперсонализации на 14,2% ($p < 0,05$) у преподавателей, прирост внутренней учебной мотивации у студентов составил 23% относительно контрольной группы ($p < 0,01$). Выявлено снижение страха профессиональной ошибки у студентов на 31%. **Выводы.** Креативные образовательные технологии («Кон_Крет-но о конфликте креативно!», «Психологический Moot Court», «NarraLaw») выступают действенным двусторонним ресурсом, одновременно снижая выгорание у преподавателей и усиливая профессионально-ориентированную мотивацию у студентов.

© Аверюшкин А.Н., Дворянчикова К.Н., Коваль А.С., Купцова Д.М., 2026

CC-BY-NC

Ключевые слова: юридическая психология, педагогика высшей школы, креативная компетентность преподавателя, профессиональное выгорание, академическая мотивация студентов, интерактивные методы обучения, профессиональная идентичность

Для цитирования: Аверюшкин, А.Н., Дворянчикова, К.Н., Коваль, А.С., Купцова, Д.М. (2026). Креативная компетентность преподавателя юридической психологии как ресурс профилактики выгорания и мотивации студентов. *Психология и право, 16*(3), 60—75. https://doi.org/10.17759/psylaw.20260000003

Creative competence of a legal psychology instructor as a resource for burnout prevention and student motivation

A.N. Averyushkin[1] ✉, **K.N. Dvoryanchikova**[1], **A.S. Koval**[1], **D.M. Kuptsova**[1]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ averyushkinan@mgppu.ru

Abstract

Background. Teaching legal psychology courses involves a continuous analysis of destructive and criminal behavior, creating risks of emotional exhaustion among university teachers and a decrease in students' intrinsic academic motivation. Traditional reproductive teaching methods in this subject area demonstrate limited effectiveness. **Objective.** Empirical verification of the influence of a teacher's creative competence (implemented through project-game and simulation technologies) on reducing professional burnout among educators and increasing academic motivation among students of the Faculty of Legal Psychology. **Methods.** Formative experiment with a control group. Sample: 14 university teachers (teaching experience 11.4 years) and 86 students (2nd—3rd years). Diagnostic instruments: Maslach Burnout Inventory (MBI, adapted by N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova), Academic Motivation Scale (AMS, adapted by T.O. Gordeeva et al.), semi-structured interviews, feedback questionnaire. Statistical analysis: Mann—Whitney U test, Wilcoxon T test. **Results.** A statistically significant reduction in teachers' emotional exhaustion by 18.5% ($p < 0.05$) and depersonalization by 14.2% ($p < 0.05$) was recorded in the experimental group; the increase in students' intrinsic academic motivation reached 23% compared to the control group ($p < 0.01$). A 31% reduction in students' fear of professional errors was revealed. **Conclusions.** Creative educational technologies ("Con_Cretely about Conflict Creatively!", "Psychological Moot Court", "NarraLaw") serve as an effective bilateral resource, simultaneously mitigating teacher burnout and enhancing student professional-oriented motivation.

Keywords: legal psychology, higher education pedagogy,creative competence of a teacher, professional burnout, academicmotivation of students, interactive learning methods, professionalidentity

For citation: Averyushkin, A.N., Dvoryanchikova, K.N., Koval, A.S., Kuptsova, D.M. (2026). Creative competence of a legal psychology instructor as a resource for burnout prevention and student motivation. *Psychology and Law, 16*(3), 60—75. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000003

Введение

Работа со студентами, выбравшими профиль юридической психологии, с первых же дней ставит перед преподавателем строгие нормативные и методические ограничения. Учебному плану этого направления сложно найти аналог в других гуманитарных и психолого-педагогических программах — настолько плотно здесь переплетены право, клиническая, возрастная и социальная психология. Оттого и требования к организации учебно-воспитательного процесса, и вопросы психогигиены его участников сразу выходят на первый план.

Студенты уже на первом курсе погружаются в материал, который профессионалы без оговорок относят к разряду «тяжелого», а иногда и потенциально психотравмирующего. Из семестра в семестр идет анализ криминальной мотивации, патологических форм поведения, многостраничных актов судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз. К этому добавляются протоколы допросов несовершеннолетних, детальные разборы сложных правовых и межличностных конфликтов. Всё это — не разовый эпизод, а повседневный учебный фон. Само содержательное наполнение дисциплин неизбежно создает особую, эмоционально насыщенную среду. Что оказывает существенное эмоциональное и когнитивное влияние на обе стороны образовательного процесса — на преподавателей и на их аудиторию.

Преподаватель высшей школы постоянно находится под двойным психологическим прессингом. С одной стороны, нужно донести сухой нормативный массив сведений: кодексы, законы, жесткие регламенты проведения экспертиз. С другой стороны, важно удерживать живую, зачастую тревожную или защитную реакцию аудитории, которая разбирает сложные криминогенные кейсы. Когда из года в год лекции идут в одном и том же монологовом формате, а гибких методических инструментов для разрядки не появляется, быстро наступает методическая, а следом и эмоциональная рутинизация. Систематическое соприкосновение с деструктивной тематикой перестает быть профессиональным вызовом и превращается в монотонный конвейер. Итог предсказуем — снижение эмпатийного потенциала, риск вторичной травматизации и синдром профессионального выгорания. Оказавшись в методическом тупике, педагог вынужденно закрывается формализмом, сводя преподавание к репродуктивной трансляции нормативного массива. Для студентов последствия не менее критичны. Когда преподавание держится на пассивном слушании, заучивании статей кодексов и разборе чужих протоколов, познавательный интерес гаснет на первых же месяцах обучения. Психологическая защита аудитории реагирует на поток негативно нагруженной информации академической апатией и отстраненностью. В такой схеме нет места квазипрофессиональному опыту. Студент остается сторонним наблюдателем чужих катастроф, а его профессиональная идентичность так и не формируется. Чтобы разорвать этот круг, необходим дидактический ресурс с двойным вектором действия: он должен одновременно защищать педагога от выгорания и активизировать познавательную самостоятельность аудитории. В условиях

факультета юридической психологии эту функцию берет на себя креативная компетентность преподавателя. Под *креативной компетентностью преподавателя юридической психологии* мы понимаем интегративное качество личности, объединяющее три компонента:

- *мотивационно-ценностный* — готовность к педагогическому творчеству и осознание его ценности для профессиональной подготовки специалистов;
- *когнитивный* — владение арсеналом интерактивных и проектно-игровых методик, адаптированных к специфике юридико-психологических дисциплин;
- *деятельностный* — способность проектировать и модерировать симуляционные образовательные среды, обеспечивающие безопасное освоение профессиональных ролей.

Отсюда и цель этой статьи: на практике показать, как креативная компетентность преподавателя юридической психологии выступает двусторонним ресурсом, становящимся одновременно профилактикой выгорания у самих педагогов и основой устойчивого роста академической мотивации у студентов.

Гипотеза звучит следующим образом: если в учебный процесс встраиваются креативные образовательные технологии — проектно-симуляционные игры, методики на основе модели двухплановости поведения, медиа-профайлинг, — то ролевая позиция преподавателя меняется кардинально. Из «транслятора и контролера» он превращается в «модератора и проектировщика профессиональных ситуаций». Для него самого это означает меньше рутинизации, меньше эмоционального истощения. Студентам же такая перестройка дает и смысловую автономию, и пространственную свободу, а через безопасное погружение в симулированную экспертную среду запускает внутреннюю мотивацию.

Чтобы достичь эту цель, и проверить гипотезу, необходимо решить четыре задачи.

Первая: разобраться в психологических механизмах, которые связывают креативные методы преподавания с динамикой выгорания педагога и с уровнем внутренней мотивации обучающихся — именно в специфическом поле юридической психологии.

Вторая: разработать, систематизировать и подробно описать комплекс авторских интерактивных и проектно-игровых методик, настроенных под содержание дисциплин юридико-психологического цикла.

Третья: эмпирически оценить, насколько эффективно работают эти технологии — через замеры динамики эмоционального выгорания у преподавателей и показателей академической мотивации у студентов.

Четвертая: проанализировать, как интерактивная симуляционная среда влияет на трансформацию профессиональной идентичности и на снижение академического стресса у будущих специалистов.

Предлагаемые технологии нацелены на формирование универсальных и общепрофессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО 3++ по направлениям подготовки «Психология» и «Психолого-педагогическое образование», в частности — *ОПК-6* (способность оценивать психическое состояние человека), *УК-3* (способность осуществлять социальное взаимодействие) и *ПК-2* (способность проводить психологическую диагностику в экспертной практике).

Теоретическая основа

Концептуализация креативной компетентности педагога потребовала интеграции трех методологических платформ: психологической теории профессионального развития (Зеер, 2019), теории самодетерминации (Deci, Ryan, 2000) и модели двухплановости игровой деятельности (Хёйзинга, 1997; Эльконин, 1999).

Специфика дисциплин юридико-психологического цикла требует от участников образовательного процесса одновременного удержания двух смысловых планов: *правового* (жесткая нормативная регламентация, статьи кодексов, процессуальные рамки) и *психологического* (эмоционально-смысловая реальность, переживания и мотивация участников правового конфликта). Это «двойное удержание» при традиционной лекционной подаче создает избыточную психоэмоциональную нагрузку, приводящую к профессиональному выгоранию у преподавателей и апатии у студентов.

Обращение к теории самодетерминации (Deci, Ryan, 2000) обусловлено тем, что удовлетворение базовых психологических потребностей — в автономии, компетентности и связанности — выступает ключевым предиктором внутренней учебной мотивации в условиях жестко регламентированных дисциплин. В свою очередь, модель двухплановости поведения Д.Б. Эльконина (1999) позволяет объяснить механизм безопасного освоения профессиональных ролей в условной («игровой») реальности — она формирует «дидактический буфер», защищающий от прямой травматизации при работе с деструктивным контентом.

В литературе последних лет креативная компетентность преподавателя всё чаще трактуется не как узкая способность придумывать что-то новое, а как интегративное качество, в котором совмещены мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный компоненты (Дронова, 2020). На факультете юридической психологии эта компетентность приобретает особый оттенок. Фактически она работает как «методологический фильтр»: преподаватель с её помощью перерабатывает травмирующий, сухой нормативный материал в исследовательские задачи, оставаясь при этом в дидактически безопасном поле. Это не просто методический прием — это способ удержать себя и студентов от эмоционального захлестывания.

Что касается выгорания, то здесь специфика юридической психологии проявляется довольно заметно. Исследования (Ким, 2017) фиксируют: постоянное соприкосновение с тематикой деструктивного поведения при традиционной лекционной подаче ведет к эмпатической истощаемости и постепенному эмоциональному очерствлению. Если же преподаватель переходит от модели «лектор—слушатель» к позиции модератора или режиссера, работающего с исследовательской группой, монотонность и психологическое давление ощутимо снижаются. Здесь, следуя логике Э.Ф. Зеера, разработка креативных сценариев активизирует авторскую позицию педагога, а значит, укрепляет его профессиональную идентичность и снижает риски выгорания (Зеер, 2019). Собственно, это один из центральных тезисов работы.

Со стороны студентов основной мишенью анализа была внутренняя учебная мотивация. Согласно теории самодетерминации, она держится на трёх опорах: потребности в автономии, компетентности и связанности с другими (Deci, Ryan, 2000). Традиционные юридико-психологические курсы часто душат автономию — студентов заставляют заучивать

алгоритмы и нормы, почти не оставляя пространства для самостоятельного профессионального поиска. Креативные форматы (симуляции, проектные игры) ломают эту логику — они дают студенту смысловую и пространственную автономию, разрешают безопасно примерять роли эксперта, профайлера или медиатора. Ошибка здесь — часть игры, а не повод для санкций со стороны преподавателя.

Отдельно стоит сказать о концепции «двойного плана поведения», которая оказалась для этого исследования ключевой. Идея восходит еще к Шиллеру и Хёйзинге: игра создает условное пространство — «игровой купол», внутри которого участники одновременно осознают условность происходящего и действуют по строгим правилам. Для юридической психологии этот механизм оказался принципиально важным. Он позволяет учить будущего специалиста сохранять экспертную объективность даже в условиях высокой эмоциональной насыщенности правового конфликта. Постепенно у студента формируется нечто наподобие профессионального «автопилота», причем без риска навредить реальным людям — ошибки остаются внутри симуляции и работают на обучение, а не на травму.

Методы и материалы

1. Дизайн исследования и характеристика выборки

Исследование выполнено в логике формирующего эксперимента с использованием независимых (студенческие группы) и связанных (те же преподаватели) выборок.

Переменные исследования:

- *независимая переменная* — креативные образовательные технологии (проектно-игровые и симуляционные методики);
- *зависимые переменные* — уровень профессионального выгорания преподавателей (MBI) и показатели академической мотивации студентов (AMS);
- *контролируемые переменные* — стаж преподавателей, курс обучения студентов, содержание дисциплин.

Эмпирическая база формировалась на базе факультета юридической психологии МГППУ в 2024/2025 учебном году. В исследовании приняли участие преподаватели и студенты.

Преподавательский состав (n = 14, 6 мужчин, 8 женщин, возраст от 29 до 58 лет, средний стаж — 11,4 года). Педагоги вели спецдисциплины: «Судебно-психологическая экспертиза», «Психология девиантного поведения», «Юридическая психология», «Психология конфликта». Преподаватели (n = 14) вели занятия как в экспериментальной, так и в контрольной группах, что позволило контролировать влияние личностных особенностей педагогов на результаты. Чтобы минимизировать эффект переноса навыков, педагоги прошли методический инструктаж и строго придерживались сценариев: в ЭГ применялись проектно-игровые технологии, в КГ — традиционные методы на параллельных потоках.

Студенческая выборка (n = 86, 2—3 курсы очной формы обучения, 22 юноши, 64 девушки, возраст — от 19 до 22 лет). Выборка разделена на экспериментальную (n = 44, обучение с внедрением интерактивных методик) и контрольную (n = 42, традиционное обучение: лекции и фронтальные опросы) группы.

2. Этический аспект

Все используемые в симуляциях фабулы дел и протоколы допросов были деперсонифицированы: идентифицирующие данные (Ф.И.О., места работы, даты) изменены или удалены в соответствии с этическими принципами судебно-психологической экспертизы и требованиями Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Студенты проинформированы о целях исследования и дали информированное согласие на участие.

3. Психодиагностический инструментарий

Входные и итоговые замеры проводились с помощью валидизированных методик:

- ***Опросник профессионального выгорания MBI*** (в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой) — диагностика преподавателей по шкалам «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация», «Редукция личных достижений»;
- ***Шкала академической мотивации AMS*** (в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина) — оценка познавательной мотивации, мотивации достижения и саморазвития студентов;
- ***качественные методы:*** полуструктурированное интервью с преподавателями и анкета обратной связи для студентов.

4. Описание образовательных технологий

На этапе формирующего эксперимента (16 недель) в экспериментальной группе апробированы три авторские технологии.

Таблица 1 / Table1

Характеристика внедренных креативных образовательных технологий
Characteristics of the implemented creative educational technologies

Название технологии/ Educational Technology	**Цель / Objective**	**Формат и время / Format and Duration**	**Роль преподавателя / Instructor's Role**	**Формируемый навык (ФГОС) / Target Competencies (FSES)**
«Кон_Крет-но о конфликте креативно!» / Con_Crete on Conflict Creatively!"	Освоение юридико-психологической квалификации конфликтов через игровое конструирование	Настольная игра + кейс-метод (командная работа), 80—100 мин	Арбитр, модератор научной дискуссии	ПК-2, ОПК-6
«Психологический Moot Court» / "Psychological Moot Court"	Развитие навыков судебно-психологической диагностики в условиях процессуального противостояния	Ролевая симуляция судебного заседания, 90—120 мин	Процессуальный супервизор	ПК-2, УК-3

«NarraLaw» (медиа-профайлинг) / "NarraLaw" (Media Profiling)	Освоение заочной экспертизы через «дидактический буфер» (литература/кино)	Аналитическая работа с текстом (индивидуально + защита)	Научный руководитель	ОПК-6, Профессиональная идентичность

Оговорка о процессуальной корректности Moot Court: Симуляция «Психологический Moot Court» развивает навыки оперативного ситуационного анализа и тактики допроса, однако финальное экспертное заключение в рамках курса всегда готовится в письменной форме и строго регламентируется нормативными требованиями (ст. 57 УПК РФ, ст. 82 ГПК РФ). Импровизационный компонент касается только процесса психологической диагностики в ходе судебного следствия, но не изменяет процессуальной структуры экспертного вывода.

5. Методы статистической обработки данных

Обработка данных проводилась в пакете IBM SPSS Statistics. Для оценки эффективности формирующего воздействия вычислялись разностные показатели (Δ = значение «после» — значение «до») для каждой зависимой переменной в ЭГ и КГ. Сравнение дельт (ΔЭГ vs ΔКГ) проводилось с помощью U-критерия Манна—Уитни для независимых выборок. Внутригрупповая динамика («до»—«после») оценивалась с помощью Т-критерия Вилкоксона для связанных выборок. Статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$.

Результаты

Эмпирика, полученная за семестр, гипотезу подтвердила. Креативно-модераторский подход действительно сработал как двусторонний ресурс. Сначала коротко о том, что именно мы внедряли в учебный процесс, а затем — что дали замеры до и после.

1. Динамика показателей профессионального выгорания преподавателей

Сравнительный анализ показателей выгорания у преподавателей ($n = 14$) до и после участия в формирующем эксперименте продемонстрировал положительную динамику по всем шкалам опросника MBI.

Таблица 2 / Table 2

Динамика показателей профессионального выгорания преподавателей (M ± SD), n = 14
Dynamics of teachers' professional burnout indicators (M ± SD), n = 14

Шкала MBI / MBI Scale	**До эксперимента / Before experiment**	**После эксперимента / After experiment**	**Т-критерий Вилкоксона / Wilcoxon T-test**	**Уровень значимости (p) / Significance level (p)**
Эмоциональное истощение / Emotional Exhaustion	29,4 ± 6,2	24,0 ± 5,1	Z = –2,84	p < 0,05
Деперсонализация / Depersonalization	13,5 ± 4,3	11,6 ± 3,8	Z = –2,31	p < 0,05

Редукция личных достижений / Personal Accomplishment (Reduction)	31,2 ± 5,7	36,5 ± 4,9	Z = –2,67	p < 0,05

Методологическое ограничение по группе преподавателей. В данном пилотном исследовании контрольная группа преподавателей не формировалась в силу малого общего числа штатных сотрудников факультета (n = 14), что не позволило разделить их на две репрезентативные подгруппы. Полученные результаты по показателю выгорания интерпретируются как предварительные и требуют подтверждения на расширенной выборке.

2. Сравнительный анализ академической мотивации студентов

Для оценки эффективности интерактивных методик сопоставлены приросты показателей внутренней мотивации (Δ = «после»—«до») в экспериментальной (n = 44) и контрольной (n = 42) группах.

Таблица 3 / Table 3

Сравнение прироста учебной мотивации студентов (Δ = «после»—«до», M ± SD)
Comparison of Students' Academic Motivation Growth (Δ = «после»—«до», M ± SD)

Показатель / Indicator	**ЭГ / EG (n = 44)**	**КГ / CG (n = 42)**	**U-критерий Манна — Уитни / Mann—Whitney U test**	**Уровень значимости (p) / Significance level (p)**
Познавательная мотивация / Cognitive motivation	+6,8 ± 3,1	+0,9 ± 2,4	U = 214,5	p < 0,01
Мотивация достижения / Achievement motivation	+5,2 ± 2,8	+0,7 ± 2,1	U = 237,0	p < 0,01
Мотивация саморазвития / Self-development motivation	+4,9 ± 3,0	+1,1 ± 2,3	U = 251,0	p < 0,05
Общий показатель внутренней мотивации / Overall intrinsic motivation score	+5,6 ± 2,7	+0,9 ± 2,2	U = 198,5	p < 0,01

3. Результаты качественного анализа (контент-анализ)

Материалы полуструктурированных интервью с преподавателями (n = 14) подвергнуты контент-анализу с выделением смысловых категорий:

- снижение рутинности профессиональной деятельности отмечено у 78,6% респондентов;
- возвращение авторской / исследовательской позиции зафиксировано у 71,4% педагогов;
- повышение эмоционального принятия студентов как коллег по анализу кейса — 64,3%;
- сохранение чувства тяжести при работе с деструктивной тематикой (отсутствие изменений) отмечено лишь 14,3% респондентов.

Данные анкет обратной связи студентов ЭГ (n = 44) показали, что 86,4% респондентов отметили снижение тревоги перед выходом на производственную практику. Снижение страха профессиональной ошибки при решении экспертных задач составило 31%, при этом 79,5% указали, что игровой формат позволил безопасно «примерить» экспертную роль.

Обсуждение результатов

Полученные эмпирические результаты подкрепляют выдвинутую гипотезу и находят четкое объяснение в рамках выбранных теоретических платформ.

Снижение деперсонализации преподавателей на 14,2% ($p < 0,05$) и эмоционального истощения на 18,5% ($p < 0,05$) согласуется с концепцией профессионального развития Э.Ф. Зеера (2019). Переход от контролирующе-транслирующей позиции к ролям модератора и супервизора восстанавливает авторское начало педагога и его профессиональную идентичность. Личностное включение в конструирование сценариев снижает влияние методической рутинизации при работе с деструктивным контентом.

Динамика академической мотивации у студентов (прирост 23% по познавательной шкале, $p < 0,01$) прямо подтверждает базовые положения теории самодетерминации E. Deci и R. Ryan (2000). Внедренные технологии («Кон_Крет-но», «Moot Court», «NarraLaw») удовлетворяют ключевые потребности обучающихся:

- в автономии — через свободу выбора стратегии, конструирование вопросов и самостоятельный выбор тактики допроса;
- в компетентности — через безопасное опробование экспертных функций и снижение страха ошибки на 31% благодаря «игровому куполу» (Эльконин, 1999).

Практические рекомендации

На основе проведенного исследования сформулированы следующие рекомендации для факультетов юридико-психологического и педагогического профилей.

1. Внедрять интерактивные проектно-игровые технологии в качестве обязательных дидактических модулей рабочих программ дисциплин «Судебно-психологическая экспертиза», «Психология девиантного поведения», «Психология конфликта».

2. Организовать методические семинары для профессорско-преподавательского состава по освоению фасилитативных ролей («модератор», «процессуальный супервизор», «арбитр»).

3. Формировать единые межвузовские банки деперсонифицированных экспертных кейсов для безопасного моделирования экспертных ситуаций.

Заключение

1. Креативная компетентность преподавателя юридической психологии, реализованная через проектно-игровые технологии, выступает действенным ресурсом профилактики профессионального выгорания: зафиксировано статистически значимое снижение эмоционального истощения (на 18,5%, $p < 0,05$) и деперсонализации (на 14,2%, $p < 0,05$).

2. Интерактивные форматы («Кон_Крет-но», «Психологический Moot Court», «NarraLaw») обеспечивают устойчивый рост внутренней учебной мотивации у студентов (прирост 23%

относительно контрольной группы, $p < 0{,}01$) за счет удовлетворения базовых потребностей в автономии и компетентности.

3. Модель «двойного плана поведения» создает безопасный дидактический буфер, позволяющий отрабатывать навыки квалификации конфликтов и судебно-психологической диагностики без риска психотравматизации, снижая страх профессиональной ошибки на 31%.

4. Разработанные технологии адаптированы под требования ФГОС ВО 3++ и нацелены на формирование компетенций ОПК-6, УК-3 и ПК-2.

Ограничения и перспективы исследования

Ограничения

Пилотный характер работы и малый объем выборки преподавателей ($n = 14$) не позволяют распространять выводы на всю генеральную совокупность.

Отсутствие контрольной группы преподавателей снижает строгость выводов о причинно-следственных связях динамики выгорания.

Исследование проводилось на базе одного факультета (МГППУ), что ограничивает внешнюю валидность.

Исходный уровень креативной компетентности педагогов не измерялся отдельным психометрическим инструментарием.

Перспективы исследования

Дальнейшие направления работы авторов связаны с расширением дизайна эксперимента и включают:

1) организацию *лонгитюдных срезов* для оценки временной устойчивости зафиксированных эффектов снижения эмоционального выгорания у педагогов и поддержания учебной мотивации у студентов;
2) проведение кросс-вузовских сравнительных исследований с целью проверки масштабируемости разработанных игровых и симуляционных технологий на других факультетах юридического и психологического профилей;
3) включение в модель *дополнительных зависимых переменных* (показателей академической успеваемости обучающихся, уровня удовлетворенности профессией и объективных экспертных метрик качества решения практических задач).

Список источников / References

1. Бовина, И.Б., Дворянчиков, Н.В. (2022). Человек в цифровом обществе: социально-психологический взгляд. В: Р.В. Ершова (Ред.), *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции* (с. 38—41). Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. URL: https://elibrary.ru/bmkkkx (дата обращения: 03.04.2026).
Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V. (2022). Man in a digital society: a socio-psychological view. In: R.V. Ershova (Ed.), *Digital society as a cultural and historical context of human development: Collection of scientific articles and materials of an international conference* (pp. 38—41). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/bmkkkx (viewed: 03.04.2026).

2. Бовина, И.Б., Дворянчиков, Н.В., Мельникова, Д.В., Лаврешкин, Н.В. (2022). К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны. *Социальная психология и общество, 13*(3), 8—25. https://doi.org/10.17759/sps.2022130302
Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V., Melnikova, D.V., Lavreshkin, N.V. (2022). Studying Social Representations: an Outsider's Perspective. *Social Psychology and Society, 13*(3), 8—25. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/sps.2022130302
3. Василюк, Ф.Е. (1984). *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
Vasilyuk, F.E. (1984). *Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
4. Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. (2008). *Синдром выгорания: диагностика и профилактика*. СПб: Питер.
Vodopyanova, N.E., Starchenkova, E.S. (2008). *Burnout syndrome: diagnosis and prevention*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
5. Гордеева, Т.О., Сычев, О.А., Осин, Е.Н. (2014). Опросник «Шкалы академической мотивации». *Психологический журнал, 35*(4), 96—107. URL: https://www.elibrary.ru/sjvwln (дата обращения: 03.04.2026).
Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2014). "Academic Motivation Scales" Questionnaire. *Psychological Journal, 35*(4), 96—107. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/sjvwln (viewed: 03.04.2026).
6. Дворянчиков, Н., Шипицын, Д., Нечесова, С.В. (2022). *Профиль убийцы. Психологические аспекты криминального профайлинга*. М.: АСТ. URL: https://www.elibrary.ru/nztkyf (дата обращения: 03.04.2026).
Dvoryanchikov, N., Shipitsyn, D., Nechesova, S.V. (2022). *Profile of the Killer. Psychological Aspects of Criminal Profiling*. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/nztkyf (viewed: 03.04.2026).
7. Дронова, С.Ю. (2020). Мотивация преподавателя: креативность и коллаборативная среда. *Общество: социология, психология, педагогика,* 6(74), 115—121. https://doi.org/10.24158/spp.2020.6.19
Dronova, S.Yu. (2020). The teacher motivation: creativity and collaborative environment. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy,* 6(74), 115—121. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/spp.2020.6.19
8. Еникеев, М.И. (2017). *Юридическая психология с основами общей и социальной психологии*. М.: Норма.
Enikeev, M.I. (2017). *Legal psychology with the basics of general and social psychology*. Moscow: Norma. (In Russ.).
9. Забиров, Д.Д., Смеркович, Л.С. (Ред.). (2017). *Справочник игропрактика: Учебно-методическое пособие*. М.: Владос.
Zabirov, D.D., Smerkovich, L.S. (Eds.). (2017). *Game practitioner's handbook: Teaching manual*. Moscow: Vlados Publ. (In Russ.).
10. Зеер, Э.Ф. (2019). *Психология профессионального развития* (2-е изд., испр. и доп.). М.: Юрайт. URL: https://www.elibrary.ru/mzhave (дата обращения: 08.04.2026).
Zeer, E.F. (2019). *Psychology of professional development* (2nd rev. ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/mzhave (viewed: 08.04.2026).

11. Ким, И.Н. (2017). О ключевых проблемах высшего образования в России: формирование профессионализма ППС. *Рыбное хозяйство,* 3, 14—20. URL: https://www.elibrary.ru/zftynn (дата обращения: 03.04.2026).
Kim, I.N. (2021). On key problems of high education in russia: forming of faculty professionalism. *Fisheries,* 3, 14—20. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/zftynn (viewed 03.04.2026).
12. Климов, Е.А. (2004). *Психология профессионального самоопределения*. М.: Издательский центр «Академия». URL: https://www.elibrary.ru/qxienf (дата обращения: 03.04.2026).
Klimov, E.A. (2004). *Psychology of professional self-determination*. Moscow: Academy (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/qxienf (viewed: 03.04.2026).
13. Коваль, А.С., Аверюшкин, А.Н., Бойкина, Е.Э. (2025). Применение креативных методов в педагогике высшей школы как фактор сформированности профессиональной идентичности преподавателя. В: *Профессиональная идентичность современного педагога: новые грани и традиционные ценности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 27—28 февраля 2025 года* (с. 141—149). Махачкала: АЛЕФ, ЧГПУ. URL: https://www.elibrary.ru/bkhctp (дата обращения: 27.04.2026).
Koval, A.S., Averyushkin, A.N., Boykina, E.E. (2025). The use of creative methods in higher school pedagogy as a factor in teacher's professional identity formation. In: *Professional identity of a modern teacher: new facets and traditional values: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference* (pp. 141—149). Makhachkala: ALEF Publishing House LLC, Chechen State Pedagogical University Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/bkhctp (viewed: 27.04.2026).
14. Макгонигал, Д. (2018). *Реальность под вопросом. Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир*. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер.
McGonigal, J. (2018). *Reality Is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World*. Trans. from Engl. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ. (In Russ.).
15. Маркова, А.К. (1996). *Психология профессионализма*. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание». URL: https://elibrary.ru/yqcjkt (дата обращения: 13.04.2026).
Markova, A.K. (1996). *Psychology of professionalism*. Moscow: Znanie Foundation Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/yqcjkt (viewed: 13.04.2026).
16. Михалкин, Н.В., Аверюшкин, А.Н. (2021). Содержание и виды безопасности образовательной среды. *Язык и текст, 8*(1), 82—96. https://doi.org/10.17759/langt.2021080110
Mikhalkin, N.V., Averyushkin, A.N. (2021). Content and Types of Safety of the Educational Environment. *Language and Text, 8*(1), 82—96. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2021080110
17. Смыслова, С. (2022). *Проектирование образовательного опыта*. М.: Альпина Паблишер.
Smyslova, S. (2022). *Designing an educational experience*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).
18. Хёйзинга, Й. (1997). *Homo Ludens. Человек играющий*. Опыт определения игрового элемента культуры. Пер. с нидерл. М.: Эксмо-Пресс.
Huizinga, J. (1997). *Homo Ludens. Proeve eener bepaling van нет spel-element der cultuur* =

Homo Ludens. A study of the play-element in culture. Trans. from Dutch. Moscow: Eksmo-Press. (In Russ.).

19. Шелл, Д. (2019). *Геймдизайн: Как создать игру, в которую будут играть все*. М.: Альпина Паблишер.
Schell, J. (2019). *The Art of Game Design: A Book of Lenses*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).
20. Шиллер, Ф. (1955). Статьи по эстетике. В: Ф. Шиллер. *Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6*. М.: Государственное издательство художественной литературы.
Schiller, F. (1955). Articles on aesthetics. In: F. Schiller. *Collected Works: In 7 vols. Vol. 6*. Moscow: State Publishing House of Artistic Literature. (In Russ.).
21. Эльконин, Д.Б. (1999). *Психология игры*. М.: Владос.
Elkonin, D.B. (1999). *Psychology of play*. Moscow: Vlados Publ. (In Russ.).
22. Deci, E.L., Ryan, R.M. (2000). The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry, 11*(4), 227—268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01
23. Maslach, C., Jackson, S.E., Leiter, M.P. (1996). *Maslach Burnout Inventory Manual* (3rd ed.). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
24. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology, 61*, Article 101860. https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101860

Информация об авторах

Александр Николаевич Аверюшкин, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3150-0385, e-mail: averyushkinan@mgppu.ru

Ксения Николаевна Дворянчикова, студентка кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-9765-1957, e-mail: dvorianick@gmail.com

Александра Сергеевна Коваль, преподаватель кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-4504-3469, e-mail: kovalas@mgppu.ru

Дарина Михайловна Купцова, преподаватель кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6803-1984, e-mail: kuptsovadm@mgppu.ru

Information about the authors

Alexander N. Averyushkin, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow,

Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3150-0385, e-mail: averyushkinan@mgppu.ru

Ksenia N. Dvoryanchikova, Student of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-9765-1957, e-mail: dvorianick@gmail.com

Alexandra S. Koval, Lecturer of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-4504-3469, e-mail: kovalas@mgppu.ru

Darina M. Kuptsova, Lecturer of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6803-1984, e-mail: kuptsovadm@mgppu.ru

Вклад авторов

Аверюшкин А.Н. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Дворянчикова К.Н. — сбор и анализ данных.

Коваль А.С. — разработка дизайна исследования, сбор и обработка данных, подготовка аналитической справки по актуальному состоянию проблемы, оформление рукописи.

Купцова Д.М. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Alexander N. Averyushkin — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Ksenia N. Dvoryanchikova — data collection and analysis.

Alexandra S. Koval — developing a research design, collecting and processing data, preparing an analytical report on the current state of the problem, and drafting the manuscript.

Darina M. Kuptsova — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аверюшкин А.Н., Дворянчикова К.Н.,
Коваль А.С., Купцова Д.М. (2026)
Креативная компетентность преподавателя
юридической психологии как ресурс профилактики
выгорания и мотивации студентов
Психология и право, 16(3), 60—75.

Averyushkin A.N., Dvoryanchikova K.N.,
Koval A.S., Kuptsova, D.M. (2026)
Creative competence of a legal psychology
instructor as a resource for burnout
prevention and student motivation
Psychology and Law, 16(3), 60—75.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.06.2026
Поступила после рецензирования 14.07.2026
Принята к публикации 26.07.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.01
Revised 2026.07.14
Accepted 2026.07.26
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 76–92.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000002
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 76–92.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000002
ISSN 2222-5196 (online)

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Научная статья | Original paper

Социальная идентичность и стигматизация в контексте совладающего поведения у осужденных: теоретическая модель

Д.В. Мельникова[1] ✉, **Н.В. Дворянчиков**[1], **Е.Д. Белова**[1], **И.Б. Бовина**[1]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ melnikovadv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящей работе совладающее поведение осужденных рассматривается через призму стигматизации как ключевого стресс-фактора. Социальная идентичность выступает двойственным механизмом, определяющим выбор стратегий совладания: она может быть ресурсом, смягчающим последствия стигматизации, или фактором, закрепляющим деструктивные паттерны поведения. **Цель.** Представить теоретический анализ роли социальной идентичности в процессах совладания со стрессом, обусловленным стигматизацией осужденных в пенитенциарной среде. **Теоретическая рамка.** Стигматизация рассматривается как форма угрозы идентичности, запускающей процессы когнитивной оценки и совладания. Социальная идентичность понимается в логике подхода Г. Тэшфела, как знание индивидом своей принадлежности к социальным группам, сочетающееся с эмоциональной и ценностной значимостью этого членства. Модель стигматизации интегрируется в модифицированную транзакционную модель стресса. **Результаты.** Показано, что осужденные как стигматизированная группа сталкиваются с двойным вызовом: публичной стигмой и автостигматизацией. Идентификация с группой осужденных может выполнять как «исцеляющую», так и «проклинающую» функцию. Скрываемая стигма создает дополнительный стрессорный контекст, связанный с необходимостью управления информацией о своей принадлежности. **Выводы.** Сформулирована проблема интеграции конструкта стигматизации в исследования совладающего поведения осужденных и предложены направления ее решения с акцентом на множественность социальных идентичностей и качество групповых связей как буферного механизма. Обоснована новизна предлагаемого подхода, заключающаяся в интеграции модифицированной модели совладания с

© Мельникова Д.В., Дворянчиков Н.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б., 2026
CC-BY-NC

идентичностными угрозами и модели множественной идентичности для объяснения выбора копинг-стратегий в пенитенциарной среде.

Ключевые слова: стресс, стигматизация, совладающее поведение, социальная идентичность, осужденный, автостигматизация, скрываемая стигма, множественная идентичность

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-03158.

Для цитирования: Мельникова, Д.В., Дворянчиков, Н.В., Белова, Е.Д., Бовина, И.Б. (2026). Социальная идентичность и стигматизация в контексте совладающего поведения у осужденных: теоретическая модель. *Психология и право, 16*(3), 76—92. https://doi.org/10.17759/psylaw.20260000002

Social identity and stigmatization in the context of coping behavior among prisoners: A theoretical model

D.V. Melnikova[1] ✉, **N.V. Dvoryanchikov**[1], **E.D. Belova**[1], **I.B. Bovina**[1]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ melnikovadv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. In this paper, coping behavior of convicted individuals is examined through the lens of stigmatization as a key stress factor. Social identity acts as a dual mechanism determining the choice of coping strategies: it can serve as a resource that mitigates the effects of stigmatization, or as a factor that reinforces destructive behavioral patterns. **Objective.** To present a theoretical analysis of the role of social identity in the processes of coping with stigma-related stress in the penitentiary environment. **Theoretical framework.** Stigmatization is conceptualized as a form of identity threat that triggers processes of cognitive appraisal and coping. Social identity, following H. Tajfel's definition, is understood as the individual's knowledge of their membership in social groups, combined with the emotional and value significance attached to that membership. The stigmatization model is integrated into a modified transactional model of stress. **Results.** It is demonstrated that convicted individuals, as a stigmatized group, face a dual challenge: external stigma and internal self-stigmatization. Identification with the group of convicted individuals can perform both a "healing" and a "cursing" function. Concealable stigma creates an additional stressor context associated with the need to manage information about one's group membership. **Conclusions.** The problem of integrating the construct of stigmatization into research on coping behavior of convicted individuals is formulated, and directions for addressing it are proposed, with an emphasis on the multiplicity of social identities and the quality of group ties as a buffering mechanism. The novelty of the proposed approach is substantiated, lying in the integration of a modified coping-with-identity-

threats model and a multiple-identity model to explain the choice of coping strategies in the penitentiary environment.

Keywords: stress, stigmatization, coping behavior, social identity, convicted individual, self-stigmatization, concealable stigma, multiple identity

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-28-03158.

For citation: Melnikova, D.V., Dvoryanchikov, N.V., Belova, E.D., Bovina, I.B. (2026). Social identity and stigmatization in the context of coping behavior among prisoners: A theoretical model. *Psychology and Law, 16*(3), 76—92. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000002

Введение

Проблема совладающего поведения остается одной из центральных в современной психологической науке (Битюцкая, 2022; Мельникова, Бовина, Дебольский, 2025; Сапоровская и др., 2022; и др.). В фокусе настоящей статьи находятся особенности совладающего поведения осужденных к лишению свободы. Нам представляется, что для углубленного понимания данного вопроса перспективным является обращение к потенциалу теории социальной идентичности в контексте стигматизации, что и составляет основную цель настоящей работы.

Следуя логике когнитивно-феноменологической теории Р. Лазаруса и С. Фолкман (Lazarus, Folkman, 1984), опираясь на отечественные исследования, мы предлагаем рассмотреть совладающее поведение не только на индивидуальном, но и на социальном уровне. При этом социальный контекст в данном вопросе учитывается недостаточно. В большинстве исследований он представлен либо с позиции усвоенных в семье копинг-стратегий, либо в ключе поиска социальной поддержки как одного из ресурсов совладания.

Вместе с тем в последние годы появились работы, направленные на преодоление этого ограничения. В частности, Е.П. Белинская (2025), Т.В. Мальцева и Т.А. Нестик (2022) указывают как на необходимость контекстуализации совладающего поведения, так и на важность учета социальных и социокультурных факторов. Однако потенциал теории социальной идентичности в контексте стигматизации остается недостаточно раскрытым.

Между тем социальная среда, в которой находится человек, группы, к которым он принадлежит, влияют на оценку ситуации и на выбор стратегий совладания с ней. Особую значимость этот тезис приобретает применительно к осужденным — группе, которая традиционно подвергается интенсивной стигматизации. Стигма, будучи мощным стрессогенным фактором, трансформирует процессы когнитивной оценки и выбора копинг-стратегий, а социальная идентичность выступает в этой динамике ключевым модератором.

Анализ литературы показывает, что при всей глубине проработки индивидуально-личностного компонента совладания (Баусова, Осин, 2023; Битюцкая, 2022; Цветкова, Марихин, 2022; и др.) социальный компонент, в особенности связанный со стигматизацией осужденных, требует своего рассмотрения. Восполнить этот пробел, на наш взгляд, позволяет обращение к теоретическому аппарату социальной идентичности и модели стигматизации, что открывает перспективы для понимания детерминации копинг-стратегий в контексте пенитенциарной среды.

Стигматизация как стресс-фактор: социально-психологический подход

В социальной психологии стигма понимается как обладание атрибутом или характеристикой, передающей социальную идентичность, которая обесценивается в конкретном социальном контексте (Crocker, Major, Steele, 1998).

Стигма — это древнегреческий термин, указывающий на наличие на теле человека некоторого знака или отметины. Исторически стигматизация означала реальное физическое клеймо, наносимое на тела отверженных членов общества (будь то преступники, рабы, предатели и т. п.). Клеймо оказывалось видимым признаком того, что его обладателя следует избегать. В 1963 году И. Гофман (1963) сформулировал концепцию стигматизации, которая оказала влияние на многочисленные исследования не только в социологии, но в криминологии, психологии.

С точки зрения Гофмана, этот знак (или отметина) указывает на *испорченность* или *дефектность* человека в моральном плане, т. е. имеющийся у человека тот или иной атрибут дискредитирует его по сравнению с нормальным человеком в умах окружающих (Goffman, 1963).

Стигма, будучи социально сконструированным знанием, а не индивидуальным атрибутом, возникает в том случае, когда индивид отличается от доминирующей социальной нормы по каким-либо параметрам, оцениваемым негативно. Как следствие, вся идентичность человека трактуется через призму именно этого параметра, а сам он подвергается дегуманизации в глазах окружающих (Goffman, 1963). Стигма существует прежде всего в глазах смотрящего.

Хотя в книге «Стигма: заметки по управлению испорченной идентичностью» И. Гофман фокусирует внимание на психически больных людях; тем не менее на основе типологии стигмы, предложенной И. Гофманом в той же работе, а также последующих моделей, концептуализирующих стигматизацию, представляется возможным говорить о том, что самые различные атрибуты могут стать основанием для стигматизации в том или ином контексте. Эти атрибуты варьируют в зависимости от времени и места. Преимущественное внимание исследователей получили такие атрибуты, как раса, этническая принадлежность, ожирение, инвалидность и др., хотя полный список атрибутов, на основе которых индивид подвергался бы стигматизации, отсутствует (Hebl, Baron, 2010).

Большинство определений стигматизации, как отмечают М. Хебл и Л. Бэрон, включают основные компоненты (Hebl, Baron, 2010): признается отличие человека от других людей на основе обладания отрицательным атрибутом; как следствие, человек обесценивается, и это обесценивание распространяется на большинство контекстов. Другими словами, стигматизация ведет в актуализации негативных стереотипов с последующими действиями в отношении стигматизируемого индивида.

Стигматизация может проявляться как в явной, так и в скрытой форме. В первом случае речь идет о нежелании взаимодействовать, социальном исключении и отторжении, дискредитации, дегуманизации и деперсонализации стигматизируемого индивида. Во втором случае речь идет о невербальных проявлениях дискомфорта (например, об отсутствии зрительного контакта); как следствие, в социальных взаимодействиях между стигматизированными людьми и окружающими возникает напряженность (Bos et al., 2013).

В любом случае процесс стигматизации приводит к предубеждению и дискриминации по отношению к стигматизируемому индивиду.

Очевидно, что стигматизация являет собой универсальный инструмент, используемый обществом достаточно давно. Эта универсальность, по-видимому, указывает на то, что она функциональна для людей. С опорой на литературу (Kurzban, Leary, 2001; Phelan, Link, Dovidio, 2001), представляется возможным говорить о том, что стигматизация выполняет следующие функции: 1) *эксплуатация и доминирование*: те, у кого больше власти, могут стигматизировать тех, у кого меньше власти, чтобы сохранить неравенство между группами; 2) *принуждение к следованию социальным нормам*: угроза стигматизации побуждает девиантов соответствовать групповым нормам; 3) *предотвращение заболеваний:* с эволюционной точки зрения подразумевается, что социальное исключение девиантов защищает от инфекционных заболеваний и способствует выживанию.

С точки зрения Дж. Довидио с коллегами (Major et al., 2018), представляется возможным различать следующие функции стигматизации: *усиление собственного Я* (социальное сравнение по нисходящей в активной и пассивной формах); *усиление контроля* (ощущение угрозы ведет к систематическому избеганию, сегрегации, маргинализации определенных групп); *снижение тревожности* (возбуждение экзистенциальной тревоги ведет к неприятию тех, кто отклоняется от культурных норм или стандартов); *оправдание статус-кво* (институциональные формы дискриминации и сегрегации позволяют опираться на расовую идеологию для оправдания рабства).

Хотя со времени появления работы И. Гофмана прошло более 60 лет, интерес к проблеме стигмы только увеличивается, на что указывают современные исследования (Major et al., 2018).

Представляется возможным говорить о том, что на настоящий момент существует целый ряд объяснительных моделей, через призму которых исследователи рассматривают функции и механизмы действия стигмы, а также концептуализируют взаимодействие различных типов стигмы (Major et al., 2018). В фокусе внимания в этих работах оказываются негативные последствий стигматизации, а также способы преодоления стигмы, так называемые стратегии по дестигматизации (Hebl, Baron, 2010; Corrigan, Kosyluk, 2013). Несложно заметить, что от успешности разрешения этих вопросов, как на фундаментальном, так и прикладном уровнях, зависит благополучие тех, на кого направлен стигматизирующий взор общества.

Со времени выхода в свет работы И. Гофмана (1963) был предложен целый ряд концептуальных работ, а также выполнены многочисленные эмпирических работы, направленные на проверку этих моделей. Обратимся к некоторым из них, которые в наибольшей степени приложимы для рассмотрения проблемы стигматизации осужденных. В частности, Дж. Приор и Г. Ридер в своей модели, интегрирующей современное знание о стигматизации, предлагают различать четыре взаимосвязанных стигмы: публичную стигму, автостигму, стигму по ассоциации и структурную стигму (рис. 1). Ключевой элемент модели — это публичная стигма, именно она определяет функционирование всех остальных элементов модели. Под публичной стигмой предлагается рассматривать целый набор социальных и психологических реакций по отношению к обладателю стигматизирующего атрибута.

Под автостигмой предлагается понимать весь комплекс социальных и психологических последствий, связанных с обладанием стигмой. Дж. Приор и Г. Ридер подчеркивают, что этот тип стигмы объединяет предчувствие индивида относительно того, что он является объектом стигматизации, а также негативные убеждения и чувства, обусловленные стигматизирующим условием. Стигма по ассоциации — это социальные и психологические реакции на людей, ассоциирующихся со стигматизируемым индивидом (будь то семья, друзья, люди, работающие с обладателями стигматизирующего атрибута), а также реакции людей, которых ассоциируют со стигматизируемым индивидом. Этот вид стигмы объединяет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, проявляется в явной и неявной форме. Стигматизация по ассоциации сопровождается снижением самооценки и психологическим дистрессом у людей, связанных со стигматизируемыми индивидами (Bos et al., 2013; Pryor, Reeder, 2012).

Структурная стигма представляет собой легитимизацию и сохранение стигматизирующего статуса — как социальными институтами, так и идеологическими системами (Bos et al., 2013).

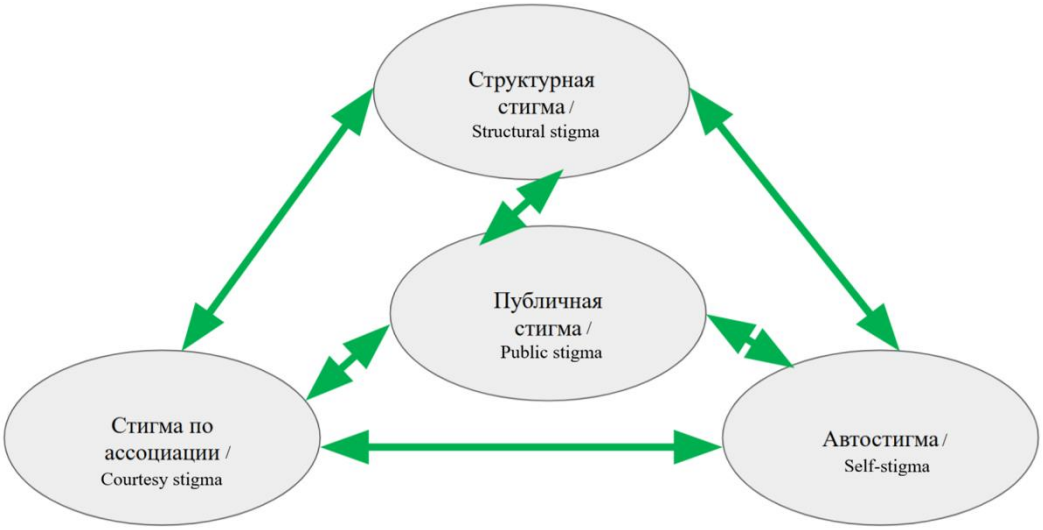

Рис. 1. Модель стигматизации Дж. Приора и Г. Ридера
Fig. 1. Model of Stigmatization by J. Prior and G. Reader

Стигматизация представляет собой мощный стрессогенный фактор, запускающий процессы совладания. Как отмечают С. Бержо и Н. Жиле (Berjot, Gillet, 2011), стигму можно рассматривать через призму транзакционной модели стресса: она создает ситуацию, которая оценивается индивидом как угрожающая его благополучию и превышающая имеющиеся ресурсы. Исследования показывают, что дискриминация ассоциируется с повышенным физиологическим возбуждением и психологическим дистрессом (Major, O'Brien, 2005).

Осужденные как социальная группа сталкиваются с целым рядом источников стигматизации. Во-первых, это публичная стигма и институциональная стигма (Pryor, Reeder, Monroe, 2012), исходящая от общества, институтов и формальных структур, которая проявляется в правовых ограничениях, социальной изоляции и символическом исключении из

сообщества «нормальных» граждан (Вольф, 2024). Во-вторых, — это горизонтальная стигматизация на уровне повседневных взаимодействий с соседями, коллегами, родственниками. И наконец, это интернализованная стигма или автостигма (Pryor, Reeder, Monroe, 2012) — принятие индивидом негативных стереотипов, связанных с его статусом, и перенос их на себя. Кроме того, родственники и близкие осужденных подвергаются стигматизации по ассоциации (Преображенская, 2025; Pryor, Reeder, Monroe, 2012).

Среди различных параметров стигмы (скрываемость, происхождение, ход, эстетические качества, разрушительность, опасность) (Crocker, Major, Steele, 1998) особого внимания заслуживает параметр скрываемой стигмы. В отличие от видимых стигм, судимость относится к категории идентичностей, которые можно скрывать от окружающих (Quinn, Earnshaw, 2013). Однако сама по себе необходимость сокрытия создает постоянное напряжение: осужденный вынужден решать, раскрывать ли информацию о своем статусе или скрывать ее. Даже если окружение не знает о статусе человека, страх раскрытия информации может выступать постоянным источником стресса, влияя на психическое благополучие и выбор стратегий совладания (LeBel, 2006).

Транзакционная модель стресса и ее модификации для анализа угроз социальной идентичности

Классическая модель стресса Р. Лазаруса и С. Фолкман определяет психологический стресс как отношения между человеком и средой, которые оцениваются субъектом как превышающие его ресурсы и угрожающие благополучию (Lazarus, Folkman, 1984). Ключевую роль в этой модели играет когнитивная оценка, проходящая через два этапа: первичную оценку (угрожает ли мне ситуация?) и вторичную оценку (какие ресурсы доступны для совладания?). Выбор копинг-стратегий определяется как характеристиками ситуации, так и устойчивыми личностными переменными.

Однако при всей продуктивности этой модели социальным процессам, которые играют ключевую роль в ситуациях стигматизации, не уделяется должного внимания. Это обстоятельство привело к необходимости модификации модели с учетом группового уровня анализа.

С. Бержо и Н. Жиле (Berjot, Gillet, 2011) предложили модификацию транзакционной модели стресса применительно к ситуациям стигматизации и дискриминации. В их модели особое внимание уделяется этапу когнитивной оценки, которая учитывает специфику угрозы идентичности. Авторы предлагают различать два ключевых мотива, запускаемых в ситуации стигматизации: защиту идентичности и усиление идентичности. При этом угроза может относиться к личной идентичности, социальной идентичности либо к обеим одновременно. Важным дополнением является также учет специфических антицедентов — факторов, предшествующих стигматизации. К ним относятся характеристики стигмы (видимая/скрываемая, контролируемая/неконтролируемая), характеристики ситуации (контекст взаимодействия) и индивидуальные особенности (уровень идентификации с группой, вера в справедливость мира). Все эти факторы опосредуют процесс когнитивной оценки и выбор стратегий совладания.

В работах А. Хаслама с коллегами (Haslam et al., 2018) получила развитие интеграция теории социальной идентичности в парадигму совладания со стрессом. Ключевая

модификация касается первичной и вторичной когнитивной оценки: в классической модели при первичной когнитивной оценке у личности возникает вопрос, связанный с оценкой угрозы лично для него, тогда как через логику идентификации с группой этот вопрос трансформируется в оценку угрозы для группы. Социальная идентичность становится фильтром, через который воспринимается стрессор, а также определяет доступные ресурсы для совладания.

Двойственная природа социальной идентичности

Одним из ключевых теоретических вкладов, который позволяет понять парадоксальную роль социальной идентичности в условиях стигматизации, является концепция «социального исцеления» (social cure) и «социального проклятия» (social curse), разработанная в рамках подхода социальной идентичности, в том числе применяемая в обосновании влияния социальной идентичности на здоровье человека (Haslam et al., 2018; Jetten et al., 2017). С одной стороны, принадлежность к группе обеспечивает чувство связи, социальную поддержку, общие нормы и цели. Именно через идентификацию с группой человек обретает смысл, ценность собственного существования и доступ к ресурсам взаимопомощи. Эти процессы были описаны как «социальное исцеление» (Haslam et al., 2018).

С другой стороны, как отмечают Дж. Джеттен с коллегами (Jetten et al., 2017), идентичность группы может стать «социальным проклятием», особенно когда сама группа подвергается стигматизации и дискриминации. Идентификация со стигматизированной группой может усиливать восприятие дискриминации и, как следствие, увеличивать симптомы депрессии, тревоги и стресса.

Эмпирическое подтверждение этой двойственности применительно к осужденным было получено в ряде недавних исследований. В работе Т. Траверса с коллегами (Traversa et al., 2026) было показано, что различные измерения социальной идентичности связаны с противоположными эффектами. Исследование, проведенное на выборке из 160 осужденных, показало, что чувство связи с другими осужденными (ingroup ties) ассоциировалось со снижением психологического дистресса через уменьшение воспринимаемой социальной изоляции. В контексте, характеризующемся разрывом социальных связей, социальная идентификация может обеспечивать форму восстановления связей, поддерживающую благополучие. И напротив, центральность идентичности осужденного (identity centrality) — то, насколько важной является эта идентичность для самосознания человека, — была связана с усилением автостигматизации и воспринимаемой изоляции, что опосредовало негативную связь с благополучием.

В другом исследовании, проведенном в итальянских тюрьмах (Mosso, Caldera, Re, 2024), было показано, что идентификация с группой осужденных отрицательно связана с благополучием и ожиданием дискриминации. При этом образование как фактор, способствующий формированию альтернативных идентичностей, было положительно связано с саморегуляцией и удовлетворенностью жизнью. Эти данные соответствуют модели отвержения-идентификации (rejection-identification model), согласно которой восприятие дискриминации может усиливать идентификацию со своей группой, однако в случае стигматизированных групп такая усиленная идентификация не компенсирует, а, напротив, усугубляет негативные последствия для благополучия (Branscombe, Schmitt, Harvey, 1999).

В этом контексте особое значение приобретает множественность социальных идентичностей. Как было показано в исследованиях, принадлежность к нескольким группам (особенно тем, которые не подвергаются стигматизации) способствует адаптации и совладанию (Haslam et al., 2018). Наличие множественных идентичностей создает психологический буфер, позволяющий человеку не сводить свое Я исключительно к стигматизированной идентичности. Множественность социальных идентичностей обеспечивает суммирование ресурсов, получаемых от различных групп, и, что не менее важно, создает альтернативные источники самоуважения и смысла.

Для осужденных сохранение множественных позитивных идентичностей (например, связанных с семьей, профессиональной деятельностью, образованием или хобби) может выступать важным ресурсом, удерживающим от исключительной идентификации с криминальной субкультурой и от дезадаптивных копинг-стратегий. Напротив, дефицит таких идентичностей создает условия, в которых человек становится уязвимым к поиску группы, предлагающей четкий, однозначный и простой прототип, что в пенитенциарной среде часто соответствует криминальной субкультуре (Traversa et al., 2026).

Автостигматизация как механизм дезадаптивного совладания

Особым аспектом стигматизации, непосредственно связанным с процессами совладания, является автостигматизация (self-stigma) — принятие индивидом негативных стереотипов общества по отношению к своей группе и перенос их на себя. Для осужденных автостигматизация может проявляться в виде чувства стыда, вины, неполноценности, снижения самоэффективности и веры в возможность позитивных изменений.

Исследования показывают, что стигматизированные группы сталкиваются не только с внешней дискриминацией, но и с внутренним процессом интернализации стереотипов. Как показано в исследовании Т. Траверса с коллегами (Traversa et al., 2026), центральность идентичности осужденного была связана с усилением автостигматизации. Это означает, что чем более важной становится для человека идентичность «осужденного», тем в большей степени он интернализует негативные стереотипы, связанные с этой идентичностью.

Автостигматизация тесно связана с выбором стратегий совладания. Как показывают исследования, осужденные с высоким уровнем автостигматизации чаще обращаются к пассивным, избегающим стратегиям, отрицают проблему и проявляют выученную беспомощность (Тепляшин, Сергиенко, 2020). В исследовании И.И. Пацакула (2023) было выявлено, что осужденные с аутодеструктивным поведением демонстрируют сниженную способность к саморегуляции, отсутствие позитивной картины будущего и склонность использовать неэффективные копинг-стратегии, такие как избегание, отрицание и концентрация на эмоциях. Эти данные соотносятся с выводами о том, что автостигматизация выступает фактором, блокирующим активное проблемно-ориентированное совладание.

Особого внимания заслуживает динамика автостигматизации на разных этапах отбывания наказания. В первоначальный период адаптации к пенитенциарной среде осужденные сталкиваются с наиболее интенсивным влиянием стигматизирующих факторов. В ситуации, когда просоциальные идентичности ослаблены, а криминальная субкультура предлагает четкий и понятный прототип, процесс автостигматизации может ускоряться, закрепляя дезадаптивные паттерны совладания.

Интегративная модель: стигматизация, социальная идентичность и совладание

Обобщая изложенные теоретические положения, мы предлагаем интегративную модель, в которой стигматизация и социальная идентичность выступают центральными конструктами, определяющими выбор стратегий совладающего поведения осужденных. Перечислим *ключевые элементы данной модели*.

- Источники стигматизации, включающие внешнюю институциональную стигму (ограничения прав, формальные барьеры), горизонтальную стигму (негативные установки окружения) и интернализованную стигму (автостигматизация). Особое значение имеет также скрываемая стигма — необходимость управления информацией о своей принадлежности к группе осужденных, создающая постоянное напряжение.
- Когнитивная оценка стрессовой ситуации, модифицированная с учетом угрозы идентичности. В соответствии с моделью Бержо и Жиле (Berjot, Gillet, 2011), первичная оценка включает определение того, угрожает ли ситуация личной и/или социальной идентичности, а вторичная — оценку ресурсов для их защиты и усиления. А. Хаслам с коллегами (Haslam et al., 2018) добавляют к этому групповой уровень оценки: угроза оценивается не только для «меня», но и для «моей группы».
- Множественность социальных идентичностей, выступающая ключевым модератором. Наличие нескольких позитивных и совместимых идентичностей создает буферный ресурс, снижающий уязвимость к стигматизации и расширяющий доступные стратегии совладания (Mosso et al., 2024). Напротив, дефицит множественных идентичностей повышает уязвимость к поиску группы с четким прототипом и риску криминальной идентификации.
- Направленность копинг-стратегий, дифференцируемая в зависимости от доминирующей идентификации: просоциальная идентичность способствует обращению к формальной поддержке, активному решению проблем и сохранению связей с семьей; криминальная идентичность способствует агрессивным и манипулятивным стратегиям, соответствующим нормам криминальной субкультуры (Дворянчиков, 2023; Дворянчикова, 2026; Налетова, Дворянчиков, Дворянчикова, 2025).
- Результаты совладания — либо успешная адаптация и ресоциализация, либо криминализация и закрепление дезадаптивных копингов.

Предлагаемая модель носит теоретический, интегративный характер и основана на синтезе существующих эмпирически подтвержденных теорий (Berjot, Gillet, 2011; Haslam et al., 2018; Lazarus, Folkman, 1984; Traversa et al., 2026). Эмпирическая верификация причинно-следственных связей, предполагаемых моделью, является задачей последующих исследований.

От изучения индивидуального совладания к анализу совладания в контексте стигматизации

Новизна предлагаемого в настоящей работе подхода заключается в интеграции нескольких теоретических линий, которые до настоящего времени рассматривались преимущественно изолированно. В отличие от классических исследований совладающего поведения, фокусирующихся на индивидуальных копинг-стратегиях и личностных ресурсах,

предлагаемый подход помещает стигматизацию и социальную идентичность в центр объяснительной схемы.

Во-первых, новизна заключается в применении модели стигматизации, разработанной в работах Бержо и Жиле (Berjot, Gillet, 2011), к анализу поведения осужденных. В отличие от исследований дискриминации других социальных групп, где эта модель уже нашла применение (Haslam et al., 2018), в контексте пенитенциарной психологии она используется впервые. Это позволяет объяснить, почему осужденные в ситуации стигматизации выбирают различные стратегии совладания, включая как адаптивные (поиск поддержки, активное решение проблем), так и дезадаптивные (избегание, самоизоляция, агрессия).

Во-вторых, новизна состоит в интеграции конструкта скрываемой стигмы в анализ совладающего поведения осужденных (Quinn, Earnshaw, 2013). В отличие от исследований видимых стигм, где стратегии сокрытия менее актуальны, для осужденных проблема «говорить или не говорить» о своей судимости становится постоянным источником стресса и фактором, определяющим выбор копинг-стратегий (LeBel, 2006).

В-третьих, новизна заключается во введении конструкта множественной социальной идентичности как буферного механизма, удерживающего от криминальной идентификации и дезадаптивных копингов. В пенитенциарной психологии этот конструкт ранее не применялся в контексте анализа стигматизации, что открывает новые перспективы для оценки риска и разработки программ ресоциализации (Mosso, Caldera, Re, 2024).

Наконец, новизна предлагаемого подхода заключается в смещении исследовательской оптики — от изучения «совладающей личности» к изучению «совладающей личности как члена стигматизированной группы». Это позволяет преодолеть характерный для многих исследований пенитенциарной психологии индивидуализм и учесть тот факт, что выбор стратегий совладания в стрессовой ситуации в значительной степени определяется нормами и ценностями тех групп, с которыми идентифицируется осужденный, а также процессами интернализации стигмы.

Заключение

Совладающее поведение осужденных рассматривается в настоящей работе через призму стигматизации как ключевого стресс-фактора и социальной идентичности как двойственного механизма совладания. Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Стигматизация является мощным стрессогенным фактором, запускающим процессы совладания. Осужденные сталкиваются с внешней стигмой, горизонтальной стигматизацией и автостигматизацией, что создает сложную систему стрессоров, требующих постоянного совладания.

Социальная идентичность осужденных выполняет двойственную функцию. С одной стороны, идентификация с группой, основанная на чувстве связи с другими осужденными, может обеспечивать социальную поддержку и снижать восприятие изоляции («исцеление»). С другой стороны, центральность идентичности осужденного в самосознании может усиливать автостигматизацию и восприятие дискриминации («проклятие») (Traversa et al., 2026).

Модифицированные модели стресса (Berjot, Gillet, 2011; Haslam et al., 2018) позволяют интегрировать конструкт стигматизации и социальной идентичности в анализ совладающего поведения. Ключевое значение имеет этап когнитивной оценки, где угроза идентичности становится центральным элементом первичной и вторичной оценки.

Скрываемая стигма создает дополнительный стрессорный контекст, связанный с необходимостью управления информацией о своей принадлежности к группе осужденных. Даже если окружение не знает о статусе человека, страх раскрытия может выступать постоянным источником стресса.

Множественность позитивных социальных идентичностей выступает буферным механизмом, снижающим уязвимость к стигматизации и криминальной идентификации. Дефицит таких идентичностей, напротив, повышает риски обращения к группам с четким прототипом и дезадаптивных стратегий совладания (Mosso, Caldera, Re, 2024).

Новизна предлагаемого подхода заключается в интеграции модели стигматизации, модифицированных моделей стресса и конструкта множественной идентичности для объяснения выбора копинг-стратегий в пенитенциарной среде.

Таким образом, анализ процессов стигматизации и социальной идентичности может повысить прогностическую силу оценки рисков и эффективность психологической помощи в процессе ресоциализации, а также способствовать разработке программ, направленных на снижение автостигматизации и поддержку множественных просоциальных идентичностей.

Список источников / References

1. Баусова, М.Д., Осин Р.В. (2023) Взаимосвязь самоотношения и копинг-стратегий личности. В: *Актуальные проблемы науки и образования: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, посвященной 80-летию Пензенского государственного университета, Пенза, 19—25 октября 2023 года* (с. 139—141). Пенза: Пензенский государственный университет. URL: https://www.elibrary.ru/foiqnr (дата обращения: 21.04.2026).
   Bausova, M.D., Osin, R.V. (2023). The Relationship between Self-Attitude and Personality's Coping Strategies. In: *Current Problems of Science and Education: Collection of Scientific Articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of the Teaching Staff, Postgraduate Students and Students, dedicated to the 80th Anniversary of Penza State University, Penza, October 19—25, 2023* (pp. 139—141). Penza: Penza State University Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/foiqnr (viewed: 21.04.2026).
2. Белинская, Е.П. (2025). Совладание с трудностями как проблема в социальной психологии. *Социальная психология и общество, 16*(4), 16—30. https://doi.org/10.17759/sps.2025160402
   Belinskaya, E.P. (2025). Coping with difficulties as a problem in social psychology. *Social Psychology and Society, 16*(4), 16—30. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/sps.2025160402
3. Битюцкая, Е.В. (2022). Успешность копинга. *Психология. Журнал Высшей школы экономики, 19*(2), 382—404. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-382-404
   Bityutskaya, E.V. (2022). Coping Success. Psychology. Journal of the Higher School of Economics, *19*(2), 382—404. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-382-404

4. Вольф, Э.Ф. (2024). Исправлению не подлежит. *Уральский журнал правовых исследований*, 3(28), 49—60. https://doi.org/10.34076/2658_512X_2024_3_49
Volf, E.F. (2024). Not subject to correction // Ural Journal of Legal Studies, 3(28), 49—60. (In Russ.). https://doi.org/10.34076/2658_512X_2024_3_49
5. Дворянчиков, Н.В., Бовин, Б.Г., Мельникова, Д.В., Белова, Е.Д., Бовина, И.Б. (2023). Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии. *Социальная психология и общество, 14*(4), 23—37. https://doi.org/10.17759/sps.2023140402
Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Melnikova, D.V., Belova, E.D., Bovina, I.B. (2023). Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments. *Social Psychology and Society, 14*(4), 23—37. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/sps.2023140402
6. Дворянчикова, К.Н. (2026) Социальная идентичность и риск радикализации в подростково-молодежной среде. В: *Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии: Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. Москва, 15—23 мая 2026 года* (с. 69—70). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://www.elibrary.ru/znhwag (дата обращения: 14.05.2026).
Dvoryanchikova, K.N. (2026) Social identity and the risk of radicalization among adolescents and young people. In: *Interuniversity scientific and practical Internet conference on legal psychology: Collection of abstracts of participants of the scientific and practical Internet conference on legal psychology. Moscow, May 15-23, 2026* (pp. 69—70). Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/znhwag (viewed: 14.05.2026).
7. Мальцева, Т.В., Нестик, Т.А. (2022). Копинг-стратегии и отношение личности к пандемии COVID-19. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 7*(2), 35—55. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2022_26_2_02
Maltseva, T.V., Nestik, T.A. (2022). Coping strategies and personality attitudes to the COVID-19 pandemic. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology, 7*(2), 35—55. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2022_26_2_02
8. Мельникова, Д.В., Бовина, И.Б., Дебольский, М.Г. (2025). Совладающее поведение осужденных: к вопросу о потенциале теории социальной идентичности. *Психология и право, 15*(1), 140—157. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150110
Melnikova, D.V., Bovina, I.B., Debolsky, M.G. (2025). Coping behavior of convicts: towards the potential of social identity theory. *Psychology and Law, 15*(1), 140—157. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150110
9. Налетова, Д.А., Дворянчиков, Н.В., Дворянчикова, К.Н. (2025). Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка). *Экстремальная психология и безопасность личности, 2*(4), 25—40. https://doi.org/10.17759/epps.2025020402
Naletova, D.A., Dvoryanchikov, N.V., Dvoryanchikova, K.N. (2025). Possibilities of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth within the framework of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical verification). *Extreme Psychology and Personal Safety, 2*(4), 25—40. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/epps.2025020402
10. Сапоровская, М.В., Крюкова, Т.Л., Хазова, С.А., Тихомирова, Е.В. (2022). Новости Костромской психологической научной школы: о VI Международной научной

конференция «Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности». *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, *28*(4), 122—126. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-122-126
Saporovskaya, M.V., Kryukova, T.L., Khazova, S.A., Tikhomirova, E.V. (2022). News of the Kostroma School of Psychology: about the VI International Scientific Conference "Psychology of Stress and Coping Behavior: Stability and Variability of Relationships, Individuals, Groups in the Age of Uncertainty". *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 28*(4), 122—126. (In Russ.). https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-122-126

11. Пацакула, И.И. (2023). Индивидуально-психологические особенности и совладающее поведение у мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. *Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки, 6*(1), 132—138. https://doi.org/10.54072/26586568_2023_6_1_132
Patsakula, I.I. (2023). Individual-psychological characteristics and coping behavior among men serving sentences in prisons. *Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological Sciences. Pedagogical Sciences, 6*(1), 132—138. (In Russ.). https://doi.org/10.54072/26586568_2023_6_1_132
12. Преображенская, С.С. (2025). «Исключенные заключенные»: системный кризис семьи и вызов нейтральности терапевта. *Психология и психотерапия семьи,* 4, 40—42. https://doi.org/10.24412/2587-6783-2025-4-40-42
Preobrazhenskaya, S.S. (2025). "Excluded prisoners": the systemic crisis of the family and the challenge to the therapist's neutrality. *Family Psychology and Psychotherapy,* 4, 40—42. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2587-6783-2025-4-40-42
13. Тепляшин, П.В., Сергиенко, А.С. (2020). Роль феномена выученной беспомощности в ресоциализации осужденных, изолированных от общества. *Научный компонент*, 1(5), 68—73. https://doi.org/10.51980/2686-939X_2020_1_68
Teplyashin, P.V., Sergienko, A.S. (2020). The role of the phenomenon of learned helplessnessin the re-socialization of convicts isolated from society. *Scientific Component,* 1(5). 68—73. (In Russ.). https://doi.org/10.51980/2686-939X_2020_1_68
14. Цветкова, М.В., Марихин, С.В. (2022). Влияние личностных характеристик на выбор успешных копинг-стратегий в условиях стресса. *Символ науки,* 10-1, 47—50. URL: https://www.elibrary.ru/eeginu (дата обращения: 19.05.2026).
Tsvetkova, M.V., Marihin, S.V. (2022). The influence of personal characteristics on the choice of successful coping strategies when adapting to stress. *Symbol of Science,* 10-1, 47—50. URL: https://www.elibrary.ru/eeginu (viewed: 19.05.2026).
15. Berjot, S., Gillet, N. (2011). Stress and coping with discrimination and stigmatization. *Frontiers in Psychology, 2*, Article 33. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00033
16. Bos, A.E.R., Pryor, J.B., Reeder, G.D., Stutterheim, S.E. (2013). Stigma: Advances in Theory and Research. *Basic and Applied Social Psychology, 35*(1), 1—9. https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746147
17. Branscombe, N.R., Schmitt, M.T., Harvey, R.D. (1999). Perceiving pervasive discrimination among African Americans: Implications for group identification and well-being. *Journal of*

Personality and Social Psychology, 77(1), 135—149. https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.1.135
18. Corrigan, P.W., Kosyluk, K.A. (2013). Erasing the Stigma: Where Science Meets Advocacy. *Basic and Applied Social Psychology, 35*(1), 131—140. https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746598
19. Crocker, J., Major, B., Steele, C. (1998). Social stigma. In: D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology. Vol. 2* (4th ed., pp. 504—553). Boston: McGraw-Hill.
20. Goffman, I. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. N.Y.: Simon and Shuster.
21. Haslam, C., Jetten, J., Cruwys, T., Dingle, G., Haslam, S.A. (2018). *The new psychology of health.* Routledge.
22. Hebl, M., Barron, L.G. (2010). Stigma. In: J. Levine, M. Hogg (Eds.). *Encyclopedia of Group Processes.* (pp .861—865). CA: Sage.
23. Jetten, J., Haslam, S.A., Cruwys, T., Greenaway, K.H., Haslam, C., Steffens, N.K. (2017). Advancing the social identity approach to health and well-being: Progressing the social cure research agenda. *European Journal of Social Psychology, 47*(7), 789—802. https://doi.org/10.1002/ejsp.2333
24. Kurzban, R., Leary, M.R. (2001). Evolutionary origins of stigmatization: The functions of social exclusion. *Psychological Bulletin, 127*(2), 187—208. https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.2.187
25. Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping.* New York: Springer Publishing Company.
26. LeBel, T.P. (2006). *Invisible stripes? Formerly incarcerated persons' perceptions of and responses to stigma (Doctoral dissertation).* State University of New York at Albany. ProQuest Dissertations Publishing. URL: https://www.elibrary.ru/hxogil (viewed: 20.05.2026).
27. Major, B., Dovidio, J.F., Link, B.G., Calabrese, S.K. (2018). Stigma and its implications for health: Introduction and overview. In: B. Major, J.F. Dovidio, B.G. Link (Eds.), *The Oxford Handbook of Stigma, Discrimination, and Health* (pp. 3—28). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190243470.013.1
28. Major, B., O'Brien, L.T. (2005). The social psychology of stigma. *Annual Review of Psychology, 56*, 393—421. https://doi.org/10.1146/annurev.psych.56.091103.070137
29. Mosso, C.O., Caldera, A., Re, C. (2024). "I Am Not Just a Prisoner": The effects of social identification on well-being in Italy. *Frontiers in Psychology, 15*, Article 1466376. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1466376
30. Phelan, J.C., Link, B.G., Dovidio, J.F. (2008). Stigma and prejudice: One animal or two? *Social Science and Medicine, 67*(3), 358—367. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.03.022
31. Pryor, J.B., Reeder, G.D., Monroe, A.E. (2012). The infection of bad company: Stigma by association. *Journal of Personality and Social Psychology, 102*(2), 224—241. https://doi.org/10.1037/a0026270
32. Quinn, D.M., Earnshaw, V.A. (2013). Concealable stigmatized identities and psychological well-being. *Social and Personality Psychology Compass, 7*(1), 40—51. https://doi.org/10.1111/spc3.12005

33. Tajfel, H., Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In: W.G. Austin, S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33—47). Monterey, CA: Brooks/Cole.
34. Traversa, T., Foran, A.-M., Marinucci, M., Pancani, L., Riva, P., Jetten, J. (2026). To be or not to be (a prisoner): Social identification as cure and curse via self-stigma and social exclusion. *British Journal of Social Psychology, 65*(2), Article e70082. https://doi.org/10.1111/bjso.70082

Информация об авторах

Дарья Вячеславовна Мельникова, старший преподаватель кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4501-8207, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Николай Викторович Дворянчиков, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1462-5469, e-mail: dvorian@gmail.com

Евгения Дмитриевна Белова, специалист факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-0747-6121, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Инна Борисовна Бовина, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9497-6199, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Darya V. Melnikova, Lecturer of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4501-8207, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, Candidate of Science (Psychology), Docent, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1462-5469, e-mail: dvorian@gmail.com

Evgeniya D. Belova, Specialist of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-0747-6121, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Docent, Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9497-6199, e-mail: innabovina@yandex.ru

Вклад авторов

Мельникова Д.В. — идеи исследования; аннотирование, теоретико-аналитическое исследование совладающего поведения, пенитенциарного стресса и стигматизации.

Дворянчиков Н.В. — идеи исследования, обобщение теоретико-аналитических обзоров.

Белова Е.Д. — теоретическое исследование совладающего поведения, оформление рукописи.

Бовина И.Б. — идеи исследования; аннотирование, теоретико-аналитическое исследование социальной идентичности и стигматизации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Darya V. Melnikova — research ideas; annotation, theoretical and analytical study of coping behavior, penitentiary stress, and stigmatization.

Nikolay V. Dvoryanchikov — research ideas, synthesis of theoretical and analytical reviews.

Evgeniya D. Belova — theoretical study of coping behavior, manuscript preparation.

Inna B. Bovina — research ideas; annotation, theoretical and analytical study of social identity and stigmatization.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.06.2026
Поступила после рецензирования 14.07.2026
Принята к публикации 26.07.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.01
Revised 2026.07.14
Accepted 2026.07.26
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 93–115.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160306
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 93–115.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160306
ISSN 2222-5196 (online)

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Научная статья | Original paper

Стратегии совладания с патологией одиночества и деструкцией переживания времени в условиях длительного одиночного тюремного заключения (обзор зарубежного опыта)

Н.В. Хисматулина[1] ✉
[1] Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ khisnatalya@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Одиночное заключение систематически применяется в пенитенциарных системах мира при отсутствии научно обоснованных критериев его допустимости, несмотря на убедительные данные о необратимых разрушительных последствиях для психофизиологического здоровья человека, определяющих невозможность последующей полноценной ресоциализации и реинтеграции человека, риск рецидива, снижение уровня безопасности общества. **Цель.** Систематизация стратегий совладания заключенных с патологическим одиночеством и деструкцией временного опыта в условиях длительной изоляции для разработки профилактических и реабилитационных программ для (бывших) заключенных. **Гипотеза.** Патологическое одиночество и деструктивное переживание времени являются не индивидуальными патологиями, а системной реакцией здоровой психики на нарушение базовых антропологических условий существования; при этом психика обладает адаптивным потенциалом, реализуемым через специфические копинг-стратегии. **Методы и материалы.** Методология исследования основана на методе тематического анализа научных публикаций и феноменологического синтеза данных в изучении автобиографических свидетельств заключенных. Теоретическую основу составляют идеи экзистенциальной психологии и теории стресса и совладания. **Результаты.** Выявлены компоненты онтологической травмы одиночного заключения: 1) исторически обусловленная трансформация гуманистической реформы в формы психологического насилия; 2) универсальная патология одиночества как биопсихологическая реакция на разрушение социальной природы человека; 3) деструкция переживания времени. Систематизированы и раскрыты стратегии совладания. **Заключение/выводы.** Систематизация и тщательная разработка стратегий

© Хисматулина Н.В., 2026

CC-BY-NC

совладания с травмирующим опытом длительного одиночного тюремного заключения видится основой для разработки профилактических и реабилитационных программ, открывает возможности для поэтапной гуманизации пенитенциарной практики, способствует в стратегическом плане усилению и стабилизации безопасности в обществе посредством снижения уровня рецидива.

Ключевые слова: одиночное заключение, патологическое одиночество, феноменология времени, психологические стратегии выживания, гуманизация пенитенциарной системы

Для цитирования: Хисматулина, Н.В. (2026). Стратегии совладания с патологией одиночества и деструкцией переживания времени в условиях длительного одиночного тюремного заключения (обзор зарубежного опыта). *Психология и право, 16*(3), 93—115. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160306

Coping strategies in dealing with the pathology of loneliness and the destruction of time experience in conditions of long-term solitary confinement (review of foreign experience)

N.V. Khismatulina[1] ✉
[1] Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ khisnatalya@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Solitary confinement is systematically practiced in penal systems around the world despite the lack of scientifically proven criteria for its admissibility and clear evidence of its irreversible destructive effects on human psychophysiological health. As a result, it makes full resocialisation and reintegration impossible, increases the risk of recidivism, and reduces public safety. **Objective.** Systematisation of coping strategies used by convicts to deal with pathological loneliness and destructive time experience in long-term isolation, aimed at developing prevention and rehabilitation programmes for (former) prisoners. **Hypothesis.** Pathological loneliness and destructive time perception are not individual pathologies, but rather a systemic reaction of a healthy psyche to a violation of basic anthropological living conditions; at the same time, the psyche has adaptive potential that can be realised through specific coping strategies. **Methods and materials.** The research methodology is based on the method of thematic analysis of scientific publications and phenomenological synthesis of data in the study of autobiographical evidence of convicts. The theoretical framework is made up of ideas from existential psychology and the theory of stress and coping. **Results.** The components of ontological trauma caused by solitary confinement have been identified: 1) the historically conditioned transformation of humanistic reform into forms of psychological violence; 2) the universal pathology of loneliness as a biopsychological

reaction to the destruction of human social nature; 3) the destruction of time experience. Coping strategies have been systematised and described. **Conclusions.** The systematisation and detailed development of coping strategies to deal with the traumatic experience caused by long-term solitary confinement is seen as the basis for preventive and rehabilitation programmes, providing opportunities for the gradual humanisation of penal practices and contributing strategically to strengthening and stabilising security in society by reducing recidivism rates.

Keywords: solitary confinement, pathological loneliness, phenomenology of time, psychological survival coping strategies, humanisation of the penal system

For citation: Khismatulina, N.V. (2026). Coping strategies in dealing with the pathology of loneliness and the destruction of time experience in conditions of long-term solitary confinement (review of foreign experience). *Psychology and Law, 16*(3), 93—115. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160306

Введение

Актуальность исследования одиночного заключения как феномена уголовно-исполнительной системы обусловлена его систематическим применением в пенитенциарных учреждениях по всему миру при одновременном отсутствии научно обоснованных критериев его допустимости и продолжительности. Несмотря на то, что изначально западными реформаторами XVIII—XIX веков (Howard, 1777) практика изоляции заключенных была задумана как гуманистическая альтернатива телесным наказаниям, современная наука убедительно демонстрирует ее разрушительные последствия для психофизиологического здоровья человека.

Важно подчеркнуть принципиальное различие между общим тюремным заключением и режимами полной изоляции. Если первое характеризуется ограничением свободы передвижения при сохранении социальных контактов, то одиночное содержание предполагает полную сенсорную и социальную депривацию, что качественно меняет характер и тяжесть психологических последствий. В отечественной пенитенциарной психологии проблема длительного одиночного заключения исследована недостаточно. В отличие от зарубежных исследований, российские работы преимущественно фокусируются на общих аспектах тюремной адаптации без дифференциации режимов содержания (Бочкова, 2020; Ильиных, Ганишина, Марьин, 2022; Коноплева и др., 2022; Кряжева, Москвитина, Дикопольцев, 2023; Мельникова, Бовина, Дебольский, 2025; Шарипова, 2024). Фундаментальный вклад в понимание психологических аспектов длительного тюремного заключения внесла В.С. Мухина (Мухина, 2009), разработавшая концепцию «абсолюта отчуждения» как состояния комплексного нарушения социальных связей, моральных ориентиров и способности к эмпатии у осужденных к пожизненному наказанию вследствие тяжести совершенных преступлений, перспективы пожизненного заключения и разрыва связей с внешним миром. Тем не менее, следует отметить, что исследование В.С. Мухиной при всей своей глубине представляет анализ тюремной адаптации при сохранении социальных контактов, пусть и в сильно деформированной форме. Основное внимание уделяется социальным и моральным аспектам отчуждения, а не стратегиям совладания с длительной

полной сенсорной и социальной депривацией, что создает пробел в понимании специфики именно изоляционных режимов. Этот пробел особенно актуален в контексте принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (2023), предусматривающего альтернативные формы наказания и усиление роли психологической службы в пенитенциарной системе. Современные отечественные исследования (Громов, 2024; Старостин, Анискина, 2022) начинают заполнять этот пробел, однако системный анализ феномена строгой изоляции, представляющей собой не просто режим усиленного наказания, а экзистенциально опасный для психики феномен онтологической травмы, разрушающей саму структуру человеческого бытия, остается недостаточно разработанным.

Научный дискурс в западноевропейском и североамериканском академических сообществах об одиночном заключении развивался в двух основных направлениях.

Первое направление представлено обширным корпусом клинических и качественных исследований (Andersen et al., 2003; Arrigo, Bullock, 2008; Haney, 2018; Shalev, 2008; и др.), которые последовательно документировали комплекс тяжелых симптомов у заключенных в процессе длительной изоляции: тревогу, депрессию, когнитивные нарушения, перцептивные искажения вплоть до галлюцинаций, паранойи, суицидального поведения. S. Shalev (Shalev, 2008) систематизировала международные данные, подтвердив консенсус научного сообщества относительно необратимого характера многих последствий длительной изоляции, что, в свою очередь, означает невозможность полноценной ресоциализации человека после отбывания наказания. Однако на практике убедительные опасения ученых редко находят отклик в законодательных инициативах. Напротив, как отмечает W. Teays (Teays, 2019), в настоящее время отмечается тенденция отрицать само существование одиночного заключения, заменяя его на официальном уровне такими эвфемизмами, как «дисциплинарная сегрегация» (от англ. ‘disciplinary segregation’), «административная сегрегация» (от англ. ‘administrative segregation’), «отдельное жилое помещение» (от англ. ‘Segregated Housing Units, SHU’), применение которых позволяет утверждать, что такие подразделение/помещения не несут карательной функции, а значит, не оказывают разрушительного психологического влияния на заключенных.

Второе направление, возникшее в 2000-е годы, представлено количественными исследованиями (исследование I. Zinger и C. Wichmann (Zinger, Wichmann, 2001), так называемое «Колорадское исследование» (O’Keefe et al., 2010), аналитика R.D. Morgan и др. (Morgan et al., 2016)), авторы которых приходят к парадоксальным выводам об отсутствии значимого вреда и даже об улучшении психосоматического состояния заключенных в изоляции. Следует отметить, что данные исследования проводились в контексте программ по изучению модификации поведения осужденных в условиях изоляции как *временной* меры с последующим возвращением к обычному режиму содержания; такое краткосрочное изоляционное тюремное пребывание принципиально отличается от практики длительного одиночного заключения (например, в системе «супермаксимальных» тюрем (от англ. ‘Maximum Security Prison; Supermax’)), где режим изоляции применяется в качестве постоянной меры наказания. Как следствие, полученные данные в результате проведенных исследований и выявленные закономерности не могут быть экстраполированы в отношении осужденных на длительное одиночное заключение. Более того, критический анализ указанных выше работ, проведенный C. Haney, социальным психологом, профессором Калифорнийского

университета (Santa Cruz), с 1970-х годов изучающим индивидуальные формы адаптации осужденных и выбираемые ими стратегии совладания с психологическим воздействием разных режимов заключения, в том числе, длительной изоляции, выявил фундаментальные методологические недостатки: некорректный отбор выборки, использование исключительно самоотчетных опросников (например, сокращенный симптоматический опросник Brief Symptom Index, BSI, разработанный L. Derogatis и N. Melisaratos) без клинической верификации, игнорирование контекстуальных факторов (длительность предшествующей изоляции, условия содержания и т. п.) и систематическое исключение из анализа качественных методик (Haney, 2018). Подобный редукционистский подход, по мнению C. Haney, сводит сложный феномен психологических страданий к баллам по шкалам, создает иллюзию научной объективности, но де-факто искажает реальные данные.

Прорывным шагом в преодолении методологических ограничений стало исследование K. Reiter и соавторов (Reiter et al., 2020), применивших мультидисциплинарный подход с триангуляцией методов: сочетание глубинных интервью, шкалы краткой психиатрической оценочной шкалы BPRS, разработанной J.E. Overall и D.R. Gorham (от англ. “Brief Psychiatric Rating Scale”) для количественной и структурной оценки психопродуктивной клинической симптоматики (тревожности, эмоциональной отстраненности, понятийной дезорганизации, чувства вины, враждебности, подозрительности и т. д.), а также анализа медицинских карт и административных данных, что позволило выявить не только общепризнанные симптомы (тревога, депрессия и т. д.), но и специфические, контекстуально обусловленные нарушения, стандартно не фиксируемые психометрическими инструментами: потерю идентичности (25% респондентов из 106 заключенных), сенсорную гиперчувствительность (16%) и глубокое чувство «обесчеловечивания» (73%). Критически важным стало обнаружение устойчивого хронического характера симптомов даже после выхода из изоляции, что указывает на их потенциально необратимую природу.

Несмотря на значительный прогресс в понимании патогенных последствий одиночного заключения, остается существенный пробел в понимании субъективного опыта заключенного в его адаптации к условиям экстремальной изоляции. Большинство работ фокусируются на симптоматике в поисках оснований для запрещения применения одиночного заключения (Lovell, 2008; Rhodes, 2005; Smith, 2006), оставляя без внимания необходимые «здесь и сейчас» стратегии совладания (копинг-стратегии), позволяющие заключенным справляться с травмирующим психику опытом. Ключевыми исследованиями в этой области стали работы S. Cohen и L. Taylor (Cohen, Taylor, 1972), T.A. Kupers (Kupers, 2008), I. O’Donnell (O’Donnell, 2014). Настоящее исследование направлено на теоретическое осмысление и систематизацию «стратегий выживания» в длительном одиночном тюремном заключении на основе разработанных специалистами адаптационных механизмов, а также реальных практик самих заключенных, реконструированных посредством анализа их дневников, мемуаров, воспоминаний, интервью.

Гипотеза исследования состоит в том, что патологическое одиночество и деструктивное переживание времени в условиях длительного одиночного тюремного заключения являются не индивидуальными патологиями, а системной реакцией здоровой психики на нарушение базовых условий человеческого существования; при этом психика человека обладает адаптивным потенциалом, реализуемым через специфические стратегии совладания, которые

способны нивелировать экзистенциальный кризис в условиях экстремальной изоляции. Целью исследования видится систематизация адаптивных стратегий выживания заключенных в условиях одиночного заключения, рассмотренного через призму патологического одиночества и деструктивного переживания времени, понимание которых может способствовать разработке профилактических и реабилитационных программ для (бывших) заключенных.

Материалы и методы

Настоящее исследование представляет собой критический теоретико-обзорный анализ феномена одиночного заключения с применением методов: 1) тематического анализа, по V. Braun и V. Clarke (Braun, Clarke, 2012), в процедуре реализации последовательных этапов иммерсии (многократного погружения в тексты источников с ведением аналитического дневника), генерации начальных кодов (идентификации значимых смысловых единиц, связанных с переживанием одиночества, времени и социальной изоляции), поиска тем (группировки начальных кодов в предварительные тематические кластеры), обзора выявленных тем (попытки концептуализации рассматриваемых исследователями проблем в категориях психологической науки), составлении итогового отчета (систематизации и критического осмысления полученных результатов) и 2) феноменологического синтеза данных, по J.H. van den Berg (Giorgi, 2015), в изложении концепций патологического одиночества, деструктивного переживания времени, длительного одиночного тюремного заключения как формы психологического насилия на основе онтологически первичного субъективного человеческого опыта (автобиографических свидетельств бывших заключенных), представленных еще до научных истолкований («взгляд изнутри»). Экзистенциальная психология (Frankl, 2008) способствует анализу кризиса смысложизненных ориентаций в условиях экстремальной депривации. Теория стресса и совладания, разработанная R.S. Lazarus и S. Folkman (1984), служит основой для систематизации адаптивных стратегий заключенных как способов трансформации травматического опыта. Выбор данных методологических и теоретических оснований обусловлен необходимостью выхода за рамки редукционистских исследований, доминирующих в англоязычной литературе, и перехода к целостному пониманию субъективного опыта изоляции как онтологической травмы.

Результаты

Результаты исследования структурированы в соответствии с концептуальной моделью двойной онтологической травмы. Анализ позволяет выделить три взаимообусловленных измерения разрушительного воздействия одиночного заключения: во-первых, исторический контекст, раскрывающий трансформацию изначально гуманистической реформы в систему психологического насилия; во-вторых, феномен патологического одиночества как универсальной биопсихологической реакции на нарушение горизонтальной оси бытия (связи с Другими); в-третьих, деструкцию временн*о*го опыта как разрушение вертикальной оси существования (связи с прошлым и будущим). Такая структура отражает логику перехода от внешних институциональных механизмов воздействия к внутренним субъективным

переживаниям заключенного, что создает основу для последующего анализа адаптивных стратегий совладания как форм сопротивления переживаемому деструктивному опыту.

1. Одиночное заключение как форма психологического насилия

Европейские и американские тюрьмы конца XVIII — начала XIX века были местами крайнего хаоса, грязи и насилия, где в антисанитарных условиях царили «шум, ссоры, распущенность, сумятица» (Gray, 1847, p. 16). Главной целью таких учреждений было не исправление, а временное содержание до суда, казни или отправки в колонии. Осознание крайней необходимости прекратить распространение не только физической, но и моральной деградации способствовало разработке тюрем с одиночным содержанием заключенных — совершенно нового проекта пенитенциарной системы на основе совмещения эффективного опыта Италии применения карантина (изоляции заключенных для прекращения распространения физических болезней) и духовных монашеских практик (на примере пустынных отцов раннего христианства), вдохновляющих на самоанализ и духовное очищение в отречении от мирской суеты и мирских удовольствий. Эта модель, в которой монах, отрезанный от мира, в тишине и одиночестве вступал в диалог с божественным, стала прообразом будущей пенитенциарной системы: в XIX веке монашеские практики были секуляризированы и перенесены в совершенно иной контекст — мир преступника, который, как представлялось (Howard, 1777), был не столько порочным, сколько невежественным и нуждающимся в нравственном просвещении. Реформаторы, в частности квакеры в США и последователи J. Howard в Европе, стремились заменить публичные казни и телесные наказания «гуманным» наказанием, которое бы не калечило тело, но исцеляло душу. В их представлении исправительные учреждения должны были стать «фабрикой добродетели», а одиночное заключение — инструментом для внутреннего покаяния и морального возрождения, аналогичным монашеской келье: тюрьма, согласно «Журналу тюремной дисциплины и благотворительности» (от англ. ‘Journal of Prison Discipline and Philanthropy’) от 1856 года, должна была перестать быть «питомником неизлечимых» и вместо этого стать «моральным госпиталем» (O’Donnell, 2014, p. 4).

Реформаторская идея нашла свое архитектурное воплощение в американских (корпус тюрьмы Auburn в Нью-Йорке, Восточная государственная пенитенциария (от англ. ‘Eastern State Penitentiary’) в Филадельфии, штат Пенсильвания) и более радикальных английских (тюрьма Pentonville) моделях. Тем не менее, Чарльз Диккенс, посетив американский пенитенциарий в 1842 году, был потрясен, увидев не воплощение реформ гуманизма, а место ужаса, описав атмосферу многолетнего одиночного заключения как «тайное наказание» (от англ. ‘secret punishment’) — «…медленное и ежедневное вмешательство в тайны мозга, которое несравненно хуже любого телесного пытания… потому что его ужасные признаки не так очевидны для глаза и осязания, как шрамы на плоти» (Dickens, 2000, p. 239). Одновременно газета The Times от 29 ноября 1843 года назвала английскую тюрьму Pentonville «каменным склепом» (O’Donnell, 2014, p. 23): уже в первые годы стало очевидно, что система, где заключенный, по сути, становился «погребенным заживо» из-за абсолютного уединения и молчания, вызывает массовые психические расстройства и огромное количество буйных помешательств (38 человек из 544 осуждённых в 1842—1843 годах (O’Donnell, 2014, p. 114)). Эта статистика вызвала общественный резонанс, и лондонская газета The Times в 1843 году

назвала систему «машиной создания сумасшедших/маньяков» (от англ. ‘maniac-making system’).

Несмотря на эту раннюю и пророческую критику, а также постепенное исчезновение терапевтического оптимизма от надежды на самостоятельное духовное перерождение заключенных «в пользу» пессимизма относительно улучшения их поведения без применения репрессивных мер, идея одиночного заключения не исчезла, а лишь трансформировалась: в XX и XXI веках она переродилась в систему «супермаксимальных» тюрем (от англ. ‘Maximum Security Prison; Supermax’), таких как действующие сегодня ADX Florence в Колорадо, Pelican Bay в Колорадо, Tamms в Иллинойсе (закрыта в 2014 году), предназначенные для содержания самых опасных, неуправляемых или проблемных заключенных. Эти учреждения представляют собой высшую степень технологического контроля XXI века: полную физическую и психологическую изоляцию, минимизацию социальных контактов, круглосуточное видеонаблюдение и полную зависимость от системы. Цель такой системы — не реабилитация, а абсолютная нейтрализация заключенного как угрозы. H. Toch описывает подобные современные изоляторы как «…амбулаторию дифференцированного стресса, в которой наименее терпимые нагрузки применяются в самый уязвимый момент», постепенно превращая заключенных «…в нечто менее, чем человеческое» (Toch, 2001). Как показывают исследования C. Haney, длительное содержание в таких условиях вызывает тяжелые формы психических расстройств: глубокую депрессию, панические атаки, галлюцинации, паранойю и экстремальные формы самоповреждения, включая случаи, когда заключенные зашивают себе рот и откусывают пальцы [1] (Haney, 2012). Все эти проявления, по заключению I. O’Donnell, — следствие *патологического одиночества* и болезненного *переживания времени*.

2. Патология одиночества в контексте экстремальной изоляции

Термин «патологическое одиночество» (O’Donnell, 2014), заимствованный из медицинского тезауруса, точно отражает суть явления: это не просто дефицит общения, а глубокая физиологическая и психологическая патология. Нейронаучные исследования демонстрируют, что социальная депривация, являющаяся ядром одиночного содержания, может физически менять структуру мозга: J. Cacioppo и W. Patrick отмечают, что хроническое одиночество активизирует зоны мозга, связанные с угрозой (например, амигдалу), подавляя одновременно зоны, отвечающие за социальное познание, эмоциональные процессы (медиальную префронтальную кору) (Cacioppo, Patrick, 2008); K. James и E. Vanko приходят к выводу, что длительное одиночное заключение приводит к сокращению гиппокампа, отвечающего за память и контроль над стрессом, также подтверждая одновременную гиперактивацию миндалевидного тела (амигдалы), центра страха и тревоги. Как результат, заключенные в изоляции страдают от бессонницы, головных болей, ухудшения зрения, тахикардии, повышенного артериального давления, риска инфарктов и инсультов. Физиологические последствия определяют неврологическую симптоматику: человек становится более подозрительным, замкнутым, раздражительным и агрессивным, что лишь усугубляет его изоляцию (James, Vanko, 2021). Феноменологический анализ, представленный

[1] Haney, C. (2012, June 19). *Testimony.* US Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on the Constitution, Civil Rights, and Human Rights, Hearing on Solitary Confinement. URL: https://www.judiciary.senate.gov/imo/media/doc/12-6-19HaneyTestimony.pdf (viewed: 22.01.2026).

в работах I. O'Donnell, S. Cohen и L. Taylor (Cohen, Taylor, 1972; O'Donnell, 2014), выявляет, что разрушительное воздействие изоляции в условиях патологического одиночества не является случайным, а обусловлено нарушением базовых потребностей человеческой психики. Это воздействие возможно описать посредством взаимосвязанных, хотя и принадлежащих разным историческим и культурным контекстам, явлений: «акедии», «болезни колючей проволоки», «синдрома зимовщика» и «опыта капсульных обитателей/жителей».

1. «Акедия» (от лат 'acedia' — «уныние»), описанная еще в IV—V веках Иоанном Кассианом и Евагрием Понтийским, передает состояние монаха, переживающего мрачную меланхолию и равнодушие к молитве. Р. Барт (R. Barthes) вскрыл экзистенциальную природу этого явления: «Акедия — <…> это не потеря веры, это потеря инвестиции (невозможность вкладываться). Состояние депрессии: душевная смута, усталость, грусть, тоска, упадок духа. Жизнь кажется однообразной, бесцельной, мучительной и бесполезной…» (Барт, 2016, p. 70—71). I. O'Donnell определяет это состояние в качестве прямого аналога патологическому одиночеству заключенного. Ключевое различие заключается в мотивации: монах добровольно выбирает уединение как путь к Богу, подкрепленный надеждой и смыслом, в то время как для заключенного изоляция — это навязанное извне наказание, его одиночество лишено какого-либо смысла и цели. Апатия и уныние, которые для монаха были искушением, для заключенного превращаются в медленную пытку, изматывающую душу» (O'Donnell, 2014, p. 86—87).

2. «Болезнь колючей проволоки» (от англ. 'barbed wire disease') — термин, введенный в обращение в конце XIX — начале XX века для описания состояния интернированных гражданских лиц во время Англо-бурской войны и Первой мировой войны. Симптомы этой болезни в описании швейцарского психиатра A.L. Vischer в точности совпадают с последствиями одиночного заключения: утомление, раздражительность, эмоциональная нестабильность, трудности с концентрацией внимания, беспокойство, повышенная чувствительность восприятия, нарушения сна и аппетита (Vischer, 1919). Важно, что эта патология возникала не от голода или насилия, а от самой структуры лагеря — от ощущения полной зависимости и отсутствия контроля над своей жизнью. Люди, которые до интернирования были активными и целеустремленными, превращались в апатичных, раздражительных и депрессивных «тюремных зомби» (O'Donnell, 2014). Этот исторический прецедент иллюстрирует, что даже при наличии социальных контактов и удовлетворенных физических нужд, само ощущение бесправия и отсутствие перспективы могут привести к тяжелым психическим расстройствам. Соответственно, в условиях полной изоляции данный эффект многократно усиливается.

3. «Синдром зимовщика» (от англ. 'winter-over syndrome') (Strange, Klein, 1973, p. 410—411), характерный для персонала, зимующего на антарктических и арктических станциях, подтверждает универсальность описанного выше феномена. Симптомы этого синдрома включают в себя глубокую депрессию, нарушение сна, рассеяность, когнитивные нарушения («антарктическое торможение» — от англ. 'Antarctic slowing down'/ «эффект спячки» — от англ. 'hybernating effect' / «летаргический эффект» — от англ. 'lethargic effect') (Taylor, 1989, p. 289), повышенную склонность к конфликтам. W.H. Sledge, один из исследователей, описывал, как его коллеги «буквально сходили с ума» от бесконечной ночи и однообразия

(Sledge, Boydstun, Rabe, 1980). Этот пример критически важен, поскольку он подтверждает, что патологическое одиночество — не следствие слабости характера или преступного прошлого (в экспедиции отбирают увлеченных, высокомотивированных, психологически устойчивых специалистов), а естественная реакция здоровой психики на экстремальные условия (разрушительное воздействие изоляции и монотонности).

4. «Опыт капсульных обитателей/жителей» (от англ. ‘capsule inhabitants’ experience’) затрагивает профессиональную деятельность подводников, участников экспериментов по имитации космических полетов. Исследования NASA[2] (2025) выявляют, что даже у этих элитных, прошедших многоступенчатый отбор профессионалов длительное пребывание в «капсуле» вызывает серьезные психологические трудности. Одним из ключевых факторов является «сенсорное обеднение» (от англ. ‘sensory deprivation’) — отсутствие естественного света, свежего воздуха, разнообразных звуков и запахов приводит к дезориентации и галлюцинациям. В таких условиях воображение одновременно становится спасением (мыслительные путешествия за пределы ограниченного реальностью пространства) и угрозой (стирание границы между реальностью и фантазией, ведущее к паранойе и иным формам психоза). Этот опыт напрямую сопоставим с опытом заключенного, чья камера является примитивной, но не теряющей все перечисленные воздействия «капсулой».

Таким образом, независимо от контекста — тюрьма, лагерь, полярная станция или космический корабль — физиологические последствия экстремальной изоляции универсальны. O’Donnell подчеркивает, что длительное одиночество — это глубокая биопсихологическая патология (нейробиологические исследования подтверждают, что хроническое одиночество ведет к повышению уровня кортизола, подавлению иммунной системы, повышению риска сердечно-сосудистых заболеваний и ускорению старения (Xia, Li, 2018)). Ссылаясь на J. Cacioppo и W. Patrick, O’Donnell называет его социальной болью, «наносящей удар по самому сердцу личности» (O’Donnell, 2014, p. 65) и сравнимой по силе с болью физической, которая, согласно Beaumont и Tocqueville, может не просто безжалостно покалечить, но буквально убить человека (Beaumont, Tocqueville, 1833, p. 5). При этом, если монахи, одинокие полярники, космонавты добровольно выбирают экстремальные условия ради достижения духовных или профессиональных целей и сохраняют при этом ресурсные точки опоры в виде идентичности с обществом, служения ему, реализации чувства долга и ответственности, то заключенный в одиночной камере лишен не только социальных контактов, но и в «абсолюте отчуждения» (Мухина, 2009) какого-либо смысла своего существования, будучи полностью отстраненным от общества, по крайней мере, до момента осознания вины, раскаяния и принятия ответственности за свои поступки. Подобная изоляция, навязанная извне как наказание, а не выбранная самостоятельно как путь к цели, обусловливает принципиальные различия в мотивации и контексте и определяет качественно иные, еще более разрушительные для психики последствия одиночного заключения.

[2] *Risk of Adverse Cognitive or Behavioral Changes and Psychiatric Disorders Disorders Leading to In-Mission Health and Performance and Long-Term Health Effects: Evidence Report*. (2025). National Aeronautics and Space Administration. URL: https://humanresearchroadmap.nasa.gov/Evidence/other/HRP-ER-BMED-HFBP-20250210.pdf (viewed: 07.02.2026).

3. Деструктивное переживание времени как компонент пенитенциарного опыта

Помимо одиночества, центральным компонентом тюремного опыта является специфическое переживание времени (Cohen, Taylor, 1972; O'Donnell, 2014). Если одиночество разрушает горизонтальную ось бытия (связь с другими), то время разрушает его вертикальную ось (связь с прошлым и будущим). В условиях одиночного заключения, по замечанию O'Donnell, само восприятие времени претерпевает фундаментальную трансформацию: время перестает быть линейной, направленной величиной, ведущей к целям и будущим событиям, а становится осязаемой, тяжелой, неподвижной, удушающей субстанцией. Один из заключенных, в изложении S. Russo, описывал: «Я проснулся и обнаружил, что моя камера наполнена временем. Оно, казалось, обладало телом и весом… Оно было похоже на чудовище, сжимающее мое горло» (Russo, 1943). Этот феномен, который O'Donnell называет «тяжестью времени», коренится в утрате суверенитета над временем: заключенный не может его структурировать (зачастую в изоляторах невозможно определить время суток), планировать, контролировать. Для свободного человека время — это ресурс, который можно тратить по своему усмотрению, инвестировать или экономить. Для заключенного — это долг, который он обязан отработать, и эта «задолженность обществу» оплачивается в единицах, которые «…нельзя ускорить, сжать, обменять или продать; у них нет замены» (O'Donnell, 2014, p. 189). Это ощущение безмерной длительности срока заключения порождает неконтролируемый невротический страх времени (Russo, 1943) — «хронофобию» (от англ. 'chronophobia') или «тюремный невроз» (Hill, 2002). Яркий пример — заключенный A. Berkman, отбывавший 22-летний срок: в приступе тревоги A. Berkman начал подсчитывать свой срок в секундах, получив цифру, приближающуюся к 700 миллионам секунд. «Пораженный этими цифрами, я меряю камеру шагами… Это безнадежно! Безумие ожидать, что можно пережить такой срок», — писал он в своем дневнике (Berkman, 1912, p. 230). V. Serge (настоящее имя — В.Л. Кибальчич), проведший несколько лет в тюрьмах и ссылках, в мемуарах аналогично описывает непереносимость переживания времени: «Нереальность времени ощутима. Каждая секунда тянется медленно. Какая безмерная пропасть отделяет один час от другого. Когда вы говорите себе заранее, что так пройдет шесть месяцев — или шесть лет, — вы чувствуете ужас перед лицом бездны» (Serge, 1970, p. 56).

Парадоксальной особенностью переживания тюремного времени является его двойственная природа. В настоящем оно тянется мучительно тяжело и медленно, однако в ретроспективе эта же временн*ая* масса сжимается до неузнаваемости. D. Echols, 18 лет проведший в камере смертников, пишет: «Дни казались бесконечными... В отличие от этого, недели, месяцы и позже даже годы, казалось, накапливались с головокружительной скоростью» (Echols, 2013, p. 89). Этот эффект I. O'Donnell объясняет эрозией эпизодической памяти: нейроны кодируют в воспоминания не равномерный поток времени, а значимые события. В условиях тюремной монотонности память не фиксирует какие-либо новые, отличимые друг от друга, яркие воспоминания, не создает «точки привязки», и время в ретроспективе сжимает все эти однородные периоды в один, краткий. В результате заключенный мучительно страдает от медлительного хода каждой секунды, но одновременно с ужасом осознает, что его жизнь «ускользает сквозь пальцы» (O'Donnell, 2014, p. 217—221).

Результаты наблюдений и научных исследований в отношении эффективности применения изоляторов в пенитенциарной системе, а также «взгляд изнутри» в воспоминаниях самих

заключенных отражают назревшую необходимость переосмысления одиночного заключения не как технической меры безопасности, а как формы онтологической пытки, направленной на разрушение фундаментальных параметров человеческого существования: социальной природы, автономии, свободы выбора, понимания смысла и внутреннего принятия происходящего. Научное сообщество все чаще сходится во мнении, что последствия изоляции являются предсказуемыми и неизбежными, а не индивидуальными патологиями, что определяет возможность пересмотра этой практики пенитенциарной системы. Для нашего исследования ценным видится другое направление дискуссий, сфокусированное на адаптивной способности психики человека к «укрощению» времени и переосмыслению длительной изоляции.

Обсуждение результатов. «Стратегии выживания» в карательной модели длительного одиночного заключения

В зарубежной научной литературе обширно представлены исследования, посвященные патогенному воздействию длительной тюремной изоляции на психику заключенного, приводящей к разрушительным последствиям — от когнитивных нарушений и аффективной дезорганизации до суицидального поведения и хронической деперсонализации. Однако системные эмпирические и теоретические работы, посвященные адаптивным копинг-стратегиям, позволяющим заключенным не только выживать в условиях длительной изоляции, но и сохранять целостность Я и даже находить в этом опыте ресурсы для личностного роста, почти полностью отсутствуют. Представленные на зарубежных научных платформах исследования носят преимущественно фрагментарный или описательный характер, без системной концептуализации и практической транслируемости. Так, например, в представлении S. Cohen и L. Taylor ключевым в адаптации заключенных является научиться жить настоящим (будущее — источник непереносимой тревоги), чему способствует «перекалибровка» восприятия даже самых мельчайших деталей окружающего мира, придание ценности которым может насытить «красками» и структурировать день (комментарий заключенного: «Вы отбываете свое время мелкими, ежедневными рывками, живя от одного микроскопического удовольствия до следующего — от блинов до вспышки голубого неба… Попробуйте жить иначе, и вы будете биться головой о стены и кричать, пока ваши легкие не лопнут») (Cohen, Taylor, 1972, p. 179). T.A. Kupers предлагает не сами стратегии, а описательный формат направлений активной адаптации и борьбы за психическую целостность: приоритет интеллектуальной, творческой деятельности, духовных и религиозных практик, физической активности и заботы о теле, обращение к внутреннему миру и создание воображаемых сюжетов, проигрывание которых в сознании создает условия для отдыха от реальности тюремного заключения (Kupers, 2008). Конкретные техники по реализации указанных направлений автором не приводятся.

Для настоящего исследования особую значимость приобретает концепция стратегий выживания I. O'Donnell, в оригинале — 'Seven Rs of survival' (O'Donnell, 2014, p. 226). Систематизация и теоретическое осмысление этих практик и их подкрепление посредством реконструкции нарративов самих заключенных на основе их живых свидетельств (дневников, мемуаров, интервью) видится важным вкладом в пенитенциарную психологию, а также может стать методологической основой для разработки профилактических и реабилитационных

программ, направленных на сохранение личностной структуры заключенного и обеспечение его успешной социальной реинтеграции после освобождения. К анализируемым копинг-стратегиям, которые редко применяются изолировано, а чаще всего сочетаются и дополняют друг друга, формируя уникальный для каждого заключенного набор адаптивных механизмов, отнесены следующие.

1. Rescheduling (перепланирование). Перепланирование — сознательное и волевое усилие по трансформации монотонной и регламентированной тюремной рутины в собственный временной порядок. Перепланирование представляет собой одну из самых фундаментальных стратегий. Заключенные разбивают время на управляемые и подконтрольные только им отрезки, наполненные конкретными задачами — от самых простых, таких как просто решить читать одну главу книги каждое утро или отмечать прошедшие дни в календаре (визуализация сокращения срока заключения) или царапинами на бетонной стене (Echols, 2013), до достаточно сложных, например выполнение многоэтапной программы самообразования, самостоятельно составленной на годы вперед. Цель этого процесса — противостоять «временно*й* аморфности» (от англ. ‘temporal amorphousness’), характерной для тюремной жизни. Когда все дни сливаются в однообразную массу, теряется ощущение прогресса и цели. Перепланирование возвращает чувство субъектности и управления своей жизнью. Создание таких якорей времени (от англ. ‘time anchors’ (O’Donnell, 2014, p. 197)) — будь то еженедельное письмо, ежедневная медитация или занятие спортом — помогает не только структурировать настоящее, но и проецировать себя в будущее, что является ключевым фактором сохранения смысла жизни.

2. Removal (устранение / отвлечение). Если перепланирование связано с активным формированием временно*г*о ландшафта, то устранение — это стратегия удаления от него или иных источников стресса, боли и патологического одиночества, присущих тюремной среде. На психологическом уровне такое самоустранение принимает форму «ментального побега» посредством психологического отключения, медиации, созерцания или погружения в воображаемый мир, фантазии или внутренний диалог. Этот механизм психологической защиты позволяет вынести невыносимое настоящее, сделав его менее реальным: A. Grey по опыту своего одиночного заключения описывал эмоциональное «освобождение» от бремени времени при пристальном наблюдении за «выходками» муравьев (Grey, 1988, p. 115—117); подобные чувства описывал и D Sheehy столетием ранее: «Заключенные — странные существа. Они будут рады общению с мышью или пауком, научатся у них терпению и мужеству. Они могут превратить кустарник или цветок, птицу или крысу в предмет своего пристального интереса. Радость для незанятого ума — это всё, что связано с жизнью…» (Sheehy, 1888, p. 48—49). Однако следует учитывать тонкую грань между здоровым отвлечением и опасной формой дезориентации: постоянная подмена будничной реальности яркой фантазией может иметь разрушительные психологические последствия — так называемый «тюремный паралич», иными словами, потерю способности к критическому мышлению и связи с реальностью. O’Donnell призывает помнить, что стратегия устранения решает лишь симптом проблемы (помогает совладать с тяжестью времени, «анестезирует» заключенного от его воздействия), но не ее коренную причину — экзистенциальный кризис, вызванный лишением свободы и изоляцией (O’Donnell, 2014, p. 232—235).

3. Reduction (сокращение). Эта стратегия направлена на уменьшение веса и давления времени. Достигается она, как правило, двумя способами: 1) путем дробления долгого срока на более мелкие отрезки — вместо того, чтобы думать о десятилетиях, заключенный фокусируется на одном дне, на часе или даже минуте. T.J. Flanagan в своих исследованиях пожизненно осужденных заключенных обнаружил, что многие из них во избежание мыслей о предстоящем безысходном будущем сосредоточивались на конкретной задаче текущего дня («жили одним днем»), что позволяло им избежать подавляющего чувства безнадежности при взгляде на весь срок целиком (Flanagan, 1980); 2) путем «выключения из реальности» во время сна. Как выразился O. Shachak (израильский пилот, попавший в долгосрочный плен (сродни одиночному заключению) в период Войны Судного дня 1973 года) в изложении I. O'Donnell: «То, что не осознается как течение времени во время сна, становится «выигрышем», а не потерей времени» (O'Donnell, 2014, p. 236). A. Speer придерживался подобного подхода во время своего длительного заключения, отмечая в своем дневнике 24 марта 1947 года: «Теперь я сплю по двенадцать часов в сутки. Если мне удастся сохранить такой режим, я сокращу свой срок заключения на целых пять лет — по сравнению с моим обычным временем сна в шесть часов» (Speer, 1976, p. 49). Таким образом, в условиях крайнего дефицита контроля над внешним миром заключенные учатся в управлении временем контролировать единственный доступный им объект — самих себя. I. O'Donnell отмечает при этом, что длительное применение такой стратегии может привести к апатии, деперсонализации, утрате мотивации к изменениям (O'Donnell, 2014, p. 238).

4. Reorientation (переориентация). В отличие от предыдущих пассивных стратегий Переориентация представляет собой активный процесс перенастройки своего мировоззрения и системы ценностей. Заключенные начинают искать смысл в своем заключении, переосмысливая прошлое. V.E. Frankl, переживший Холокост, утверждал, что даже в самых ужасных обстоятельствах человек может найти смысл: «Тот, у кого есть "зачем", чтобы жить, может вынести почти любое "как"» (Frankl, 2008, p. 9). Эта идея «трагического оптимизма» (от англ. 'tragic optimism') — способность сохранять надежду и веру, превратив страдания в шанс стать лучше (Frankl, 2008, p. 105) — имеет глубокий отклик у заключенных. Они переориентируют свое внимание с внешних ограничений на внутреннюю свободу — свободу в выборе собственного отношения к обстоятельствам, свободу в наполнении смыслом своего существования. Иными словами, при сохранения объективных условий одиночного содержания радикально меняется субъективный опыт заключенного. Переориентация помогает не просто пережить заключение, но и использовать его как возможность для глубокой внутренней трансформации и личностного роста, что является одним из ключевых факторов, снижающих риск рецидива.

5. Resistance (сопротивление). Сопротивление — активная форма борьбы с системой, которая, в свою очередь, стремится сломить дух и волю заключенного. Подобная борьба, по C. Bronson, проведшему 36 лет в тюрьме, 32 года из которых — в одиночном заключении, принимает множество форм: от открытого неповиновения, протестов, нарушения порядка (общения с другими заключенными постукиванием по стенам), пения во время объявленного обязательного молчания, даже акта смазывания стен своей камеры зубной пастой (Burt, 1852, p. 271—272) и т. п.) до более тонких, внутренних актов повседневного «саботажа», как физических (использования собственного тела как поля битвы, например, в самоповреждении

или голодовке), так и духовных (через утверждение своей силы воли и силы духа через самосовершенствование и самодисциплину, где каждое выполненное занятие или физическое упражнение, каждая про читанная книга рассматриваются как акт победы над системой). I. O'Donnell рассматривает сопротивление как жизнеутверждающую, но ресурсно-затратную стратегию выживания. Тем не менее ее выбор (даже в форме непокорности) позволяет подчеркнуть человеческое достоинство в декларативном заявлении: «Я все еще здесь. Я все еще человек» (O'Donnell, 2014, p. 241).

6. Raptness (погружение). Погружение — это состояние полного поглощения какой-либо деятельностью, при котором время перестает существовать. Это состояние «потока» (от англ. 'flow'), когда человек настолько сосредоточен на задаче, что теряет ощущение себя и окружающего мира. Речь идет о состоянии сосредоточенного поглощения деятельностью, такой как творческое письмо (написание стихотворения или ведение дневника), обучение, ремесленный труд и т. п., которая, будучи значимой для самого человека, может стать ключевой частью его идентичности. Погружение отличается от устранения ('Removal') тем, что оно более специализированно, целенаправленно и индивидуализировано. Если стратегия устранения включает в себя аспекты разрядки и снятия стресса через занятость (какого бы то ни было физического труда, каких бы то ни было размышлений или простого созерцания чего бы то ни было), то погружение всегда приводит к продукту, который может укрепить самоуважение (продукт приравнивается к достижению) и наполнить времяпровождение смыслом.

7. Reinterpretation (переосмысление). Переосмысление — наиболее глубокая из семи стратегий, при которой изоляция перестает быть бессмысленным страданием и превращается в испытание, путь или жертву ради идеи. Она включает в себя радикальное изменение понимания себя и ценности своего заключения. Эта стратегия часто имеет религиозный или духовный оттенок: заключенный может начать видеть свое заключение как испытание, посланное Богом, или как путь к просветлению. Переосмысление может принимать также и светскую форму, когда заключение рассматривается как уникальная возможность для самоанализа и интеллектуального роста, недоступная в хаосе внешнего мира. Это взгляд на тюрьму не как на место лишения, а как на «моральный госпиталь» или даже монастырь, где можно работать над своим внутренним Я. Эта стратегия требует огромной внутренней силы, но она предлагает самый прочный путь к выживанию и даже к личностному росту в условиях экстремальной изоляции.

Стратегии совладания с разрушительными когнитивными искажениями, вызванными долговременной изоляцией, редко применяются изолировано, чаще комбинируясь в индивидуальные адаптивные комплексы, направленные на сохранение целостности Я, восстановление субъектности, структурирование временно*г*о опыта и сохранение психического здоровья. Особое значение приобретают переориентация и переосмысление как активные формы совладания, которые позволяют трансформировать экзистенциальный кризис заключения в возможность внутреннего роста, духовного поиска или морального очищения. Пассивные стратегии, хотя и снижают остроту страданий, несут риски дезориентации, апатии, утраты связи с реальностью, что подчеркивает необходимость баланса между психологической защитой и активной рефлексивной работой.

Ограничения исследования

Анализ зарубежных исследований позволяет выделить ряд принципиальных различий с отечественной научной традицией в изучении проблематики одиночного заключения. В российской пенитенциарной психологии традиционно доминирует криминологический подход, фокусирующийся на личности преступника и факторах криминального поведения. Редкие работы посвящены механизмам социально-психологической адаптации заключенных к местам лишения свободы в целом (Бочкова, 2020; Коноплева и др., 2022; Мельникова, Бовина, Дебольский, 2024; Шарипова, 2024) и психологическим рискам осужденных (Ильиных, Ганишина, Марьин, 2022; Кряжева, Москвитина, Дикопольцев, 2023), в то время как зарубежные исследования преимущественно сосредоточены на психологических последствиях тотальной изоляции как таковой, рассматривая длительное одиночное заключение как форму психологической пытки, требующей полного запрета или строгого ограничения. Российское научное сообщество традиционно более сдержанно в оценках, подчеркивая необходимость баланса между обеспечением безопасности в учреждениях и правами заключенных. Такой подход объясняется как историческими особенностями развития пенитенциарной системы, так и современными вызовами, связанными с высокой плотностью заключения и ограниченными ресурсами. В связи с этим настоящее исследование имеет ряд методологических и контекстуальных ограничений, требующих критического осмысления самой возможности прямой трансляции выводов в правовой и институциональный контекст Российской Федерации.

В России действует иная нормативно-правовая база, отличающаяся как в терминологии режимных мер, так и в процедурах их применения. Важным ограничением является также риск упрощенного переноса гуманистической парадигмы без учета системных особенностей отечественной пенитенциарной культуры, где традиционно доминирует ретрибутивная модель наказания. Полный отказ от карательных элементов в пользу исключительно терапевтического подхода в условиях недостаточной подготовки персонала, дефицита ресурсов психологической службы в реализации программ терапии может привести к парадоксальному усилению неформальных, но более жестких форм насилия со стороны администрации или самих заключенных. Более того, абсолютизация прав заключенных без балансировки с интересами жертв преступлений и запросом государства по обеспечению общественной безопасности рискует снизить уровень общественной удовлетворенности эффективной функциональностью пенитенциарной системы.

Таким образом, предлагаемые стратегии выживания должны рассматриваться не как универсальный рецепт, а как элемент поэтапной реформы, требующей адаптации к российским институциональным реалиям. В контексте принятия Закона «О пробации в Российской Федерации» (2023) особую актуальность приобретают разработка специализированных протоколов для психологов системы исполнения наказаний, обучение персонала методам деэскалации деструктивного поведения заключенных, создание минимальных условий для антропологического существования в одиночном тюремном заключении.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих фундаментальное значение для теории и практики уголовного наказания.

Во-первых, история одиночного заключения — это история трагического парадокса, в которой благие намерения реформаторов XIX века, стремившихся заменить телесные пытки гуманным наказанием, привели к созданию одной из самых разрушительных форм психологического насилия в истории человечества, симптоматика которого, по C. Smith (Smith, 2006), проявляется на соматическом (головные боли, мышечные боли, сердечно-сосудистые заболевания, проблемы кишечно-желудочного тракта), когнитивном (нарушение концентрации внимания, рассеянность, проблемы с памятью), перцептивном (галлюцинации, иллюзии, паранойя и т. д.), эмоциональном (депрессия, тревога, паника, отчаяние), моторном (вялость, хроническая усталость, апатия) уровнях. Сохранение идеи одиночного заключения, несмотря на результаты академических исследований, подтверждающие его негативные последствия для человеческого психофизиологического здоровья, влияющие, в свою очередь, на эффективность социальной реинтеграции бывших заключенных, а также свидетельства самих осужденных, отражают инертность пенитенциарной системы, приоритет ее реактивной карательной функции ретрибуции и вторичность ее проактивной гуманной функции помощи в будущей ресоциализации как фактора предупреждения преступности.

Во-вторых, патологическое одиночество и деструктивное переживание времени являются не индивидуальными патологиями или следствием слабости характера осужденного, а предсказуемыми универсальными и неизбежными последствиями длительного одиночного заключения. Это системная реакция здоровой психики на нарушение базовых антропологических условий человеческого существования (социальности, автономии, свободы воли, смыслопорождения и т. д.), а не проявление аномальной предрасположенности личности заключенного. Следует особо подчеркнуть, что описанные деструктивные изменения, хотя и могут наблюдаться у осужденных, переживающих тюремное заключение, достигают своей качественно иной, онтологической глубины именно в условиях тотальной изоляции. Если наказание в виде лишения (даже пожизненного) свободы, в логике В.С. Мухиной (Мухина, 2009), ведет к «абсолюту отчуждения» — комплексной травме, связанной с нарушением социальных связей, моральных ориентиров, перспектив будущего, то одиночное заключение — это форма экзистенциального насилия, направленная на разрушение самой структуры человеческого бытия. В условиях общего заключения сохраняется горизонтальный контакт с Другим, пусть даже в виде конфликта или ритуализированного взаимодействия с охраной. Этот контакт, как минимум, подтверждает факт существования самого заключенного как субъекта. Одиночное же заключение, характеризующееся тотальной сенсорной и социальной депривацией, лишает человека этой последней опоры, превращая его в объект абсолютного контроля. Оно не просто усугубляет отчуждение, а ликвидирует саму возможность диалогического бытия, переводя страдание из социального измерения в онтологическое. Именно поэтому деструктивные изменения, наблюдаемые при длительном тюремном заключении, качественно отличаются от тех, что возникают в условиях абсолютного одиночества, где разрушается не только психика, но и антропологические основы, позволяющие человеку оставаться человеком.

В-третьих, несмотря на деструктивное воздействие изоляции, человеческая психика демонстрирует способность к адаптации и сопротивлению. Стратегии выживания, «разработанные» самими заключенными, от простого перепланирования времени до переосмысления своего положения, являются осознанными способами утверждения своего Я, подчинения обстоятельств своей воле, осуществления пусть даже частичного контроля своей

жизни. Свобода выбора внутреннего отношения к переживаемому опыту, о которой писал V. Frankl, остается неприкасаемой свободой, которой не может лишить даже самая жестокая система наказаний. Осмысление стратегий позволяет, не оправдывая практику одиночного заключения, создать условия ее гуманизации.

На основе выводов видится возможным сформулировать следующие рекомендации. С этической и правовой точек зрения практика длительного заключения должна быть признана формой психологической пытки и строго ограничена. Принимая во внимание позицию H. Méndez, Специального докладчика ООН по вопросу о пытках, о том, что применение одиночного заключения «…более чем на 15 дней должно приравниваться к пыткам или жестокому, бесчеловечному, унижающему человеческое достоинство наказанию»[3], следует на законодательном уровне ввести четкие временны*е* рамки, а также проработать невозможность его применения в отношении определенной категории лиц — несовершеннолетних, пожилых людей, лиц с психическими расстройствами. Наиболее успешные модели регулирования продемонстрированы в скандинавских и британской юрисдикциях: норвежская пенитенциарная система, реформированная после массовых бунтов 1990-х годов, применяет изоляцию исключительно как крайнюю меру на срок не более 24 часов с обязательным медицинским мониторингом психофизиологического состояния заключенного; британская модель предусматривает многоуровневую систему надзора: любое содержание в изоляции свыше 72 часов требует одобрения не только начальника исправительного учреждения, но и министра юстиции, с обязательным пересмотром каждые 14 дней (Teays, 2019). С практической точки зрения, признавая объективную невозможность одномоментной отмены режимов изоляции в исправительных учреждениях, законодателям следует рассмотреть поэтапную гуманизацию пенитенциарной системы, что предполагает предоставление заключенным минимально необходимых средств для структурирования временного опыта и сохранения социальной идентичности: гарантированный доступ к литературе, возможность получения образования, занятия творческой деятельностью, сохранение минимальных, но значимых социальных контактов, включая психолога и священника. Полная сенсорная депривация должна быть признана недопустимой. Для психологов, работающих в тюрьмах, первоочередной задачей, наряду с проработкой причин совершенного преступления, должна стать помощь заключенным в освоении стратегий «укрощения времени» (например, обучение когнитивным техникам осознанности, переосмысления), а также поддержка в поиске личностно значимой деятельности, которая в перспективе могла бы стать основой посттравматического роста и успешной реинтеграции.

Теоретический и прикладной вклад настоящего исследования заключается в трех взаимосвязанных аспектах: 1) впервые в отечественной пенитенциарной психологии предпринята системная концептуализация феномена одиночного заключения через призму двойной онтологической травмы — патологического одиночества и деструктивного переживания времени. Данный подход позволяет преодолеть редукционистский подход, сводящий последствия изоляции к набору клинических симптомов, и раскрыть их экзистенциальную природу как нарушения фундаментальных антропологических параметров

[3] *UN Special Rapporteur on torture calls for the prohibition of solitary confinement*. *Press Release*. (2011, October 11). United Nation. URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2011/10/un-special-rapporteur-torture-calls-prohibition-solitary-confinement (viewed: 02.02.2026).

человеческого существования; 2) раскрыта концепция пассивных (перепланирование, устранение, сокращение) и активных (переориентация, сопротивление, поглощенность, переосмысление) стратегий выживания O'Donnell, представляющая собой готовый инструментарий для пенитенциарных психологов не только в диагностике доминирующих копинг-стратегий заключенных, но и в целенаправленном развитии у них активных форм совладания, способствующих посттравматическому росту и снижению риска рецидива; 3) осуществлена критическая трансляция западного опыта с предложением мер, не требующих радикальной перестройки пенитенциарной системы, но способных существенно снизить патогенное воздействие изоляции. Таким образом, исследование создает основу для разработки отечественных стандартов сопровождения лиц, находящихся в условиях строгой изоляции.

В заключение, следует подчеркнуть, что исследование патологического одиночества и феноменологии времени в тюрьме представляет собой не просто анализ пенитенциарной практики. Это попытка раскрыть разрушительное воздействие карательной модели наказания, нацеленной исключительно на оперативное снижение угроз и поддержание безопасности, без учета стратегической цели реабилитации и снижения уровня рецидивов в условиях эффективной ресоциализации лиц, отбывших свое наказание и уже искупивших свой долг перед обществом. Понимание обоснованного требования гуманизации является необходимым условием для построения действительно эффективной и справедливой пенитенциарной системы.

Список источников / References

1. Барт, Р. (2016). *Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. Конспекты лекций в Колледж де Франс, 1976—1977 гг*. Пер. с франц. М.: Ад Маргинем Пресс.
   Barthes, R. (2016). *How to Live Together: Romantic Simulations of Some Spaces of Everyday Life. Lecture notes at the Collège de France, 1976—1977*. Trans. from French. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
2. Бочкова, М.Н. (2020). Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных. *Психология и право, 10*(1), 92—102. https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100108
   Bochkova, M.N. (2020). Emotional Intelligence and Creativity: Relation and Interaction on the Example of Different Categories of Convicts. *Psychology and Law, 10*(1), 92—102. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100108
3. Громов, В.Г. (2024). Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право, 24*(2), 184—191. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-184-191
   Gromov, V.G. (2024). Probation and problems of its implementation in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 24*(2), 184—191. (In Russ.). https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-184-191
4. Ильиных, Н.А., Ганишина, И.С., Марьин, М.И. (2022). Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска. *Психология и право, 12*(2), 42—54. https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120204

Ilinykh, N.A., Ganishina, I.S., Maryin, M.I. (2022). Psychological Features of Different Personality Types of Convicts Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk. *Psychology and Law, 12*(2), 42—54. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120204

5. Коноплева, И.Н., Князева, С.О., Дебольский, М.Г., Красненкова, С.А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право, 12*(2), 27—41. https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203
   Konopleva, I.N., Knyazeva, S., Debolsky, M.G., Krasnenkova, S. (2022). Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes. *Psychology and Law, 12*(2), 27—41. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203
6. Кряжева, С.Г., Москвитина, М.М., Дикопольцев, Д.Е. (2023). Изучение личности пожизненно осужденного как условие эффективной оперативно-розыскной профилактики. *Психология и право, 13*(2), 127—142. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130210
   Kryazheva, S.G., Moskvitina, M.M., Dikopoltsev, D.E. (2023). The Study of the Personality of Life-Sentenced Prisoners as a Condition for Effective Operational-Search Prevention. *Psychology and Law, 13*(2), 127—142. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130210
7. Мельникова, Д.В., Бовина, И.Б., Дебольский, М.Г. (2025). Совладающее поведение осужденных: к вопросу о потенциале теории социальной идентичности. *Психология и право, 15*(1), 140—157. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150110
   Melnikova, D.V., Bovina, I.B., Debolsky, M.G. (2025). Coping behavior of convicts: towards the potential of social identity theory. *Psychology and Law, 15*(1), 140—157. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150110
8. Мухина, В.С. (2009). *Отчужденные: абсолют отчуждения: Монография*. М.: Прометей. URL: https://elibrary.ru/qwvpob (дата обращения: 01.04.2026).
   Mukhina, V.S. (2009). *The Alienated: The Absolute of Alienation: A monograph*. Moscow: Prometei Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/qwvpob (viewed: 01.04.2026).
9. Старостин, С.А., Анискина, Н.В. (2022). Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития. *Пенитенциарная наука, 16*(2), 204—212. https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.010
   Starostin, S.A., Aniskina, N.V. (2022). Probation service in russia: policy choice and development prospects. *Penitentiary Science, 16*(2), 204—212. (In Russ.). https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.010
10. *О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 29.05.2024 № 108-ФЗ, от 23.07.2025 № 239-ФЗ)*. (2023). М. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=502783 (дата обращения: 01.04.2026).
    On Probation in the Russian Federation: Federal Law no. 10-FZ of February 6, 2023 (as amended by Federal Laws no. 108-FZ of May 29, 2024, and no. 239-FZ of July 23, 2025). (2023). Moscow. (In Russ.). URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=502783 (viewed: 01.04.2026).
11. Шарипова, Ф.А. (2024). Особенности копинг-стратегий и психологического благополучия осужденных мужского и женского пола. *Психология и право, 14*(4), 105—114. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140407

Sharipova, F.A. (2024). Coping Strategies and Psychological Well-Being of Male and Female Prisoners. *Psychology and Law, 14*(4), 105—114. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140407

12. Andersen, H.S., Sestoft, D., Lillebaek, T., Gabrielsen, G., Hemmingsen, R. (2003). A longitudinal study of prisoners on remand. Repeated measures of psychopathology in the initial phase of solitary versus nonsolitary confinement. *International Journal of Law and Psychiatry, 26*(2), 165—177. https://doi.org/10.1016/S0160-2527(03)00015-3
13. Arrigo, B.A., Bullock, J.L. (2008). The Psychological Effects of Solitary Confinement on Prisoners in Supermax Units: Reviewing What We Know and What Should Change. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology, 52*(2), 622—640. https://doi.org/10.1177/0306624X07309720
14. Berkman, A. (1912). *Prison Memoirs of an Anarchist*. New York: C.L. Webster & Co.
15. Braun, V., Clarke V. (2012). Thematic analysis. In: H. Cooper, P.M. Camic, D.L. Long, A.T. Panter, D. Rindskopf, K.J. Sher (Eds.), *APA handbook of research methods in psychology*, Vol. 2: *Research designs: Quantitative, qualitative, neuropsychological, and biological* (pp. 57—71), American Psychological Association. https://doi.org/10.1037/13620-004
16. Burt, J.T. (1852). *Results of the System of Separate Confinement as Administered at the Pentonville Prison*. London: Longman, Brown, Green and Longmans.
17. Cacioppo, J., Patrick, W. (2008). *Loneliness: Human Nature and the Need for Social Connection*. NY: WW Norton and Co.
18. Cohen, S., Taylor, L. (1972). *Psychological Survival: The Experience of Long Term Imprisonment*. Harmondsworth: Penguin.
19. Crawford, W. (1969). *Report on the Penitentiaries of the United States*. Reproduced from the 1835 edition. Montclair, New Jersey: Patterson Smith.
20. de Beaumont, G., de Tocqueville, A. (1833). *On the Penitentiary System in the United States and its Application to France; with an Appendix on Penal Colonies, and also, Statistical Notes*. Trans. from French. Philadelphia, Pa: Carey, Lea and Blanchard.
21. Dickens, C. (2000). *American Notes for General Circulation*. London: Penguin Classics.
22. Echols, D. (2013). *Life after Death: Eighteen Years on Death Row*. London: Atlantic Books.
23. Flanagan, T.J. (1980). The pains of long-term imprisonment. *British Journal of Criminology*, *20*(2), 148—156. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a047154
24. Frankl, V.E. (2008). *Man's Search for Meaning*. Penguin Random House, Ebury Publishing.
25. Giorgi, A. (2015). The Phenomenological Psychology of J.H. van den Berg. *Journal of Phenomenological Psychology*, *46*(2), 141—162. https://doi.org/10.1163/15691624-12341292
26. Goffman, E. (1961). On the characteristics of total institutions: The inmate world. In: D.R. Cressey (Ed.), *The Prison: Studies in Institutional Organization and Change* (pp. 15—67). New York: Holt, Rinehart and Winston.
27. Gray, F.C. (1847). *Prison Discipline in America*. Boston: Little and Brown.
28. Grey, A. (1988). *Hostage in Peking*. London: Weidenfeld and Nicolson.
29. Haney, C. (2018). The Psychological Effects of Solitary Confinement: A Systematic Critique. *Crime and Justice, 47*(1), 365—416. https://doi.org/10.1086/696041
30. Hill, R.S. (2002). *Chronophobia: doing time*. *Thesis for Master of Fine Arts Degree (MFA).* Louisiana State University Master's Theses. Louisiana State University. URL: https://repository.lsu.edu/gradschool_theses/3624/ (viewed: 02.02.2026).

31. Howard, J. (1777). *The State of the Prisons in England and Wales with Preliminary Observations and an Account of Some Foreign Prisons*. Warrington: William Eyres.
32. James, K., Vanko, E. (2021). *The Impacts of Solitary Confinement*. Brooklyn: Vera Institute of Justice.
33. Johnston, N. (2000). *Forms of Constraint: A History of Prison Architecture*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
34. Kupers, T.A. (2008). What to Do with the Survivors? Coping with the Long-Term Effects of Isolated Confinement. *Criminal Justice and Behavior, 35*(8), 1005—1016. https://doi.org/10.1177/0093854808318591
35. Lovell, D. (2008). Patterns of Disturbed Behavior in a Supermax Prison. *Criminal Justice and Behavior, 35*(8), 985—1004. https://doi.org/10.1177/0093854808318584
36. Morgan, R.D., Gendreau, P., Smith, P., Gray, A.L., Labrecque, R.M., MacLean, N., Van Horn, S.A., Bolanos, A.D., Batastini, A.B., Mills, J.F. (2016). Quantitative Synthesis of the Effects of Administrative Segregation on Inmates' Well-Being. Psychology. *Public Policy, and Law, 22*(4), 439—461. https://doi.org/10.1037/law0000089
37. O'Donnell, I. (2014). *Prisoners, solitude, and time: Claredon Studies in Criminology*. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199684489.001.0001
38. O'Keefe, M.L., Klebe, K.J., Stucker, A., Sturm, K., Leggett, W. (2010). *One Year Longitudinal Study of the Psychological Effects of Administrative Segregation. Report to the National Institute of Justice.* Washington, DC: US Department of Justice, National Institute of Justice.
39. Reiter, K., Ventura, J., Lovell, D., Augustine, D., Barragan, M., Blair, T., Chesnut, K., Dashtgard, P., Gonzalez, G., Pifer, N., Strong, J. (2020). Psychological Distress in Solitary Confinement: Symptoms, Severity, and Prevalence in the United States, 2017-2018. *American Journal of Public Health, 110*(S1), S56—S62. https://doi.org/10.2105/ajph.2019.305375
40. Rhodes, L.A. (2005). Pathological Effects of the Supermaximum Prison. *American Journal of Public Health, 95*(10), 1692—1695. https://doi.org/10.2105/AJPH.2005.070045
41. Russo, S. (1943). Chronophobia: A prison neurosis. *Mental Hygiene, 27*, 581—591.
42. Serge, V. (1970). *Men in Prison* (translated by Richard Greeman). London: Victor Gollancz.
43. Shalev, S. (2008). *A sourcebook on solitary confinement.* London: London School of Economics and Political Science.
44. Sheehy, D. (1888). *Prison Papers*. Dublin: Weldrick Brothers.
45. Sledge, W.H., Boydstun, J.A., Rabe, A.J. (1980). Self-concept changes related to war captivity. *JAMA Psychiatry, 37*(4), 430—443.
46. Smith, C. (2009). *The Prison and the American Imagination*. New Haven, Conn: Yale University* Press.
47. Smith, P.S. (2006). The Effects of Solitary Confinement on Prison Inmates: A Brief History and Review of the Literature. *Crime and Justice, 34*(1), 441—528. https://doi.org/10.1086/500626
48. Speer, A. (1976). *Spandau: The Secret Diaries* (translated by Richard and Clara Winston). New York: Pocket Books.
49. Strange, R.E., Klein, W.J. (1973). Emotional and social adjustment of recent US winter-over parties in isolated Antarctic stations. In: O.G. Edholm, E.K.E. Gunderson (Eds), *Polar Human Biology* (pp. 410—416). London: William Heinemann Medical Books.
50. Taylor, A.J.W. (1989). Polar winters: Chronic deprivation or transient hibernation? *Polar Record, 25*(154), 239—246. https://doi.org/10.1017/S003224740001086X

51. Teays, W. (2019). *Doctors and Torture.* Cham, Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22517-9_7
52. Toch, H. (2001). The Future of Supermax Confinement. *The Prison Journal, 81*(3), 376—388. https://doi.org/10.1177/0032885501081003005
53. Vischer, A.L. (1919). *Barbed Wire Disease: A Psychological Study of the Prisoner of War*. London: John Bale, Sons and Danielsson, Ltd.
54. Xia, N., Li, H. (2018). Loneliness, Social Isolation, and Cardiovascular Health. *Antioxidants and Redox Signaling, 28*(9), 837—851. https://doi.org/10.1089/ars.2017.7312
55. Zinger, I., Wichmann C. (2001). The Psychological Effects of 60 Days in Administrative Segregation. *Canadian Journal of Criminology, 43*(1), 47—83. https://doi.org/10.3138/cjcrim.43.1.47

* *Yale University («Йельский Университет»), США, включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, на сайте Минюста России.*

Информация об авторах

Наталья Владимировна Хисматулина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/ 0000-0001-6689-0542, e-mail: khisnatalya@yandex.ru

Information about the authors

Natalya V. Khismatulina, Candidate of Science (Education), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/ 0000-0001-6689-0542, e-mail: khisnatalya @yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 10.02.2026
Поступила после рецензирования 17.04.2026
Принята к публикации 17.04.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.02.10
Revised 2026.04.17
Accepted 2026.04.17
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 116–132.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160307
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 116–132.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160307
ISSN 2222-5196 (online)

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Научная статья | Original paper

Особенности установок на семейные отношения у осужденных мужчин, ранее отбывавших лишение свободы

Н.О. Макух[1] ✉
[1] Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Российская Федерация
✉ makuh.nataly@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Рост преступности, достигший пиковых значений за последнее десятилетие, требует глубокого анализа первопричин различных преступных деяний для разработки эффективных мер предупреждения рецидива преступлений и успешной ресоциализации лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях. **Цель.** Исследование установок на семейные отношения у мужчин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления, ранее отбывавших лишение свободы. **Гипотезы.** Мужчинам, осужденным за насильственные и ненасильственные преступления, ранее отбывавшим лишение свободы, свойствен разобщенный тип семейной сплоченности и ригидный тип семейной адаптации; осужденным мужчинам за насильственные преступления, ранее отбывавшим лишение свободы, структурированный тип семейной адаптации не свойствен; у мужчин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления, преобладают негативные семейные установки: низкая сплоченность, стремление членов семьи к самостоятельности, эмоциональная отстраненность, отсутствие общих интересов в проведении свободного времени, минимальная поддержка друг друга, повышенное чувство тревоги при попытках наладить общение или обсудить проблемы. **Методы и материалы.** Опросники «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (Family Adaptation and Cohesion Scales, FACES-3, D. Olson et al., адаптация Э.Г. Эйдемиллера, М.Ю. Городновой); «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной и др.; полустандартизированная беседа. Эмпирическое исследование проводилось в исправительных колониях территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по Вологодской и Свердловской областям, Забайкальскому краю. **Результаты и выводы.** У мужчин, осужденных за насильственные преступления,

© Макух Н.О., 2026

CC-BY-NC

преобладают установки иерархического характера, которые способствуют формированию представления о необходимости доминирования и контроля над другими. Осужденные мужчины, совершившие ненасильственные преступления, в семейной жизни зачастую демонстрируют спонтанное желание немедленного удовольствия, игнорируя при этом свои обязательства.

Ключевые слова: осужденные, мужчины, рецидив, насильственные преступления, ненасильственные преступления, семейные установки

Для цитирования: Макух, Н.О. (2026). Особенности установок на семейные отношения у осужденных мужчин, ранее отбывавших лишение свободы. *Психология и право, 16*(3), 116—132. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160307

Features of attitudes towards family relationships in convicted men who previously served prison terms

N.O. Makuh[1] ✉
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation
✉ makuh.nataly@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The rise in crime, which has reached its peak in the last decade, requires a thorough analysis of the root causes of various criminal acts in order to develop effective measures to prevent recidivism and successfully rehabilitate individuals who have served their sentences in correctional institutions. **Objective.** To study attitudes towards family relationships in men convicted of violent and non-violent crimes who have previously served prison terms. **Hypotheses.** Men convicted of violent and non-violent crimes who have previously served prison terms are characterized by a disunited type of family cohesion and a rigid type of family adaptation; men convicted of violent crimes who have previously served prison terms do not have a structured type of family adaptation; men convicted of violent and non-violent crimes tend to have negative family attitudes: low cohesion, a desire for independence among family members, emotional detachment, a lack of common interests in spending free time, minimal support for each other, and an increased sense of anxiety when trying to establish communication or discuss problems. **Methods and Materials.** The questionnaires “Family Adaptation and Cohesion Scales”, FACES-3, D. Olson et al., adaptation by E.G. Eidemiller, M.Yu. Gorodnova; “Measuring Attitudes in a Married Couple” by Yu.E. Aleshina et al.; semi-standardized interview. The empirical study was conducted in penal colonies of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service in the Vologda and Sverdlovsk regions, the Trans-Baikal Territory. **Results and conclusions.** Men convicted of violent crimes predominantly demonstrate hierarchical attitudes, which contribute to the belief that dominance and control over others are necessary. Convicted men who have committed non-violent

crimes often demonstrate a spontaneous desire for immediate gratification in their family life, while ignoring their obligations.

Keywords: convicts, men, recidivism, violent crimes, non-violent crimes, family attitudes

For citation: Makuh, N.O. (2026). Features of attitudes towards family relationships in convicted men who previously served prison terms. *Psychology and Law, 16*(3)*,* 116—132. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160307

Введение

По информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в первой половине 2025 года в России зарегистрирован рекордный рост преступности за последние 10 лет: за этот период в стране зарегистрировано свыше 27 тысяч преступлений; АППГ — 23,7 тысячи[1].

При этом, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, за январь—июль 2025 года, по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, зафиксировано снижение количества преступлений против личности на 9%, в том числе убийств и покушений на убийство — на 12,5%, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 12,9%[2].

Несмотря на эти факты, Следственный комитет Российской Федерации сообщает о том, что в 2025 году число насильственных преступлений несовершеннолетних против жизни и здоровья людей на 13% больше, чем в 2024 году[3].

Насильственные преступления (убийство, причинение телесных повреждений, изнасилования и насильственные действия сексуального характера, побои и истязания, захват заложников, похищение человека, терроризм и др.) являются категорией опасных преступлений, определяющим признаком которых выступает применение физической или психологической силы против жертв (потерпевших), либо создание угрозы ее применения.

Особенностями насильственных преступлений являются ситуационный, импульсивный характер, в том числе в состоянии опьянения, жесткость, садизм, распространенность в бытовой и досуговой сферах, а также зависимость от фоновых явлений преступности — бытовое пьянство, алкоголизация, наркотизация, домашнее насилие, маргинализация населения (Антонян, Еникеев, Эминов, 2025; Блэкборн, 2004; Дроздов, 2012; Иншакова, 2009; Кантер, 2021; Маралов, Ситаров, 2019; Пирожков, 2001; Познышев, 2025; Сафуанов, 2022; Семенов, 2016; Собчик, Спасенников, Кулакова, 2022; и др.).

Несовершеннолетние совершают преступления, в том числе насильственные, в связи со сложностями в проживании возрастных кризисов, поиском идентичности, неблагоприятными семейными и социальными условиями (Алишбиева и др., 2025; Батыщева, 2021; Вэтра,

[1] В 2025 году в России отметился рекордный рост преступности за последние 10 лет. (2025, Август 20). *Реальное время*. URL: https://realnoevremya.ru/news/351344-v-2025-godu-v-rossii-otmetilsya-znachitelnyy-rost-prestupnosti (дата обращения: 01.10.2025).

[2] *Информация о состоянии преступности в январе-июле 2025 года.* (2025, Август 18). Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/68793640/ (дата обращения: 07.09.2025).

[3] Козлова, Н.Ю. (2025, Октябрь 22). Александр Бастрыкин: Рост числа тяжких преступлений среди подростков тревожит. *Российская газета*. URL: https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html?ysclid=mhazrv6uz3128843876 (дата обращения: 01.11.2025).

Ганишина, Марьин, 2022; Гаврик, Батыщева, 2022; Гриненко, Потапов, Цветкова, 2023; Ильина, 2020; Обуховская, Коноплева, 2023; Осмоловская, 2020; Ошевский, Афонина, 2017; и др.).

В семьях, имеющих лиц, совершивших преступления (отбывающих наказания в местах лишения свободы и/или освободившихся), увеличивается вероятность совершения преступлений другими членами семьи, прежде всего несовершеннолетними. Преступное поведение взрослых демонстрирует детям пример антиобщественного поведения, усиливает криминогенный потенциал семьи, способствует возникновению и развитию внутрисемейных конфликтов (Борзова, Данилова, 2017; Дронова, Корнеева, 2021).

Ненасильственные преступления (мошенничество, кража, незаконное изготовление, приобретение и хранение наркотических средств, получение взятки, дача взятки, злоупотребление должностными полномочиями, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и др.) являются категорией преступлений, определяющим признаком которых выступает нефизический характер и отсутствие непосредственного применения физической силы.

Особенностями насильственных преступлений являются целенаправленный, спланированный характер (заблаговременное определение жертвы, наблюдение за ней и выбор наиболее удобного момента для реализации сформированного умысла), степень общественной опасности (количественная характеристика преступного посягательства), способы воздействия (уговоры, просьбы, обещания, призывы к чувствам сострадания и сопереживания, оскорбление, издевательство, распространение информации, унижающей честь и достоинство, шантаж, запугивание, подкуп, предложение услуг по улучшению материального благополучия и др.).

Семейные отношения оказывают воздействие на вероятность совершения ненасильственных преступлений посредством разногласий, социальной дезадаптации членов семьи и неразрешенных противоречий, связанных с удовлетворением материальных нужд. К числу семейных обстоятельств, увеличивающих риск совершения этих преступлений, относятся напряженные отношения из-за накопления взаимных обид и неудовлетворенных потребностей, расхождение между различными материальными потребностями, неспособность обеспечить достойный уровень жизни для членов семьи легальными и общественно приемлемыми способами, желание соответствовать стандартам, установленным другими семьями, являющимися образцом для подражания (Антонян, Еникеев, Эминов, 2025; Блэкборн, 2004; Дроздов, 2012; Иншакова, 2009; Кантер, 2021; Маралов, Ситаров, 2019; Муха, 2014; Познышев, 2025; Семенов, 2016; Середа, Костюченко, 2015; Устинов, 2018; и др.).

Материалы и методы

С целью профилактики правонарушений, преступлений мужчин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления, а также их ресоциализации после освобождения в период с сентября 2024 года по апрель 2025 года на базе исправительных колоний строгого режима для осужденных, раннее отбывавших лишение свободы (федеральных казенных учреждений «Исправительная колония № 17 ГУФСИН России по Свердловской области» (пос. Малая Лимка, г. Краснотурьинск, Свердловская область), «Исправительная колония № 17 УФСИН России по Вологодской области» (пос. Шексна, Вологодская обл.), «Исправительная колония № 1 УФСИН России по Забайкальскому краю»

(г. Нерчинск, Забайкальский край)), проведено экспериментальное исследование установок на семейные отношения.

В исследовании приняли участие 120 мужчин в возрасте от 25 до 40 лет, ранее отбывавших лишение свободы:

- экспериментальная группа № 1 (ЭГ № 1) — 60 мужчин, осужденных за насильственные преступления;
- экспериментальная группа № 2 (ЭГ № 2) — 60 мужчин, осужденных за ненасильственные преступления.

Определен набор диагностических средств: опросники «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (Family Adaptation and Cohesion Scales, FACES-3, D. Olson, J. Portner, Y. Lavee; адаптация Э.Г. Эйдемиллера, М.Ю. Городновой (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2003)) и «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной и др. (Алешина, 1985); полустандартизированная беседа.

Гипотезами исследования выступили предположения о том, что:

- мужчинам, осужденным за насильственные и ненасильственные преступления, ранее отбывавшим лишение свободы, свойствен разобщенный тип семейной сплоченности и ригидный тип семейной адаптации;
- мужчинам, осужденным за насильственные преступления, ранее отбывавшим лишение свободы, свойствен структурированный тип семейной адаптации, предусматривающий обсуждение общих проблем и учитывание мнения детей, стабильность конструктивных ролей и внутрисемейных правил, не свойствен;
- у осужденных мужчин, ранее отбывавших лишение свободы, преобладают негативные семейные установки: низкая сплоченность, стремление членов семьи к самостоятельности, эмоциональная отстраненность, отсутствие общих интересов в проведении свободного времени, минимальная поддержка друг друга, повышенное чувство тревоги при попытках наладить общение или обсудить проблемы.

Результаты

Результаты исследования с помощью опросника «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (Family Adaptation and Cohesion Scales, FACES-3; D. Olson, J. Portner, Y. Lavee; адаптация Э.Г. Эйдемиллера, М.Ю. Городновой) показывают количество лиц с преобладающими типами семейной сплоченности и семейной адаптации в двух экспериментальных группах (табл. 1 и 2).

Семейная сплоченность осужденных мужчин рассматривается как эмоциональная связь между членами семьи, максимальная выраженность которой определяется эмоциональной взаимозависимостью, а минимальная — автономностью и дистанцированностью друг от друга. Для диагностики семейной сплоченности в исследовании использованы показатели «эмоциональная связь», «семейные границы», «принятие решений», «время», «интересы», «отдых» и «друзья» (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Количество мужчин, осужденных за насильственные (ЭГ № 1) и ненасильственные (ЭГ № 2) преступления, ранее отбывавших лишение свободы , с разными типами семейной сплоченности

The quantity of convicted men – previously imprisoned for violent (EG No 1) and non-violent (EG No 2) crimes — with different types of family cohesion

Группы / Groups	Типы семейной сплоченности / Types of family cohesion			
	Объединенный / United	Раздельный / Separate	Сцепленный / Linked	Разобщенный/ Disunited
ЭГ № 1 / EG No 1	8	14	4	34
ЭГ № 2/ EG No 2	12	8	12	28

В целом, мужчинам, осужденным за насильственные преступления, свойствен разобщенный тип семейной сплоченности (56,7%) и в меньшей степени — сцепленный (23,3%), объединенный (13,3%) и раздельный (6,7%) (рис. 1). Мужчинам, осужденным за ненасильственные преступления, также свойствен разобщенный типа семейной сплоченности (46,7%), и в меньшей степени — объединенный и раздельный (каждый по 20%), сцепленный (13,3%) (рис. 2).

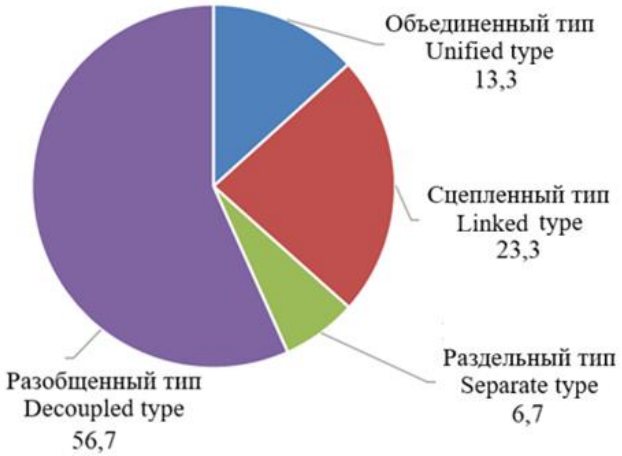

Рис. 1. Процентное соотношение типов семейной сплоченности у мужчин, осужденных за насильственные преступления, ранее отбывавших лишение свободы (ЭГ № 1), по опроснику «Шкала семейной адаптации и сплоченности»

Fig. 1. Percentage distribution of family cohesion types among male offenders convicted of violent crimes who had previously served prison sentences (EG No 1), based on the “Family Adaptation and Cohesion Scale” questionnaire

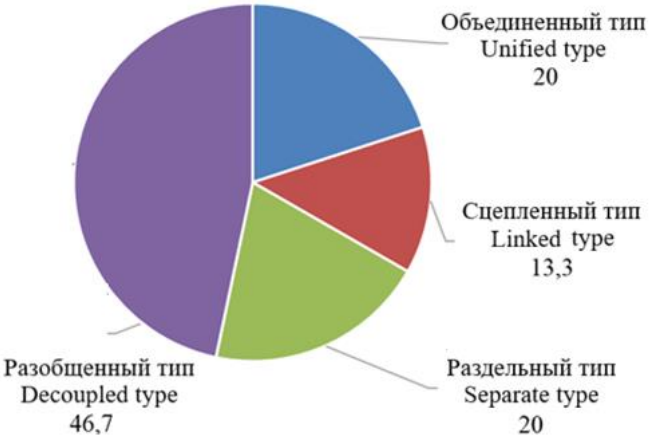

Рис. 2. Процентное соотношение типов семейной сплоченности у мужчин, осужденных за ненасильственные преступления, ранее отбывавших лишение свободы (ЭГ № 2), по опроснику «Шкала семейной адаптации и сплоченности»
Fig. 2. Percentage distribution of family cohesion types among male offenders convicted of non-violent crimes who had previously served a prison sentence (EG No 2), based on the “Family Adaptation and Cohesion Scale” questionnaire

Результаты исследования с помощью опросника «Шкала семейной адаптации и сплоченности» показывают количество лиц с преобладающими типами семейной адаптации в двух экспериментальных группах (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Количество мужчин, осужденных за насильственные (ЭГ № 1) и ненасильственные (ЭГ № 2) преступления, ранее отбывавших лишение свободы, с разными типами семейной адаптации
The quantity of convicted men – previously imprisoned for violent (EG No 1) and non-violent (EG No 2) crimes – with different types of family adaptation

Группы / Groups	Типы семейной адаптации / Types of family adaptation			
	Гибкий / Flexible	Структурированный / Structured	Хаотический / Chaotic	Ригидный / Rigid
ЭГ № 1 / EG No 1	14	0	20	26
ЭГ № 2/ EG No 2	12	16	12	20

В семьях осужденных мужчин семейная адаптация является характеристикой того, насколько устойчиво семейная структура может изменяться и приспосабливаться под влиянием стрессовых факторов, в том числе лишения свободы одного из членов семьи. Для диагностики семейной адаптации в исследовании использованы показатели: «роли», «дисциплина», «правила», «лидерство» и «контроль» в семье.

Почти у половины мужчин, осужденных за насильственные преступления, ригидный тип семейной адаптации (56,7%) и в меньшей степени — хаотический (33,4%) и гибкий (23,3%). Структурированный тип, предусматривающий обсуждение общих проблем и учитывание

мнения детей, стабильность конструктивных ролей и внутрисемейных правил, отсутствует (рис. 3).

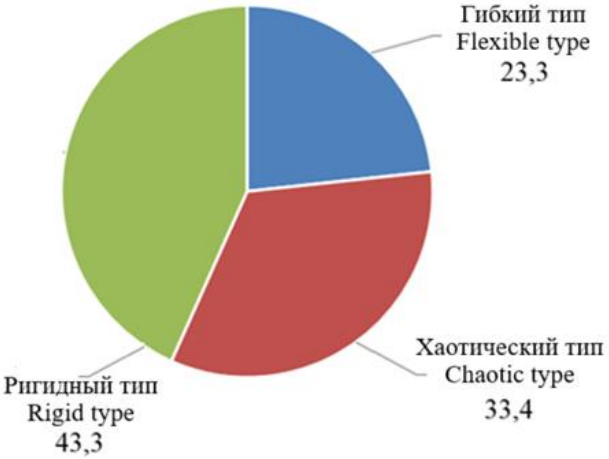

Рис. 3. Процентное соотношение типов семейной адаптации у мужчин, осужденных за насильственные преступления, ранее отбывавших лишение свободы (ЭГ № 1), по опроснику «Шкала семейной адаптации и сплоченности»
Fig. 3. Percentage distribution of family adaptation types among male offenders convicted of violent crimes who had previously served a prison sentence (EG No 1), based on the “Family Adaptation and Cohesion Scale” questionnaire

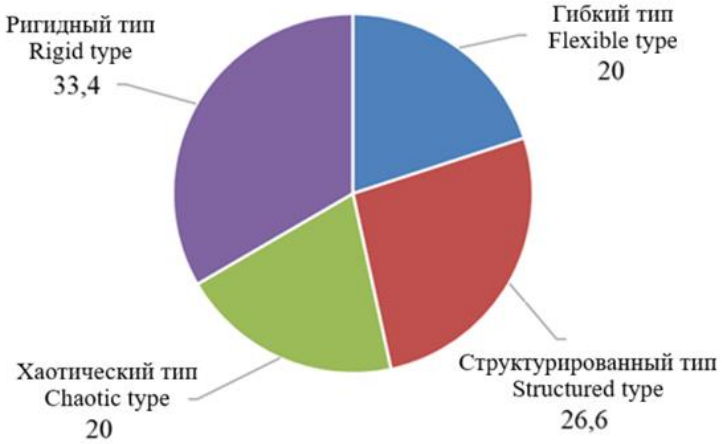

Рис. 4. Процентное соотношение типов семейной адаптации у мужчин, осужденных за насильственные преступления, ранее отбывавших лишение свободы (ЭГ № 2), по опроснику «Шкала семейной адаптации и сплоченности»
Fig. 4. Percentage distribution of family adaptation types among male offenders convicted of violent crimes who had previously served a prison sentence (EG No 2), based on the “Family Adaptation and Cohesion Scale” questionnaire

У трети группы мужчин, осужденных за ненасильственные преступления, ригидный (33,4%) и структурированный (26,6%) типы семейной адаптации, у одной пятой группы (каждый по 20%) — хаотический и гибкий типы (рис. 4).

По результатам исследования с помощью опросника «Измерение установок в семейной паре» (Ю.Е. Алешина и др.), у осужденных мужчин ЭГ № 1 и ЭГ № 2 обнаружены значимые различия по следующим шкалам: «Альтернатива между чувством долга и удовольствием», «Отношение к детям», «Отношение к любви романтического типа», «Отношение к “запретности секса”», «Отношение к деньгам» (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Результаты сравнительного анализа баллов по шкалам опросника «Измерение установок в семейной паре» у мужчин, осужденных за насильственные (ЭГ № 1) и ненасильственные преступления (ЭГ № 2), ранее отбывавших лишение свободы
Results of the comparative analysis of scores on the scales of the “Measuring Attitudes in a Couple” questionnaire for male convicts who had previously served prison sentences for violent (EG No 1) and non-violent (EG No 2) crimes

Шкала / Scale	**Баллы / Points**		**Уровень значимости различий / Level of significance of differences**
	ЭГ № 1 / EG No 1	**ЭГ № 2 / EG No 2**	
Отношение к людям / Attitudes toward people	2,3	2,8	-
Альтернатива между чувством долга и удовольствием / The tradeoff between a sense of duty and pleasure	2,5	1,8	$p \leq 0,5$
Отношение к детям / Attitudes toward children	3	3,5	$p \leq 0,5$
Ориентация на совместную деятельность (автономность супругов или зависимость супругов друг от друга) / Orientation toward shared activities (autonomy of spouses or dependence of spouses on each other)	2,3	2,8	-
Отношение к разводу / Attitudes toward divorce	3	2,8	-
Отношение к любви романтического типа / Attitudes toward romantic love	2	3,3	$p \leq 0,1$
Оценка значения сексуальной сферы в семейной жизни / Assessment of the importance of sexuality in family life	3	3,5	-
Отношение к «запретности секса» (представление о запретности сексуальной темы) / Attitudes toward the “taboo of sex” (the idea that sexual topics are taboo)	2,8	1,8	$p \leq 0,1$
Отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи (ориентация на	3,3	3	-

традиционные представления) / Attitudes toward a patriarchal or egalitarian family structure (orientation toward traditional ideas)			
Отношение к деньгам (легкость трат – бережливость) / Attitudes toward money (ease of spending – frugality)	3,3	1,5	$p \leq 0,1$

Обсуждение результатов

В семьях ранее отбывавших лишение свободы мужчин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления, слабо выражена сплоченность, преобладают центробежные тенденции (обособление, стремление к независимости от семьи). Им свойственна эмоциональная отдаленность от членов семьи, привязанность между ними минимальна, а поведение несогласованно. Они редко объединены общим досугом, общими друзьями или увлечениями. Поддержка друг друга и совместное преодоление жизненных трудностей даются сложно.

За изоляцией и акцентированной независимостью осужденных мужчин скрывается неразвитая способность строить близкие отношения и усиление тревоги при попытках сблизиться с другими. Отсутствие единства порождает отчужденность. Коммуникация затруднена, а общие цели и ценности разобщены. Каждый член семьи живет своей отдельной жизнью, не чувствуя себя частью целого. Поддержка и взаимопонимание заменяются безразличием и отстраненностью.

В результате, семья не может эффективно функционировать как единая система, подвержена внутренним конфликтам и не способна обеспечить своим членам необходимую эмоциональную поддержку и чувство принадлежности.

Устоявшаяся семейная система осужденных мужчин ЭГ № 1 и ЭГ № 2 теряет способность адаптироваться к новым вызовам, возникающим на различных этапах ее развития, становится ригидной. В такой системе строго определено неконструктивное распределение ролей, характерна ярко выраженная иерархичность. Недостаток изменений определяет высокую степень предсказуемости и несговорчивости в поведении ее членов.

В семьях осужденных мужчин с хаотичным типом семейной адаптации решения принимаются спонтанно и без должного обдумывания, роли размыты и часто переходят от одного члена семьи к другому. Избыточное количество перемен приводит к непредсказуемости происходящего.

Гибкий тип семейной адаптации осужденных мужчин отличается демократичным подходом к управлению. Обсуждения ведутся открыто, с активным вовлечением детей. Роли могут быть разделены или меняться по мере необходимости. В редких случаях наблюдается недостаточность лидерства, однако это не приводит к потере контроля над системой.

20% семей мужчин, осужденных за ненасильственные преступления, свойственна адаптация структурированного типа. Для них характерны определенные элементы демократического управления. Члены семей проявляют готовность к обсуждению актуальных вопросов и принимают во внимание точку зрения детей. Стабильные роли и внутрисемейные нормы сохраняют устойчивость, но допускается возможность их пересмотра.

Мужчины, осужденные за насильственные преступления (ЭГ № 1), демонстрируют склонность к соблюдению принципов обязательности, ориентацию на чувство долга в семейных отношениях. При этом они демонстрируют меньшую эмоциональную вовлеченность во взаимодействие с детьми и их обесценивание. Это объясняется тем, что их родители, в большинстве случаев, оценивали действия ребенка порицанием, а не похвалой.

Мужчины, осужденные за преступления, не связанные с насильственными действиями (ЭГ № 2), в семейных отношениях проявляют импульсивное стремление к сиюминутным наслаждениям, пренебрегая обязанностями. При этом влияние детей на их жизнь выражено сильнее. В ходе бесед выявлено, что это обусловлено детскими впечатлениями об отношениях между родителями и детьми в их семьях.

При анализе результатов проведенного исследования сформировался вывод о том, что у осужденных мужчин ЭГ № 2 наблюдается ярко выраженная приверженность к классическим представлениям о романтических отношениях. Они избегают чрезмерного погружения во внутренние конфликты, реже раскрывают свои уязвимые стороны. В переговорах эти мужчины пытаются выйти из конфликта, что может приводить к интеллектуализации проблемы и дистанцированию от оппонента.

Для осужденных мужчин ЭГ № 1 важна роль супруга и отца, поэтому их семейная структура в значительной степени опирается на традиционную патриархальную модель. Их восприятие семейных обязанностей и отношение к распределению ролей соответствует устоявшимся нормам и представлениям.

В восприятии мужчин, осужденных за ненасильственные преступления (ЭГ № 2) наиболее распространено устройство семьи эгалитарного типа. Это объясняется тем, что ни муж, ни жена не стремятся к доминированию в отношениях, а власть и ответственность равномерно распределяются между обоими партнерами.

У мужчин, осужденных за насильственные преступления (ЭГ № 1), проявляются финансовая осмотрительность и бережное отношение к деньгам. Они умеют экономить средства ради приобретения чего-то действительно важного. Мужчины, осужденные за ненасильственные преступления (ЭГ № 2), склонны к спонтанным тратам для получения удовольствия от жизни в настоящем без заботы о своем и семейном будущем.

Таким образом, сформировался вывод о том, что семьям мужчин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления, ранее отбывавших лишение свободы, свойственны: низкая сплоченность, стремление членов семьи к самостоятельности, эмоциональная отстраненность, отсутствие общих интересов в проведении свободного времени, малое число общих друзей и увлечений, минимальная поддержка друг друга, повышенное чувство тревоги при попытках наладить общение или обсудить проблемы. В семьях мужчин, осужденных за насильственные преступления, выражена хаотичность семейных правил и процедур, а также контроль членами семьи друг друга.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить значимую связь между характером семейных отношений осужденных мужчин и установками на них. Анализ результатов показал, что у мужчин, осужденных за насильственные преступления, преобладают установки иерархического характера, которые способствуют формированию представления о

необходимости доминирования и контроля над другими. Осужденные мужчины, совершившие ненасильственные преступления, в семейной жизни зачастую демонстрируют спонтанное желание немедленного удовольствия, игнорируя при этом свои обязательства.

Негативные установки на семейные отношения могут вызывать у осужденных мужчин повышенную реактивность на межличностные конфликты, увеличивающую риск повторных преступлений. Психологическая коррекция в пенитенциарной практике должна быть направлена на трансформацию этих установок, что потенциально может способствовать снижению уровня эмоциональной напряженности, восстановлению нарушенных личностных функций, а также интеграции и ресоциализации осужденных в обществе.

Ограничения. Представленное исследование ограничено региональной выборкой (Вологодская и Свердловская области, Забайкальский край), фокусом исключительно на мужчинах-рецидивистах (120 человек) с возрастной дифференциацией (от 25 до 40 лет). Перспективными направлениями дальнейшего изучения темы выступают лонгитюдные исследования на расширенной выборке (включая осужденных женщин), комплексная оценка семейной системы с привлечением данных, касающихся родственников, оценка эффективности психокоррекционных программ и анализ влияния отдельных факторов (длительность срока, тип учреждения, наличие детей и др.) на ресоциализацию и риск рецидива.

Limitations. This study is limited by its regional sample size (the Vologda and Sverdlovsk regions, the Zabaykalsky Krai), focusing exclusively on male repeat offenders (120 individuals) with age differentiation (25 to 40 years). Promising areas for further research include longitudinal studies on an expanded sample (including convicted women), a comprehensive assessment of the family system with the involvement of family members, an evaluation of the effectiveness of psychocorrectional programs, and an analysis of the impact of individual factors (sentence length, type of institution, presence of children, etc.) on resocialization and the risk of recidivism.

Список источников / References

1. Алешина, Ю.А. (1985). *Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни. Дис. … канд. психол. наук: 19.00.05.* Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004051644 (дата обращения: 15.11.2025).
   Aleshina, Yu.A. (1985). *Marital satisfaction and interpersonal perception in married couples with different lengths of marriage. Diss. Cand. Sci. (Psychol.): 19.00.05.* Lomonosov Moscow State University. Moscow. (In Russ.) URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004051644 (viewed: 15.11.2025).
2. Алишбиева, А.Р., Абдурахманова, У.Х., Барханоева, Р.И., Гаджиева, П.Д. (2025). Об актуальности проблемы преступности среди несовершеннолетних в современных условиях. В: *Scientific achievements of the third millennium. Collection of Scientific Papers based on the results of an XXVIII international scientific conference* (с. 45—47). New York: Scientific center “Science Conference”. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ivneli (дата обращения: 15.11.2025).
   Alishbieva, A.R., Abdurakhmanova, U.Kh., Barkhanoeva, R.I., Gadzhieva, P.D. (2025). On the relevance of the problem of juvenile delinquency in modern conditions. In: *Scientific achievements of the third millennium. Collection of Scientific Papers based on the results of an*

XXVIII international scientific conference (pp. 45—47). New York: Scientific center “Science Conference”. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ivneli (viewed: 15.11.2025).

3. Антонян, Ю.М., Еникеев, М.И., Эминов, В.Е. (2025). *Психология преступления и наказания: Монография.* М.: РГ-Пресс. URL: https://www.elibrary.ru/eccewu (дата обращения: 15.11.2025).
   Antonyan, Yu.M., Enikeev, M.I., Eminov, V.E. (2025) *Psychology of Crime and Punishment: Monograph*. Moscow: RG-Press Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/eccewu (viewed: 15.11.2025).
4. Батыщева, И.В. (2021). Основные криминогенные факторы, влияющие на активность преступности среди несовершеннолетних граждан. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(89), 88—93. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-88-93
   Batyshcheva, I.V. (2021). Main criminogenic factors influencing crime activity of minors. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(89), 88—93. (In Russ.). https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-88-93
5. Блэкборн, Р. (2004). *Психология криминального поведения* (А.А. Алексеев, ред.). Пер. с англ. СПб: Питер. URL: https://www.elibrary.ru/ruuzhf (дата обращения: 15.11.2025).
   Blackbourn, R. (2004). *The psychology of criminal conduct* (A.A. Alekseev, ed.). Trans. from Engl. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ruuzhf (viewed: 15.11.2025).
6. Борзова, О.М., Данилова, М.В. (2017). Семейное неблагополучие как фактор риска совершения правонарушений несовершеннолетними. *Молодой ученый*, 21(155), 404—408. URL: https://www.elibrary.ru/ypmjzt (дата обращения: 01.10.2025).
   Borzova, O.M., Danilova, M.V. (2017). Family Dysfunction as a Risk Factor for Juvenile Delinquency. *Young Scientist*, 21(155), 404—408. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ypmjzt (viewed: 01.10.2025).
7. Вэтра, А.В., Ганишина, И.С., Марьин, М.И. (2022). Психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления. *Психология и право, 12*(1), 91—102. https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120108
   Vetra, A.V., Ganishina, I.S., Maryin, M.I. (2022). Psychological Characteristics of Self-attitude of Juvenile Sus-pects, Accused, Convicted of Violent Crimes. *Psychology and Law, 12*(1), 91—102. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120108
8. Гаврик, А.Э., Батыщева, И.В. (2022). Причины и условия, способствующие совершению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. В: *Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции: Материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Волгоград, 30—31 марта 2022 года* (с. 125—128). М.: Спутник+. URL: https://www.elibrary.ru/jatybc (дата обращения: 01.10.2025).
   Gavrik, A.E., Batyshcheva, I.V. (2022). Causes and conditions contributing to the commission of offenses committed by minors. In: *Current issues of theory and practice in the activities of police units: Proceedings of the intradepartmental scientific and practical conference*, *Volgograd, March 30-31, 2022* (pp. 125—128). Moscow: Sputnik+ Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/jatybc (viewed: 01.10.2025).
9. Гриненко, А.В., Потапов, В.Д., Цветкова, Е.В. (2023). Влияние неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего преступника. *Вестник Санкт-*

Петербургского университета. Право, 14(1), 266—279. https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.117
Grinenko, A.V., Potapov, V.D., Tsvetkova, E.V. (2023). The impact of dysfunctional families on the formation of personality of juvenile offenders. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 14*(1), 266—279. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.117

10. Дроздов, Т.М. (2012). Классификация неблагоприятных условий семейного воспитания в формировании личности несовершеннолетнего правонарушителя (по материалам криминологического исследования в г. Краснодаре). *Российский следователь*, 23, 51—52. URL: https://www.elibrary.ru/plpzpx (дата обращения: 01.10.2025).
Drozdov, T.M. (2012). Classification of unfavorable conditions of family education in the formation of the personality of a juvenile offender (based on the materials of a criminological study in Krasnodar). *Russian Investigator*, 23, 51—52. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/plpzpx (viewed: 01.10.2025).
11. Дронова, Т.А., Корнеева, Я.А. (2021). Особенности социализированности несовершеннолетних из неблагополучных семей. *Психология и право, 11*(3), 2—14. https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110301
Dronova, T.A., Korneeva, Y.A. (2021). Socialization Peculiarities of Minors from Disadvantaged Families. *Psychology and Law, 11*(3), 2—14. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110301
12. Ильина, О.В. (2020). Причины совершения несовершеннолетними правонарушений. *Наука. Общество. Государство, 8*(1), 96—104. https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-1-12
Il'ina, O. V. (2020). Reasons for juvenile delinquency. *Science. Society. State, 8*(1), 96—104. (In Russ.). https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-1-12
13. Иншакова, М.С. (2009). Негативные аспекты семейной жизни как фактор преступного поведения. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 90—92. URL: https://www.elibrary.ru/jwzcsn (дата обращения: 01.10.2025).
Inshakova, M.S. (2009). Negative aspects of family life as a factor in criminal behavior. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 90—92. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/jwzcsn (viewed: 01.10.2025).
14. Кантер, Д. (2021). Социальные объяснения преступлений. В: Д. Кантер. *Криминальная психология* (с. 78—95). Пер. с англ. М.: Гуманитарный центр.
Canter, D.V. (2021). Social explanations of crime. In: D.V. Canter. *Criminal Psychology* (pp. 78—95). Trans. from Engl. Moscow: Humanitarian Center Publ. (In Russ.).
15. Маралов, В.Г., Ситаров, В.А. (2019). Психология ненасилия: проблематика исследований и перспективы развития. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования, 19*(2), 195—215. https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.195-215
Maralov, V.G., Sitarov, V.A. (2019). Non-Violence Psychology: Problems of Researches and Prospects of Development. *Russian Journal of the Humanities, 19*(2), 195—215. (In Russ.). https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.195-215
16. Муха, И.В. (2014). Причины и условия совершения грабежей и разбоев. *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение*, 5(181), 99—103. URL: https://www.elibrary.ru/vytrej (дата обращения: 01.10.2025).

Mukha, I.V. (2014). Reasons and conditions of commitment of robberies and brigandage. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence, 5*(181), 99—103. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/vytrej (viewed: 01.10.2025).

17. Обуховская, Д.И., Коноплева, И.Н. (2023). Акцентуации характера, ценностные ориентации и агрессивность подростков как факторы риска совершения правонарушений несовершеннолетними. *Психология и право, 13*(4), 115—131. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130409
    Obukhovskaya, D.I., Konopleva, I.N. (2023). The Character Accentuations, Value Orientations and Agressiveness of Adolescents as the Risk Factors of the Committing of Offenses by Juveniles. *Psychology and Law, 13*(4), 115—131. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130409
18. Осмоловская, С.И. (2020). Основные факторы, влияющие на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления со стороны родителей. *Труды Академии управления МВД России*, 4(56), 247—254. URL: https://www.elibrary.ru/gwtnot (дата обращения: 01.10.2025).
    Osmolovskaya, S.I. (2020). The Main Factors Influencing the Involvement of Minors in the Commission of a Crime on the Part of Parents. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 4(56), 247—254. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/gwtnot (viewed: 01.10.2025).
19. Ошевский, Д.С., Афонина, Ю.С. (2017). Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра. *Психология и право, 7*(3), 44—55. https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070304
    Oshevsky, D.S., Afonina, Y.S. (2017). Risk factors for aggressive behavior in juvenile offenders suffering from schizophrenic spectrum disorders. *Psychology and Law, 7*(3), 44—55. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070304
20. Пирожков, В.Ф. (2001). *Криминальная психология.* М.: Ось-89.
    Pirozhkov, V.F. (2001). *Criminal Psychology*. Moscow: Os'-89 Publ. (In Russ.).
21. Познышев, С.В. (2025). *Преступные типы.* М.: Юрайт.
    Poznyshev, S.V. (2025). *Criminal Types.* Moscow: Yurait Publishing House. (In Russ.).
22. Сафуанов, Ф.С. (2022). Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога. *Психология и право, 12*(3), 3—13. https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301
    Safuanov, F.S. (2022). Intra-family Criminal Aggression: In the Opinion of Forensic Expert-psychologist. *Psychology and Law, 12*(3), 3—13. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301
23. Семенов, В.Н. (2016). Психологические факторы риска совершения насильственно-агрессивных и ненасильственных правонарушений у преступников с диссоциальным расстройством личности. *Философия и социальные науки*, 2, 56—59. URL: https://www.elibrary.ru/bkrfaw (дата обращения: 01.10.2025).
    Semenov, V.N. (2016). Psychological Risk Factors of Violent-Aggressive and Non-Violent Crime from Criminals with Dissocial Personality Disorder. *The Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2, 56—59. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/bkrfaw (viewed: 01.10.2025).

24. Середа, И.М., Костюченко, М.А. (2015). Причины и условия совершения преступлений в кредитной сфере (применительно к Иркутской области и Республике Бурятия). *Российский следователь*, 13, 32—37. URL: https://elibrary.ru/ubfuvh (дата обращения: 01.10.2025).
Sereda, I.M., Kostyuchenko, M.A. (2015). Causes and Conditions of Committing Crimes in the Credit Sphere (as Applied to the Irkutsk Region and the Republic Of Buryatia). *Russian Investigator, 13*, 32—37. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/viewed (дата обращения: 01.10.2025).
25. Собчик, Л.Н., Спасенников, Б.А., Кулакова, С.В. (2022). Криминологические аспекты агрессивности. *Психология и право, 12*(1), 209—225. https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120116
Sobchik, L., Spasennikov, B., Kulakova, S.V. (2022). Criminological Aspects of Aggression. *Psychology and Law, 12*(1), 209—225. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120116
26. Устинов, Д.В. (2018). Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей. *Психология и право, 8*(1), 63—76. https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080105
Ustinov, D.V. (2018). Content of needs as classification criteria of unlawful property behavior of children. *Psychology and Law, 8*(1), 63—76. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080105
27. Эйдемиллер, Э.Г., Добряков, И.В., Никольская, И.М. (2003). *Семейный диагноз и семейная психотерапия: Учебное пособие для врачей и психологов*. СПб: Речь. URL: https://elibrary.ru/qxfyth (дата обращения: 01.10.2025).
Eidemiller, E.G., Dobryakov, I.V., Nikolskaya, I.M. (2003). *Family Diagnosis and Family Psychotherapy: A textbook for doctors and psychologists*. Saint Petersburg: Rech Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/qxfyth (viewed: 01.10.2025).

Информация об авторах

Наталия Олеговна Макух, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности, факультет психологии и пробации, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России), Вологда, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9159-9132, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Information about the authors

Natalia O. Makuh, Candidate of Science (Psychology), Docent, Associate Professor of the Department of Performance Psychology, Faculty of Psychology and Probation, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9159-9132, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 28.11.2025
Поступила после рецензирования 18.06.2026
Принята к публикации 28.06.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2025.11.28
Revised 2026.06.18
Accepted 2026.06.28
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 133–153.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160308
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 133–153.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160308
ISSN 2222-5196 (online)

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Научная статья | Original paper

Аддиктивная личностная установка как интегративная особенность наркозависимых осужденных, детерминирующая их личностные и поведенческие характеристики в местах лишения свободы

В.В. Ажимов[1] ✉, **И.С. Ганишина**[2], **Т.П. Скрипкина**[2]
[1] Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике, Ижевск, Российская Федерация
[2] Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация
✉ azhimov@list.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью изучения аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных и ее влияния на их личностные и поведенческие характеристики. **Цель** — выявить влияние аддиктивной личностной установки на личностные и поведенческие характеристики наркозависимых осужденных. **Методы и материалы.** Эмпирическое исследование проводилось на базе исправительных учреждений УФСИН России по Удмуртской Республике. В исследовании приняли участие 224 наркозависимых осужденных. Личностные и поведенческие характеристики оценивались с помощью следующего психодиагностического инструментария: «Методика изучения смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев); «Шкала аддиктивных установок» (Р. Макмалин, П. Гейлхар); опросник «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Г. Конте); опросник «Склонность к поиску ощущений (М. Цукерман); «Опросник способов совладания» (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк); «Методика исследования самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев); «Методика исследования акцентуаций характера» (Г. Шмишек); опросник «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин и др.). **Результаты.** Установлена структура и выявлены значимые взаимосвязи личностных и поведенческих элементов структурных компонентов аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных. **Выводы.** У наркозависимых осужденных присутствует аддиктивная личностная установка

© Ажимов В.В., Ганишина И.С., Скрипкина Т.П., 2026

CC-BY-NC

как интегративная личностная особенность, представляющая собой совокупность аддиктивно обусловленных личностных и поведенческих характеристик, определяющая неосознаваемую готовность к употреблению наркотических веществ и инициирующая определенные (направленные на получение сильных эмоциональных ощущений) виды поведения наркозависимых осужденных в местах лишения свободы.

Ключевые слова: аддиктивная личностная установка, состояние длительной вынужденной ремиссии, наркозависимые осужденные, исправительное учреждение, личностные и поведенческие характеристики, копинг-стратегии, локус контроля, самоотношение, акцентуации характера

Для цитирования: Ажимов, В.В., Ганишина, И.С., Скрипкина, Т.П. (2026). Аддиктивная личностная установка как интегративная особенность наркозависимых осужденных, детерминирующая их личностные и поведенческие характеристики в местах лишения свободы. *Психология и право, 16*(3), 133—153. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160308

Addictive personality attitude as an integrative feature of drug-addicted convicts determining their personal and behavioral characteristics in places of imprisonment

V.V. Azhimov[1] ✉, **I.S. Ganishina**[2], **T.P. Skripkina**[2]
[1] Federal Penitentiary Service of Russia for the Udmurt Republic, Izhevsk, Russian Federation
[2] Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation
✉ azhimov@list.ru

Abstract

Context and relevance. The relevance of the chosen topic is due to the significance of studying the addictive personality attitude of drug-addicted convicts and its influence on their personal and behavioral characteristics. **Objective.** The goal is to identify the impact of addictive personality traits on the personal and behavioral characteristics of drug-addicted convicts. **Methods and materials.** The empirical study was conducted on the basis of correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Udmurt Republic. The study involved 224 drug-addicted convicts. Personal and behavioral characteristics were assessed using the following psychodiagnostic tools: " Method for studying life sense orientations" (D.A. Leontiev); "Scale of addictive attitudes" (R. Mcmalin, P. Geilhar); questionnaire "Life Style Index" (R. Plutchik, G. Kellerman, G. Conte); questionnaire "Propensity to search for sensations" (M. Zuckerman); "Questionnaire of coping methods" (T.L. Kryukova, E.V. Kuftyak); " Method of self-attitude research" (V.V. Stolin, S.R. Pantileev); " Method of character accentuation research" (G. Shmishek); questionnaire "Level of subjective control" (E.F. Bazhin et al.). **Results.** The structure of the addictive personality attitude of drug-addicted convicts was established, and

significant interrelations of the personal and behavioral elements of the structural components of the addictive personality attitude were revealed. **Conclusions.** Drug-addicted convicts have an addictive personality trait as an integrative personality feature, which is a set of addictively conditioned personality and behavioral characteristics that determines the unconscious readiness to use drugs and initiates certain (aimed at obtaining strong emotional sensations) types of behavior in drug-addicted convicts in places of detention.

Keywords: addictive personality attitude, state of prolonged involuntary remission, drug-addicted convicts, correctional institution, personal and behavioral characteristics, coping strategies, locus of control, self-attitude, character accentuation

For citation: Azhimov, V.V., Ganishina, I.S., Skripkina, T.P. (2026). Addictive personality attitude as an integrative feature of drug-addicted convicts determining their personal and behavioral characteristics in places of imprisonment. *Psychology and Law, 16*(3), 133—153. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160308

Введение

Аддиктивная личностная установка наркозависимых осужденных является малоизученным феноменом в современной юридической психологии. Согласно статистическим данным, до 67% осужденных страдают расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, более 20% осужденных находятся в местах лишения свободы по статьям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, каждый десятый осужденный к лишению свободы признан зависимым от психоактивных веществ (ПАВ) (Искандаров, Бовин, 2026). Поэтому изучение аддиктивной личностной установки и ее влияния на деструктивное поведение наркозависимых осужденных в местах лишения свободы является актуальной научной проблемой.

Установка — социально значимый феномен в психологии, поскольку она является организующим компонентом человеческой психики и проявляется во многих ее сферах: когнитивной, эмоциональной, волевой. Психологическая установка понимается в научной психологической литературе как общепсихологическая категория, включающая в себя разнообразные психологические конструкции: готовность (Узнадзе, 2001), предрасположенность (Шихирев, 1999), аттитюд (Андреева, 2012), убеждения (Асмолов,1979), диспозиции (Ядов и др., 2013) и т. п.

Проблема психологической установки в отечественной психологии разрабатывалась представителями грузинской психологической школы под руководством Д.Н. Узнадзе. Д.Н. Узнадзе рассматривал установку как готовность, предрасположенность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении, которая обеспечивает устойчивый целенаправленный характер протекания соответствующей деятельности и служит основой целесообразной избирательной активности человека. При этом ученый указывает на ее внесознательную природу (Узнадзе, 2001).

Значительный вклад в развитие теории социальной установки сделали следующие представители отечественной психологической школы: А.Г. Асмолов, Г.М. Андреева, Б.Д. Парыгин, П.Н. Шихирев, В.А. Ядов и др. А.Г. Асмолов выявил иерархическую уровневую природу установки и выделил соответствующие четыре уровня установок: смысловой,

целевой, операциональный, психофизиологический (Асмолов, 1979). Г.М. Андреева отмечала, что социальная установка (аттитюд) — определенная благоприятная или неблагоприятная оценочная реакция на что-либо или на кого-либо, которая выражается в мнениях, чувствах, а также в целенаправленном поведении. М. Смит в 1942 году предложил трехкомпонентную структуру социальной установки (аттитюда): когнитивный, аффективный, поведенческий компоненты (Андреева, 2012). Рассматривая феномен установки, П.Н. Шихирев выделил следующие ее структурные компоненты: когнитивный (перцептивный, информативный) — осознание объекта установки; аффективный (эмоции, чувства) — чувство симпатии или антипатии к объекту установки; конативный (поведенческий, действенный) — устойчивая последовательность реального поведения относительно объекта установки (Шихирев, 1999). В.А. Ядов разработал диспозиционную концепцию регуляции социального поведения личности, в рамках которой использовал понятие «диспозиция», включающее в себя установки, ценностные ориентации и направленность личности, организованные в иерархические структуры (Ядов и др., 2013).

Анализ отечественной психологической литературы (Бондырева, Колесов, 2006; Змановская, Рыбников, 2023; Короленко, Дмитриева, 2001; Лисецкий, 2008) показал, что аддиктивная личностная установка является ядром личности наркозависимого. По данным Ц.П. Короленко, аддиктивная установка становится для аддикта оправданием деструктивных паттернов поведения. Мышление наркозависимого оправдывает такую установку, при этом игнорируются последствия, которые могут быть неблагоприятными и даже опасными для человека (Короленко, Дмитриева, 2001). К.С Лисецкий выделил следующие причины актуализации психологической готовности к употреблению наркотиков: чувство субъектности, уникальность самовосприятия, желание специфического (наркогенного) самоконтроля и желание внутреннего самопознания (Лисецкий, 2008). С.К. Бондырева установила, что содержанием аддиктивной установки является потребностное возбуждение, самоцелью которого является получение удовольствия (Бондырева, 2006). Д.В. Колесов выявил существование доминирующего в мотивационном поле специфического ядра аддиктивной потребности, основой которого являются константные ощущения гедонистического спектра (Колесов, 2006). Е.В. Змановская отметила, что аддиктивная установка выражается в появлении сверхценного эмоционального отношения к объекту аддикции. Мысли и разговоры об объекте начинают преобладать. Усиливается механизм рационализации, снижается критичность к негативным последствиям аддиктивного поведения, проявляется анозогнозия. «Желание “слиться” с аддиктивным объектом настолько доминирует, что человек способен преодолеть любые преграды на пути к нему, проявляя незаурядную изобретательность и упорство» (Змановская, Рыбников, 2023).

Характеризуя девиантное поведение наркозависимых лиц, Е.В. Змановская выделяет элементы девиантности в структуре их личности: фиксация на удовлетворении потребности, высокий уровень конфликтности и агрессивности в межличностных отношениях, повышение бессознательных защитных механизмов (регрессия, проекция, замещение), внутренняя конфликтность, полярность самооценки, нарушение нормативных ценностей, нравственных норм (Змановская, 2005).

Наркозависимые осужденные в исправительном учреждении находятся в состоянии длительной вынужденной ремиссии и не имеют возможности употреблять наркотические

вещества. Достижением ремиссии считается воздержание от употребления психоактивных веществ (ПАВ) в период не менее одного года (Об утверждении порядка…, 2026). М.А. Винникова утверждает, что длительные стойкие ремиссии (до 3 лет) формируются благодаря правильному построению терапевтических программ и амбулаторного лечения (Винникова, 2022). В пенитенциарных учреждениях, где используется фактор изоляции, практически исключающий проникновение психоактивных веществ, имеется возможность применения всех дифференцированных терапевтических и реабилитационных программ под медицинским контролем в течение длительного времени с получением максимального эффекта (Кононец и др., 2006). По данным И.Н. Бутакова, в стадии ремиссии главными в структуре терминальных ценностей являются ценности здоровья, а также ценности помощи и милосердия по отношению к другим, направленность на социальную активность (Бутаков, 2015). Важным моментом ремиссии становится заинтересованность окружением как объектом воздействия или источником получения помощи. С.И. Гусев выделил следующие этапы формирования вынужденной ремиссии наркозависимых осужденных: 1) начальный этап, при воздержании от наркотиков до 1 года; 2) этап формирующейся ремиссии, при сроке воздержания от 1 года до 3 лет, 3) этап стойкой ремиссии, от 3 до 5 лет и более (Гусев, 2010).

Дж.Ф. Сигурдссон и Г. Гудьонссон констатируют, что при отсутствии проведения мотивационной, психотерапевтической и реабилитационной работы с потребителями психоактивных веществ в период вынужденной ремиссии риск наркологических срывов и связанных с ними рецидивов правонарушений существенно повышается (Sigurdsson, Gudjonsson, 1995).

Адам Чемберлен с соавторами по результатам исследования выборки у 751 бывшего заключенного в США, обратившегося в центры первичной медико-социальной помощи, выделили факторы, способствующие рецидивному употреблению наркотиков: трудности при возвращении в общество и сопутствующий эмоциональный стресс (Chamberlain et al., 2019). Средний срок заключения у участников выборки по последнему преступлению составлял 4 года.

М.А. Винникова считает, что причиной развития рецидивов заболевания является потребность в изменении психологического состояния (Винникова, 2022).

Для наркозависимых осужденных характерны следующие *личностные характеристики*: повышенная эмоциональность, легкость возникновения аффективных реакций, неустойчивость мотивов поведения, проблемы временной перспективы, экстернальная локализация локуса (Ганишина, 2016); напряженное функционирование ранних психологических защитных механизмов (Власова, 2006); рост готовности к риску (Ушатиков, Ганишина, 2015а); деформация личностных черт в сторону асоциальной направленности, нарастающая психопатизация личности, «зацикливание» ригидных установок, дефицитарность просоциальных потребностей, снижение мотивации достижения, неустойчивость мотивационной направленности, снижение осмысленности жизни (Жарких, 2013); несформированность внутренней системы ценностей, снижение способности к самооценке и самоконтролю, потеря способности видеть себя со стороны, с возросшим чувством собственной правоты, неспособность контролировать собственные эмоции, резкие перепады настроения (Кротова, 2018); отсутствие твердой установки на прекращение употребления наркотических веществ и целенаправленное сохранение и поддержание поведенческой программы наркопотребления (Калашникова, Ковалева, 2022); низкий уровень

сформированности ценностно-смысловой системы, в том числе низкий уровень показателей смысложизнненных ориентаций (Должков, 2018); слабо иерархизированная и упрощенная структура смыслов, которая при этом отличаются слабой реалистичностью (Ошевский, Кудимова, 2018).

Д. Индиг, С. Гир, К. Вильгельм по результатам опроса 1200 наркозависимых заключенных в Новой Зеландии в 2015 году выявили у 66% опрошенных два и более пожизненных медицинских диагноза, связанных с наличием психического расстройства или расстройства влечения в связи с употреблением наркотиков. По мнению авторов, наиболее распространенными выявленными расстройствами личности наркозависимых осужденных являются: параноидальные (15%), антисоциальные (11%), обсессивно-компульсивные (10%) и пограничные (9%). Самая высокая распространенность расстройств личности (46%) была выявлена среди заключенных с пожизненным диагнозом «сопутствующее расстройство настроения», характеризующееся постоянным приемом наркотических средств (Indig, Gear, Wilhelm, 2016).

Исследование преступников-наркоманов, проведенное в Индии А. Аггарвалом с соавторами, выявило, что их личностные характеристики значительно отличаются от личностных характеристик лиц, не употребляющих наркотики, в частности по таким показателям, как психотизм и невротизм (Aggarwal et al., 2015).

В условиях отбывания уголовного наказания без специально организованной психокоррекционной работы у наркозависимых осужденных сохраняется тяга к употреблению психоактивных веществ (Ажимов, Ганишина, Марьин, 2023), сопровождающаяся высоким уровнем дисфункциональных установок о пользе наркотиков, склонности к поиску острых ощущений, высоким уровнем функционирования психологических защит (Ганишина, Марьин, Ажимов, 2024).

По данным отечественных ученых (Ю.М. Антонян, Ю.В. Власова, И.С. Ганишина, А.А. Жарких, В.Г. Рагозинская, Т.И. Савельева, А.И. Ушатиков), наркозависимым осужденным присущи следующие *поведенческие характеристики*, проявляемые в местах лишения свободы: импульсивность, демонстративность, грубость в поведении, склонность к нарушению режимных требований, частое возникновение аффективных состояний, которые переходят в агрессивные и аутоагрессивные поступки, пренебрежение морально-этическими нормами, нарушение прогноза последствий своих поступков (Антонян, Еникеев, Эминов, 2018); высокая активность с одновременной, крайне низкой, выраженностью автономности (Савельева, 2009); конфликтность, манипулятивность в межличностном взаимодействии (Ушатиков, Ганишина, 2015б); неадаптивность поведенческих реакций, упрямство, выраженная эмоциональная переключаемость в отношениях без глубины переживаний, максимализм в проявлении чувств и в высказываниях, внешнеобвинительные реакции, поиски справедливости, негативная установка на корригирующее влияние окружения (Рагозинская, 2017); нарушения функционирования процессов психической саморегуляции, склонность к агрессивным, неконтролируемым действиям (Власова, 2006), манипулятивные и избегающие стратегии поведения (Ганишина, 2016).

А. Эфтехари с соавторами на примере 270 несовершеннолетних заключенных демонстрируют, что проявление гнева и избегающего поведения достоверно связаны с

употреблением марихуаны и являются как факторами риска употребления, так и ее последствиями (Eftekhari, Turner, Larimer, 2004).

Таким образом, проведенный теоретический анализ отечественной и зарубежной психологической литературы показал, что у наркозависимых осужденных присутствует аддиктивная личностная установка, сформировавшаяся при систематическом употреблении наркотических веществ. В исправительном учреждении наркозависимые осужденные находятся в состоянии длительной вынужденной ремиссии, при которой у них наступает временное улучшение физиологического и психологического состояния. Однако, несмотря на отсутствие наркотических веществ, действие аддиктивной личностной установки на наркозависимых осужденных в местах лишения свободы продолжается.

Структура и методы исследования

Цель исследования — изучение влияния аддиктивной личностной установки на личностные и поведенческие характеристики наркозависимых осужденных.

Эмпирическое исследование проводилось в исправительных учреждениях УФСИН России по Удмуртской Республике. В исследовании приняли участие 224 наркозависимых осужденных мужского пола.

В качестве ***гипотезы*** исследования было выдвинуто предположение о том, что аддиктивная личностная установка является сложной интегративной особенностью наркозависимых осужденных, имеющей собственную структуру и детерминирующую их личностные и поведенческие характеристики в местах лишения свободы.

Для изучения структуры аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных, а также их личностных и поведенческих характеристик нами применялся следующий психодиагностический инструментарий: «Методика изучения смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев); «Шкала аддиктивных установок» (Р. Макмалин, П. Гейлхар); опросник «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчек, Г. Келлерман, Г. Конте)»; опросник «Склонность к поиску острых ощущений (М. Цукерман)»; «Опросник способов совладания» (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк); «Методика исследования самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев); «Методика исследования акцентуаций характера» (Г. Шмишек); опросник «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин и др.).

Полученные результаты были обработаны с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерной программы SPSS Statistics 17.0.

Анализ результатов эмпирического исследования осуществлялся в несколько этапов:

- 1-й этап — проведение психологической диагностики;
- 2-й этап — проведение корреляционного анализа, выявление значимых взаимосвязей;
- 3-й этап — анализ полученных результатов, формулирование выводов.

Результаты исследования

На основе проведенного теоретического анализа нами была разработана структура аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных, которая представлена тремя компонентами: когнитивным, эмоциональным и поведенческим, представленными на рис. 1.

Рис. 1. Структура аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных

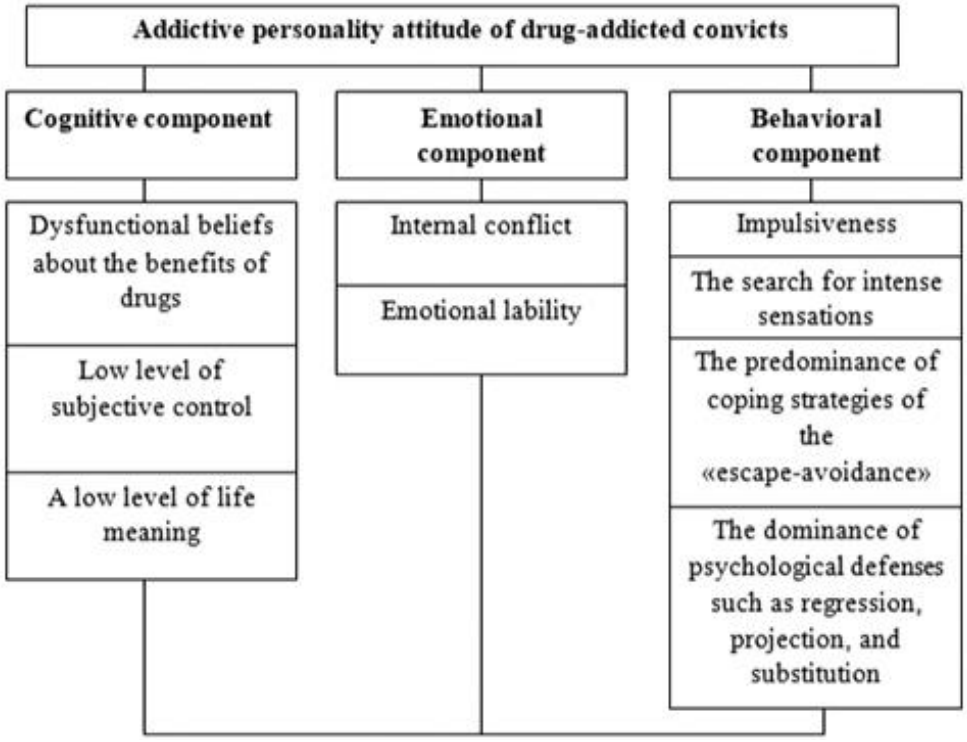

Fig. 1. The structure of the addictive personality attitude of drug-addicted convicts

В отсутствии наркотических веществ аддиктивная установка наркозависимых осужденных перестает быть непосредственно реализуемой встречей ситуации и потребности (Узнадзе, 2001) и переходит на социальный уровень. Поэтому для разработки структуры аддиктивной личностной установки нами использована модель М. Смита и П.Н. Шихерева.

Для исследования особенностей взаимосвязей между элементами выделенных структурных компонентов аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных был проведен корреляционный анализ по методу ранговой корреляции Спирмена.

Согласованность структуры аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных обеспечивается большим количеством внутренних взаимосвязей. Взаимосвязи между элементами выделенных компонентов аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных выглядят следующим образом.

Дисфункциональные убеждения о пользе наркотиков имеет следующие значимые корреляции: с низким уровнем субъективного контроля ($r=0,486$, $p<0,05$), со слабым уровнем осмысленности жизни ($r = 0,386$, $p<0,05$), с внутренней конфликтностью ($r = 0,367$, $p < 0,05$), с эмоциональной лабильностью ($r = 0,240$, $p < 0,05$), с импульсивностью ($r = 0,422$, $p < 0,05$), с поиском острых ощущений ($r = 0,142$, $p < 0,05$), с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0,185$, $p < 0,05$), с регрессией ($r = 0,455$, $p < 0,05$), с проекцией ($r = 0,314$, $p < 0,05$), с замещением ($r = 0,410$, $p < 0,05$).

Низкий уровень субъективного контроля имеет следующие значимые корреляции: со слабым уровнем осмысленности жизни ($r = 0,403$, $p < 0,05$), с внутренней конфликтностью ($r = 0,504$, $p < 0,05$), с эмоциональной лабильностью ($r = 0,247$, $p < 0,05$), с импульсивностью ($r = 0,337$, $p < 0,05$), с поиском острых ощущений ($r = 0,134$, $p < 0,05$), с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0,264$, $p < 0,05$), с регрессией ($r = 0,469$, $p < 0,05$), с проекцией ($r = 0,235$, $p < 0,05$), с замещением ($r = 0,479$, $p < 0,05$).

Слабый уровень осмысленности жизни имеет следующие значимые корреляции: с внутренней конфликтностью ($r = 0,414$, $p < 0,05$), эмоциональной лабильностью ($r = 0,174$, $p < 0,05$), с импульсивностью ($r = 0,329$, $p < 0,05$), с поиском острых ощущений ($r = 0,195$, $p < 0,05$), с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0,211$, $p < 0,05$), с регрессией ($r = 0,364$, $p < 0,05$), с проекцией ($r = 0,136$, $p < 0,05$), с замещением ($r = 0,355$, $p < 0,05$).

Внутренняя конфликтность имеет следующие значимые корреляции: с эмоциональной лабильностью ($r = 0,374$, $p < 0,05$), с импульсивностью ($r = 0,297$, $p < 0,05$), с поиском острых ощущений ($r = 0,306$, $p < 0,05$), с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0,374$, $p < 0,05$), с регрессией ($r = 0,515$, $p < 0,05$), с проекцией ($r = 0,329$, $p < 0,05$), с замещением ($r = 0,429$, $p < 0,05$).

Эмоциональная лабильность имеет следующие значимые корреляции: с импульсивностью ($r = 0,439$, $p < 0,05$), с поиском острых ощущений ($r = 0,121$, $p < 0,05$), с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0,384$, $p < 0,05$), с регрессией ($r = 0,411$, $p < 0,05$), с проекцией ($r = 0,337$, $p < 0,05$), с замещением ($r = 0,275$, $p < 0,05$).

Импульсивность имеет следующие значимые корреляции: с поиском острых ощущений ($r = 0,217$, $p < 0,05$), с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0,286$, $p < 0,05$), с регрессией ($r = 0,392$, $p < 0,05$), с проекцией ($r = 0,254$, $p < 0,05$), с замещением ($r = 0,406$, $p < 0,05$).

Поиск острых ощущений имеет следующие значимые корреляции: с преобладающей копинг-стратегией по типу «бегство-избегание» ($r = 0{,}165$, $p < 0{,}05$), с регрессией ($r = 0{,}115$, $p < 0{,}05$), с проекцией ($r = 0{,}266$, $p < 0{,}05$), с замещением ($r = 0{,}192$, $p < 0{,}05$).

Преобладающая копинг-стратегия по типу «бегство-избегание» имеет следующие значимые корреляции: с регрессией ($r = 0{,}427$, $p < 0{,}05$), с проекцией ($r = 0{,}348$, $p < 0{,}05$), с замещением ($r = 0{,}337$, $p < 0{,}05$).

Регрессия имеет следующие значимые корреляции: с проекцией ($r = 0{,}529$, $p < 0{,}05$), с замещением ($r = 0{,}670$, $p < 0{,}05$).

Проекция имеет значимую корреляцию с замещением ($r = 0{,}471$, $p < 0{,}05$).

Обсуждение результатов

При выраженном действии аддиктивной личностной установки мы можем наблюдать у наркозависимых осужденных определенные когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции.

Действие когнитивного компонента аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных проявляется в дисфункциональных убеждениях о пользе наркотиков: «Чтобы не чувствовать себя плохо, лучший способ — принять наркотики»; «Зависимость — это просто плохая привычка», «Я должен удовлетворять свои желания» и т. д. Одним из убеждений относительно наркотиков является анозогнозия — отрицание очевидных проблем в своей жизни, связанных с употреблением наркотиков: «Я не наркоман»; «Проблемы с наркотиками у меня не настолько серьезные»; «В жизни есть более важные вещи, над которыми надо работать, чем моя зависимость». Данные убеждения носят стойкий и зачастую неосознаваемый характер, выявляемый в процессе направленной психологической работы.

При выраженном действии аддиктивной личностной установки снижается общий уровень субъективного контроля наркозависимых осужденных в исправительном учреждении. Наркозависимые осужденные плохо оценивают связи между своими действиями и значимыми для них событиями их жизни, не считают себя способными контролировать их развитие и полагают, что большинство этих событий являются результатом случая или действий других людей, что в их восприятии связано с давлением режимных требований исправительного учреждения. Такая оценка своего влияния на ситуацию провоцирует у наркозависимых осужденных тревожность, обеспокоенность, повышенную агрессивность и враждебность, нетерпимость в межличностных отношениях, а также общую конформность в ситуациях, напрямую не связанных с удовлетворением аддиктивной потребности.

Действие когнитивного компонента проявляется в общей неустойчивости направленности жизнедеятельности на смысл, проявляемый в таких эффектах, как снижение целеполагания и планирования. Наркозависимый осужденный живет сегодняшним днем, при этом демонстрирует признаки неудовлетворенности своей жизнью в настоящем, предаваясь приятным воспоминаниям о прошлом или иллюзорным планам на будущее. В целом, он оценивает свою прожитую часть жизни неудовлетворительно, понимая, что в условиях исправительного учреждения контроль за его жизнью находится в руках администрации учреждения, а значит, прилагать усилия к нормальному целеполаганию и планированию, по его мнению, в таких условиях невозможно.

Действие эмоционального компонента аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных проявляется в выраженной эмоциональной лабильности и внутренней конфликтности. Эмоциональный компонент аддиктивной личностной установки проявляется в психосоматических жалобах, тревоге, подавленном настроении, депрессивном состоянии в период действия дистимической фазы и в активности, словоохотливости, жажде нецеленаправленной деятельности, положительном эмоциональном фоне в гипертимической фазе.

Действие поведенческого компонента аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных проявляется в выраженном действии психологических бессознательных защит: регрессии, проекции, замещения. Действие данных защитных механизмов выражено в следующих вариантах поведения наркозависимых осужденных в исправительном учреждении, характеризующихся:

- инфантилизмом, конформизмом в антисоциальных группах, поиском алкоголя (суррогатов) или наркотиков, частой сменой настроения, жалобами на состояние здоровья, манипулятивностью в межличностных отношениях;
- поиском справедливости, самолюбие,м эгоизмом, злопамятностью, мстительностью, обидчивостью, подозрительностью, враждебностью, упрямством, тенденцией к уличению окружающих в действиях против него, поиском недостатков у окружающих (администрации учреждения), повышенной чувствительностью к критике и замечаниям, требовательностью к другим;
- агрессивностью, неуправляемостью, склонностью к деструктивным и насильственным действиям, аморальностью, самоповреждениями, демонстративно-шантажным поведением.

При выраженном действии аддиктивной личностной установки преобладающей копинг-стратегией у наркозависимых осужденных в исправительном учреждении является «бегство-избегание», что проявляется в низком уровне социальной активности, замкнутости, отрицании помощи окружающих, закрытом защитном поведении, отказе от анализа и решения сложных жизненных ситуаций, преобладании эмоциональности, спонтанности в поведении, психологической ригидности в оценке ситуации, росте пессимизма и тревоги, сложностях адаптации.

При выраженном действии аддиктивной личностной установки возрастает потребность в поиске острых ощущений. Поведенческие проявления поиска острых ощущений выражены в потребности в новых, интенсивных, разнообразных стимулах и готовности к риску для ее удовлетворения. В исправительном учреждении потребность в поиске острых ощущений проявляется расторможенностью; непереносимостью монотонности, повторяемости, предсказуемости; ощущением дискомфорта в ситуациях, характеризующихся отсутствием динамики и новизны (что характерно для исправительных учреждений); нечувствительностью к ограничительным и режимным требованиям, противодействием им. Для наркозависимых осужденных поиск острых ощущений является, по их мнению, единственным способом почувствовать себя живым; приводит к действиям по удовлетворению данной потребности; характеризуется пренебрежением к безопасности, игнорированием выполнения своих обязанностей, несоблюдением режимных требований; снижает адаптивность поведения и имеет негативные последствия, выраженные в дисциплинарной практике.

При выраженном действии аддиктивной личностной установки поведение наркозависимых осужденных становится импульсивным; их действия носят малообдуманный характер, выражены проявления нетерпеливости и гиперактивности, раздражительности, легкомысленности, присутствует спонтанность в решениях, возникают проблемы самоконтроля; определяющим для них является эмоциональное состояние.

Внутренние взаимосвязи элементов выделенных компонентов аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных выглядят следующим образом.

В когнитивном компоненте аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных дисфункциональные убеждения о пользе наркотиков имеют положительные взаимосвязи со слабым уровнем осмысленности жизни и низким уровнем субъективного контроля, которые между собой взаимосвязаны положительно. Соответственно, чем более выражено действие дисфункциональных убеждений о пользе наркотиков у наркозависимых осужденных, тем слабее уровень осмысленности жизни и тем выше их экстернальность в исправительном учреждении. Высокий уровень дисфункциональных убеждений о пользе наркотиков у наркозависимых осужденных препятствует адекватному целеполаганию и планированию в условиях исправительного учреждения, ориентирует осужденных при освобождении на путь дальнейшего злоупотребления наркотиками, передавая контроль за их жизнью внешним силам и обстоятельствам.

Таким образом, когнитивный компонент аддиктивной личностной установки за период отбывания уголовного наказания наркозависимыми осужденными препятствует процессам их исправления, провоцируя аддиктивную потребность и снижая возможности и ресурсы конструктивного планирования своей жизни после освобождения.

В эмоциональном компоненте аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных эмоциональная лабильность и внутренняя конфликтность взаимосвязаны положительно. В целом, эмоциональный компонент аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных является несбалансированным, полярным, затрудняющим прогноз эмоционального состояния наркозависимых осужденных в исправительном учреждении. Их настроение и общий эмоциональный фон становятся полезависимыми от внешних (ситуационных) и внутренних (тяга, аддиктивная потребность) сложнопрогнозируемых факторов.

В поведенческом компоненте аддиктивной личностной установки наркозависимых осужденных все взаимосвязи между элементами положительные, что говорит о внутреннем балансе данного компонента. Соответственно, при усилении аддиктивной потребности и связанного с ней поиска острых ощущений, поведение наркозависимых осужденных становится более импульсивным, они проявляют активность в удовлетворении потребности, а также агрессивность и враждебность в межличностных отношениях; при этом они всячески избегают ответственности за такое свое поведение, что выражено в активном действии психологических защит.

Взаимосвязи между элементами выделенных компонентов аддиктивной личностной установки показывают нам, на каком уровне влияния на их поведение находится его аддиктивная потребность.

Дисфункциональные убеждения о пользе наркотиков усиливают действие психологических защит; повышают применение копинга, направленного на уход от решения возникающих

проблем; усиливают внутреннюю конфликтность; повышают лабильность настроения, импульсивность поведения; снижают уровень осмысленности жизни и уровень субъективного контроля у наркозависимых осужденных.

Копинг-стратегия поведения «бегство-избегание» имеет положительные взаимосвязи с дисфункциональными убеждениями о пользе наркотиков, слабым уровнем осмысленности жизни и низким уровнем субъективного контроля. Соответственно, усиление аддиктивной потребности в условиях исправительного учреждения приводит к тому, что наркозависимые осужденные в меньшей степени склонны к решению своих проблем, принятию ответственности за свои поступки, у них усиливается инфантильность, вследствие чего усиливаются неприятные эмоциональные переживания и происходит рост внутренней конфликтности. Таким образом, усиление аддиктивной потребности приводит к снижению адекватности действий в реагировании на возникающие проблемы.

Наркозависимым осужденным, при выраженном действии аддиктивной личностной установки, свойственна импульсивность поведения. Переживание внутренней конфликтности, при выраженных дисфункциональных убеждениях о пользе наркотиков, и жажда поиска острых ощущений заставляют наркозависимых осужденных в условиях исправительного учреждения действовать импульсивно; при этом усиливается действие психологических защит, снижаются субъективный контроль и уровень осмысленности жизни.

Таким образом, импульсивность является доминирующей поведенческой характеристикой, по которой можно определить превалирующее действие аддиктивной потребности вследствие выраженного действия аддиктивной личностной установки.

Заключение

1. Наркозависимые осужденные в исправительном учреждении находятся в состоянии длительной вынужденной ремиссии, которая имеет определенные признаки (воздержание от употребления наркотических веществ, кажущееся восстановление физического здоровья, некоторая стабилизация психоэмоционального состояния, когнитивных функций, позитивная трудовая занятость, регулирование биологических ритмов за счет распорядка дня).

2. Пребывание в состоянии длительной вынужденной ремиссии наркозависимых осужденных в местах лишения свободы предоставляет уникальную возможность коррекционного воздействия на их личностные и поведенческие характеристики в связи с тем, что предусматривает определенные ресурсы, к числу которых относятся: ограничительные режимные требования, помощь специалистов (пенитенциарных психологов, психиатров, социальных работников медицинских работников и др.), отсутствие доступа к наркотикам и др.

3. Аддиктивная личностная установка является центральным образованием личности и детерминирует личностные и поведенческие характеристики наркозависимых осужденных, проявляемые в местах лишения свободы, вне зависимости от возможности непосредственного удовлетворения аддиктивной потребности.

Действие аддиктивной личностной установки на личностные характеристики наркозависимых осужденных проявляется в эгоцентричном, эмоционально амбивалентном самоотношении, снижении уровня смысложизненных ориентаций, росте тревожности, снижении уровня субъективного контроля. Внешними проявлениями личностных характеристик наркозависимых осужденных при выраженном действии аддиктивной

личностной установки является: выраженная мотивация социального одобрения, соматизация жалоб, отрицание существующих проблем, негативное отношение к критике, эгоцентрическая позиция, перепады настроения, снижение мотивации позитивного самоизменения.

Влияние аддиктивной личностной установки на поведенческие характеристики наркозависимых осужденных проявляется в следующем характерном поведении: с одной стороны, им свойственны импульсивность, агрессивность, негативизм, привлечение внимания к своим проблемам, выраженные аффективные реакции; с другой стороны, для них характерно закрытое, защитное, пассивное, безынициативное поведение, инфантилизм, конформизм, избегающее поведение. При этом, две вышеобозначенные крайности в поведении наркозависимых осужденных не являются вариантами адаптивного поведения в исправительном учреждении и носят деструктивный характер.

4. Аддиктивная личностная установка наркозависимых осужденных имеет собственную структуру, состоящую из когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Взаимообусловленное влияние компонентов аддиктивной личностной установки в условиях исправительного учреждения выражается в неосознанном потребностном отношении к объекту аддикции (наркотикам), в испытывании разнонаправленных эмоций в ситуации тяги (крейвинга), в агрессивных усилиях по удовлетворению аддиктивной потребности, в уходе от решения проблем, в эмоциональном отношении и оценочной реакции на возможные ситуации реализации аддиктивной потребности, в импульсивном поведении.

5. Для эффективной психологической коррекции личностных и поведенческих характеристик наркозависимых осужденных психологическая работа должна быть направлена на осознание осужденными своей аддиктивной личностной установки, отработку навыка фиксирования в сознании своей аддиктивной потребности и замещение аддиктивной личностной установки социально приемлемыми, адаптивными установками, направленными на позитивное самоизменение.

6. Перспективами дальнейшего исследования проблемы является изучение изменений аддиктивной личностной установки у наркозависимых при реализации программ социально-психологической реабилитации после освобождения из мест лишения свободы, что позволит выявить механизм замены аддиктивной личностной установки на установки просоциальной активности, направленные на достижение стойкой ремиссии при наркотической зависимости и снижение рецидивов преступлений, связанных с употреблением наркотических веществ.

Список источников / References

1. Ажимов, В.В., Ганишина, И.С., Марьин, М.И. (2023). Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы. *Психология и право, 13*(4), 37—52. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130404
   Azhimov, V.V., Ganishina, I.S., Maryin, M.I. (2023). The Psychological Correction of Personal Characteristics of Convicts Addicted to Drugs Serving Sentences in Places of Detention. *Psychology and Law, 13*(4), 37—52. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130404
2. Андреева, Г.М. (2012). *Социальная психология: Учебник.* М.: Аспект Пресс.
   Andreeva, G.M. (2012). *Social Psychology: Textbook*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).

3. Антонян, Ю.М., Еникеев, М.И., Эминов, В.Е. (2018). *Психология преступления и наказания: Монография*. М.: Проспект
Antonyan, Yu.M., Yenikeev, M.I., Eminov, V.E. (2018). *Psychology of crime and punishment: Monograph*. Moscow: Prospect Publ. (In Russ.).
4. Асмолов, А.Г. (1979). *Деятельность и установка: Учебное пособие*. М.: МГУ. URL: https://www.elibrary.ru/zpgrjp (дата обращения: 12.04.2026).
Asmolov, A.G. (1979). *Activity and Attitude: Textbook*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/zpgrjp (viewed: 12.04.2026).
5. Бондырева, С.К., Колесов, Д.В. (2006). *Наркотизм (природа и преодоление): Учебное пособие.* М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК. URL: https://www.elibrary.ru/qlppqb (дата обращения: 12.04.2026).
Bondyreva, S.K., Kolesov, D.V. (2006). *Drug addiction (nature and overcoming): Textbook*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/qlppqb (дата обращения: 12.04.2026).
6. Бутаков, И.Н. (2015). Особенности ценностных ориентаций наркозависимых лиц на разных стадиях заболевания. *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*, 5, 90—97. URL: https://www.elibrary.ru/vquioz (дата обращения: 12.04.2026).
Butakov, I.N. (2015). Features of valuable orientations of drug addicts at different stages of disease. *News of Higher Educational Institutions. Ural Region*, 5 ,90—97. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/vquioz (viewed: 12.04.2026).
7. Винникова, М.А. (2022). Особенности ремиссий при синдроме зависимости. В: И.П. Анохина (ред.), *Медико-биологические основы болезней зависимости: лечение и профилактика* (с. 15—36). М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. URL: https://www.elibrary.ru/ocruce (дата обращения: 12.04.2026).
Vinnikova, M.A. (2022). Features of remissions in addiction syndrome. In: I.P. Anokhina (Ed.), *Medical and biological bases of addiction diseases: treatment and prevention* (pp. 15—36). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ocruce (viewed: 12.04.2026).
8. Власова, Н.В., Лановая, А.М. (2021). Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью. *Психология и право, 11*(2), 208—220. https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110215
Vlasova, N.V., Lanovaya, A.M. (2021). Self-Control Peculiarities of Men with Alcohol Dependence. *Psychology and Law, 11*(2), 208—220. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110215
9. Власова, Ю.В. (2006). *Динамика психологических защитных механизмов личности наркозависимого после освобождения из мест лишения свободы в процессе психокоррекции: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 Юридическая психология.* Академия права и управления ФСИН России. Рязань. URL: https://www.elibrary.ru/nojidr (дата обращения: 12.04.2026).
Vlasova, Yu.V. (2006). *Dynamics of psychological protective mechanisms of a drug addict's personality after release from prison in the process of psychocorrection: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.06 Legal Psychology.* Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary

Service. Ryazan. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/nojidr (дата обращения: 12.04.2026).

10. Ганишина, И.С. (2016). Личностные особенности ВИЧ-инфицированных наркозависимых осужденных: анализ эмпирического исследования. *Глобальный научный потенциал*, 10(67), 10—12. URL: https://www.elibrary.ru/wzzowv (дата обращения: 12.04.2026).
    Ganishina I.S. (2016). Personal qualities of HIV-infected convicted drug addicts: analysis of the empirical research. *Global Scientific Potential*, 10 (67), 10-13. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/wzzowv (viewed: 12.04.2026).
11. Ганишина, И.С., Марьин, М.И., Ажимов, В.В. (2024). Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений и психологических защит личности у наркозависимых осужденных. *Психология и право, 14*(4), 115—132. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140408
    Ganishina, I.S., Maryin, M.I., Azhimov, V.V. (2024). The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity to Search for Thrills and Psychological Defenses of Personality in Drug-addicted Convicts. *Psychology and Law, 14*(4), 115—132. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140408
12. Григорьева, А.А., Гавриченкова, А.А. (2020). Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения. *Психология и право, 10*(1), 116—122. https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100110
    Grigoryeva, A.A., Gavrichenkova, A.A. (2020). Use of Psychoactive Substances by Adolescents in Different Types of Auto-Aggressive Behaviour. *Psychology and Law, 10*(1), 116—122. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100110
13. Гусев, С.И. (2010). *Клинико-патодинамические, социально-психологические закономерности формирования ремиссий и реабилитация больных наркоманиями в условиях пенитенциарной изоляции: Автореф. дис. … д-ра мед. наук: 14.01.27 Наркология*. Томск.
    Gusev, S.I. (2010). *Clinical and pathodynamic, socio-psychological patterns of remission formation and rehabilitation of drug addicts in conditions of penitentiary isolation: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Medicine): 14.01.27 Narcology*. Tomsk. (In Russ.).
14. Должков, А.М. (2018). Динамика смысложизненных ориентаций у наркозависимых на этапе психосоциальной реабилитации. *Вестник современных исследований*, 10.1(25), 164—167. URL: https://www.elibrary.ru/ylrmhb (дата обращения: 12.04.2026).
    Dolzhkov, A.M. (2018). Dynamics of life-meaning orientations in drug addicts at the stage of psychosocial rehabilitation. *Bulletin of Modern Research,* 10.1(25), 164—167. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ylrmhb (viewed: 12.04.2026).
15. Жарких, А.А. (2013). *Психологические особенности мотивационной сферы наркозависимых осужденных: Автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.06 Юридическая психология*. Академия права и управления ФСИН России. Рязань.
    Zharkikh, A.A. *Psychological features of the motivational sphere of drug-addicted convicts: Extended abstr. Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.06 Legal Psychology.* Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan. (In Russ.).
16. Змановская, Е.В. (2005). Экспериментально-психологическое исследование структуры и динамики девиантного поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4(28-2), 610—619. URL: https://www.elibrary.ru/looouy (дата обращения:

12.04.2026).
Zmanovskaya, E.V. (2005). Experimental psychological study of the structure and dynamics of deviant behavior. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4(28-2), 610—619. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/looouy (viewed: 12.04.2026).

17. Змановская, Е.В., Рыбников, В.Ю. (2023). *Девиантное поведение личности и группы.* СПб: Питер.
Zmanovskaya, E.V., Rybnikov, V.Yu. (2023). *Deviant behavior of a person and a group*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
18. Искандаров, Р.Р., Бовин, Б.Г. (2026). Терапевтические сообщества для лиц с аддиктивными расстройствами в условиях лишения свободы: аналитический обзор. *Психология и право, 16*(1), 185—202. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160112
Iskandarov, R.R., Bovin, B.G. (2026). Therapeutic communities for people with addictive disorders in prison settings: an analytical review. *Psychology and Law, 16*(1), 185—202. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160112
19. Калашникова, М.М., Ковалева, О.А. (2022). О значимости психологической классификации наркозависимых осужденных в пенитенциарной практике. В: Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.): В 2 т. Т. 2. (с. 165—169). Рязань: Академия ФСИН России. URL: https://www.elibrary.ru/uzqopa (дата обращения: 12.04.2026).
Kalashnikova, M.M., Kovaleva, O.A. (2022). On the significance of the psychological classification of drug-addicted convicts in penitentiary practice. In: *The penal system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the period up to 2030: Collection of abstracts and papers from the International Scientific and Practical Conference on Issues of the Execution of Criminal Penalties (Ryazan, November 17–18, 2022): In 2 vols. Vol. 2* (pp. 165–169). Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/uzqopa (viewed: 12.04.2026).
20. Кононец, А.С., Трифонов, О.И., Гусев, С.И., Снигирева, Г.Я. (2006). Теоретические и практические аспекты терапии и реабилитации осужденных с наркотической зависимостью. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 1(39), 46—49. URL: https://www.elibrary.ru/ktmjib (дата обращения: 12.04.2026).
Kononets, A.S.; Trifonov, O.I., Gusev, S.I., Snegiryova, G.Ya. (2006). Theoretical and practical aspects of therapy and rehabilitation of inmates with drug dependence. *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*, 1(39), 46—49. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ktmjib (viewed: 12.04.2026).
21. Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В. (2012). Аддиктология: настольная книга: учебное пособие по психотерапии, психиатрии, наркологии, практической и клинической психологии, психологическому консультированию, медиации (В.В. Макаров, ред.). М. URL: https://www.elibrary.ru/qmdcfb (дата обращения: 12.04.2026).
Korolenko, Ts.P., Dmitrieva, N.V. (2012). Addictology: A desktop book: A textbook on

psychotherapy, psychiatry, addiction medicine, practical and clinical psychology, psychological counseling, and mediation (V.V. Makarov, ed.). Moscow. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/qmdcfb (viewed: 12.04.2026).

22. Кротова, Д.Н. (2018). Личностные особенности осужденных, употребляющих психоактивные вещества и профилактика их наркозависимого поведения. В: *Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (11–12 октября 2018 г.)* (с. 126—128). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. URL: https://www.elibrary.ru/ykqyxj (дата обращения: 12.04.2026).
Krotova, D.N. Personal characteristics of convicts who use psychoactive substances and the prevention of their drug-dependent behavior. In: *Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (October 11–12, 2018)* (pp. 126—128). Samara: Samara Law Institute Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ykqyxj (viewed: 12.04.2026).
23. Лисецкий, К.С. (2008). Происхождение «Я-превосходящего» у наркозависимой личности. *Вестник Самарского государственного университета,* 1(60), 330—336. URL: https://www.elibrary.ru/iukfbp (дата обращения: 12.04.2026).
Lisetsky, K.S. (2008). The origin of the «Uperior Self» in the personality of drug addicts. *Vestnik of Samara State University*, 1(60), 330—336. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/iukfbp (viewed: 12.04.2026).
24. Об утверждении порядка проведения диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.01.2026 № 10н. (2026). М. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602120010 (дата обращения: 12.04.2026).
On Approval of the Procedure for Dispensary Monitoring of Persons with Mental and Behavioral Disorders Associated with Psychoactive Substance Use: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation from January 12, 2026, no. 10n. (2026). Moscow. (In Russ.). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602120010 (viewed: 12.04.2026).
25. Ошевский, Д.С., Кудимова, Т.А. (2018). Смысловая сфера несовершеннолетних, употребляющих психоактивные вещества. *Психология и право, 8*(4), 34—43. https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080404
Oshevsky, D.S., Kudimova, T.A. (2018). The semantic sphere of adolescents who use psychoactive substances. *Psychology and Law, 8*(4), 34—43. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080404
26. Рагозинская, В.Г. (2017). Психологический портрет наркозависимого преступника. В: Е.Л. Сорокина (ред.), *Наука и социум: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 30 января 2017 г.)* (с. 120—122). Новосибирск: Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы. URL: https://www.elibrary.ru/ygnont (дата обращения: 12.04.2026).
Ragozinskaya, V.G. (2017). Psychological portrait of a drug-dependent offender. In: E.L. Sorokina (Ed.), *Science and Society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Novosibirsk, January 30, 2017)* (pp. 120–122).

Novosibirsk: Siberian Institute of Practical Psychology, Pedagogy and Social Work Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ygnont (viewed: 12.04.2026).

27. Савельева, Т.И. (2009). *Психодинамика аддиктивного поведения осужденных в местах лишения свободы: Дис. … канд. психол. наук: 19.00.06 Юридическая психология*. Академия права и управления ФСИН России. Рязань. URL: https://www.elibrary.ru/qehstf (дата обращения: 12.04.2026).
Savelyeva, T.I. (2009). *Psychodynamics of addictive behavior of convicts in places of deprivation of liberty: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.06 Legal Psychology*. Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/qehstf (viewed: 12.04.2026).
28. Узнадзе, Д.Н. (2001). *Психология установки*. СПб: Питер.
Uznadze, D.N. (2001). *Psychology of attitude*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
29. Ушатиков, А.И., Ганишина И.С. (2015а). Личность наркозависимого осужденного и ее особенности. *Человек: преступление и наказание*, 3(90), 194—197. URL: https://www.elibrary.ru/viepxn (дата обращения: 12.04.2026).
Ushatikov, A.I., Ganishina, I.S. (2015a). Drug dependent convict personality and its features. *Man: Crime and Punishment*, 3(90), 194—197. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/viepxn (viewed: 12.04.2026).
30. Ушатиков, А.И., Ганишина, И.С. (2015б). Психологическая типология и классификация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: история и современное состояние. *Международный пенитенциарный журнал*, 4, 76—81. URL: https://www.elibrary.ru/yavzsp (дата обращения: 12.04.2026).
Ushatikov, A.I., Ganishina, I.S. (2015b). The question of psychological typology convicted and classification contained in correctional institutions penal system Russia: history and current status. *International Penitentiary Journal*, 4, 76—81. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/yavzsp (viewed: 12.04.2026).
31. Шихирев, П.Н. (1999). *Современная социальная психология: Учебное пособие*. М.
Shikhirev, P.N. (1999). *Modern social psychology: Textbook*. Moscow. (In Russ.).
32. Ядов, В.А., Семенов, А.А., Водзинская, В.В., Каюрова, В.Н., Киссель, А.А., Саганенко, Г.И., Бозрикова, Л.В., Узунова, В.Н., Магун, В.С. (2013). *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция: Коллективная монография* (2-е расш. изд.). М.: ЦСПиМ.
Yadov, V.A., Semenov, A.A., Vodzinskaya, V.V., Kayurova, V.N., Kissel, A.A., Saganenko, G.I., Bozrikova, L.V., Uzunova, V.N., Magun, V.S. (2013). *Self-regulation and prediction of individual social behavior: a dispositional concept: Collective monograph* (2nd expanded ed.). Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing Publ. (In Russ.).
33. Aggarwal, A., Vaish, S., Sharma, D.K., Sushil, C.S., Usman, N., Sudaranan, S. (2015). A Study of personality profile and criminal behavior in substance abusers. *Industrial Psychiatry Journal, 24*(1), 35—39. https://doi.org/10.4103/0972-6748.160960
34. Eftekhari, A., Turner, A.P., Larimer, M.E. (2004). Anger expression, coping, and substance use in adolescent offenders. *Addictive Behavior, 29*(5), 1001—1008. https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2004.02.050
35. Chamberlain, A., Nyamu, S., Aminawung, J., Wang, E.A., Shavit, Sh., Fox, A.D. (2019). Illicit substance use after release from prison among formerly incarcerated primary care patients: a

cross-sectional study. *Addiction Science & Clinical Practice*, *14*(1), Article 7. https://doi.org/10.1186/s13722-019-0136-6

36. Indig, D., Gear, C., Wilhelm, K. (2016). *Comorbid substance use disorder and mental health disorder among New Zealand prisoners.* Wellington: New Zealand Department of Corrections Publ.
37. Sigurdsson, J.F. Gudjonsson, G.H. (1995). Personality characteristics of drug-dependent offenders. *Nordic Journal of Psychiatry*, *49*(1), 33—38. https://doi.org/10.3109/08039489509011881

Информация об авторах

Василий Владимирович Ажимов, старший психолог Межрегионального отдела психологической работы, Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Удмуртской Республике (УФСИН России по Удмуртской Республике), Ижевск, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000- 0001-5137-4035, e-mail: azhimov@list.ru

Ирина Сергеевна Ганишина, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, факультет психологии и пробации, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Академия ФСИН России), Рязань, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000- 0001-5137-4035, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Татьяна Петровна Скрипкина, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Академия ФСИН России), Рязань, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3605-847X, e-mail: skripkinaurao@mail.ru

Information about the authors

Vasilii V. Azhimov, Senior Psychologist of the Interregional Department of Psychological Work, Federal Penitentiary Service of Russia for the Udmurt Republic, Izhevsk, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5137-4035 e-mail: azhimov@list.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology and Probation, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5137-4035, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Tatiana P. Skripkina, Doctor of Science (Psychology), Professor, Leading Researcher at the Research Department of the Research Center, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3605-847X, e-mail: skripkinaurao@mail.ru

Вклад авторов

Ажимов В.В. — идеи исследования; сбор и анализ данных; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; написание и оформление рукописи.

Ганишина И.С. — идеи исследования; теоретико-методологическое обоснование исследования; аннотирование; написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Скрипкина Т.П. — идеи исследования; теоретико-методологическое обоснование исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Vasilii V. Azhimov — ideas; data collection and analysis; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; writing and design of the manuscript.

Irina S. Ganishina — ideas; theoretical and methodological substantiation of the research; annotation; writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Tatiana P. Skripkina — ideas; theoretical and methodological substantiation of the research; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 23.04.2026
Поступила после рецензирования 15.08.2026
Принята к публикации 15.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.04.23
Revised 2026.08.15
Accepted 2026.08.15
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 154–173.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160309
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 154–173.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160309
ISSN 2222-5196 (online)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Враждебность и социальное недоверие как предикторы девиантной аффилиации подростков

С.О. Дмитриенко[1] ✉, **О.И. Политика**[1]
[1] Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация
✉ svetadmitrienko@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. По данным Генпрокуратуры за период с января по ноябрь 2025 года, подростковая преступность в России выросла на 10% и составила 25,9 тыс. случаев. Более половины подростков совершили противоправные действия в составе групп. За этот же период 89,6 тыс. детей в нашей стране стали жертвами преступлений. По данным СК РФ, в 2024 году от семейного насилия пострадали 2000 детей, однако было отмечено, что внутрисемейная преступность носит латентный характер — дети, подвергающиеся насилию, не обращаются за помощью и реальная ситуация многократно превышает представленную криминальную статистику. **Цель.** Выявить и проанализировать специфические внутриличностные и внутрисемейные психологические характеристики подростков, взаимосвязанные с риском формирования девиантного поведения и аффилиации с деструктивными группами. **Гипотеза.** Связь между негативными внутрисемейными отношениями и риском девиантной аффилиации несовершеннолетних опосредована высоким уровнем враждебности и недоверия к социальному окружению. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 142 подростка 12—18 лет (M = 15,12, юношей — 56%, девушек — 44%), учеников 5—11-х классов школ и гимназий г. Уфы. Применен комплекс методов: «Опросник уровня агрессивности Басса—Дарки» (А. Басс, Э. Дарки) — для оценки агрессивности и враждебности; проективные методики: «Незаконченные предложения» (Д. Сакс, С. Леви; модификация В. Михала), «Незаконченные предложения, отношение ребенка к насилию» (Д. Сакс, С. Леви; модификация Е.Н. Волковой) — для изучения глубинного отношения подростков к своему ближайшему окружению; опросник «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев) — для анализа переживаний негативного опыта и оценки семейного климата, а также склонности к асоциальному поведению. **Результаты.** Выявлен статистически значимый феномен фрустрированной агрессии, при котором высокий уровень

© Дмитриенко С.О., Политика О.И., 2026

CC-BY-NC

враждебности сочетается со сниженной общей агрессивностью. Установлен резкий контраст в эмоциональном отношении к родителям — позитивное отношение к матери, на фоне крайне негативного восприятия отца. Показано, что 37% респондентов пережили опыт жестокого обращения, 17% — испытывают эмоциональное насилие в семье, у 48% несовершеннолетних отсутствует доверие к социуму из-за страха предательства. Доминирующей стратегией совладания является вынужденная самостоятельность, которая характерна для 63% опрошенных. Эмпирически проверена модель взаимосвязи семейного неблагополучия и риска девиантной аффилиации у несовершеннолетних. Методами корреляционного и регрессионного анализа установлено, что непосредственными предикторами склонности к асоциальному поведению и восприимчивости к девиантным группам выступают враждебность и недоверие к социальному окружению (измеряемое как комплекс одиночества и недоверчивости). Влияние таких факторов, как негативное отношение к отцу и опыт жестокого обращения, на склонность к девиации опосредовано формированием у подростков этих психологических характеристик. **Выводы.** Синдром психологического риска, включающий в себя недоверие к социуму и латентную враждебность, связанный с дисфункциональными детско-родительскими отношениями, формирует у подростков комплекс характеристик, способствующих развитию психологического профиля, сенситивного к девиантной аффилиации.

Ключевые слова: подростки, внутрисемейное насилие, девиантное поведение, фрустрированная агрессия, враждебность, недоверие

Для цитирования: Дмитриенко, С.О., Политика, О.И. (2026). Враждебность и социальное недоверие как предикторы девиантной аффилиации подростков. *Психология и право, 16*(3), 154—173. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160309

Hostility and social distrust as predictors of deviant affiliation in adolescents

S.O. Dmitrienko[1] ✉, **O.I. Politika**[1]
[1] Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
✉ svetadmitrienko@mail.ru

Abstract

Context and relevance. According to the Prosecutor General's Office, juvenile crime in Russia increased by 10% between January and November 2025, reaching 25,900 cases. More than half of these teenagers committed crimes as part of groups. During the same period, 89,600 children in our country became victims of crime. According to the Investigative Committee of the Russian Federation, 2,000 children suffered from domestic violence in 2024. However, it was noted that domestic violence is a latent phenomenon—children experiencing violence do not seek help, and the actual situation is many times higher than the reported crime statistics. **Objective.** To identify and analyze specific intrapersonal and intrafamily psychological characteristics of

adolescents associated with the risk of developing deviant behavior and affiliation with destructive groups. **Hypothesis.** The link between negative intra-family relationships and the risk of deviant affiliation in minors is mediated by high levels of hostility and distrust towards the social environment. **Methods and materials.** The study involved 142 adolescents aged 12 to 18 years (M = 15.12, 56% boys, 44% girls), students in grades 5—11 of schools and gymnasiums in Ufa. A range of methods was used: the Buss—Durkee Hostility Inventory (A. Buss, A. Durkee) was used to assess aggression and hostility; projective techniques such as "Unfinished Sentences" (J. Sachs, S. Levy; modified by V. Mikhal) and " Unfinished Sentences, The Child's Attitude to Violence" (J. Sachs, S. Levy; modified by E.N. Volkova) were used to study the underlying attitudes of adolescents to their immediate environment; and the "Antivitality and Resilience" questionnaire (O.A. Sagalakova, D.V. Truevtsev) was used to analyze negative experiences and assess the family climate, as well as the tendency to antisocial behavior. **Results.** A statistically significant phenomenon of frustrated aggression was identified, in which high levels of hostility are combined with reduced overall aggression. A sharp contrast was found in emotional attitudes toward parents: a positive attitude toward the mother, compared to an extremely negative perception of the father. Thirty-seven percent of respondents experienced abuse, 17% experienced emotional violence in the family, and 48% of minors lack trust in society due to fear of betrayal. The dominant coping strategy is forced independence, characteristic of 63% of respondents. A model of the relationship between family dysfunction and the risk of deviant affiliation in minors was empirically tested. Correlation and regression analysis revealed that hostility and mistrust of the social environment (measured as a combination of loneliness and mistrust) are direct predictors of a tendency toward antisocial behavior and susceptibility to deviant groups. The influence of factors such as negative attitudes towards the father and the experience of abuse on the tendency to deviance is mediated by the formation of these psychological characteristics in adolescents. **Conclusions.** A psychological risk syndrome, including mistrust of society and latent hostility associated with dysfunctional parent-child relationships, forms a complex of characteristics in adolescents that contribute to the development of a psychological profile sensitive to deviant affiliation.

Keywords: adolescents, domestic violence, deviant behavior, frustrated aggression, hostility, mistrust

For citation: Dmitrienko, S.O., Politika, O.I. (2026). Hostility and social distrust as predictors of deviant affiliation in adolescents. *Psychology and Law, 16*(3), 154—173. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160309

Введение

Согласно указу Президента России № 240 от 29 мая 2017 года, 2018—2027 годы в нашей стране объявлены Десятилетием детства [1]. В этот период, программа государственной политики сфокусирована на всесторонней помощи несовершеннолетним гражданам, на

[1] *Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»* (2017, Май 29). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201705290022 (дата обращения: 19.01.2026).

обеспечении их безопасности и благополучия, создании благоприятной среды для развития физических и умственных способностей.

Несмотря на вложенные ресурсы, в 2025 году 89,6 тыс. детей стали жертвами преступлений[2].

По данным СК РФ, в 2024 году 1082 ребенка погибли в результате преступлений, потерпевшими признаны почти 17 тыс. несовершеннолетних; в 2023 году их число составило 18 тыс., в большинстве своем это лица младшего юношеского возраста (7 тыс. случаев), подростки 11—14 лет (более 6 тыс. эпизодов), и дети младшего школьного возраста 6—10 лет (2600 потерпевших). Глава СК отметил, что характер преступлений против детей стал более жестоким[3]. В 2024 году от семейного насилия пострадали 2000 детей, однако внутрисемейная преступность носит латентный характер — дети зачастую запуганы и подавлены, они не обращаются за помощью из-за страха, что им не поверят. Таким образом, реальная ситуация насилия над детьми внутри семьи многократно превышает представленную криминальную статистику[4].

Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка М.А. Львова-Белова обозначила, что в 2022 году 80 детей были убиты своими родителями. с 2010 года на 44% возросло количество преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних; более половины таких преступлений совершается внутри семейного круга — близкими родственниками, а 11% — родителями или законными представителями. 25% надругательств над детьми совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а также лицами, страдающими психическими расстройствами[5].

Масштабное исследование, в котором приняли участие более 17 тыс. респондентов (99% из них — женщины 13—66 лет), было проведено в РФ в период с 2022 по 2023 год. 40% респондентов сообщили о пережитом ими опыте сексуального насилия. 19% мужчин также сообщили о том, что в детско-подростковом возрасте подвергались сексуальному насилию. 48% опрошенных никому не рассказали о совершенных с ними ранее сексуальных действиях. 20% рассказали о случившемся спустя 10 лет. Ведущей причиной молчания выступал стыд. Только 3% несовершеннолетних жертв сексуального насилия незамедлительно обратились за психологической помощью и подали заявление в правоохранительные органы. Таким образом, лишь 1% преступников, совершивших сексуальное насилие над несовершеннолетними, понесли уголовное наказание[6].

Согласно статистике МВД России, несовершеннолетние девочки составляют до 90% от общего числа жертв сексуального насилия. Несовершеннолетние мальчики составляют 9,3% потерпевших.

---

[2] Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10%. (2026, Январь 3). *ТАСС.* URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (дата обращения: 19.01.2026).

[3] Архипов, Д. (2025, Апрель 3). В России за год от преступлений погибло более тысячи детей. *Газета.Ru.* URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/04/03/25472906.shtml (дата обращения: 19.01.2026).

[4] Бастрыкин: от насилия в семье в 2024 году пострадали около 2 тыс. детей. (2025, Апрель 4). *ТАСС*. URL: https://tass.ru/proisshestviya/23596135 (дата обращения: 19.01.2026).

[5] Кислов, А. (2023, Ноябрь 24). Львова-Белова: в РФ за 2022 год зафиксировано 80 убийств детей родителями. *Коммерсантъ*. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6363272 (дата обращения: 19.01.2026).

[6] *Новые данные о сексуализированном насилии над детьми.* [б. г.]. Академия безопасности Ольги Бочковой. URL: https://bochkova.academy/netabu/ (дата обращения:22.01.2026).

Мировое сообщество признает глобальный масштаб проблемы. Согласно статистике, отраженной на официальном сайте ВОЗ, более половины детей в возрасте от 2 до 17 лет подвергаются насилию внутри своих семей, что составляет около 1 млрд детей в мире; трое из пяти детей регулярно сталкиваются с физическими формами наказания. Каждая пятая девочка и каждый седьмой мальчик переживают опыт сексуального насилия. До 50% детей сталкиваются с травлей. Представительство ВОЗ отмечает, что менее половины пострадавших детей сообщают кому-либо о фактах насилия и менее 10% получают реальную помощь. Мировая статистика говорит о 40 тыс. убитых детей ежегодно; таким образом, каждые 13 минут от насильственных действий в мире гибнет ребенок[7].

Генеральный директор ВОЗ заявил, что, несмотря на существующую возможность предотвращения насилия в большинстве случаев, миллионы детей в мире продолжают страдать от него ежедневно и последствия этого детского опыта сохраняются на протяжении нескольких поколений (там же).

Подростковый возраст — период особой психической уязвимости, определения личностной направленности и формирования жизненных ориентиров и ценностей, а также активной социализации. Приведенные статистические данные свидетельствуют о неудовлетворительном протекании этого важнейшего, зачастую жизнеопределяющего периода у многих тысяч несовершеннолетних в России и выступают прямым индикатором социальной дезадаптации подрастающего поколения.

Статистика роста деструктивного поведения подростков вызывает беспокойство у правоохранительных органов, психологических служб и общества в целом. По данным Генпрокуратуры РФ, подростковая преступность выросла на 10% и составила 25,9 тыс. деяний с января по ноябрь 2025 года.

Более 50% подростков, совершивших противоправные действия, вступают в преступления совместно с другими лицами (Наруцкая, 2025).

Учитывая, что в период самоопределения, поиска своего жизненного смысла и места в социуме принятие референтной группой для индивида является маркером его социального благополучия и внутриличностной удовлетворенности, можно говорить том, что подростку, вошедшему в состав преступной группы, не были своевременно привиты верные жизненные ориентиры, детско-родительские отношения носили отстраненный, конфликтный характер, с возможным применением физического и эмоционального насилия. Проживая в атмосфере недоверия, взаимных обид и эмоциональной депривации, подросток вынужден искать поддержки и принятия за пределами своего ближайшего социального окружения.

Не найдя поддержки в своих семьях, не будучи убежденными в своей ценности, сталкиваясь с постоянной критикой и недоверием, подростки учатся рассчитывать исключительно на себя. Пережив опыт осуждения, агрессии, эмоционального и физического насилия в ситуациях, где им была необходима реальная помощь и поддержка, отвергнутые значимыми фигурами, подростки испытывают чувство стыда и вины, в них формируются такие качества, как подозрительность и скрытая агрессия. Кроме всего прочего, внутри семьи детям и подросткам индуцируются идеи о враждебности социума, например, критикуются педагоги посещаемых

[7] *Страны обязуются принять меры по борьбе с насилием в отношении детей, от которого страдают около 1 миллиарда несовершеннолетних.* (2024, Ноябрь 7). Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news/item/07-11-2024-countries-pledge-to-act-on-childhood-violence-affecting--some-1-billion-children (дата обращения: 19.01.2026).

ими учебных заведений, одноклассники. В то же время для возможности психологического взаимодействия, в том числе с целью выявления эмоционального и физического насилия, буллинга, аутоагрессивного и суицидального поведения несовершеннолетних, психологу необходимо получение информированного согласия от родителей или законных представителей учащихся, которые, в случаях наличия вышеуказанных проблем подростка могут выступать в роли агрессоров и в попытке скрыть факты внутрисемейного насилия, а также опасаясь выявления внутриличностных и межличностных проблем ребенка, не предоставляют данный документ, тем самым лишая несовершеннолетнего возможности получения необходимой психологической, а в некоторых случаях и юридической помощи.

Также важно учитывать, что на всю эту жизненную картину недоверия и подозрительности накладывается ситуация выученной беспомощности, и подросток, с детства подвергающийся эмоциональному и физическому насилию, будучи запуганным, испытывая чувство вины, не в состоянии активно использовать свои возможности — самостоятельно, проявить инициативу и обратиться за помощью. Таким образом, своевременная психологическая диагностика в данном случае выступает единственным инструментом, способным выявить факты деструктивной семейной среды и оказать ее членам действенную психологическую помощь.

Важно отметить, что описываемая психотравмирующая ситуация, в случаях вытеснения ее в детском возрасте, обязательно обнаружит себя в будущем и травматичный опыт будет повторяться, создавая порочный круг разнопланового насилия. Дети, пережившие опыт эмоционального, физического или сексуального насилия, вырастая, проявляют свою внутреннюю боль через акты гетеро- и аутоагрессии, девиантное поведение, рискованное поведение, употребление ПАВ.

Анализ факторов риска девиантной аффилиации, а также факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетних в преступные сообщества, представляет собой актуальную научно-практическую задачу в рамках реализации государственной политики в сфере защиты детства.

Теоретический обзор

А.А. Пионтковский одним из первых определил понятие насилия как «насильственное воздействие на личность, состоящее во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям» (Пионтковский, 1938).

С юридической точки зрения насилием является не только физическое воздействие на личность, но также угрозы этого воздействия, ограничение ее прав и свобод, сведение к минимуму возможности альтернативных действии, что является психологической формой насилия (Бадамшин, Набиев, 2020).

Ф.М. Абубакиров рассматривает насилие как «умышленное, противоправное физическое или психическое воздействие на человека со стороны другого лица, осуществляемое против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, а также ограничить свободу его волеизъявления или действий» (Абубакиров, 2011).

Под семейным насилием понимаются намеренные контролирующие или насильственные действия по отношению к жертве, находящейся с ней в единокровных или родственных отношениях (Бадамшин, Набиев, 2020).

Физическое насилие рассматривается как физиологическое воздействие на анатомическую целостность человека и его телесную неприкосновенность.

Эмоционально-психическое насилие, которое зачастую ведет к наиболее негативным последствиям для жизни и здоровья жертвы, выражается в унижении, запугивании, изоляции и различных формах принуждения.

Всемирная организация здравоохранения определяет сексуальное насилие как любой сексуальный акт или предпринятая попытка его совершения, а также любые действия, направленные против сексуальности человека с использованием принуждения, совершаемые любым человеком, независимо от его взаимоотношений с жертвой[8].

Выделяется также экономическая форма насилия, как использование финансового потенциала для контролирования, ущемления и ограничения прав и свободы человека (Бадамшин, Набиев, 2020).

Обобщая вышесказанное, семейно-бытовое насилие можно определить как систематическое физическое, сексуальное или эмоционально-психическое воздействие, принуждение, экономическое ущемление или ограничение, осуществляемое одними членами семьи над другими для достижения своих целей (там же).

В данном контексте важно отметить систематический характер воздействия, что позволяет отграничить семейное насилие от конфликтной ситуации. Насилие в семейной среде становится паттерном образа жизни, постоянной практикой.

Социологические исследования показали, что основными причинами домашнего насилия выступают: алкогольная или наркотическая зависимость агрессора (77,7%), деструктивные или жестокие формы воспитания в детском возрасте, а также присутствие при эпизодах физического насилия, направленного на других членов семьи (55,4%), безнаказанность за применение насилия (51,6%), психические отклонения (44,8%), желание унизить и контролировать другого члена семьи (41,8%), самоутверждение за счет слабых (22,2%) (там же).

Пережитый в детстве опыт жестокого обращения выступает прогностическим фактором актуализации насилия бывшей жертвы по отношению к членам своей семьи. Высокий процент жертв насилия и жестокого обращения имеет место и среди преступников-рецидивистов (Качаева, Дозорцева, Борисенко, 2017).

Помимо социально-психологических механизмов, современные исследования выявляют и биологические последствия негативного детского опыта. Так, ученые, изучающие влияние пережитого в детстве насилия на нейроразвитие индивида, обнаружили, что ранний травматический опыт в наибольшей степени влияет на развитие отделов мозга, участвующих в когнитивных функциях, социально-аффективном функционировании, а также регуляции стресса (Yang et al., 2023). Была доказана зависимость между изменениями нейробиологических процессов в мозге, причиной которых стал опыт пережитого детского насилия, и развитием биполярного аффективного расстройства, а также суицидальным поведением (Agnew-Blais, Danese, 2016).

Поскольку подростки, живущие в атмосфере отвержения и агрессии, не испытывают эмоциональной близости с членами своей семьи, для них особенно актуально построить и сохранять отношения со сверстниками, так как именно последние могут выступать основным источником самоуважения и социальной поддержки. Однако дети, переживающие насилие в семье, для которых крики и физическое воздействие становятся нормой, испытывают

[8] *World report on violence and health.* (2002, Октябрь 3). Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9241545615 (дата обращения: 22.01.2026).

трудности в процессе социально-психологической адаптации. Не обладая навыками саморегуляции и адаптивными стратегиями поведения в конфликтных ситуациях, они зачастую отвергаются сверстниками, для которых антисоциальное поведение и открытые формы агрессии не являются нормой. С другой стороны, дети, живущие в неблагополучных семьях, имеют высокий уровень терпимости к насилию и нередко становятся жертвами буллинга в среде сверстников. Таким образом, непринятые своей референтной группой подростки, выросшие в деструктивной семейной среде и имеющие низкий уровень социально-эмоционального развития, примыкают к девиантным сообществам и подвергаются негативному взаимовлиянию, а также влиянию лидеров таких группировок (Favre et al., 2024), следствием чего становятся как легкие формы антисоциального поведения, так и опасные формы ауто- и гетероагрессии.

В результате, согласно теории социального научения Альберта Бандуры, подростки, наблюдая поведение значимых фигур и подражая ему, присваивают себе паттерны их поведения и обретают чувство самооэффективности (Бандура, 2000).

Эдвин Сатерленд в теории дифференциальной ассоциации, сформированной с опорой на теорию подражания, утверждал, что люди становятся преступниками не из-за врожденных качеств или психологических отклонений, а по причине их социального окружения и характера взаимоотношений. Согласно данной теории, люди обучаются не только способам совершения преступления, но также мотивам противоправных действий и оправданию их последствий. Люди становятся преступниками в случае, когда их личностные установки на нарушение закона превалируют над установками на его соблюдение (Мельник, 2025).

Исследование Кети Уайдон показало, что пренебрежение и пережитое насилие в детстве, способствует повышению риска преступного поведения во взрослом возрасте. Дети-жертвы физического насилия имели повышенный риск ареста за насильственные преступления; пренебрежение в детском возрасте (в том числе и без применения физического насилия) также увеличивало риск преступного поведения и насильственные действия (Widom, 1989).

Ведущие отечественные ученые определяют подростковый возраст как сенситивный период в становлении мировоззрения, формировании системы ценностей и определении жизненных ориентиров (Божович, 1997; Выготский, 1984; Кон, 1989; Личко, 1983). Подростки из неблагополучных семей имеют высокий риск формирования патологической личностной направленности.

Современным семьям, переживающим эмоциональную холодность, отстраненность, обиды и недоверие, практику вербальной и физической агрессии, необходима психологическая поддержка, которой они пренебрегают из-за страха осуждения, а также контроля со стороны социальных служб, опасаясь риска изъятия ребенка из семьи. Согласно статистике, только 20% семей, где ребенок практикует самоповреждающее поведение и суицидальные попытки, обращаются за медицинской и психологической помощью.

Эффективность превентивных мер, предотвращающих насилие над детьми доказана. К ним относятся: психологическая помощь родителям, педагогам и воспитателям, помогающая заменить насильственную практику воздействия на подопечных построением с ними позитивных, здоровых отношений; обучение детей и подростков продуктивным социальным навыкам; профилактика буллинга; медицинская, социальная и психологическая помощь лицам-жертвам насилия; ограничение доступности ПАВ, алкоголя, оружия; создание безопасного киберпространства. По данным ВОЗ за 2024 год, в странах, в которых активно

внедряются вышеперечисленные стратегии, говорят о сокращении распространенности насилия над детьми от 20 до 50%[9].

Таким образом, теоретический анализ указывает на связь семейного неблагополучия с девиантной аффилиацией, однако роль конкретных психологических механизмов требует эмпирической проверки.

Выявление медиаторов, через которые реализуется связь между деструктивной семейной средой и девиацией, становится актуальной научной задачей.

Цель исследования — выявить и проанализировать специфические внутриличностные и внутрисемейные психологические характеристики подростков, взаимосвязанные с риском формирования девиантного поведения и аффилиации с деструктивными группами.

Задачи исследования.

1. Оценить уровень и структуру агрессивности и враждебности у подростков.
2. Изучить характер эмоционального отношения подростков к своему ближайшему социальному окружению.
3. Выявить распространенность негативных переживаний и опыта жестокого обращения в среде подростков.
4. Проанализировать связь между выявленными внутриличностными характеристиками (агрессия, враждебность, недоверие) и восприятием семейного климата.

Гипотеза исследования: связь между негативными внутрисемейными отношениями и риском девиантной аффилиации у несовершеннолетних опосредована высоким уровнем враждебности и недоверия к социальному окружению.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 142 (N = 142) респондента в возрасте от 12 до 18 лет (M = 15,12) — ученики 5—11-х классов школ и гимназий г. Уфы. Распределение по полу: юношей — 56%, девушек — 44%.

Процедура исследования. Сбор данных осуществлялся в декабре 2025 года с использованием распечатанных бланков тестовых материалов. Время проведения исследования составляло 60 минут. Участие в исследовании было добровольным и анонимным и осуществлялось на основании письменного согласия на исследование родителей или законных представителей несовершеннолетних, а также с личного согласия самих несовершеннолетних в соответствии с требованиями российского законодательства. С целью обеспечения этических стандартов респондентам и их представителям были разъяснены цели и методы исследования, данные обрабатывались в обезличенном виде.

Исследовательский инструментарий. Для измерения уровня враждебности, агрессивности, обиды и чувства вины был применен «Опросник уровня агрессивности Басса—Дарки» (А. Басс, Э. Дарки); для качественного анализа глубинных переживаний подростков к себе, своей семье и своему окружению использовалась проективная методика «Незаконченные предложения» (Д. Сакс, С. Леви; модификация В. Михала); диагностика отношения к насилию и его практике в семьях респондентов проводилась с помощью

[9] *Страны обязуются принять меры по борьбе с насилием в отношении детей, от которого страдают около 1 миллиарда несовершеннолетних.* ВОЗ, (2024, ноябрь 7). URL: https://www.who.int/ru/news/item/07-11-2024-countries-pledge-to-act-on-childhood-violence-affecting--some-1-billion-children (дата обращения: 19.01.2026).

методики «Незаконченные предложения, отношение ребенка к насилию» (Д. Сакс, С. Леви; модификация Е.Н. Волковой); для оценки характера внутрисемейных взаимоотношений, социально-психологической адаптации, а также склонности к асоциальному поведению применялся опросник «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев, 2017).

Результаты

На основании проведенного исследования выявлен статистически значимый феномен: $t(141) = 6{,}58$, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}55$, — демонстрирующий повышенный уровень враждебности при одновременном снижении общей агрессивности относительно нормативных значений. (табл. 1), что может интерпретироваться как состояние фрустрированной агрессии, когда негативные эмоции и установки существуют, но не находят адекватных способов для выражения.

Таблица 1 / Table 1

Основные показатели агрессивности и враждебности у подростков (N = 142)
Key indicators of aggression and hostility in adolescents (N = 142)

Показатель / Indicator	**M ± SD**	**95% доверит. интервал / 95% Confidence Interval**	**Min**	**Max**	**Медиана / Median**	**Норма*/ Norm***	**t**	**p**	**d**
Агрессивность / Aggression	17,13 ± 6,12	[16,11, 18,15]	1	34	17,0	21,0	–7,85	< 0,001	0,66
Враждебность / Hostility	9,11 ± 4,01	[8,44, 9,78]	1	18	9,0	7,0	6,58	< 0,001	0,55
Физическая агрессия / Physical aggression	4,85 ± 2,89	[4,37, 5,33]	0	10	5,0	5,0	–0,62	0,535	0,05
Косвенная агрессия / Indirect aggression	4,39 ± 2,21	[4,02, 4,76]	0	9	4,0	4,0	2,23	0,027	0,19
Вербальная агрессия / Verbal aggression	7,27 ± 2,61	[6,84, 7,70]	0	13	7,0	6,5	3,63	< 0,001	0,30
Обида / Resentment	3,98 ± 2,18	[3,61, 4,35]	0	8	4,0	4,0	–0,12	0,904	0,01
Подозрительность / Suspiciousness	5,13 ± 2,56	[4,70, 5,56]	0	14	5,0	5,0	0,61	0,541	0,05

Примечание: нормативные значения «*» представлены по Е.И. Рогову (2001).
Note: standard values "*" are presented according to E.I. Rogov (2001).

Респонденты продемонстрировали средний уровень общей агрессивности, который статистически значимо (на 18,4%) ниже популяционной нормы. Уровень враждебности (установки и чувства) превышает норму на 30,1%, что указывает на преобладание скрытых форм агрессии над открытыми агрессивными действиями.

Склонность респондентов к физическому выражению агрессии соответствует средним популяционным значениям. Показатели косвенной агрессии демонстрируют тенденцию к непрямому выражению агрессии (сплетни, удары по предметам).

Уровень вербальной агрессии значимо выше нормы. Респонденты чаще используют крик, ссоры, ругань и угрозы в негативных ситуациях.

Полученные данные по шкалам «обида» и «подозрительность» соответствуют средним значениям.

Таким образом, высокий уровень враждебности в подростковой среде, без ее внешнего выражения, может свидетельствовать о внутренних запретах на проявление открытых форм агрессии из-за страха негативных последствий, что приводит к интернализации агрессивных импульсов.

Статистическая обработка полученных ответов респондентов с помощью методики «Незаконченные предложения» показала следующие результаты: наиболее позитивные установки были продемонстрированы по шкале «Отношение к матери», позитивно окрашенные ответы предоставили 80% подростков, 9,8% выразили к ней негативное и резко негативное отношение, ответы остальных респондентов были нейтрально окрашены. Продолжение фразы «Мы любим маму...» учащиеся выразили формулировками: «сильно», «просто так», «за то, что она есть», «за то, что она нас родила», «потому что мама — это святое», «и папу», «но ее очень легко рассердить», «я — нет», «любой».

Наибольший процент негативных и резко негативных ответов взяла на себя шкала «Отношение к отцу» — 38,7% респондентов выразили мнение в резко отрицательных формулировках, ответы 20% респондентов были нейтральными, остальные ответы были позитивно окрашены. Учащиеся продолжали фразу «Отцы иногда…» следующими формулировками: «злые», «разводятся», «шутят обидно», «укоряют», «пьют», «бьют», «ругают нас», «уходят», «уходят навсегда», «строгие», «странные», «бьют детей», «спят», «не существуют», «грубые», «передумывают», «бывают неправы», «насилуют без причины», «поздно приходят с работы», «не разбираются в моей жизни», «отсутствуют», «добрее мамы», «не умеют проявлять эмоций», «хотят признания», «любят меня», «слишком много разрешают», «заняты», «не участвуют в жизни детей», «отчимы», «бывают несправедливы к жене».

24,6% респондентов выразили негативное и резко негативное отношение к ровесникам, 64,7% ответов носили позитивных характер, ответы остальной части опрошенных были нейтральными.

Шкала «Негативные переживания» показала высокий уровень тревоги у 48,6% учащихся. Продолжая фразу «Я хочу, чтобы у меня не было…», респонденты отвечали: «смертельных болезней», «возможности потерпеть неудачу», «изъянов», «тревоги», «страха», «проблем», «лишнего веса», «грусти», «печали», «депрессии», «трусости», «комплексов», «стресса», «вечной тревоги».

Завершая предложение «Если бы все ребята знали, как я боюсь…», респонденты отвечали: «совершить ошибку», «отца», «их», «потерять маму», «разочаровать», «одиночества», «школы», «выходить из дома», «стать инвалидом», «умереть в нищете», «прожить скучную жизнь», «себя», «ничего не сделать в жизни», «остаться непонятым», «остаться одной», «того, что меня изнасилуют», «смерти», «тревожных мыслей», «боли», «не поступить в ВУЗ», «получить двойку», «показаться неловкой», «маму».

В методике «Отношение ребенка к насилию» были обнаружены следующие наиболее часто встречающиеся ответы респондентов. Продолжая фразу «Когда у меня будут дети…», 8,5% отметили, что в будущем не хотят иметь детей. 40% опрошенных продолжили эту фразу словами: «не буду их бить», 7,7% сообщили, что не будут кричать на своих детей. Единичные ответы были следующими: «не буду пить алкоголь», «не буду ругать за оценки», «не дам их в обиду», «не буду плохим отцом», «не оставлю их», «не позволю им думать, что они мне не нужны», «не оскорблю их», «не буду поступать как мои родители».

Завершая фразу: «Наша семья была бы идеальной, если бы не…», 8 респондентов ответили «я», альтернативными ответами были: «отец», «алкоголизм», «крики», «ссоры», «родители», «проблемы с отцом», «страх перед мамой». Продолжая предложение: «Больше всего я не люблю, когда мои родители…» 42% респондентов отметили факты вербальной агрессии словами: «кричат», «ругаются», «ссорятся», «кричат на меня».

Анализ отдельных пунктов опросника «Антивитальность и жизнестойкость» выявил следующие показатели: 17% респондентов сообщили о том, что подвергаются эмоциональному насилию в своих семьях; 48% отметили, что не доверяют людям из-за страха предательства; 37% подтвердили пережитый опыт жестокого обращения со стороны ближайшего окружения; 63% подростков предпочитают решать свои проблемы самостоятельно; 22,5% рассказали, что хотели уйти из дома из-за конфликта с родными; 31% респондентов испытывают чувство непонимания со стороны своего окружения; 28% считают, что никому нет до них дела; 10% выборки признались, что стыдятся своих родителей.

Для проверки структурных взаимосвязей внутри выявленного психологического профиля был проведен корреляционный анализ. В связи с порядковым характером части данных (шкала отношения к отцу) и для обеспечения большей надежности результатов представлены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (ρ) (табл.2).

Таблица 2 / Table 2

Матрица межкорреляций ключевых исследуемых переменных (N = 142)
Intercorrelation matrix of kevariables (N = 142)

Показатель / Indicator	Враждебность / Hostility	Агрессивность / Aggression	Отношение к отцу / Attitude towards father	Одиночество, недоверчивость / Loneliness, mistrust
Агрессивность / Aggression	**0,659*** **			
df	140			
p	< ,001			
Отношение к отцу / Attitude towards father	**–0,367*** **	–0,262**		
df	140	140		
p	< 0,001	0,002		
Одиночество, недоверчивость / Loneliness, mistrust	**0,560*** **	**0,332*** **	**–0,429*** **	
df	140	140	140	
p	< 0,001	< 0,001	< 0,001	

Склонность к асоциальному поведению / Tendency to antisocial behavior	**0,488*****	**0,588*****	–0,297***	**0,408*****
df	140	140	140	140
p	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001

Примечание: «*» — p < 0,05; «**» — p < 0,0; «***» — p < 0,001; df — степеней свободы; значение отношения к отцу кодировалось от –2 (резко негативное) до +2 (максимально позитивное).
Note: "*" — p < 0,05; "**" — p < 0,01; "***" — p < 0,001; df — degrees of freedom; the value of attitude towards father was coded from -2 (sharply negative) to +2 (maximum positive).

Корреляционный анализ выявил значимые бивариативные связи между всеми изучаемыми переменными, что подтверждает общую взаимосвязь семейного неблагополучия, личностных характеристик и склонности к асоциальному поведению. Особенно сильные связи наблюдаются внутри кластера «враждебность—одиночество/недоверчивость—склонность к асоциальному поведению», что указывает на их тесную взаимозависимость.

Ключевым результатом является выявление значимых отрицательных корреляций показателя «Отношение к отцу» со всеми остальными переменными. Наиболее сильная из этих связей наблюдается между негативным восприятием отца и высоким уровнем одиночества и недоверчивости. Умеренная, но высоко значимая отрицательная связь зафиксирована между отношением к отцу и уровнем враждебности. Более слабые, но статистически значимые отрицательные связи отмечаются между отношением к отцу и общей агрессивностью.

Проведенный бинарный логистический регрессионный анализ, контролирующий взаимное влияние переменных, позволил выявить непосредственные предикторы риска девиантной аффилиации (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Результаты бинарной логистической регрессии, предсказывающей вероятность принадлежности группе риска девиантной аффилиации
Results of binary logistic regression predicting the probability of belonging to the risk group for deviant affiliation

Предиктор / Predictor	**Вес / Weight**	**95% доверительный интервал / 95% Confidence Interval**		**SE**	**Z**	**p**	**Отношение шансов / Odds ratio**
		Нижняя граница / Lower bound	Верхняя граница / Upper bound				
Константа / Constant	–3,13	–4,34	–1,91	0,62	–5,04	**< 0,001**	0,04
Враждебность / Hostility	0,12	0,00	0,23	0,06	2,01	**0,05**	**1,13**
Отношение к отцу / Attitude towards father	–0,13	–0,47	0,21	0,17	–0,76	0,45	0,88

Одиночество, недоверчивость / Loneliness, mistrust	0,20	0,03	0,38	0,09	2,11	**0,03**	**1,23**
Опыт жестокого обращения / Experience of abuse	0,01	–0,36	0,38	0,19	0,06	0,95	1,01

Примечание: веса представляют собой логарифмические шансы «группа риска = 1» по сравнению с «группа риска = 0».
Note: weights represent log odds of "risk group = 1" compared to "risk group = 0".

Статистически значимый вклад в прогноз вносят враждебность (OR = 1,13, p = 0,05) и одиночество/недоверчивость (OR = 1,23, p = 0,03). Влияние переменных «отношение к отцу» и «опыт жестокого обращения», становится статистически незначимым, что означает: негативный семейный опыт не приводит напрямую к повышению риска девиантной аффилиации, а делает это через формирование у несовершеннолетнего высокого уровня враждебности и недоверия к окружающим. Таким образом, враждебность и недоверие (комплекс одиночества и недоверчивости) выступают ключевыми медиаторами в исследуемой взаимосвязи.

Обсуждение результатов

Эмпирическое исследование выявило специфические внутриличностные и межличностные характеристики современных подростков, формирующих психологический профиль повышенного риска девиантной аффилиации, раскрытый в теоретической части работы.

Основным результатом данного исследования является эмпирическое подтверждение медиаторной гипотезы. Данные регрессионного анализа (табл. 3) показывают, что враждебность и недоверие (объединяющее в себе такие внутриличностные характеристики, как одиночество и недоверчивость) выступают непосредственными статистически значимыми предикторами риска девиантной аффилиации у несовершеннолетних. Это позволяет уточнить представления о механизмах формирования девиантности: семейное неблагополучие создает почву, в то время как запускает процесс девиантного поиска именно конкретный психологический профиль, характеризующийся недоверчивостью (убежденностью в ненадежности других) и враждебностью (ожиданием причинения вреда), что согласуется с теорией дифференциальной ассоциации Сатерленда — когда антисоциальные установки (аналогичные выявленным в настоящем исследовании враждебности и недоверию) начинают превалировать над просоциальными и поведение подростка определяется его внутренними убеждениями, а не внешними обстоятельствами. Таким образом настоящее исследование эмпирически подтверждает, что семейное неблагополучие способствует формированию именно такого девиантного мировоззрения.

Статистически значимо повышенный уровень враждебности при сниженном уровне общей агрессивности (табл. 1) можно интерпретировать как фрустрированную агрессию (Рогов, 1995), при которой существующие негативные эмоции, обиды и установки не находят социально приемлемого и безопасного выхода. Данный феномен согласуется с концепцией выученной беспомощности, описанной во введении. Корреляционный анализ (табл. 2) подтверждает значимую связь высокого уровня враждебности с переживанием одиночества и недоверия к социуму ($\rho = 0{,}560$). Высокая латентная враждебность может выступать маркером

эмоционального неблагополучия и внутриличностного конфликта, впоследствии ведущих к девиантному поведению.

Контраст между позитивным отношением к матери и крайне негативным отношением к отцу является ярким свидетельством дисфункциональной семейной структуры. Ответы респондентов демонстрируют восприятие ими отца не как авторитетной, поддерживающей фигуры, а как источника угрозы, отчуждения, эмоционального и физического насилия. Статистически значимая отрицательная корреляция между отношением к отцу и уровнем враждебности ($\rho = –0{,}367$), а также между отношением к отцу и переживанием одиночества и недоверия ($\rho = –0{,}429$) подтверждает, что негативное восприятие отца непосредственно связано с формированием базового недоверия к социуму, враждебности, чувства брошенности и обиды; все это создает почву для актуализации у подростка поиска альтернативных референтных групп.

Высокий уровень враждебности и недоверия у подростков существует на фоне отчетов о пережитом негативном опыте: 17% опрошенных прямо указали на то, что подвергались в семье эмоциональному насилию, а 37% подтвердили наличие опыта жестокого обращения со стороны ближайшего окружения. Этот опыт находит отражение в корреляционных связях: негативное отношение к отцу значимо коррелирует со склонностью к асоциальному поведению ($\rho = –0{,}297$) (табл. 2). Кроме прочего, доминирующая стратегия совладания, выражающаяся в самостоятельном решении своих проблем в контексте высокого недоверия у несовершеннолетних, выглядит как вынужденная гипертрофированная автономия, сформировавшаяся из-за отсутствия поддерживающей семейной среды.

Комплекс вышеописанных характеристик — враждебность, недоверие, вынужденная самостоятельность — формирует у несовершеннолетних психологическую отстраненность от просоциальных институтов и повышает риск восприимчивости к влиянию девиантных групп, дающих ощущение признания и собственной значимости, что согласуется с описанным в теоретической части работы циклом насилия (Favre et al., 2024).

Заключение

На основании эмпирического исследования можно сформулировать следующие выводы: ведущей внутриличностной характеристикой в исследуемой выборке подростков выступает синдром психологического риска, характеризующийся сочетанием высокой враждебности и генерализованного недоверия (включающего в себя одиночество и недоверчивость), что проявляется в феномене фрустрированной агрессии.

Данные характеристики имеют статистически значимые корреляционные связи с негативным внутрисемейным опытом (жестокое обращение, крайне негативное восприятие отца на фоне позитивного отношения к матери), что подтверждает их генезис в дисфункциональной семейной системе.

Регрессионный анализ подтвердил, что именно враждебность и недоверие, а не сами по себе семейные факторы, являются непосредственными предикторами склонности к асоциальному поведению. Это свидетельствует об их медиаторной роли в цепи «семейное неблагополучие $\rightarrow$ девиантная аффилиация».

Основной вклад настоящего исследования заключается в выявлении конкретных психологических механизмов-медиаторов — генерализованного недоверия и латентной враждебности. Это уточняет теоретические представления о генезисе девиантного поведения

и, что критически важно, имеет высокую практическую значимость, указывая на конкретные мишени для психологической работы, доступные для интервенции даже в тех случаях, когда семья в целом отказывается от помощи. Ниже представлены рекомендации для психолого-педагогического состава учебных заведений, а также социальных служб, основанные на полученных результатах.

Настоящее исследование выступает аргументом для возможности рассмотрения изменения процедур получения информированного согласия на психологическую интервенцию в учебных заведениях в исключительных случаях.

Практические рекомендации.

1. Диагностика. При скрининговых обследованиях подростков, наряду с общей агрессивностью, будет целесообразным обращать особое внимание на показатели враждебности и подозрительности, выявляющие латентную фрустрированную агрессию, поскольку внешне неагрессивные подростки с высокими баллами по данным шкалам составляют группу скрытого риска девиантной аффилиации.

2. Коррекционная работа. Ключевыми направлениями интервенции подростков из группы риска должны стать:

1) формирование базового доверия к социальному окружению через построение безопасных и предсказуемых отношений со значимым взрослым (учителем, школьным психологом, социальным педагогом);

2) легализация и контейнирование враждебных чувств подростком через техники работы с подавленным гневом;

3) преодоление стратегии «вынужденной самостоятельности» через обучение навыкам обращения за помощью и принятия поддержки;

4) обучение конструктивным способам взаимодействия со сверстниками — распознаванию безопасных групп, отказу от манипуляций, развитию навыков сотрудничества и разрешения конфликтов без агрессии, что в дальнейшем будет способствовать снижению риска аффилиации с деструктивными сообществами.

Перспективы исследования. Дальнейшие лонгитюдные исследования позволят проверить причинно-следственную направленность выявленных связей: является ли враждебность и недоверие стабильной личностной чертой или же ситуативным состоянием, обратимым при изменении деструктивной семейной ситуации. Перспективными представляются кросс-культурные и межрегиональные сравнения, которые помогут оценить влияние социокультурного контекста на выраженность выявленного синдрома фрустрированной агрессии. Отдельного изучения требует вопрос о возможности и условиях изменения процедуры получения информированного согласия на психологическую интервенцию для несовершеннолетних из групп риска, поднимаемый в настоящем исследовании.

Ограничения. Полученные результаты следует интерпретировать с учетом ряда методологических ограничений. Кросс-секционный дизайн исследования не дает оснований для однозначных причинно-следственных выводов; в дальнейшем необходимо проведение лонгитюдных исследований.

Выборка исследования была сформирована из учащихся школ и гимназий одного города, что ограничивает возможность генерализации выводов на всю популяцию подростков.

Несмотря на эти ограничения, настоящее исследование вносит вклад в понимание психологических механизмов, выявляющих конкретные мишени для профилактической работы.

Limitations. The results obtained should be interpreted taking into account a number of methodological limitations. The cross-sectional design of the study does not provide grounds for definitive causal inferences; further longitudinal studies are needed.

The study sample was drawn from students in schools and high schools in a single city, limiting the generalizability of the findings to the entire adolescent population.

Despite these limitations, this study contributes to our understanding of the psychological mechanisms that identify specific targets for prevention efforts.

Список источников / References

1. Абубакиров, Ф.М. (2011). Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике. *Российский судья*, 8, 19—23. URL: https://www.elibrary.ru/oeyeun (дата обращения: 22.01.2026).
   Abubakirov, F.M. (2011). Criminal-legal assessment of violence in criminal legislation and judicial practice. *Russian Judge*, 8, 19—23. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/oeyeun (viewed: 22.01.2026).
2. Бадамшин, И.Д., Набиев, Ф.Ф. (2020). Семейно-бытовое насилие: понятие, виды, причины. *Право: ретроспектива и перспектива, 2*(2), 68—73. URL https://www.elibrary.ru/tncyst (дата обращения: 22.01.2026).
   Badamshin I.D., Nabiev F.F. (2020). Family-domestic violence: concept, types, causes. *Law: Retrospective and Prospect, 2*(2), 68—73. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/tncyst (viewed: 22.01.2026).
3. Бандура, А. (2000). *Теория социального научения*. Пер. с англ. СПб: Евразия.
   Bandura, A. (2000). *Social Learning Theory.* Trans. from Engl. Saint Petersburg: Eurasia Publ. (In Russ.).
4. Божович, Л.И. (1997). *Проблемы формирования личности*. М.: Институт практической. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».
   Bozhovich, L.I. (1997). *Problems of personality formation.* Moscow: Institute of Practical Psychology Publ.; Voronezh: INPO "MODEK" Publ. (In Russ.).
5. Выготский, Л.С. (1984). Педология подростка. В: Л.С. Выготский. *Собрание сочинений: в 6 т. Том 4. Детская психология*. М.: Педагогика.
   Vygotsky, L.S. (1984). Pedology of a teenager. In: L.S. Vygotsky. *Collected works: In 6 vols. Vol. 4. Child psychology.* Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.).
6. Головей, Л.А. (2002). *Практикум по возрастной психологии*. СПб: Речь.
   Golovey, L.A. (2002). *Practical training in age psychology*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.).
7. Качаева, М.А., Дозорцева, Е.Г., Борисенко, Е.В. (2017). Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек. *Психология и право, 7*(3), 110—126. https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070309
   Kachaeva, M.A., Dozortseva, E.G., Borisenko, E.V. (2017). The long-term effects of domestic violence against women and girls. *Psychology and Law, 7*(3), 110—126. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070309

8. Кон, И.С. (1989). *Психология ранней юности: Учебное пособие*. М.: Просвещение. URL https://www.elibrary.ru/vxlcuh (дата обращения: 22.01.2026).
Kon, I.S. (1989). *Psychology of early youth.* Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.). URL https://www.elibrary.ru/vxlcuh (viewed: 22.01.2026).
9. Личко, А.Е. (1983). *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Л.: Медицина.
Lichko, A.E. (1983). *Psychopathy and character accentuations in adolescents.* Leningrad: Meditsina Publ. (In Russ.).
10. Мельник, С.С. (2025). Борьба с экстремизмом в призме теории дифференциальной ассоциации Эдвина Сатерленда. *Пролог: журнал о праве*, 3(47), 69—77. https://doi.org/10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77
Melnik, S.S. (2025). The Fight Against Extremism in the Scope of Edwin Sutherland's Theory of Differential Association. *Prologue: Law Journal*, 3(47), 69—77. (In Russ.). https://doi.org/10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77
11. Наруцкая, Н.В. (2025). Общее состояние и динамика преступности несовершеннолетних в современной России. *Вестник экономики и права, 108*, 64—71. URL: https://www.elibrary.ru/ytsnjy (дата обращения: 19.01.2026).
Narutskaya, N.V. (2025). The general state and dynamics of juvenile delinquency in modern Russia. *Bulletin of Economics and Law*, 108, 65—72. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ytsnjy (viewed: 19.01.2026).
12. Пионтковский, А.А. (1938). *Преступления против личности*. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР.
Piontkovsky, A.A. (1938). *Crimes against the person.* Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR. (In Russ.).
13. Рогов, Е.И. (1995). *Настольная книга практического психолога в образовании*. М.: ВЛАДОС.
Rogov, E.I. (1995). *Handbook of a practical psychologist in education.* Moscow: VLADOS Press. (In Russ.).
14. Рогов, Е.И. (2001). *Настольная книга практического психолога*. М.: ВЛАДОС.
Rogov, E.I. (2001). *Handbook of a practical psychologist.* Moscow: VLADOS Press. (In Russ.).
15. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В. (2017). Опросник «Антивитальность и Жизнестойкость». *Медицинская психология в России, 9*(2), Статья 4. URL: https://www.elibrary.ru/wpcpal (дата обращения: 02.02.2025).
Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V. (2017). Anti-Vitality and Resilience Questionnaire. *Medical Psychology in Russia, 9*(2), Article 4. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/wpcpal (viewed: 02.02.2025).
16. Agnew-Blais, J., Danese, A. (2016). Childhood maltreatment and unfavorable clinical outcomes in bipolar disorder: A systematic review and meta-analysis. *The Lancet Psychiatry, 3*(4), 342—349. https://doi.org/10.1016/S2215-0366(15)00544-1
17. Favre, C.A., Garrote, A., Kassis, W., Bacher, J., Wullschleger, A., Aksoy, D. (2024). The cycle of violence: Effects of violence experience, behavior, and attitudes on adolescents' peer rejection networks. *Frontiers in Education, 9*, Article 1359558. https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1359558
18. Widom, C.S. (1989). The cycle of violence. *Science, 244*(4901), 160—166. https://doi.org/10.1126/science.2704995

19. Yang, W., Jin, Sh., Duan, W., Yu, H., Ping, L., Shen, Z., Cheng, Yu., Xu, X., Zhou, C. (2023). The effects of childhood maltreatment on cortical thickness and gray matter volume: A coordinate-based meta-analysis. *Psychological Medicine, 53*(5), 1681—1699. https://doi.org/10.1017/S0033291723000661

Информация об авторах

Светлана Олеговна Дмитриенко, магистрант кафедры психологического сопровождения и клинической психологии, Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7692-0210, e-mail: svetadmitrienko@mail.ru

Оксана Ивановна Политика, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии, Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5538-7711, e-mail: okcanapolitika@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana O. Dmitrienko, Master's Student of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7692-0210, e-mail: svetadmitrienko@mail.ru

Oksana I. Politika, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5538-7711, e-mail: okcanapolitika@yandex.ru

Вклад авторов

Дмитриенко С.О. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных; проведение исследования; применение статистических, математических и других методов для анализа данных.

Политика О. И. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Svetlana O. Dmitirenko — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis; conducting the research; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis.

Oksana I. Politika — ideas; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 02.02.2026
Поступила после рецензирования 29.05.2026
Принята к публикации 29.05.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.02.02
Revised 2026.05.29
Accepted 2026.05.29
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 174–188.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160310
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 174–188.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160310
ISSN 2222-5196 (online)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Связь агрессивного поведения и представления об отношении родителей у подростков

Н.В. Власова[1] ✉, **Е.Л. Буслаева**[1]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ L1025173@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проблема детско-родительских отношений и системы воспитания, а также их влияние на поведение ребенка по-прежнему остается актуальной в современных психолого-педагогических исследованиях. В то же время результаты изысканий о связи представления детей о родительском отношении и проявлений у подростков агрессии во многом противоречат друг другу. **Цель.** Определение наличия и качества связи между представлением подростка о родительском отношении и проявлением агрессии. **Гипотеза.** Проявление агрессии в поведении подростка связано с характерными особенностями субъективного восприятия им отношения со стороны родителей. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 104 учащихся общеобразовательной школы г. Москвы (56 мальчиков и 48 девочек) в возрасте 13—14 лет. С целью определения выраженности агрессивного поведения были использованы методики: «Опросник Басса—Перри (BPAQ-24)» (адаптация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского) и «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин и П.А. Ковалев). Представление подростков об отношении к ним родителей измерялось с помощью теста «Подростки о родителях» (ПоР) (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая и Е.Е. Ромицына). **Результаты.** Установлены наличие и качество связи между представлением подростка о родительском отношении и проявлением им агрессии. **Выводы.** Показано, что существует значимая обратная связь между представлением подростка о позитивном отношении к нему родителей и особенностями проявлений его агрессивного поведения. Одновременно выявлена прямая связь между формами агрессивного поведения детей и враждебного или обособленного отношения к ним со стороны обоих родителей, а также непоследовательного отношения матери.

Ключевые слова: подростки, агрессивное поведение, отношение родителей, автономность, непоследовательность, враждебность

© Власова Н.В., Буслаева Е.Л., 2026

CC-BY-NC

Для цитирования: Власова, Н.В., Буслаева, Е.Л. (2026). Связь агрессивного поведения и представления об отношении родителей у подростков. *Психология и право, 16*(3), 174—188. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160310

The relationship between aggressive behavior and perceptions of parental attitudes among adolescents

N.V. Vlasova[1] ✉, **E.L. Buslaeva**[1]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ L1025173@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The issue of parent-child relationships and the education system, as well as their influence on a child's behavior, still remains relevant in modern psychological and educational research. At the same time, the results of studies on the connection between children's views of their parents' behavior and the displays of aggression in adolescents often contradict each other. **Objective.** Determining the presence and quality of the connection between an adolescent's view of their parents' attitude and how they show aggression. **Hypothesis.** The manifestation of aggression in an adolescent's behavior is linked to the specific characteristics of their subjective perception of their parents' attitude toward them. **Methods and materials.** The study involved 104 students from a comprehensive school in Moscow (56 boys and 48 girls) aged 13-14 years. To assess the level of aggressive behavior, the following instruments were used: the "Buss-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ-24)" (adapted by S.N. Enikolopov and N.P. Tsibulsky) and the "Aggressive Behavior" scale (E.P. Ilyin and P.A. Kovalev). Adolescents' perceptions of parental attitudes were assessed using the "Adolescents about Parents" test (L.I. Vasserman, I.A. Gorkovaya, and E.E. Romitsyna). **Results** The presence and quality of the connection between the adolescent's perception of parental attitude and his manifestation of aggression was established**. Conclusions.** It has been shown that there is a significant inverse relationship between an adolescent's perception of his parents' positive attitude towards him and the characteristics of his aggressive behavior. At the same time, a direct link was found between forms of aggressive behavior in children and a hostile or detached attitude towards them on the part of both parents, as well as an inconsistent attitude on the part of the mother.

Keywords: adolescents, aggressive behavior, parental attitudes, autonomy, inconsistency, hostility

For citation: Vlasova, N.V., Buslaeva, E.L. (2026). The relationship between aggressive behavior and perceptions of parental attitudes among adolescents. *Psychology and Law, 16*(3), 174—188. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160310

Введение

В настоящее время исследования и глубокий анализ факторов, влияющих на подростковую агрессию, включая их индивидуальные особенности, в том числе восприятие ими

родительского отношения, становятся все более актуальными и востребованными. Это продиктовано, в первую очередь, существенным ростом числа случаев проявления жестокости и враждебности у детей данного возрастного периода. Так, по данным исследований Центра социологии образования Института управления образованием РАО, агрессии со стороны сверстников подвергаются около 50% школьников. При этом наиболее часто подобное поведение характерно для подростков 13—15 лет. В то время как в современных исследованиях проблеме воспитания и развития ребенка в подростковом возрасте уделяется самое серьезное внимание, роль родительского отношения к детям в формировании у них агрессивного поведения по-прежнему представляется неоднозначной.

Например, в исследовании Е.М. Разумовой и А.В. Ярыгиной было установлено, что восприятие подростком родительского отношения к нему как автономного или отвергающего имеет прямую связь с проявлениями у него агрессии. При этом авторы обнаружили связь между отдельными видами агрессивного поведения подростка и восприятием им родительского отношения. Так, физическая агрессия связана у подростка с восприятием обособленности отца, а вербальная — с желанием родителей форсировать развитие ребенка или его ощущением отвержения с их стороны (Разумова, Ярыгина, 2018). В работах А.М. Адеркас и Т.Г. Яничевой данный вывод подтверждается. На основании реализованного эмпирического исследования авторы показывают, что отвержение со стороны родителей, на взгляд ребенка, связано с проявлением агрессивного поведения (Адеркас, Яничева, 2020).

Данная точка зрения в некотором смысле опровергается в других исследованиях. P.D. Lanjekar, S.H. Josh., P.D. Lanjekar, V. Wagh указывают на то, что именно высокий уровень враждебности и низкий уровень позитивного принятия со стороны родителей заставляет детей постоянно испытывать стресс, проявляя вследствии этого агрессию по отношению к сверстникам. Тем не менее авторы не установили корреляции между автономией родителей и агрессивным поведением детей подросткового возраста (Lanjekar et al., 2022).

Подобного рода противоречия можно заметить в исследованиях, посвященных влиянию стиля родительского воспитания на поведение ребенка. З.А. Зимелева в своей работе приходит к выводу о том, что как гиперопекающий, так и игнорирующий характер отношения к подростку провоцируют у него проявления агрессии (Зимлеева, 2001). Похожие результаты были получены К.М. Каблуковой и Н.Н. Лупенко. Авторы утверждают, что физическая агрессия подростка связана с авторитарным стилем детско-родительских отношений, в то время как вербальная — с попустительским (Каблукова, Лупенко, 2022). Напротив, S. Fang, G. Fosco, C. Redmond, M. Feinberg в своем исследовании показывают, что более высокая первоначальная степень включенности родителей в жизнь ребенка, в том числе с усилением контроля с их стороны, и наиболее плавное его ослабление в подростковом возрасте связаны с доверием и открытым контактом в детско-родительских отношениях, а также снижением проявлений агрессии у подростка (Fang et al., 2022). Данное мнение разделяют К.Д. Хломов, А.А. Бочавер и др. Авторы приходят к выводу, что «…агрессивное поведение подростков не является формой достижения автономии у подростков и связано с ней скорее отрицательно» (Хломов и др., 2022, С. 124). Таким образом, можно сделать вывод, что не авторитарный характер родительского отношения влияет на агрессивное поведение ребенка, а те способы, которые используют родители при его реализации — наказания, запреты и т. д.

Разное отношение к ребенку со стороны матери и отца также представляется немаловажным в определении его влияния на агрессивное поведение подростка. Согласно мнению О.В. Суворовой и Л.А. Никулиной, восприятие подростком отношения матери как

непоследовательного или директивного напрямую связано с повышением раздражительности и обидчивости у ребенка и, напротив, позитивный интерес матери имеет обратную связь с показателями агрессивности (Суворова, Никулина, 2015). К схожим результатам приходят Ю.В. Кобазова и Л.В. Мамедова. Авторами была выявлена связь между агрессивным поведением подростка и авторитарным контролирующим отношением матери. В то время как с отношением отца подобной связи установлено не было (Кобазова, Мамедова, 2021). К таким же выводам в своих исследованиях приходит Т.Л. Ядрышникова, утверждая, что отношение отца для подростка менее значимо, чем отношение матери (Ядрышникова, 2015). Противоположного мнения придерживаются D. Robson, M. Allen, S. Laborde. Результаты их исследований показывают, что отношение отца оказывает наибольшее влияние на формирование антисоциального и преступного поведения у ребенка, а отношение матери в большей степени обусловливает его социальную адаптацию и эмоциональное восприятие (Robson, Allen, Laborde, 2023).

Таким образом, представленный анализ исследований позволяет говорить о необходимости продолжения изучения роли детско-родительских отношений в формировании агрессивного поведения подростков. В связи с этим целью исследования стало определение наличия и качества связи между представлением подростка о родительском отношении и проявлении им агрессии.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие обучающиеся седьмых и восьмых классов (13—14 лет) общеобразовательной школы г. Москвы в количестве 104 человек (56 мальчиков и 48 девочек). Средний возраст респондентов составил 13,8 (± 0,4) лет. По данным изучения документации, 74% подростков воспитываются в полных семьях, 26% — в неполных, где дети постоянно проживают с матерью, но поддерживают отношения с отцом.

С целью определения выраженности агрессивного поведения были использованы методики: «Опросник Басса—Перри (BPAQ-24)» в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского (Дворянчиков и др., 2017) и «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева (Ильин, 2014). Представление подростков об отношении к ним родителей диагностировалось с помощью теста «Подростки о родителях» (ПоР), разработанного Л.И. Вассерманом, И.А. Горьковой и Е.Е. Ромицыной (Кулькова, Федоров, Лазарев, 2026).

При обработке полученных результатов был использован статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS Statistics-26: критерий Колмогорова—Смирнова, U-критерий Манна—Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Результаты, полученные с использованием методики «Опросник Басса—Перри (BPAQ-24)» (адаптация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского), позволили установить, что интегральный показатель (ИШ) выраженности агрессии на высоком уровне продемонстрировали 54% респондентов (30 мальчиков и 26 девочек), которые составили проблемную группу (группа А). Средний и низкий уровень выраженности был установлен у 46% подростков (26 мальчиков и 22 девочки), вошедших в контрольную группу (группа К).

С целью определения особенностей проявлений агрессивного поведения у подростков в группе А и группе К применялся тест «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев),

результаты которого показали, что по всем шкалам методики респонденты группы А продемонстрировали более высокие результаты. Значимость различий между группами приведена в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнительного анализа по методике «Агрессивное поведение»
Results of a comparative analysis using the "Aggressive Behavior" method

Шкалы / Scales	**Среднее значение в группе К / The average value for the group К**	**Среднее значение в группе А / The average value for the group А**	**U-критерий Манна—Уитни / Mann—Whitney U-test**	**Значимость p / Significance p**
Прямая физическая агрессия / Direct physical aggression	0,23	4,1	0,0	< 0,001
Косвенная физическая агрессия / Indirect physical aggression	3,3	4,7	299,5	0,001
Прямая вербальная агрессия / Direct verbal aggression	2,1	6,2	247,5	0,001
Косвенная вербальная агрессия / Indirect verbal aggression	3,7	4,9	313,5	0,001

Таблица 2 / Table 2

Результаты сравнительного анализа
по методике «Подростки о родителях» (отношение матери)
Results of a comparative analysis using
the "Teenagers about Parents" method (mother's attitude)

Шкалы / Scales	**Среднее значение в группе К / The average value for the group К**	**Среднее значение в группе А / The average value for the group А**	**U-критерий Манна—Уитни / Mann—Whitney U-test**	**Значимость p / Significance p**
Позитивный интерес / POZ	3,2	2,3	818,000	0,000
Директивность / DIR	3,2	3,5	1097,500	0,089
Враждебность / HOS	1,8	3,1	552,500	0,000
Автономность /AUT	2,4	3,5	762,000	0,000
Непоследовательность / NED	2,9	3,9	657,500	0,000

Далее для диагностики родительского отношения в восприятии подростков использовалась методика «Подростки о родителях (ПоР). По данным сравнительного анализа, представленного в табл. 2, выявлены значимые различия между подростками группы А и

группы К в восприятии отношения матери по показателям: «Позитивный интерес», «Враждебность, «Автономность» и «Непоследовательность». По шкале «Директивность» значимых различий установлено не было.

При сравнении результатов, полученных с использованием методики «Подростки о родителях» (ПоР) для оценки восприятия подростками отношения к ним отца в исследуемых группах были установлены значимые различия по шкалам «Позитивный интерес», «Враждебность» и «Автономность». Значимых различий по показателям теста «Директивность» и «Непоследовательность» не выявлено. Данные приведены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Результаты сравнительного анализа по методике «Подростки о родителях» (отношение отца)
Results of a comparative analysis using the "Teenagers about Parents" method (father's attitude)

Шкалы / Scales	**Среднее значение в группе К / The average value for the group К**	**Среднее значение в группе А / The average value for the group A**	**U-критерий Манна—Уитни / Mann—Whitney U-test**	**Значимость p / Significance p**
Позитивный интерес / POZ	3,4	2,3	713,500	0,000
Директивность / DIR	2,9	3,2	1603,500	0,067
Враждебность / HOS	2,2	3,2	1882,000	0,000
Автономность /AUT	2,4	3,2	1891,500	0,000
Непоследовательность / NED	2,3	2,6	1544,000	0,172

Таблица 4 / Table 4

Связь между показателями агрессивного поведения и восприятием отношения матери у подростков
The relationship between aggressive behavior indicators and perceptions of maternal attitudes in adolescents

Тест «Подростки о родителях» / Test «Teenagers about parents»	Позитивный интерес / POZ	Директивность / DIR	Враждебность / HOS	Автономность / AUT	Непоследовательность / NED
Опросник Басса—Перри / Buss—Perry Aggression Questionnaire					
Степень выраженности агрессивного поведения / The degree of severity of aggressive behavior	–0,459**	0,129	0,678**	0,598**	0,651**
Опросник «Агрессивное поведение» / «Aggressive Behavior» Questionnaire					
Прямая физическая агрессия / Direct physical aggression	–0,369**	0,056	0,775**	0,483**	0,581**

Косвенная физическая агрессия / Indirect physical aggression	–0,302**	0,055	0,586**	0,323**	0,155
Прямая вербальная агрессия / Direct verbal aggression	–0,221*	0,016	0,430**	0,302**	0,587**
Косвенная вербальная агрессия / Indirect verbal aggression	–0,467**	0,108	0,742**	0,312**	0,174

Примечание: «*» — корреляция значима при $p < 0,05$; «**» — корреляция значима при $p < 0,01$.
Note: "*" — the correlation is significant, $p < 0,05$; ** — the correlation is significant, $p < 0,01$.

Таблица 5 / Table 5

Связь между показателями агрессивного поведения и восприятием отношения отца у подростков
The relationship between aggressive behavior indicators and perceptions of paternal attitudes in adolescents

Тест «Подростки о родителях» / Test «Teenagers about parents»	Позитивный интерес / POZ	Директивность / DIR	Враждебность / HOS	Автономность / AUT	Непоследовательность / NED
Опросник Басса—Перри / Buss—Perry Aggression Questionnaire					
Степень выраженности агрессивного поведения / The degree of severity of aggressive behavior	–0,549**	0,107	0,550**	0,550**	0,134
Опросник «Агрессивное поведение» / «Aggressive Behavior» Questionnaire					
Прямая физическая агрессия / Direct physical aggression	–0,428**	0,055	0,662**	0,477**	0,088
Косвенная физическая агрессия / Indirect physical aggression	–0,199**	0,018	0,484**	0,234**	0,103
Прямая вербальная агрессия / Direct verbal aggression	–0,385**	0,091	0,153	0,289**	0,114
Косвенная вербальная агрессия / Indirect verbal aggression	–0,330**	0,179	0,686**	0,384**	0,056

Примечание: «*» — корреляция значима, $p < 0,05$; ** — корреляция значима, $p < 0,01$.
Note: "*" — the correlation is significant, $p < 0,05$; ** — the correlation is significant, $p < 0,01$.

С целью выявления связи между выраженностью агрессии, а также характером ее проявлений у подростков и восприятием детей родительского отношения был проведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в табл. 4 и табл. 5. Согласно

полученным результатам, выявлены обратные корреляции между позитивным отношением матери и агрессивностью, а также всеми ее характерными проявлениями. Схожий результат установлен при оценивании респондентами отношения к ним отца. Таким образом, можно сделать вывод о том, что позитивный интерес со стороны обоих родителей имеет обратную связь с агрессивностью подростка и всеми изучаемыми в данном исследовании ее проявлениями.

Прямые связи были обнаружены между восприятием подростками отношения к ним матери как автономного и проявлениями прямой и косвенной агрессии, как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Подобная связь была установлена и с автономностью отца.

Также было выявлено, что проявления косвенной и прямой агрессии на вербальном и невербальном уровнях и восприятие ребенком отношения матери как враждебного имеют прямую значимую связь. В то же время восприятие ребенком враждебного отношения отца к нему связано с общей выраженностью агрессивности, прямой и косвенной физической агрессией, а также косвенной вербальной агрессией.

Восприятие подростком матери как непоследовательной по отношению к нему оказалось связанным с выражением у него прямой агрессии, как на вербальном, так и на невербальном уровнях.

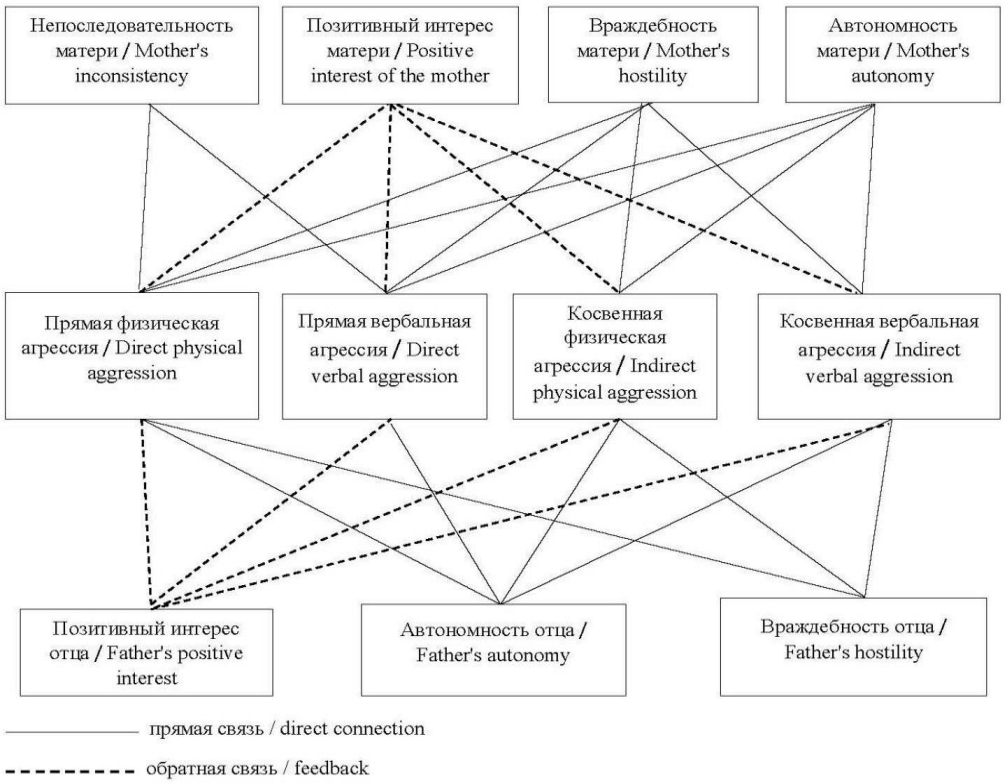

Рис. 1. Корреляционная плеяда показателей агрессивного поведения и восприятия родительского отношения у подростков
Fig. 1. Correlation of indicators of aggressive behavior and perception of parental attitudes in adolescents

В то же время связи между директивным отношением как матери, так и отца с агрессивностью и ее проявлениями в поведении подростков установлено не было. Также не выявлена связь между восприятием у ребенка непоследовательности отца и любыми формами агрессивного поведения подростка.

Корреляционная плеяда, представленная на рис. 1, наглядно демонстрирует полученные результаты исследования. Так, можно увидеть, что существует значимая обратная связь между представлением подростка о позитивном отношении к нему родителей и степенью и особенностями проявлений у него агрессивного поведения. В то же время прямая связь между исследованными видами девиаций респондентов выявлена лишь по отдельным компонентам восприятия ими родительского отношения.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что наше предположение о связи между проявлениями агрессии в поведении подростка и характерными особенностями его субъективного восприятия отношения родителей подтвердилось, а также позволили сделать ряд важных выводов.

Во-первых, сравнительный анализ убедительно показал, что в отношении родителей, каким его воспринимают подростки с разным уровнем агрессии, существуют значимые различия. Так, подростки с выраженным агрессивным поведением значимо чаще воспринимают отношение матери и отца как автономное или враждебное и значимо реже как позитивное. Данный результат можно объяснить тем, что дети наиболее агрессивно проявляют себя в тех случаях, когда нарушен открытый доверительный контакт с родителями. Они либо не понимают родительского отношения к себе и думают, что родители испытывают к ним безразличие, либо считают, что родители намеренно конфликтуют с ними, выражая таким образом агрессию и раздражение, которые испытывают к детям.

В то же время значимых различий в восприятии директивного отношения родителей у подростков с разным уровнем выраженности агрессивного поведения выявлено не было. Это подтверждает, что восприятие строгого и требовательного отношения родителей не является показателем агрессивного поведения у подростков. Данный результат подтверждается и другими исследователями, которые отмечают, что восприятие подростками авторитарного родительского отношения в некоторой степени позволяет сформировать чувство защищенности и безопасности, что, в свою очередь, дает детям возможность чувствовать себя более уверенно и реже прибегать к агрессивным действиям. Так, например, Н.Н. Авдеева и Б.Э. Хоффман отмечают, что «…подросток стремится к эмансипации от родителей, но одновременно нуждается в принятии и поддержке родителей» (Авдеева, Хоффман, 2019). Данный факт обусловливает противоречивость восприятия подростком родительского отношения. Ребенку, с одной стороны, представляется, что родители слишком ограничивают его, но в то же время он считает, что не безразличен им, и это позволяет ему повышать собственную значимость.

Также были выявлены значимые различия у подростков с разной выраженностью агрессивного поведения по показателю непоследовательности у матери. При этом сравнительный анализ того же показателя в отношении отца не подтвердил. Можно предположить, что непоследовательность матери более эмоционально воспринимается подростками и усиливает у них внутреннее напряжение и тревогу, которые являются

протекторами агрессивных поступков. В то же время отцы обычно реже проявляют данное качество, в связи с чем оно не воспринимается детьми столь остро.

Во-вторых, на основании проведенного корреляционного анализа можно сделать вывод, что восприятие подростком позитивно заинтересованного отношения со стороны обоих родителей обратно связано как со степенью выраженности агрессивности, так и с ее прямыми и косвенными проявлениями на вербальном и невербальном уровнях. Также была установлена прямая связь между автономностью родителей в отношении ребенка и его агрессивностью во всех изучаемых проявлениях. Полученный результат свидетельствует о том, что чем более позитивно оценивают родители своего ребенка, проявляя заинтересованность к его жизни, тем ниже у него выраженность агрессивных тенденций. И, напротив, чем более отстраненно, по мнению подростка, ведут себя родители в отношениях с ним, тем выше выраженность у него любого вида проявлений агрессии.

Также были выявлены различия в корреляциях между проявлениями агрессии и восприятием им отношения к себе со стороны отца и матери. Так, прямая связь была определена между враждебностью матери и проявлениями прямой и косвенной агрессии, как в вербальной, так и в невербальной формах. При этом враждебность со стороны отца связана со всеми изучаемыми проявлениями агрессии подростка, кроме ее прямой вербальной формы. Полученный результат можно отнести к специфическим особенностям отношений между ребенком и отцом, в которых отец, по всей видимости, предъявляет жесткие требования в отношении недопустимости грубых высказываний со стороны подростка, что приводит к блокировке этого вида агрессии.

Помимо этого, установлена корреляция между восприятием ребенком непоследовательного отношения матери и прямыми проявлениями агрессии на вербальном и невербальном уровнях. Данный результат, по нашему мнению, обусловлен частыми изменениями поведения матери, а также ее требований, предъявляемых ребенку, что является для него источником хронического стресса. В этом случае подросток может использовать прямое выражение агрессии как вариант совладающего поведения.

Заключение

Проблема детско-родительских отношений в системе воспитания и их влияние на поведение ребенка по-прежнему остается актуальной в современных психолого-педагогических исследованиях (Лечиева, Саидов, Буралова, 2024). Влияние, которое оказывают родители на формирование и развитие личности ребенка, является уникальным и наиболее значимым, а его характер может как придавать ребенку уверенности, благоприятно влиять на его социальную адаптацию, так и провоцировать у него постоянное внутреннее напряжение, нарастающее раздражение, что проявляется в агрессивном поведении (Cao, Liu, 2023; Zhang et al., 2021).

Результаты проведенного исследования позволили определить наличие и качество связи между представлением подростков о родительском отношении и проявлении ими агрессии. Не оставляющие сомнений итоги были получены при выявлении обратной связи между позитивно заинтересованным отношением со стороны родителей и всеми формами агрессии ребенка. Также было установлено, что проявления агрессии подростков имеют прямую связь с их восприятием родительского отношения как автономного или враждебного, а при оценке отношения матери выделяется еще и его непоследовательность. Вместе с тем не обнаружена корреляция между уровнем агрессии и ее характерными проявлениями в поведении подростка

с его восприятием отношения к нему обоих родителей как директивного, а со стороны отца — как непоследовательного.

Полученные в результате исследования эмпирические данные позволили выделить специфические особенности в характере проявлений агрессии подростков, связанных с их восприятием родительского отношения. Так, понимание ребенком непоследовательного отношения матери имеет значимую связь с прямыми проявлениями физической и вербальной агрессии. А враждебность отца коррелирует со всеми изучаемыми проявлениями агрессии подростка кроме прямой вербальной.

Таким образом, итоги исследования предоставили возможность выявить ряд значимых факторов в восприятии подростком родительского отношения и связанных с ним проявлений его агрессии, что позволяет обосновать цели соответствующих коррекционных и профилактических программ.

В то же время определенные ограничения в данном исследовании и полученных результатах обусловлены особенностями диагностического инструментария, основанного на субъективной оценке детьми отношения к ним отца и матери. Как отмечают многие исследователи, восприятие родительского отношения не всегда отражает реальный характер детско-родительских отношений (Рассказова, 2009; Fang et al., 2022; Zhang et al., 2021). Кроме этого, некоторые авторы утверждают, что деструктивная атмосфера, наличие неразрешимых конфликтов в семье являются источником стресса для подростков. Они воспринимают такой микроклимат как негативное отношение к ним лично, что нередко сопровождается проявлениями агрессии с их стороны (Lougheed, 2019; McAdams et al., 2017). Также подростки, характеризующиеся высоким уровнем агрессивности, как правило, обладают сниженным уровнем эмпатиии, не стремятся к открытому диалогу с близкими, отличаются низкой самооценкой в отношении собственных личностных качеств, что обусловливает восприятие ими родительского отношения как более негативного (Буслаева, Власова, 2024; Екимова, Голик, Левченко, 2025; Собкин, Федотова, 2019).

В связи с этим в дальнейших исследованиях для выявления более глубокого и полного характера связи между родительским отношением и агрессивным поведением подростков планируется расширить границы изучения феноменов за счет привлечения к исследованиям родителей подростков, задействовать дополнительные методы диагностики, которые позволили бы учитывать личностные особенности детей, а также провести сравнительный анализ полученных результатов между выборкой мальчиков и девочек.

Ограничения. Исследование имеет ряд ограничений: однородность и небольшой объем выборки, особенности диагностического инструментария.

Limitations. The study has a number of limitations: homogeneity and small sample size, and features of the diagnostic tools.

Список источников / References

1. Авдеева, Н.Н., Хоффман, Б.Э. (2019). Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями. *Современная зарубежная психология, 8*(4), 69—78. https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407
   Avdeeva, N.N., Hoffman, B.E. (2019). Current research on adolescents' relationships with parents. *Journal of Modern Foreign Psychology, 8*(4), 69—78. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407

2. Адеркас, А.М., Яничева, Т.Г. (2020). Взаимосвязь агрессивности младших подростков и их представлений о взаимоотношениях в семье. *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 33*(1), 103—114. URL: https://elibrary.ru/zmfadj (дата обращения: 22.06.2026).
   Aderkas, A.M., Yanicheva, T.G. (2020). Interaconnection between agressiviness of younger adolescents and their ideas about relationships in the family. *Scientific Notes of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 33*(1), 103—114. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zmfadj (viewed: 22.06.2026).
3. Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2024). Особенности межличностного взаимодействия подростков, склонных к проявлению агрессии. *Психология и право, 14*(2), 33—44. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203
   Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2024). Characteristics of Interpersonal Interaction of Adolescents Prone to Aggression. *Psychology and Law, 14*(2), 33—44. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203
4. Дворянчиков, Н.В., Делибалт, В.В., Дозорцева, Е.Г., Дебольский, М.Г., Дегтярев, А.В., Чиркина, Р.В., Лаврик, А.В. (2017). *Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+».* М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deptc2017/ (дата обращения: 22.06.2026).
   Dvorianchikov, N.V., Delibalt, V.V., Dozortseva, E.G., Debolsky, M.G., Degtyarev, A.V., Chirkina, R.V., Lavrik, A.V. (2017). *Methodological Guide: Test Collection for the "Diagnost-Expert+" Software-Based Differential Diagnosis System for Juvenile Behavioral Outcomes.* Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deptc2017/ (viewed: 22.06.2026).
5. Екимова, В.И., Голик, Т.Ю., Левченко, А.В. (2025). Агрессия и аутоагрессия в зеркале самоотношения подростков. *Экстремальная психология и безопасность личности, 2*(2), 170—189. https://doi.org/10.17759/epps.2025020210
   Ekimova, V.I., Golik, T.Yu., Levchenko, A.V. (2025). Aggression and auto-aggression in the mirror of adolescents' self-attitude. *Extreme Psychology and Personal Safety, 2*(2), 170—189. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/epps.2025020210
6. Зимелева, З.А. (2001). Агрессивное поведение подростков и личность родителей. *Психологическая наука и образование, 6*(4), Статья 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2001_n4/Zimeleva (дата обращения: 22.06.2026).
   Zimeleva, Z.A. (2001). Aggressive behavior of adolescents and the personality of parents. *Psychological Science and Education, 6*(4), Article 4. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2001_n4/Zimeleva (viewed: 22.06.2026).
7. Ильин, Е.П. (2014). *Психология агрессивного поведения: Учебное пособие для высших учебных заведений.* СПб: Питер. URL: https://elibrary.ru/uynean (дата обращения: 22.06.2026).
   Ilyin, E.P. (2014). *Psychology of Aggressive Behavior: A Textbook for Higher Education Institutions.* Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.). https://elibrary.ru/uynean (viewed: 22.06.2026).
8. Каблукова, К.М. Лупенко, Н.Н. (2022). Связь стилей родительского воспитания и типов агрессивного поведения подростков: к постановке проблемы. *Общество: социология, психология, педагогика*, 12(104). 171—175. https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.26

Kablukova, K.M., Lupenko, N.N. (2022). Relationship between Parenting Styles and Types of Agressive Behavior in Adolescents: Towards the Problem Statement. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 12(104), 171—175. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.26

9. Кобазова, Ю.В., Мамедова, Л.В. (2021). Роль детско-родительских отношений в формировании агрессивного поведения. *Современное педагогическое образование*, 10, 260—263. URL: https://elibrary.ru/mnysci (дата обращения: 22.06.2026).
   Kobazova, Yu.V., Mamedova, L.V. (2021). Role of child-parental relationship in the formation of aggressive behavior. *Modern Pedagogical Education*, 10, 260—263. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/mnysci (viewed: 22.06.2026).
10. Кулькова, Ж.Г., Федоров, В.В., Лазарев, А.И. (2026). Стандартизация методики «Подростки о родителях» (авторы — Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына, модификация Ж.Г. Кульковой, В.В. Федорова). *Вестник практической психологии образования, 23*(1), 144—163. https://doi.org/10.17759/bppe.2026230109
    Kulkova, Zh.G., Fedorov, V.V., Lazarev, A.I. (2026). Standardization of the methodology “Teenagers about parents” (authors — L.I. Wasserman, I.A. Gorkovaya, E.E. Romitsyna, modification by Zh.G. Kulkova, V.V. Fedorov). *Bulletin of Practical Psychology of Education, 23*(1), 144——163. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/bppe. 2026230109
11. Лечиева, М.И., Саидов, А.А., Буралова, Р.А. (2024). Детско-родительские отношения как предиктор личностного развития в юношеском возрасте. *Перспективы науки и образования*, 6(72), 575—595. https://doi.org/10.32744/pse.2024.6.35
    Lechieva, M.I., Saidov, A.A., Buralova, R.A. (2024). Child-parent relationships as a predictor of personal development in adolescence. *Perspectives of Science and Education*, 6(72). 575—595. (In Russ.). https://doi.org/10.32744/pse.2024.6.35
12. Разумова, Е.М., Ярыгина А.В. (2018). Связь семейных взаимоотношений и агрессивности подростков. *Азимут научных исследований: педагогика и психология, 7*(1), 27—35. URL: https://elibrary.ru/ytxqkv (дата обращения: 22.06.2026).
    Razumova, E.M., Yarygina, A.V. (2018). Interrelation of family relations and aggressiveness of adolescents. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, 7*(1), 27—35. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/ytxqkv (viewed: 22.06.2026).
13. Рассказова, И.Н. (2009). Влияние представлений подростков об отношении родителей к ним на уровень и формы их агрессии. *Вестник Омского юридического института*, 2(11), 105—108. URL: https://elibrary.ru/ojmntr (дата обращения: 22.06.2026).
    Rasskazova, I.N. (2009). The influence of adolescents' perceptions of their parents' attitudes toward them on the level and forms of their aggression. *Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2(11), 105—108. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/ojmntr (viewed: 22.06.2026).
14. Собкин, В.С., Федотова, А.В. (2019). Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт. *Психологическая наука и образование, 24*(2), 5—18. https://doi.org/10.17759/pse.2019240201
    Sobkin, V.S., Fedotova, A.V. (2019). Adolescent Aggression in Social Media: Perception and Personal Experience. *Psychological Science and Education, 24*(2), 5—18. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2019240201
15. Суворова, О.В., Никулина, Л.А. (2015). Особенности влияния материнского отношения на проявления агрессивности в подростковом возрасте. *Мир науки, культуры, образования*, 2(51), 313—315. URL: https://elibrary.ru/rzmxsq (дата обращения: 22.06.2026).

Suvorova, O.V., Nikulina, L.A. (2015). The effects of maternal relationship to the manifestation of aggressiveness in adolescence. *World of Science, Culture, Education*, 2(51), 313—315. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/rzmxsq (viewed: 22.06.2026).

16. Хломов, К.Д., Бочавер, А.А., Фоменко, М.С., Селиванова, Е.И., Шемшурин, А.А. (2022). Агрессия и автономия в подростковом возрасте. *Психологическая наука и образование, 27*(3), 117—128. https://doi.org/10.17759/pse.2022270309
Khlomov, K.D., Bochaver, A.A., Fomenko, M.S., Selivanova, E.I., Shemshurin, A.A. (2022). Aggression and Autonomy in Adolescence. *Psychological Science and Education, 27*(3), 117—128. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2022270309
17. Ядрышникова, Т.Л. (2015). Особенности отношения к родителям у подростков, имеющих проблемы в поведении (агрессивное поведение). *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*, 4(27), 43—50. URL: https://elibrary.ru/vxkxfr (дата обращения: 22.06.2026).
Yadryshnikova, T.L. (2015). Relationship features of teenagers who have behavioral problems towards their parents (aggressive behavior). Bulletin of Tuvan State University. Pedagogical Sciences, 4(27), 43—50. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/vxkxfr (viewed: 22.06.2026).
18. Cao, X., Liu, X. (2023). Understanding the Role of Parent–Child Relationships in Conscientiousness and Neuroticism Development among Chinese Middle School Students: A Cross-Lagged Model. *Behavioral Sciences, 13*(10), Article 876. https://doi.org/10.3390/bs13100876
19. Fang, S., Fosco, G., Redmond, C., Feinberg, M. (2022). Multivariate growth trajectories of parenting practices in adolescence predicting young adult relationships with parents. *Developmental Psychology, 58*(12), 2388—2400. https://doi.org/10.1037/dev0001443
20. Lanjekar P.D., Joshi S.H., Lanjekar P.D., Wagh V. (2022). The Effect of Parenting and the Parent-Child Relationship on a Child's Cognitive Development: A Literature Review. *Cureus, 14*(10), Article e30574. https://doi.org/10.7759/cureus.30574
21. Lougheed, J. (2019). Parent-Adolescent Dyads as Temporal Interpersonal Emotion Systems. *Journal of Research on Adolescence, 30*(1), 26—40. https://doi.org/10.1111/jora.12526
22. McAdams, T.A., Rijsdijk, F.V., Narusyte, J., Ganiban, J.M., Reiss, D., Spotts, E., Neiderhiser, J.M., Lichtenstein, P., Eley, T.C. (2017). Associations between the parent—child relationship and adolescent self-worth: a genetically informed study of twin parents and their adolescent children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, 58*(1), 46—54. https://doi.org/10.1111/jcpp.12600
23. Robson, D., Allen, M., Laborde, S. (2023). Parent personality traits and problem behavior in adolescence: The mediating role of adolescent personality. *Journal of Adolescence, 95*(5), 922—932. https://doi.org/10.1002/jad.12164
24. Zhang, W., Liu, T., Li, X., Zhang, S. (2021). Family relationships and DSM-5 personality domains in adolescence: A person- and variable-based approach. *Personality and Individual Differences, 172*(3), Article 110582. https://doi. org/10.1016/j.paid.2020.110582

Информация об авторах

Наталия Викторовна Власова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,

Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3452-1133, e-mail: l1025173@yandex.ru

Елена Леонидовна Буслаева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1913-9198, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Information about the authors

Nataliia V. Vlasova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3452-1133, e-mail: l1025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1913-9198, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Вклад авторов

Власова Н.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Буслаева Е.Л. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Nataliia V. Vlasova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Elena L. Buslaeva — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 08.07.2026
Поступила после рецензирования 26.08.2026
Принята к публикации 26.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.08
Revised 2026.08.26
Accepted 2026.08.26
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 189–207.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160311
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 189–207.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160311
ISSN 2222-5196 (online)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних

Л.М. Карнозова[1], **Д.Ю. Кормилицина**[1] ✉
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ kormilicina.d@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Программы восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних демонстрируют принципиальное отличие от привычных способов реагирования на противоправное поведение, что и определяет их действенность. Признание этого факта и распространение восстановительного подхода в сфере детства приводит к широкому использованию этого термина и одновременно к размыванию и деформации представлений о сути восстановительной парадигмы. В качестве критерия отнесения практик к этой парадигме предлагается понятие «восстановительный процесс», означающее обобщенный феномен, рождающийся в программах восстановительного правосудия, основной характеристикой которого являются специфические изменения, происходящие с участниками и в отношениях между ними. **Цель.** Построение рабочего понятия «восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия» и выявление условий, форм проявления и характеристик восстановительного процесса в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних. **Ключевой исследовательские вопрос:** что представляет собой восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних и каковы формы его проявления? **Методы и материалы эмпирического исследования.** В работе использованы качественные методы сбора и анализа данных: анализ семи кейсов восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних (case-study) и полуструктурированные интервью с четырьмя ведущими восстановительных программ. **Результаты.** Предложено рабочее понятие «восстановительный процесс», определены его ключевые характеристики, условия и препятствия для его реализации, а также особенности восстановительного процесса с участием несовершеннолетних. **Выводы.** Теоретическое разграничение понятий

© Карнозова Л.М., Кормилицина Д.Ю., 2026
CC-BY-NC

«восстановительная программа» и «восстановительный процесс» и феноменологическое описание восстановительного процесса позволили выделить трансформации, происходящие с участниками в ходе восстановительной программы, и сделать видимыми на микроуровне изменения в человеческих отношениях, стоящие за общим социальным смыслом восстановительного правосудия как парадигмы.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, восстановительный процесс, восстановительные программы, восстановительная медиация, правонарушения несовершеннолетних

Для цитирования: Карнозова, Л.М., Кормилицина, Д.Ю. (2026). Восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних. *Психология и право, 16*(3), 189—207. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160311

The restorative process in restorative justice programs for juvenile offense situations

L.M. Karnozova[1], **D.Yu. Kormilitsina** ✉
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ kormilicina.d@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Restorative justice programs for juvenile offenses demonstrate a fundamental difference from conventional responses to unlawful behavior, which accounts for their effectiveness. Recognition on this fact and the expansion of the restorative approach in the field of childhood has led to the widespread use of this term, while simultaneously blurring and distorting perceptions of the essence of the restorative paradigm in dealing with criminal and conflict situations. As a criterion of classifying practices under this paradigm, the concept of "restorative process" is proposed, the main characteristic of which is the specific transformations occurring in participants and in the relationships between them. **Objective.** To construct a working concept of the "restorative process in restorative justice programs" and to identify the conditions, forms of manifestation, and characteristics of the restorative process in restorative justice programs for juvenile offenses. Key research question: what constitutes the restorative process in restorative justice programs for juvenile offenses and what are its forms of manifestation? **Methods and materials of empirical research.** The study employed qualitative methods of data collection and analysis: an analysis of seven case studies of restorative programs for juvenile offenses and semi-structured interviews with four facilitators of restorative programs. **Results.** A working concept of the "restorative process" is formulated, its key characteristics, conditions, and obstacles to its implementation are identified, as well the specific features of the restorative process involving minors. **Conclusions.** Theoretical distinction between the concepts of "restorative program"

and “restorative process” and phenomenological description of the restorative process and its characteristics made it possible to identify the transformations occurring in participants during a restorative program and to render visible, at the micro-level, the changes in human relationships that underlie the broader social meaning of restorative justice as a paradigm.

Keywords: restorative justice, restorative process, restorative programs, restorative mediation, juvenile offenses

For citation: Karnozova, L.M., Kormilitsina, D.Yu. (2026). The restorative process in restorative justice programs for juvenile offense situations. *Psychology and Law, 16*(3), 189—207. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160311

Введение

Проблема подростковой преступности не теряет своей актуальности. За последние 10 лет, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их участии, сократилось более чем в 2 раза. Несмотря на общее снижение числа совершаемых подростками преступлений, стабильно высоким остается удельный вес несовершеннолетних, ранее совершавших противоправные деяния[1]. В качестве одной из альтернатив «традиционной карательной системе» в работе с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом, выступает восстановительное правосудие (далее — ВП) (Зер, 2002). Участие в программах ВП побуждает правонарушителей признать последствия своих действий, взять на себя ответственность и активно участвовать в заглаживании причиненного вреда, повышается удовлетворенность жертв, укрепляется сплоченность сообществ (Omowon, Kunlere, 2024).

Концепция ВП органично вплетается в контекст международных стандартов, ориентированных на перевоспитание и социальную реинтеграцию несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом[2]. В России формирование практики ВП связано с деятельностью Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (1997—2022) и Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации[3]. Этим общественным объединениям во взаимодействии с судами, правоохранительными органами и региональными системами профилактики правонарушений несовершеннолетних удалось в ряде регионов организовать работу по проведению программ ВП: выделены рамочные положения относительно восстановительного подхода и возможностей его реализации[4], разработаны организационные

[1] *Портал правовой статистики*. [б. г.]. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.05.2026).

[2] *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)*. [б. г.]. Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 20.05.2026).

[3] Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). [б. г.]. URL: https://rj-rus.ru/ (дата обращения: 20.05.2026).

[4] *Стандарты восстановительной медиации.* (2009). Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: https://rj-rus.ru/стандарты-восстановительной-медиаци/стандарты-восстановительной-медиац-2/ (дата обращения: 20.05.2026).

формы, методы и методики работы ведущих восстановительных программ [5] и способы включения и распространения новой практики (Карнозова, 2024; Карнозова, Максудов, 2006; Максудов, 2009).

Применение программ ВП в Российской Федерации не регламентируется специальным законом, но и не противоречит действующему законодательству в области детства, а также уголовному и уголовно-процессуальному законодательству (Карнозова, 2024). Закон предусматривает возможность прекращения дел за примирением сторон по преступлениям небольшой и средней тяжести, если оно совершено впервые (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ), а по более тяжким преступлениям предусмотрено смягчение наказания в случае заглаживания вреда (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Программы ВП фактически оказываются механизмом реализации существующих норм, однако в силу отсутствия специального закона проводятся лишь в нескольких регионах[6]. Поэтому «примирение», допускающее официальное прекращение уголовного дела, происходит не только в программах ВП и в большинстве случаев ограничивается финансовым возмещением вреда. Если речь идет о преступлениях несовершеннолетних, это делают родители. В отличие от этого в программах ВП создаются условия для получения правонарушителем в психологически безопасной атмосфере обратной связи от жертвы о фактических последствиях его действий, тем самым открывается возможность осознания вины и занятия подростком ответственной позиции. Программы ВП добровольны для обеих сторон. Жертве они дают возможность восстановить нарушенные права, отношения и ощущение справедливости. Участники ситуации сами являются субъектами принимаемых решений (Зер, 2002; Карнозова, 2024; Кристи, 1999; Максудов, 2009).

В Резолюции 2002/12 Экономического и Социального Совета ООН, принятой 24 июля 2002 года «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия»[7], введено понятие восстановительного (реституционного) процесса: это «…любой процесс, в котором жертва и правонарушитель и, в соответствующих случаях, любые другие лица или члены общины, пострадавшие от какого-либо преступления, активно участвуют в совместном урегулировании вопросов, возникающих в связи с преступлением, как правило, при помощи посредника. Реституционные процессы могут включать в себя совместную деятельность по посредничеству, переговорам и назначению наказания»[8]. Такое определение восстановительного процесса выступило в качестве рамочного обозначения различных форм и программ восстановительного правосудия и аналогичным образом используется в других международных документах и зарубежных исследованиях (Chapman, Laxminarayan, Vanspauwen, 2021; Liebmann, 2007; Suzuki, 2022), но не указывает на характер процессов, происходящих *с самими участниками*. Что происходит? Какие психологические механизмы запускаются? Как они связаны с достижением восстановительных результатов и

[5] Далее в тексте — ведущий. Это специально обученный специалист, который проводит восстановительные программы.

[6] *Общественный мониторинг деятельности служб примирения*. [б. г.]. Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: https://rj-rus.ru/articles/мониторинг-деятельности-служб-прими/ (дата обращения: 20.05.2026).

[7] *Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия*. (2016). Организация Объединенных Наций. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

[8] В оригинальном тексте “sentencing circles”— круги по вынесению приговора.

каковы условия их достижения? Это и многое другое выходит на первый план в практике проведения программ ВП. В отличие от судебных процедур, где поведение сторон жестко регламентировано процессуальными нормами, участники программ ВП погружаются в ситуации, требующие самостоятельного осмысления случившегося и совместного поиска решений выхода из ситуации. Действия участников вариативны и непредсказуемы, а исход во многом зависит от того, как ведущий понимает происходящее. В рамках нашего исследования термином «восстановительный процесс» мы обозначили обобщенный феномен, указывающий на *внутреннюю динамику восстановительной программы* — изменения, происходящие с участниками и в отношениях между ними.

В исследовании 1996 г. на основании наблюдений за несколькими общинными конференциями ВП в Австралии показано, что ключевым аспектом встречи сторон является ее эмоциональное измерение, процесс не материального, а символического возмещения, проявляющийся в динамике эмоций и отношений между участниками. Исследователями выделены собственно восстановительные элементы взаимодействия сторон, названные «восстановительными действиями»: выражение раскаяния и стыда со стороны правонарушителя и ответный шаг жертвы на пути к прощению. «Несмотря на то, что эмоциональный обмен, составляющий основу “восстановительных действий”, может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений… чрезвычайно важно уравнять в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации. Если этого не сделать, [восстановительные] конференции в конце концов окажутся лишь немногим лучше традиционного судебного процесса» (Рецинджер, Шефф, 2001). В основе понимания сути восстановительных действий лежит теория разделения практик клеймящего и воссоединяющего устыжения (Брейтуэйт, 2002; Зер, 2017). Эти работы проложили путь для изучения специфических процессов, происходящих в программах ВП.

Сегодня можно говорить о множестве исследований, по большей части зарубежных, касающихся изучения отдельных феноменов и процессов: прежде всего извинения и прощения (Иванов, 2026; Liebmann, 2007; Omowon, Kunlere, 2024; Suzuki, 2022). Изучались психологические характеристики подросткового и юношеского возраста, которые указывают на необходимость учитывать их в конструкции восстановительных программ с участием несовершеннолетних, а также проявлять гибкость и чуткость при их проведении. Несовершеннолетние могут испытывать трудности с выражением эмоций из-за сочетания таких факторов, как недостаток эмоционального интеллекта, негативный опыт, страх показаться слабыми, неумение выражать чувства, отсутствие доверительных отношений (Handbook on Restorative Justice Programmes, 2020). При этом в большинстве проанализированных эмпирических исследований основное внимание уделяется правонарушителю и жертве при игнорировании участия ближайшего окружения, в то время как родители и другие близкие являются важнейшими субъектами восстановительного процесса в ситуациях, касающихся несовершеннолетних.

Наша исходная идея состоит в разделении понятий восстановительной программы как процедуры (восстановительная медиация, круг сообщества, семейная групповая конференция, общинная конференция) и происходящего там восстановительного процесса как обобщенного феномена в отличие от локальных «восстановительных действий» и других проявлений. В проанализированных источниках мы фокусировались на характеристиках, составных частях и

проявлениях этого внутреннего для восстановительных программ процесса. В результате удалось выделить ряд общих положений, касающихся сущности, субъектов, элементов и внутренней динамики восстановительного процесса.

Одной их важнейших характеристик восстановительного процесса является его полисубъектность. Его содержание и результаты складываются из действий широкого круга участников: жертвы, правонарушителя, их родителей, представителей ближайшего окружения, специалистов, взаимодействующих с семьей и несовершеннолетним. Ведущий организует пространство для диалога и обеспечивает его безопасное течение.

Структура восстановительного процесса включает последовательность взаимосвязанных элементов: голос жертвы, стыд, извинение, выражение прощения как возможный, но не обязательный исход диалога.

Целью эмпирической части нашего исследования стало уточнение и дополнение понятия восстановительного процесса и выявление условий, форм его проявления и характеристик. ***Ключевой исследовательский вопрос:*** что представляет собой восстановительный процесс в программах восстановительного правосудия по ситуациям правонарушений несовершеннолетних и каковы формы его проявления? В ходе работы появились уточняющие вопросы: Каковы условия возможности восстановительного процесса? Каковы средства ведущего в создании условий для восстановительного процесса? Что препятствует восстановительному процессу в программах ВП по ситуациям правонарушений несовершеннолетних?

Материалы и методы

Эмпирическое исследование включает два блока.

1. Анализ восстановительных программ по ситуациям правонарушений с участием несовершеннолетних — кейс-стади (case-study).
2. Полуструктурированное интервью с ведущими восстановительных программ.

В качестве материала кейс-стади проанализированы 7 восстановительных программ: 2 проведены одним из авторов статьи, Д.Ю. Кормилициной (использовалось описание программ), и 5 программ, проведенных другими ведущими территориальных служб примирения и ставших предметом обсуждения на семинарах в рамках обучающего курса по восстановительному правосудию в 2024 г. в Алтайском крае (использована видеозапись и стенограмма семинара).

Все кейсы представляют собой восстановительную медиацию между несовершеннолетним правонарушителем и жертвой. Основные этапы программы таковы: проводится сначала предварительная встреча ведущего с правонарушителем, затем — с жертвой, затем — общая встреча сторон. Если участниками ситуации являются несовершеннолетние, в программе ВП обязательно участвуют их родители или иные законные представители.

Для структурирования описания кейсов разработана форма и схема анализа, направленная на выделение ключевых элементов восстановительного процесса в соответствии с основными этапами программы ВП: фиксируется, что происходит на каждом этапе с каждым из участников и во взаимодействиях между ними. Отдельное внимание уделено инструментам и приемам ведущего для запуска, организации и поддержания восстановительного процесса. Материал каждого кейса первоначально структурировался в отдельной таблице, где по

каждому этапу выделены: событие/действия участников; приемы/инструменты ведущего; субъект действия; субъект эмоции/состояния; комментарий. Для дальнейшей обработки материала использовались элементы феноменологического описания (Бусыгина, 2026).

Для проведения полуструктурированного интервью с ведущими разработан гайд, ориентированный на изучение их опыта в работе со случаями правонарушений несовершеннолетних. Гайд включает вопросы о профессиональном опыте респондента, а также содержательные блоки: понимание ведущим характеристик восстановительного процесса, его этапов, условий запуска, возникающих барьеров. В гайде 25 вопросов. Обработка данных осуществлялась методом тематического анализа, позволяющего выделить устойчивые смысловые паттерны в высказываниях респондентов и систематизировать их в соответствии с исследовательскими задачами. Выборку для интервью составили 4 ведущих из различных регионов (Архангельской области, Пермского края, Волгоградской области, Алтайского края). Критерии включения в выборку: прохождение курса обучения восстановительным технологиям, наличие опыта проведения восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних, действующий статус ведущего восстановительных программ.

Результаты

Анализ кейсов. Результаты анализа кейсов восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних позволили выделить как общие, так и уникальные характеристики восстановительного процесса.

Рассмотренные кейсы юридически относятся к трем категориям правонарушений: преступления (1, 6, 7-й кейсы); причинение вреда при недостижении несовершеннолетним возраста административной ответственности (4, 5-й кейсы); общественно опасные деяния (ООД), не влекущие привлечения к уголовной ответственности из-за недостижения возраста уголовной ответственности (2, 3-й кейсы). В зависимости от объекта посягательства все кейсы можно разделить на две группы: пять случаев связаны с физическим насилием (драки, побои, причинение вреда здоровью), два случая относятся к посягательствам на чужое имущество (кража). Возраст правонарушителей — от 11 до 15 лет, большинство из них мальчики. В качестве пострадавших выступили несовершеннолетние мальчики в возрасте от 10 до 15 лет; взрослые, относящиеся к категории социально незащищенных граждан; юридическое лицо (сетевой магазин).

В пяти кейсах мы фиксируем наличие восстановительного процесса, завершившегося подписанием примирительного договора, в двух кейсах восстановительный процесс не состоялся.

В приведенных ниже фрагментах описаний выделены ключевые моменты, ставшие катализаторами либо, напротив, препятствием для восстановительного процесса. Каждому кейсу мы дали название, которое позволяет в обобщенном виде связать описание случая с той или иной конкретной ситуацией и характеристикой восстановительного процесса. Имена участников изменены.

1. «Обыкновенная история». После окончания уроков между одноклассниками (15 лет) возникла перепалка, в ходе которой Александр кулаком ударил Романа в челюсть. Попытка урегулирования конфликта социальным педагогом в школе усугубила ситуацию и подтолкнула отца потерпевшего к юридическому противостоянию. В отношении Александра

возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 112 УК РФ (умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести). Восстановительный процесс развернулся вопреки длительному перерыву между случившимся и проведением восстановительной программы, а также первоначально амбивалентной позиции жертвы. Родители подростков положительно отнеслись к идее проведения примирительной встречи, но выбор оставили за ребятами. Запуск восстановительного процесса произошел благодаря инициативе правонарушителя после предварительных встреч с ведущим: он сам предложил потерпевшему встретиться. Подростки в ходе восстановительной программы на встрече обсудили причины случившегося, оба признали свою ответственность и выработали конкретные шаги по заглаживанию вреда. Уголовное дело прекращено в суде за примирением сторон.

2. «Камушек в ботинке». 13-летняя Арина после переезда к отцу (мать погибла в ДТП) похищала деньги с кредитной карты отца — всего 150 тыс. руб., которые потратила на одежду и телефон. Отец обратился в полицию. Ввиду недостижения возраста уголовное дело не было возбуждено, семья поставлена на учет в КДНиЗП. Взаимоотношения между отцом и дочерью практически отсутствовали (жили под одной крышей, но не общались), у отца имелись серьезные проблемы со здоровьем (инвалидность), накопился долг по кредитной карте. Проводившаяся после постановки Арины на учет в КДНиЗП индивидуальная профилактическая работа не затрагивала эмоционального разрыва между отцом и дочерью. В ходе восстановительной медиации произошла трансформация от полной коммуникативной изоляции к способности общаться, совместно обсуждать семейные трудности и принимать взаимные обязательства. Преодоление первоначальной закрытости девочки стало возможным благодаря использованию ведущим метафоры конфликта как «камушка в ботинке», актуализировавшей потребность в разрешении ситуации. Восстановительный процесс начался с рассказа отца о том, что он пережил. Это вызвало у девочки сильный эмоциональный отклик и чувство стыда. В итоге она добровольно взяла на себя конкретные обязательства по заглаживанию причиненного вреда, а в семье появилась возможность разговаривать и открыто обсуждать возникающие трудности.

3. «Новый уровень — “дружба”». Двое несовершеннолетних друзей (12 лет и 11 лет) напали на перемене в школьном туалете на незнакомого мальчика (10 лет). Родители пострадавшего написали заявление в полицию. Состоялось судебное заседание о помещении правонарушителей в центр временного содержания (отказано в помещении); родители обидчиков возместили материальный ущерб и наказали своих детей, в КДН и ЗП проведена «индивидуальная профилактическая работа». Однако психологические последствия произошедшего остались без внимания. Мотивация к диалогу у одного из правонарушителей связана с переживанием вины и потребностью в извинении перед жертвой. У второго правонарушителя мотивацией к участию в программе ВП был страх утраты отношений со своим другом. В ходе проведения совместной встречи у всех ребят (правонарушителей и жертвы) обнаружились общие интересы, и они стали вместе планировать досуг. Изменилась и позиция родителей относительно своих «воспитательных мер».

4. «Накопленная обида». Двое пятнадцатилетних юношей, которые прежде были друзьями, поссорились из-за места за последней партой. Стас, разозлившись, толкнул Данила и нанес ему несколько ударов кулаком в лицо. В действиях Стаса усматривался факт административного правонарушения (побои), однако он не достиг возраста административной ответственности. До программы ВП ребята уже помирились самостоятельно, но это не сняло

скрытого напряжения. Организованная ведущим восстановительная коммуникация позволила вскрыть накопленные обиды подростков, предотвратить назревавший конфликт матерей и постановку правонарушителя на профилактический учет. В данном кейсе восстановительный процесс представляет собой углубленную коммуникацию, направленную на анализ причин конфликта, выявление накопленных обид и признание сторонами взаимной ответственности.

5. «Дыра в заборе». Конфликт между соседями в селе. Виктор Александрович, пенсионер, в чей огород из-за дырки в заборе проникли куры, в грубой форме сделал замечание соседке — владелице домашних птиц. Ее сын, 15-летний Максим, после того как сосед оскорбил и его, нанёс мужчине удар кулаком по лицу, а когда тот упал — ударил по телу. В действиях Максима усматривался факт административного правонарушения (побои), но из-за недостижения возраста он не был привлечен к административной ответственности. Инициированная КДН и ЗП профилактическая работа не привела к позитивным изменениям. От восстановительной программы Виктор Александрович отказался, но благодаря настойчивости ведущей и поддерживающей, но не оправдывающей позиции матери Максима совместная встреча состоялась. К восстановительному процессу подтолкнули слова подростка: «мне обидно за маму, Вы постоянно ее оскорбляете, я устал это слушать». Сосед вдруг «увидел» и услышал молодого человека: «молодец, что за мать заступаешься». В стене взаимной враждебности появилась брешь, открывшая путь к нормальной коммуникации между соседями.

6. «Письмо без ответа». Маргарита (15 лет) тайно похитила продукты питания из магазина на сумму 3675 руб. Возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража). В ходе восстановительной программы ведущему стало известно, что семья ранее состояла на учете в КДН и ЗП (полгода) по причине неисполнения родителями обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетней (Маргарита пропускает уроки, родители злоупотребляют алкоголем). Директор, выступающая от лица магазина, не понесла материального или морального ущерба от преступления, не была заинтересована в участии в восстановительной программе. Ведущая предложила девочке написать письмо с извинениями. Мама Маргариты выразила готовность возместить ущерб. Для нее оплата ущерба стала достаточным действием, чтобы снять ответственность с дочери. Маргарита, которая поначалу испытывала чувство стыда и страха перед директором магазина, фактически осталась в стороне от процесса возмещения ущерба, как символического, так и материального. Ее «восстановительным действием» стало довольно формальное написание письма, в котором она объяснила причины правонарушения и попросила прощения у директора магазина. Стыд не перерос в готовность принять ответственность и внести посильный вклад в заглаживание вреда. Письмо не компенсировало отсутствие личного контакта сторон. Восстановительная программа свелась к внешнему урегулированию юридических последствий. Уголовное дело в суде прекращено за примирением сторон, но восстановительный процесс не произошел. Материальное возмещение ущерба родителем и написание письма с извинениями не привели к рефлексии девочки и ее мамы.

7. «Удар левой». Между Петром (15 лет) и Андреем (15 лет) произошла драка во дворе школы. Петр нанес удар кулаком в область переносицы Андрея, после того как тот толкнул его. Зафиксирован перелом носа, потребовалась операция. В отношении Петра возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 112 УК РФ. На первую предварительную встречу Петр пришел с мамой, был активен, излагал свою версию событий, демонстрировал самоуверенность и

агрессию по отношению к Андрею, признал факт участия в драке, но отрицал связь между своим ударом и переломом носа: «перелом не мог произойти от удара левой рукой». Он заявил, что «все сделал правильно, повторил бы». Мать подростка выражала тревогу и страх за будущее сына, но во многом была солидарна с его позицией. На вторую предварительную встречу Петр пришел с отцом. Подросток принял закрытую позу, опустил голову, положив ее на стол, отказался взаимодействовать с ведущими, на протяжении всей встречи ограничивался фразой «Я ничего не говорил, такого не было». Отец занял достаточно активную и отчасти агрессивную позицию, требовал вести диалог только с ним, говорил, скорее, языком позиции, выработанной адвокатом. От участия в восстановительной встрече отец отказался. Однако в суде родители Петра выплатили компенсацию потерпевшей стороне, и уголовное дело было прекращено за примирением. Но такое «примирение» не привело к переосмыслению случившегося со стороны правонарушителя и его родителей. Спустя два месяца после окончания судебного разбирательства в территориальную службу примирения поступила заявка из КДН и ЗП, где правонарушителем снова значился Петр. Родители не изменили свою модель поведения в отношении сына. Они, как и раньше, перекладывали вину и ответственность на окружающих и школу.

Анализ интервью. По итогам анализа выделено несколько основных тем, раскрывающих понимание ведущими важнейших характеристик восстановительного процесса в программах ВП по ситуациям правонарушений несовершеннолетних (табл. 1).

Табл. 1 / Table 1

Результаты анализа интервью ведущих восстановительных программ
Results of the analysis of interviews with facilitators of restorative justice program

Темы	Результаты тематического анализа
1. Сущность восстановительного процесса / Core nature of the restorative process	Это внутренние изменения участников, включающие принятие ответственности правонарушителем, исцеление потерпевшего через высказывание боли, восстановление способности слышать и понимать друг друга. Он разворачивается от восстановления событий к осознанию последствий и совместному конструированию будущего и может продолжаться после завершения программы / It pertains to internal changes of the participants, including the acceptance of responsibility by the offender, healing of the victim through expressing pain, restoring the ability to hear and understand each other. It unfolds from the reconstruction of events to the realization of consequences and the joint construction of the future. Restorative process can continue after the completion of the program
2. Условия запуска восстановительного процесса / Conditions for initiating the restorative process	Организационные: предварительные встречи, согласие родителей / Organizational: preliminary meetings, parental consent Психологические: признание правонарушителем причастности, безопасная атмосфера, выход участников на эмоциональные переживания, без которого не возникает необходимая внутренняя динамика / Psychological: the offender's recognition of involvement, a safe atmosphere, the participants' access to emotional experiences, which is essential for the necessary internal dynamics

3. Роль ближайшего окружения / The role of the immediate environment	Родители выступают «первыми воротами»: без их согласия участие подростка невозможно / Parents act as the "first gate": without their consent, a teenager's participation is impossible Позиция родителей (агрессивно-обвинительная, беспомощная или поддерживающая) транслируется ребенку и определяет его готовность к диалогу / The parents' position (aggressively accusatory, helpless, or supportive) is transmitted to the child. It determines a child's readiness to engage in dialogue Значимое влияние оказывают сверстники — страх потери авторитета сдерживает искренность подростка / Peers have a significant influence — the fear of losing authority holds back the sincerity of a teenager
4. Роль специалистов / The role of specialists	Специалисты могут как помогать, так и препятствовать восстановительному процессу / Specialists can both support and impede the restorative process Адвокаты часто ориентированы на состязательность, педагоги и психологи — на экспертную позицию, что провоцирует защитную реакцию у участников / Lawyers are often oriented toward adversarial approaches, whereas educators and psychologists tend to adopt an expert stance, which can provoke a defensive reaction among participants При привлечении специалиста нужна предварительная встреча с ним, в ходе которой нужно объяснить цели и принципы ВП и договориться о роли специалиста на совместной встрече / When engaging a specialist, it is better to have a preliminary meeting with him to explain the goals and principles of Restorative Justice and agree on the role of the specialist at a joint meeting
5. Факторы, препятствующие восстановительным процессам / Factors hindering restorative processes	Психологические: отрицание вины правонарушителем, нежелание потерпевшего проживать травмирующую ситуацию вновь, позиция родителей / Psychological: denial of guilt by the offender, unwillingness of the victim to relive the traumatic situation, the parents' position Организационные: несвоевременное поступление заявок, сжатые сроки проведения ВП / Organizational: untimely submission of applications, short deadlines for the implementation of Restorative Justice Системные: отсутствие федерального законодательства, дефицит обученных кадров, деструктивная позиция специалистов / Systemic: lack of federal legislation, shortage of trained personnel, destructive position of specialists
6. Инструменты и средства ведущего / The RJ facilitator's tools and methods	Средства и приемы / Tools and techniques: на предварительных встречах — безоценочное слушание, фиксация значимых деталей в рабочей документации / at preliminary meetings, a non-evaluative hearing is conducted, with significant details recorded in the working documentation;

	в ходе совместной встречи — рефрейминг, эхо-техника, «я-сообщения» / during the joint meeting, techniques such as reframing, the echo technique, and “I-messages” are employed При затруднении устной речи применяются письменные и изобразительные формы / If oral communication proves difficult, written and visual formats can be used
7. Этапы восстановительного процесса / Stages of the restorative process	Первый вариант — организационная модель процесса: получение информации, предварительные встречи, совместная встреча, отслеживание результатов / The first option is an organizational model of the process: information gathering, preliminary meetings, a joint meeting, and follow-up on results Второй вариант — этапы психологических изменений участников: восстановление событий, проживание ситуации, осознание ответственности, совместное обсуждение будущего / The second option outlines the stages of participants’ psychological change: reconstructing the events, processing the situation, recognizing responsibility, and jointly discussing the future
8. Компоненты восстановительного процесса / Components of the restorative process	Стыд и раскаяние / Shame and remorse Проявления — невербальные признаки (опущенный взгляд, слезы, паузы, изменение позы) и искренние высказывания о чувствах. Извинение как добровольный акт не сводится к ритуальной форме, может выражаться в устной, письменной или изобразительной форме / They can be seen in nonverbal cues (averted gaze, tears, pauses, changes in posture) and sincere expressions of feeling. An apology, as a voluntary act, is not reduced to a ritual formula and may be conveyed orally, in writing, or through visual means Прощение не является обязательным итогом программы, а выступает личным правом потерпевшего / Forgiveness is not a required outcome of the program; rather, it remains a personal right of the victim
9. Навыки и качества ведущего восстановительных программ / Skills and qualities of an RJ program facilitator	Профессиональные навыки: знание законодательства и возрастной психологии, регулярная практика, участие в супервизиях / Professional skills: knowledge of legislation and developmental psychology, regular practice, participation in supervision Личностные качества: нейтральность, умение удерживать позицию ведущего, способность слушать и молчать, эмоциональная устойчивость, эмпатия / Personal qualities: neutrality, the ability to maintain the facilitator’s role, the capacity to listen and remain silent, emotional stability, empathy
10. Признаки эффективности проведенной восстановительной программы / Signs of the restorative	Признаки: эмоциональное облегчение участников, изменение их взаимодействия (рукопожатия, совместное обсуждение будущего), изменения в восприятии конфликта (другая сторона перестает восприниматься как враг) / Indicators include participants’ emotional relief, changes in their interaction (such as handshakes and joint discussion

program effectiveness	of the future), and shifts in their perception of the conflict (the other party is no longer viewed as an adversary) Важный ориентир — долгосрочная динамика: отсутствие повторных правонарушений, устойчивость достигнутых изменений / A key sign is long-term progress: the absence of new offenses and the durability of the changes achieved

Обсуждение результатов

Обобщая содержание, выделенное в рамках анализа кейсов и интервью с ведущими, мы можем выделить ключевые характеристики восстановительного процесса в программах ВП по ситуациям правонарушений несовершеннолетних.

Восстановительный процесс представляет собой живую динамику изменений в восприятии и понимании ситуации, эмоциональном состоянии и поведении участников, которая разворачивается в ходе восстановительной программы. Этот процесс предполагает постепенную трансформацию первоначальных установок и состояний участников (отрицание, страх, обвинительная или оправдательная позиция) и переход к взаимному пониманию мотивов, потребностей и чувств друг друга, прояснению негативных последствий случившего, формированию и углублению рефлексии: у несовершеннолетнего правонарушителя — к проживанию им чувства стыда, добровольному совершению действий по заглаживанию вреда; у потерпевшего — к снижению эмоционального напряжения, получению ответов на значимые вопросы, восстановлению чувства безопасности, удовлетворенности результатами; у родителей правонарушителя — к снижению чувства стыда за противоправный поступок ребенка, в отдельных случаях — к восстановлению утраченной коммуникации с ним и изменению стратегии воспитания; у родителей несовершеннолетних жертв — к ощущению безопасности ребенка; у специалистов снижается выраженность установки на контроль и оценивание, восприятие смещается к ориентации на понимание опыта и обстоятельств участников ситуации.

Восстановительный процесс и восстановительная программа не являются тождественными понятиями: программа задает процедурные рамки, а процесс представляет собой ее психологическое содержание, динамику изменений, происходящих с участниками и в отношениях между ними. Восстановительная программа может быть проведена в соответствии со всеми методическими требованиями и соблюдением принципов ВП, но при этом восстановительный процесс может не развернуться, если у сторон не возникает рефлексивного осмысления ситуации и взаимопонимания.

Восстановительная программа как организуемая ведущим процедура имеет определенные временные границы, тогда как восстановительный процесс не ограничивается этим, поскольку внутренние изменения участников могут продолжаться, как между теми или иными этапами восстановительной программы, так и после ее завершения. В данном исследовании мы не ставили цель рассмотреть процессы, происходящие за пределами восстановительной программы. Но в самой программе мы обнаружили, что в структуре восстановительного процесса присутствуют как «видимые» компоненты, которые можно зафиксировать в ходе индивидуальных или общих встреч, так и «невидимые», которые указывают на наличие особых — «промежуточных» — фаз восстановительного процесса внутри программы, но уже за стенами комнаты, где она проводится. Эмпирически результаты этих «промежуточных фаз»

становятся видны ведущему, когда участник приходит на следующую встречу. Эти фазы могут разворачиваться как в восстановительном направлении, так и в противоположном (это отчетливо иллюстрируется кейсами 1 и 7), либо иметь амбивалентный характер. Результаты промежуточных фаз связаны со сложностью структуры восстановительного процесса (эмоциональные реакции, осмысление, обсуждения с близкими, колебания и пр.). В «промежуточных фазах» речь идет об индивидуальных или семейных «руслах» процесса. В ходе взаимодействия сторон на этапе общей встречи индивидуальные линии смыкаются, структура восстановительного процесса усложняется в ходе коммуникации между сторонами.

Важнейшей характеристикой восстановительного процесса в программах ВП с участием несовершеннолетних является его полисубъектность, т.е. вовлеченность в процесс широкого круга участников: несовершеннолетнего правонарушителя, жертвы, родителей несовершеннолетних, ближайшего окружения, специалистов органов системы профилактики, адвокатов. Каждый вносит специфический вклад либо в достижение восстановительного результата, либо в его блокировку. Ведущий занимает особое место. Он организует пространство для диалога и при необходимости, используя коммуникативные приемы (рефлексивные вопросы, метафоры), создает условия, в которых участники могут посмотреть на произошедшее с другой точки зрения, увидеть вместо социальной роли живого человека, сформировать новое понимание о том, что произошло и как быть дальше. Полисубъектность — это не «сумма» индивидуальных позиций, а диалог, взаимодействие, рефлексивная коммуникация, в которой происходит смыслообразование, позволяющее найти выход в конкретной ситуации.

Отдельного внимания заслуживает позиция родителей как условие запуска и реализации восстановительного процесса с участием несовершеннолетних и одновременно как препятствие. Выступая центральным звеном, определяющим саму возможность участия несовершеннолетнего в восстановительной программе, родители передают ребенку свои установки и эмоциональный настрой, которые в совокупности формируют готовность или неготовность несовершеннолетнего к восстановительному диалогу, переживанию или переосмыслению случившегося. Позиция родителей во многом определяет специфику развертывания восстановительного процесса в восстановительной программе и влияет на ее исход.

Главным условием возможности восстановительного процесса выступает специально организованная восстановительная программа. Виды восстановительных программ различаются организационным устройством, процедурами и составом участников, при этом все они предназначены для запуска и реализации восстановительного процесса. Сопоставление с другими практиками реагирования на правонарушения несовершеннолетних по проанализированным кейсам (рассмотрение дела в суде, профилактические меры, осуществляемые КДН и ЗП, стандартные воспитательные меры школы) и с «естественным примирением» показало, что восстановительный процесс стал возможен только в рамках специально организованной ведущим восстановительной процедуры. Средствами ведущего в создании необходимых условий выступают, в первую очередь, устройство самой программы, а также коммуникативные техники и приемы, собственная способность к пониманию того, что происходит, как с самими участниками, так и во взаимодействиях между ними, «восстановительная чувствительность», гибкость, умение слушать.

Факторы, препятствующие запуску и реализации восстановительного процесса, условно можно разделить на три группы: психологические — отрицание вины правонарушителем, нежелание пострадавшей стороны возвращаться к травмирующей ситуации, агрессивно-обвинительная или беспомощная позиция родителей; организационные — несвоевременное поступление заявок в службу примирения из комиссий по делам несовершеннолетних и судов, сжатые сроки проведения восстановительной программы; системные — отсутствие федерального законодательства в области применения ВП, дефицит кадров, обученных восстановительным практикам, деструктивная позиция специалистов, особенно педагогических работников и юристов.

Заключение

В ходе эмпирического исследования удалось уточнить и дополнить содержание рабочего понятия «восстановительный процесс», выделить его сущностные характеристики и отличия от восстановительной программы как процедуры, определить основные условия возможности его запуска и реализации. Восстановительный процесс — это обобщенный феномен, рождающийся в программах ВП, основной характеристикой которого являются изменения, происходящие с участниками и между ними: от отчуждения к диалогу, от враждебности к пониманию, от эмоций к рефлексии, от пассивности к субъектности, от закрытости к совместности, от тупика к решению. Феноменологическое описание восстановительного процесса позволило выделить трансформации, происходящие с участниками в ходе восстановительной программы, и сделать видимыми на микроуровне изменения в человеческих отношениях, стоящие за общим социальным смыслом восстановительного правосудия как парадигмы. Подобные изменения свидетельствуют о самоценности восстановительного процесса безотносительно к тем или иным критериям эффективности.

Перспективой дальнейших исследований является более детальное изучение роли родителей и ближайшего окружения несовершеннолетних в программах ВП и их влияние на специфику развертывания восстановительного процесса. Отдельного внимания заслуживает изучение «невидимых фаз».

Наличие или отсутствие восстановительного процесса в программах ВП может рассматриваться в качестве *критерия восстановительности практики*. По итогам проведенного исследования стала очевидна необходимость в более детальном изучении восстановительного процесса как в программах по ситуациям правонарушений, так и по иным ситуациям.

В нашем исследовании удалось показать, что восстановительный процесс в работе с ситуациями правонарушений раскрывает зоны ближайшего развития несовершеннолетних. Отсюда в качестве теоретической перспективы мы видим опору на культурно-историческую концепцию развития. Важно рассмотреть восстановительную программу не только как инструмент урегулирования криминальных и конфликтных ситуаций, трансформации отношений между конкретными участниками, т. е. решения локальных задач, но и как социальную ситуацию развития несовершеннолетних, где восстановительный процесс может стать системообразующим.

Ограничения. В качестве респондентов для интервью были привлечены только ведущие, но не было самих участников восстановительных программ. В качестве метода исследования не использовалось внешнее наблюдение, что ограничило фиксацию восстановительного

процесса в реальном времени. Кроме того, содержащийся в кейсах эмпирический материал касался только восстановительной медиации. Поэтому исследовательский интерес вызывает проявление восстановительного процесса в других видах восстановительных программ и по иным конфликтным ситуациям (школьные, семейные конфликты).

Limitations. Only facilitators were recruited as respondents for the interviews, while the participants of the restorative programs themselves were not included. Observation was not used as a researched method, which limited the recording of the restorative process in real time. Furthermore, the empirical material contained in the case studies primarily concerned restorative mediation. Therefore, further research interest lies in the manifestation of the restorative process in other types of restorative programs and in other conflict situations (school conflicts, family conflicts).

Список источников / References

1. Бусыгина, Н.П. (2026). *Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов.* М.: Юрайт.
   Busyguna, N.P. (2026). *Qualitative and quantitative research methods in psychology: A textbook for universities.* Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
2. Брейтуэйт, Дж. (2002). *Преступление, стыд и воссоединение.* Пер. с англ. М.: Центр «Судебно-правовая реформа».
   Braitwaite, J. (2002). *Crime, shame and reintegration.* Trans. from Engl. Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center Publ. (In Russ.).
3. Зер, Х. (2002). *Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание:* Пер. с англ. (Л.М. Карнозова, общ. ред.). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
   Zehr, H. (2002). *Restorative justice: A new focus on crime and punishment*: Trans. from Engl. (L.M. Karnozova, ed.). Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center Publ. (In Russ.).
4. Зер, Х. (2017). Стыд и восстановительные процессы. *Вестник восстановительной юстиции*, 14, 6—7. URL: https://elibrary.ru/zxmyvj (дата обращения: 25.05.2026).
   Zehr, H. (2017). Shame and restorative processes. *Bulletin of Restorative Justice*, 14, 6—7. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zxmyvj (viewed: 25.05.2026).
5. Иванов, Е.П. (2026). Качественное исследование феномена прощения в восстановительном подходе по разрешению школьных конфликтов. *Вестник восстановительной юстиции*, 18, 87—97. URL: https://elibrary.ru/eoobak (дата обращения: 25.05.2026).
   Ivanov, E.P. (2026). A qualitative study of the phenomenon of forgiveness in a restorative approach to resolving school conflicts. *Bulletin of Restorative Justice*, 18, 87—97. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/eoobak (viewed: 25.05.2026).
6. Карнозова, Л.М. (2024). *Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): Монография.* М.: Проспект. URL: https://elibrary.ru/icghnf (дата обращения: 25.05.2026).
   Karnozova, L.M. (2024). *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime): Monograph.* Moscow: Prospect Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/icghnf (viewed: 25.05.2026).
7. Карнозова, Л.М. (2018). Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации.

Вестник восстановительной юстиции, 15, 145—201. URL: https://elibrary.ru/gpterq (дата обращения: 25.05.2026).
Karnozova, L.M. (2018). Monitoring of the activities of territorial reconciliation services for 2017, carried out within the framework of the All-Russian Association of Restorative Mediation. *Bulletin of Restorative Justice*, 15, 145—201. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/gpterq (viewed: 25.05.2026).

8. Карнозова, Л.М. (2015) Российские институты обращения с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом: педагогика и право. *Вестник восстановительной юстиции*, 12, 25—40. URL: https://elibrary.ru/eoobak (дата обращения: 25.05.2026).
   Karnozova, L.M. (2015). Russian institutions for dealing with minors in conflict with the law: Pedagogy and law. *Bulletin of Restorative Justice*, 12, 25—40. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/eoobak (viewed: 25.05.2026).
9. Карнозова, Л.М., Максудов, Р.Р. (Ред.). (2006). *Организация и проведение программ восстановительного правосудия: Методическое пособие.* М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
   Karnozova, L.M., Maksudov, R.R. (Eds.). (2006). *Organization and implementation of restorative justice programs: A methodological manual.* Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center Publ. (In Russ.).
10. Кристи, Н. (1999). *Конфликты как собственность*. Пер. с англ. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
    Christie, N. (1999). *Conflicts as Property.* Trans. from Eng. Moscow: Legal and Judicial Reform Public Center. (In Russ.).
11. Максудов, Р.Р. (2009). *Проведение программ восстановительного правосудия для несовершеннолетних: Методическое пособие.* М.: Информполиграф.
    Maksudov, R.R. (2009). *Conducting restorative justice programs for minors: A methodological manual.* Moscow: Informpoligraf Publ. (In Russ.).
12. Рецинджер, С.М., Шефф, Т.Дж. (2001). Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи. *Вестник восстановительной юстиции*, 3, 94—114.
    Retzinger, S.M., Sheff, T.J. (2001). A strategy for community conferences: emotions and social connections. *Bulletin of Restorative Justice*, 3, 94—114. (In Russ.).
13. Chapman, T., Laxminarayan, M., Vanspauwen, K. (Eds.). (2021). *Manual of restorative justice values and standards for practice.* Leuven: European Forum for restorative justice.
14. Flora, S.H., Harmono, H., Alves, L. (2025). Effectiveness of the implementation of restorative justice in the juvenile criminal justice system. *Rechtsnormen Jornal of Law, 3*(1), 33—44. https://doi.org/10.70177/rjl.v3i1.2068
15. Fridayani, H.D., Putri, D.D.P. (2023). Sounding the Justice for Child: Does Restorative Justice Matters? *Journal of Law and Legal Reform, 4*(3), 303—324. https://doi.org/10.15294/jllr.v4i3.68106
16. *Handbook on Restorative Justice Programmes* (2nd ed.). (2020). Vienna: United Nations.
17. Jonas, J., Zebel, S., Claessen, J., Nelen, H. (2022). The psychological impact of participation in victim-offender mediation on offenders: evidence for increased compunction and victim empathy. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 812629. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.812629

18. Karimullah, S.S. (2023). From punishment to Healing: The transformative power of restorative justice. *SASI, 29*(4), 678—690. https://doi.org/10.47268/sasi.v29i4.1688
19. Liebmann, M. (2007). *Restorative Justice. How It Works.* London: Jessica Kingsley Publishers.
20. Omowon, A., Kunlere, A.S. (2024). Restorative justice practices: Bridging the gap between offenders and victims effectively. *World Journal of Advanced Research and Reviews, 24*(3), 2768—2785. https://doi.org/10.30574/wjarr.2024.24.3.3978
21. Quinney, D., Wenzel, M., Woodyatt, L. (2024). The Role of Truth in Victim—Offender Mediation: Victims of Crime Who Feel They Know the "Whole" Truth Are More Receptive to Apologies. *Law and Human Behavior, 48*(3), 228—245. https://doi.org/10.1037/lhb0000564
22. Suzuki, M. (2022). Possibility of Sincere Apology in Restorative Justice: When and How? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology, 68*(13-14), 1342—1356. https://doi.org/10.1177/0306624X221132238

Информация об авторах

Людмила Михайловна Карнозова, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, руководитель магистерской программы «Восстановительный подход в сфере семьи и детства», факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0925-910X, e-mail: karnozova@yandex.ru

Дарья Юрьевна Кормилицина, магистрант факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-6060-0545, e-mail: kormilicina.d@yandex.ru

Information about the authors

Lyudmila M. Karnozova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor at the Department of Legal Psychology and Law, Head of the Master's Program "Restorative Approach in the Sphere of Family and Childhood", Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0925-910X, e-mail: karnozova@yandex.ru

Daria Yu. Kormilitsina, Master's Student at the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-6060-0545, e-mail: kormilicina.d@yandex.ru

Вклад авторов

Карнозова Л.М. — аннотирование, идея исследования, планирование исследования, написание и оформление рукописи.

Кормилицина Д.Ю. — сбор и анализ источников по проведению восстановительных программ по ситуациям правонарушений несовершеннолетних, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Lyudmila M. Karnozova — annotation, research idea, research planning, writing and preparation of the manuscript.

Daria Yu. Kormilitsina — collection and analysis of sources on the implementation of restorative programs for juvenile offenses, writing and preparation of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 14.07.2026
Поступила после рецензирования 27.08.2026
Принята к публикации 27.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.14
Revised 2026.08.27
Accepted 2026.08.27
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 208–239.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160312
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 208–239.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160312
ISSN 2222-5196 (online)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Оценка смысловой сферы в клинической практике: адаптация и дифференциально-диагностический потенциал метода мотивационной индукции Ж. Нюттена

Е.С. Шеховцова[1] ✉, **И.С. Никитский**[1]
[1] Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
✉ shekhovtsova.e@serbsky.ru

Резюме

Контекст и актуальность исследования обусловлены необходимостью при проведении судебно-психиатрической экспертизы системного анализа смысловой сферы личности, выступающей высшим уровнем регуляции поведения. **Гипотеза.** Модифицированный вариант «Метода мотивационной индукции» (ММИ) Ж. Нюттена является надежным и валидным инструментом, позволяющим выявлять нозоспецифические особенности мотивационно-смысловой сферы у лиц, совершивших противоправные деяния. **Цель.** Анализ психометрических свойств адаптированного метода и изучение особенностей смысловой сферы при расстройствах личности (РЛ) и расстройствах шизофренического спектра (ШС). **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 148 человек мужского пола с РЛ, ШС и психически здоровые лица. Для оценки мотивационно-смысловой сферы использовались ММИ Ж. Нюттена и методика мотивационной структуры В.Э. Мильмана. **Модификация метода.** Для решения поставленных задач был модифицирован и переведен в количественную систему оценки ММИ Ж. Нюттена: в темпоральном коде была выделена кодировка ответов относительно момента противоправного деяния; в системе оценки содержания мотивации перечень «персон» был подразделен на 3 группы; оценка содержательной стороны мотивационных объектов была изменена с учетом целей и задач экспертной оценки смыслового восприятия юридически значимой ситуации. **Результаты.** Психометрический анализ подтвердил надежность и валидность ММИ Ж. Нюттена. Факторный анализ выявил качественные различия в структуре смысловой сферы групп, позволив эмпирически обосновать дифференциально-диагностический потенциал метода: у лиц с РЛ наблюдается амбивалентность временно*й* перспективы, доминирование гедонистических мотивов и пассивно-

© Шеховцова Е.С., Никитский И.С., 2026

CC-BY-NC

зависимая социальная позиция. Для подэкспертных с ШС оказались характерны сужение перспективы будущего, противоречивость рефлексии и смысловая разорванность. **Заключение.** Модифицированный ММИ Ж. Нюттена является надежным инструментом клинической психодиагностики. Метод позволяет объективизировать особенности смысловой сферы и обладает высоким дифференциально-диагностическим потенциалом при разграничении патохарактерологического и эндогенного типов реагирования. **Ограничения и перспективы исследования.** Необходимым этапом на пути к включению ММИ в судебно-психиатрическую экспертную практику является добавление переменных, связанных с юридически-значимыми обстоятельствами, а также расширение выборки и нозологического спектра испытуемых.

Ключевые слова: смысловая сфера, временная перспектива, метод мотивационной индукции, саморегуляция, судебная психолого-психиатрическая экспертиза

Финансирование. Научная работа выполнена в рамках темы государственного задания Министерства здравоохранения Российской Федерации «Разработка объективных инструментальных методов экспертной оценки способности осознавать юридически значимые ситуации и руководить своими действиями у обвиняемых с психическими расстройствами с выделением клинических, психологических и психофизиологических маркеров нарушения механизмов саморегуляции» (регистрационный номер: 124020800048-9).

Для цитирования: Шеховцова, Е.С., Никитский, И.С. (2026). Оценка смысловой сферы в клинической практике: адаптация и дифференциально-диагностический потенциал метода мотивационной индукции Ж. Нюттена. *Психология и право, 16*(3), 208—239. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160312

Assessment of the semantic sphere in clinical practice: adaptation and differential-diagnostic potential of J. Nuttin's motivational induction method

E.S. Shekhovtsova[1] ✉, **I.S. Nikitskiy**[1]
[1] V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
✉ shekhovtsova.e@serbsky.ru

Context and relevance. Modern forensic psychological and psychiatric examination requires a systemic analysis of the individual's semantic sphere, which serves as the highest level of behavioral regulation. **Hypothesis.** The modified version of J. Nuttin's Motivational Induction Method (MIM) is a reliable and valid tool capable of identifying nosology-specific features of the motivational-semantic sphere in individuals who have committed unlawful acts. **Objective.** To analyze the psychometric properties of the adapted method and to explore the features of the semantic sphere in personality disorders (PD) and schizophrenia spectrum disorders (SSD). **Methods and materials.** The study involved 148 male participants, including

individuals with personality disorders (PD), schizophrenia spectrum disorders (SSD), and mentally healthy individuals. To assess the motivational-semantic structure and time perspective, J. Nuttin's Motivational Induction Method (MIM) and V.E. Milman's motivational structure assessment technique were used. **Method modification.** To solve the set tasks, J. Nuttin's MIM was modified and translated into a quantitative assessment system: the temporal code was used to encode responses regarding the moment of the illegal act; the list of "persons" was divided into three groups in the assessment of the content of motivation; the assessment of the content of motivational objects was modified to reflect the goals and objectives of the expert assessment of the semantic perception of a legally significant situation. **Results.** Psychometric analysis confirmed the reliability and validity of MIM. Factor analysis revealed qualitative differences in the structure of the groups' meaning sphere, enabling the empirical substantiation of the method's differential-diagnostic potential: individuals with PD demonstrate temporal ambivalence, a dominance of hedonistic motives, and a passive-dependent social stance. Meanwhile, examinees with SSD were characterized by a narrowed future perspective, contradictory self-reflection, and semantic fragmentation. **Conclusions.** MIM is a reliable tool for clinical psychodiagnostics. The method allows for the objectification of the characteristics of the meaning sphere and possesses high differential-diagnostic potential in distinguishing between pathocharacterological and endogenous types of response. **Limitations and future prospects.** A necessary step toward integrating MIM into forensic psychiatric expert practice is the addition of variables related to legally relevant circumstances, as well as expanding the sample and the nosological spectrum of the participants.

Keywords: semantic sphere, time perspective, motivational induction method, self-regulation, forensic psychological and psychiatric examination

Funding. This work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Health of the Russian Federation "Development of objective instrumental methods for the expert assessment of the capacity to comprehend legally significant situations and direct one's actions in defendants with mental disorders, with identification of clinical, psychological, and psychophysiological markers of self-regulation mechanism impairments" (registration number: 124020800048-9).

For citation: Shekhovtsova, E.S., Nikitskiy, I.S. (2026). Assessment of the semantic sphere in clinical practice: adaptation and differential-diagnostic potential of J. Nuttin's motivational induction method. *Psychology and Law, 16*(3), 208—239. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160312

Введение

В современной практике судебной психолого-психиатрической экспертизы возрастает методологическая необходимость перехода от констатации отдельных психических нарушений к их системному, комплексному анализу. Фундаментальным компонентом такого всестороннего подхода является глубокое исследование смыслового восприятия и детальное

изучение содержания ценностно-смысловой сферы личности, являющейся высшим уровнем регуляции поведения. Смыслы, будучи конструктами, доступными осознанию, обеспечивают целеполагание и возможность противостоять импульсивным влечениям (Зейгарник, 1989; Рычкова, Холмогорова, 2014; Демидова, Ткаченко, 2025). Поведение человека строится на основании динамического равновесия мотивов и восприятия, предвосхищения ситуации (Read, Miller, 2023), соотношения мотивов с оценкой ситуации и собственных возможностей; при этом смысловое состояние, актуализирующееся в конкретной ситуации, отражает взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных процессов — воспринимаемые объекты приобретают смысл в зависимости от системы категорий личности, а иерархия личностных смыслов определяет субъективную значимость внешней ситуации (Гайворонская, 2023; Леонтьев, 2003; Лузаков, 2008; Bandhu et al., 2024; Gigerenzer, 2008; Quinton, Brunton, 2017).

Нарушения, связанные с искажением иерархии ценностей, ограничением временн*о*й перспективы, ведут к снижению произвольной регуляции и повышают риск противоправных действий (Каширский, 2014; Кудрявцев, Ратинова, 2000; Леонтьев, 1987; Ошевский, Назарова, 2016; Розанов, 2025; Ткаченко и др., 2025; Шпорт и др., 2025; Штода, 2025). Эмпирически доказан дефицит образа будущего и конструктивных мотивов самореализации у лиц, совершивших тяжкие преступления (Каширский, 2021; Каширский, Старосельцева, 2024; Старосельцева, 2020), а также выделены нозоспецифические особенности смысловой сферы при шизофреническом, органическом, психопатическом симптомокомплексах, парафилиях, расстройствах пищевого поведения (Гиленко и др., 2024; Соболев, Тагильцева, 2025; Самылкин, Ткаченко, 2025; Демидова, Ткаченко, 2025; Холмогорова, Минакова, 2014; Шеховцова, 2025; Шеховцова, Гиленко, 2025; Шеховцова, Никитский, Гиленко, 2026; Martin, Stenling, Hargreaves, 2024; Sterna, Sakakibara, Moskalewicz, 2025; Zarbo et al., 2025).

В качестве перспективного метода оценки мотивационно-смысловой сферы рассматривается «Метод мотивационной индукции» (ММИ) Ж. Нюттена, который является диагностическим инструментом, основанным на принципе незавершенных предложений и позволяющим оценивать наполнение смысловой сферы, формирующее внутреннюю субъективную картину мира и временную перспективу (Нюттен, 2004). С точки зрения Ж. Нюттена, мотивационное пространство человека представляет собой иерархически организованную структуру смыслов и целей, образно представленных в перспективе будущего. Временн*а*я перспектива представляет собой многокомпонентное, доступное осмыслению образование и включает в себя когнитивный, аффективный, мотивационный и личностный компоненты, которые могут быть проанализированы с точки зрения протяженности, глубины, насыщенности и степени структурированности образа будущего (Нюттен, 2004; Самылкин, Ткаченко, 2021). Согласно Ж. Нюттену, поведение человека зависит от субъективного мотивационного пространства, т. е. когнитивной репрезентации смыслов, значимых целей и ожидаемых событий будущего, и временн*о*й перспективы, отражающих настроенность человека на определенные промежутки его жизни и доминирующую направленность личности (Кудрявцев, 1988; Нюттен, 2004; Рубинштейн, 2003).

ММИ зарекомендовал себя как надежный инструмент изучения содержания и структуры мотивационно-смысловой сферы: было показано, что содержание доминирующих

мотивационных категорий определяет глубину временн*о*й перспективы и существенно влияет на характеристики целеполагания и целедостижения (Lens, Paixão, 2012; Vázquez, Rapetti, 2006), а характеристики временн*о*й перспективы связаны с уровнем субъективного контроля и социально-психологической адаптацией (Бочарова, 2017; Плотникова, 2017; Bondareva et al., 2024), когнитивным контролем поведения и смысложизненными ориентациями (Терехина, 2014). Клинические исследования подтверждают высокую диагностическую ценность метода: фиксация на негативном прошлом выступает общим маркером психопатологии (Oyanadel, Buela-Casal, 2014; Van Beek, Berghuis, 2011). Кроме того, несбалансированность и сужение временн*о*й перспективы достоверно связаны с тяжестью симптоматики и когнитивным дефицитом при шизофрении (Damiani et al., 2023; Styła, Zajenkowski, 2023), выступают предиктором депрессии и стресса (Allemand, Olaru, 2024), а также маркером суицидального поведения (O'Connor, Smyth, 2015).

Таким образом, конструкт временн*о*й перспективы, операционализированный Ж. Нюттеном в ММИ, сохраняет свою теоретическую и диагностическую актуальность. Это и определило ***цель*** настоящего исследования — анализ психометрических свойств и эмпирическое обоснование возможности применения «Метода мотивационной индукции» Ж. Нюттена для объективной оценки особенностей смысловой сферы при расстройствах личности и расстройствах шизофренического спектра.

Материалы и методы

Всего в исследовании приняли участие 148 человек мужского пола. Все они являлись обвиняемыми по уголовным делам. Обследуемые были разделены на 3 группы: в 1-ю группу были включены 95 человек с расстройствами личности (РЛ), среди них — лица с шизоидным, параноидным, эмоционально неустойчивым, истерическим, инфантильным, тревожным, смешанным расстройствами личности; во 2-ю группу вошли 36 человек с расстройствами шизофренического спектра (ШС), среди них — лица с параноидной шизофренией и шизотипическим расстройством; в 3-ю группу вошли 17 психически здоровых лиц (ПЗ).

Диагностические заключения были вынесены по результатам стационарных судебно-психиатрических экспертиз, проведенных на базе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Тестирование с каждым испытуемым проводилось однократно. Для проверки критериальной валидности методики у всех обследуемых оценивалась мотивационная структура личности с использованием методики В.Э. Мильмана (Мильман, 1990).

Статистический анализ. Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS. Были использованы методы описательной статистики, точный тест Фишера при сравнении качественных показателей, критерий Краскела—Уоллиса при сравнении количественных показателей, корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена, факторный анализ. Факторный анализ проводился методом выделения главных компонент с последующим ортогональным вращением Варимакс. Исключение составила группа лиц с расстройствами шизофренического спектра: специфика матрицы данных в этой группе потребовала анализа неротированных компонент для сохранения естественной иерархической структуры выделяемых конструктов и предотвращения искусственного перераспределения

дисперсии генерального фактора. Для анализа внутренней согласованности использовался коэффициент альфа Кронбаха (α Кронбаха).

Этический аспект. Протокол исследования и текст информированного согласия были одобрены локальным этическим комитетом ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (протокол №45/4 от 23.09.2024) и соответствуют принципам Хельсинкской декларации. Все испытуемые предоставили письменное информированное согласие на участие в исследовании

Модификация метода. Несмотря на ряд ограничений метода, детальный анализ мотивационно-потребностной сферы и спектра возможных целей, актуализированных в ситуации через смысловые отношения субъекта, является перспективным направлением изучения. В связи с этим для оценки способности к осознанию и регуляции поведения, в том числе в криминальной ситуации, была модифицирована стандартная система оценивания ответов.

Так, в темпоральном коде (временной знак) была выделена кодировка ответов относительно момента противоправного деяния с выделением прошлого (докриминального, криминального и посткриминального временны*х* промежутков), настоящего и будущего разной степени удаленности, а также с оценкой наличия указания на период времени (например, обозначение точной даты или события) и определением эмоционального отношения к каждому из них.

Также была модифицирована система оценки содержания мотивации. В рамках решения экспертных задач был сокращен перечень «персон», включающий в себя упоминания субъектов или их групп. Предложенные в классическом варианте ММИ Ж. Нюттена «персоны» были объединены в три группы: «близкие социальные контакты» (партнер, родители, дети и т. д.), «дальние знакомые» и «участники судебно-следственной ситуации».

Оценка содержательной стороны мотивационных объектов также была изменена с учетом целей и задач экспертной оценки смыслового восприятия юридически значимой ситуации. Наряду с предложенными в классической системе оценки параметрами «личности» (объединенные коды целостной личности и отдельных ее характеристик), «саморазвития», «активности, направленной на успехи в профессиональной деятельности», включая «отказ от деятельности», «активности, направленной на отдых и получение удовольствия», «социального взаимодействия», были добавлены параметры направленности на «определенный образ жизни», «здоровье» (соматическое и психическое), «гетеро- и аутоагрессивные тенденции», темы «судебно-следственной» и «криминальной» ситуации (включая упоминание ситуации, конкретность высказывания, отношение к ней и субъективную доступность ситуации волевому контролю). Дополнительно оценивались активность субъекта в рамках мотивационного ответа и направленность этой активности (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Примеры ответов по шкалам, отражающим содержание смысловой сферы
Examples of responses on scales reflecting the content of the semantic sphere

Содержание мотива / Motive content	Примеры / Examples
Смысловое наполнение мотива / The semantic content of the motive	
Личность (целостная личность, отдельные характеристики личности) / Personality (personality as a whole, individual personality traits)	• *быть счастливым, свободным, сильным, умным и т. д./ to be happy, free, strong, clever, etc.* • *делать, что хочу / to do what I want* • *не зависеть от мнения окружающих / to be independent of other people's opinions*
Саморазвитие (указание на развитие — желание стать (или не стать) личностью определенного типа) / Self-development (reference to development – the wish to become, or not to become, a certain type of person)	• *реализовать свои мечты, цели, планы и т. д / to realise my dreams, goals and plans, etc.* • *научиться играть на музыкальном инструменте / to learn to play a musical instrument* • *стать лидером / to become a leader*
Образ жизни (указание на активность – желание вести определенный образ жизни) / Way of life (reference to activity — the wish to lead a certain way of life)	• *вести достойную жизнь / to lead a decent life* • *посвятить жизнь семье / to devote my life to my family* • *стать адвокатом, врачом и т. д. / to become a lawyer, a doctor, etc.*
Активность, связанная с отдыхом, удовольствием, досугом (направленность на удовлетворение гедонистических потребностей) / Activity related to rest, pleasure and leisure (orientation towards the satisfaction of hedonistic needs)	• *выкурить сигарету, выпить кофе / to smoke a cigarette, to have a coffee* • *прогуляться / to take a walk* • *поспать / to sleep*
Активность в профессиональной деятельности (активность, направленная на достижения результатов в учении, профессиональной деятельности) / Activity in professional life (activity aimed at achieving results in study and professional work)	• *преуспеть в профессиональной карьере / to succeed in my professional career* • *осуществить план или проект / to carry out a plan or a project* • *найти работу / остаться без работы / to find a job / to be left without a job*
Отказ от деятельности (намерение или план не работать, отдохнуть физически, психологически) / Refusal of activity (the intention or plan not to work, to rest physically and psychologically)	• *ничего не делать / to do nothing;* • *не работать / not to work* • *обрести покой / to find peace*

Здоровье (упоминание тем, связанных с физическим и психическим здоровьем, активность, направленная на поддержание здоровья) / Health (mention of topics related to physical and mental health; activity aimed at maintaining health)	• *приду в себя / I will come to my senses* • *психиатрическая больница / a psychiatric hospital;* • *вернуть здоровье / to regain my health* • *заболеть / to fall ill;* • *вылечиться / to recover*
Гетеро- и аутоагрессивные тенденции (упоминания желаний причинить физический или психологический вред кому-либо или стремление к саморазрушению) / Hetero- and auto-aggressive tendencies (mention of wishes to cause physical or psychological harm to someone, or of a drive towards self-destruction)	• *чтобы они почувствовали боль / for them to feel pain;* • *убить / to kill;* • *обидеть кого-либо / to hurt someone;* • *умереть / to die* • *стремление к смерти / a drive towards death*
Актуальная судебно-следственная ситуация (упоминание переживаний, активности, связанной с судебно-следственным разбирательством, намерения, планы, направленные на разрешение, прояснение ситуации, улучшение своего положения, защиту своих прав и т.д.) / Current investigative situation (mention of experiences and activity related to the legal proceedings; intentions and plans aimed at resolving or clarifying the situation, improving one's position, defending one's rights, etc.)	• *узнать, за что меня хотели убить / to find out why they wanted to kill me* • *чтобы дети узнали правду / for my children to learn the truth* • *доказать правоту / to prove that I am right*
Криминальная ситуация (упоминания криминальной ситуации, отношения к ней и т. д.) / Criminal situation (mention of the criminal situation, of the attitude towards it, etc.)	• *сожалею о содеянном мной, лучше бы это не произошло / I regret what I did, it would have been better if it had not happened* • *вернуться назад и поступить иначе / to go back and act differently*
Активность субъекта и направленность этой активности / The subject's activity and its orientation	• *активность субъекта / the subject's activity* • *активная позиция (стремлюсь доказать свою правоту) / active stance (I strive to prove that I am right)* • *пассивная позиция (надеюсь, что меня признают невменяемым) / passive stance (I hope I will be found insane)* • *направленность активности / orientation of the activity* • *внутренняя (на себя, хочу…для себя) / internal (towards oneself, I want… for myself)*

	• *внешняя (на других, хочу…для других) / external (towards others, I want… for others)*
Социальное взаимодействие / Social interaction	
Контакт в интересах других людей / Contact in the interests of other people	• *помочь другу, семье / to help a friend or my family* • *давать деньги бедным / to give money to the poor* • *дать хорошее образование моим детям / to give my children a good education*
Эгоцентрический контакт (эгоцентрическая социальная мотивация, желание убедить кого-то другого или влиять на кого-то) / Egocentric contact (egocentric social motivation, the wish to convince or influence someone else)	• *убедить друга в моей правоте / to convince a friend that I am right* • *контролировать свою группу / to control my group* • *показать другим, кто я есть на самом деле / to show others who I really am*
Ожидание от других чувств (симпатия, любовь, прощение, понимание) / Expectation of feelings from others (sympathy, love, forgiveness, understanding)	• *любовь моей жены / my wife's love* • *чтобы дети продолжали меня любить / for my children to go on loving me* • *чтобы моя жертва меня простила / for my victim to forgive me*
Ожидание от других признания, восхищения / Expectation of recognition and admiration from others	• *чтобы родители уважительно относились к моей работе / for my parents to respect my work* • *чтобы мои коллеги меня ценили / to be valued by my colleagues*
Ожидание от других поддержки или помощи для достижения более или менее определенных целей / Expectation of support or help from others in achieving more or less specific goals	• *чтобы отец мне помогал / that my father helps me* • *ободрения со стороны моей жены / encouragement from my wife*
Ожидание от других действий / Expectation of actions from others	• *чтобы отец пошел к врачу / for my father to see a doctor* • *чтобы приехали ко мне / for someone to come and visit me*
Отказ от контактов (избегание контактов или желание оставаться в одиночестве) / Refusal of contact (avoidance of contact or the wish to remain alone)	• *быть одному / to be alone* • *не общаться с кем-то / not to communicate with someone*
Персоны (упоминание конкретного лица или группы лиц, на кого направлена социальная активность) / Persons (mention of	• *«близкие» (партнер, родители, дети и т. д.) / "close others" (partner, parents, children, etc.)*

a specific individual or group towards whom the social activity is directed)	• *«дальние знакомые» (друзья, коллеги) / "distant acquaintances" (friends, colleagues)* • *«участники судебно-следственной ситуации» (потерпевшие, эксперты, следователь и т. д.) / "participants of investigation" (victims, experts, the investigator, etc.)*

Также проводилась формальная оценка ответов, включая наличие отказов от ответа; развернутых, установочных (стереотипных, повторяющихся) ответов; ответов, касающихся тестового задания.

В представленном исследовании для объективизации данных и обеспечения возможности их строгой статистической обработки (включая факторный анализ) был осуществлен обоснованный отход от классической качественной оценки, предложенной Ж. Нюттеном.

Оригинальный метод предполагает присвоение каждому ответу сложной комбинации буквенных кодировок, что затрудняет количественный анализ и сравнение больших выборок. В данной работе алгоритм подсчета данных был трансформирован в количественную балльную систему и включал следующие этапы.

1. Бинарная оценка каждого ответа (принцип «1 балл за совпадение»). Каждое завершенное испытуемым предложение (из 40 пунктов методики) анализировалось на предмет соответствия модифицированным параметрам. За каждое зафиксированное соответствие ответа конкретной шкале выставлялся 1 балл. Таким образом, каждое высказывание раскладывалось на спектр единичных индикаторов.

2. Суммирование баллов по шкалам. Определение итогового уровня выраженности конкретного мотивационного или смыслового конструкта у испытуемого проводилось путем суммирования баллов, набранных за все ответы по каждой отдельной шкале. Это позволило перевести качественные характеристики мотивов в измеримые числовые (количественные) показатели.

Таблица 2 / Table 2

Балльная оценка ответов по ММИ Ж. Нюттена
Scoring of responses in J. Nuttin's MIM

Шкалы / Scales	**Низкий / Low**	**Средний / Medium**	**Высокий / High**
Пропуски / Omissions	< 1 балла / < 1 point	2—3 балла/ 2—3 points	> 4 баллов/ > 4 points
Установочный характер ответа / Set character of the response			
Ответы про тест / Responses about the test			
Темпоральные шкалы / Temporal scales			
Нестандартные, неклассифицируемые ответы / Non-standard, unclassifiable responses	< 2 баллов / < 2 points	3—9 баллов / 3—9 points	> 9 баллов / > 9 points

Развернутость ответа / Elaborateness of the response	< 5 баллов / < 5 points	6—10 баллов / 6—10 points	> 10 баллов / > 10 points
Личность / Personality	< 1 балла / < 1 point	2—5 баллов / 2—5 points	> 6 баллов / > 6 points
Образ жизни / Way of life			
Саморазвитие / Self-development	< 1 балла / < 1 point	2—3 балла / 2—3 points	> 4 баллов / > 4 points
Отдых / Rest			
Профессиональная деятельность / Professional activity			
Отказ от деятельности / Refusal of activity			
Здоровье / Health			
Гетеро- и аутоагрессивные тенденции / Hetero- and auto-aggressive tendencies			
Судебно-следственная ситуация / Investigative situation			
Криминальная ситуация / Criminal situation			
Активность субъекта / Subject's activity	< 3 балла / < 3 points	4—7 баллов / 4—7 points	> 8 баллов / > 8 points
Направленность активности / Orientation of activity	< 1 балла / < 1 point	2—4 балла / 2—4 points	> 5 баллов / > 5 points
Социальное взаимодействие / Social interaction	< 1 балла / < 1 point	2—3 балла / 2—3 points	> 4 баллов / > 4 points
Персоны / Persons	< 1 балла / < 1 point	2—5 баллов / 2—5 points	> 6 баллов / > 6 points

Для выделения низких, средних и высоких граничных значений показателей адаптированной методики ММИ Ж. Нюттена полученные эмпирические данные были разделены на квартили: квартиль первого порядка (нижний квартиль, отсекает 1/4 баллов с минимальными значениями), квартиль второго порядка (совпадает с медианой), квартиль третьего порядка (верхний квартиль, отсекает 1/4 часть баллов с максимальными значениями). Определение уровня выраженности смысловой сферы проводилось путем суммирования баллов за все ответы по каждой шкале (табл. 2).

Результаты

На первом этапе с помощью методов дескриптивной статистики были выделены вненозологические особенности выполнения методики ММИ Ж. Нюттена. Так, общая выборка обследованных характеризуется малым количеством пропусков, ответов про тест и высказываний, носящих установочный характер, умеренным количеством нестандартных высказываний (рис. 1, табл. 3).

Темпоральные особенности смысловой сферы в большей степени характеризуются низким уровнем негативного отношения к прошлому, малой ориентацией на текущий период времени и ближайшее будущее, при большей значимости периода отдаленного будущего.

Эмоциональная оценка будущего является неоднородной с доминированием низкого уровня негативной оценки будущего (рис. 2, табл. 4).

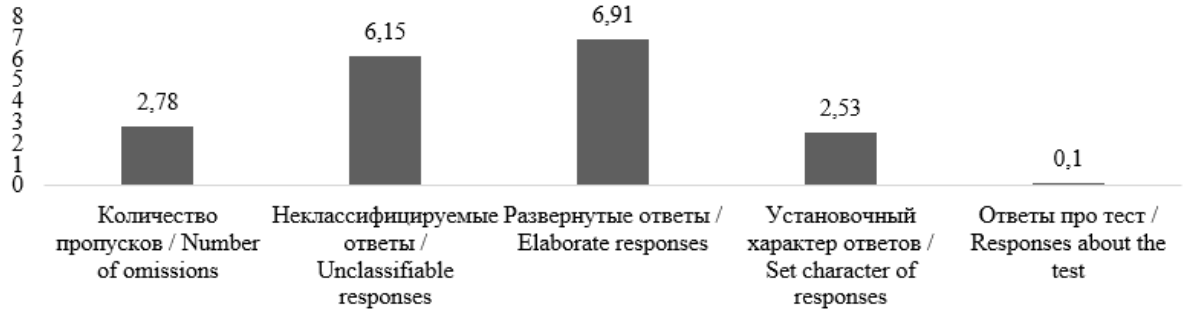

Рис. 1. Средние значения шкал формальной оценки ММИ Ж. Нюттена
Fig. 1. Mean values of the formal assessment scales of J. Nuttin's MIM

Таблица 3 / Table 3

Значимые различия в уровне выраженности формальных характеристик, %
Significant differences in the expression levels of formal characteristics by level, %

Переменные	**Низкий уровень / Low level**	**Средний уровень / Medium level**	**Высокий уровень / High level**
Количество пропусков / Number of omissions	74,8	6,3	18,9
Неклассифицируемые ответы / Unclassifiable responses	21,0	57,3	21,7
Развернутые ответы / Elaborate responses	33,6	38,4	28,0
Установочный характер ответов / Set character of responses	67,1	11,2	21,7
Ответы про тест / Responses about the test	94,4	5,6	0

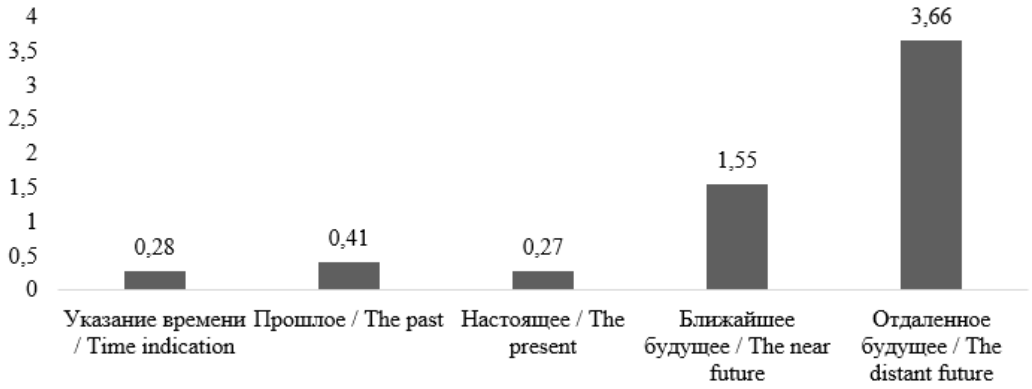

Рис. 2. Средние значения обобщенных темпоральных шкал ММИ Ж. Нюттена
Fig. 2. Mean values of the generalized temporal scales of J. Nuttin's MIM

Таблица 4 / Table 4

Значимые различия детализированных переменных темпоральной шкалы, %
Significant differences in the detailed variables of the temporal scale, %

Темпоральная шкала / Temporal scale	Низкий уровень / Low level	Средний уровень / Medium level	Высокий уровень / High level
Негативное отношение к прошлому / Negative attitude towards the past	66,4	26,6	7,0
Настоящее / The present	60,1	21,7	18,2
Ближайшее будущее / The near future	65,7	18,9	15,4
Отдаленное будущее / The distant future	35,7	15,4	49,0
Позитивная оценка будущего / Positive appraisal of the future	36,4	23,1	40,6
Негативная оценка будущего / Negative appraisal of the future	57,3	17,5	25,2

Содержательная сторона смысловой сферы характеризуется опорой на личность, саморазвитие, при малой выраженности мотивов, связанных с образом жизни, отдыхом, профессиональной деятельностью, психическим здоровьем, аутоагрессивным поведением, отказом от деятельности. Мотивация является разнонаправленной — активная и пассивная позиция, внутренняя и внешняя направленность представлены практически в равной степени (рис. 3а, 3б, табл. 5).

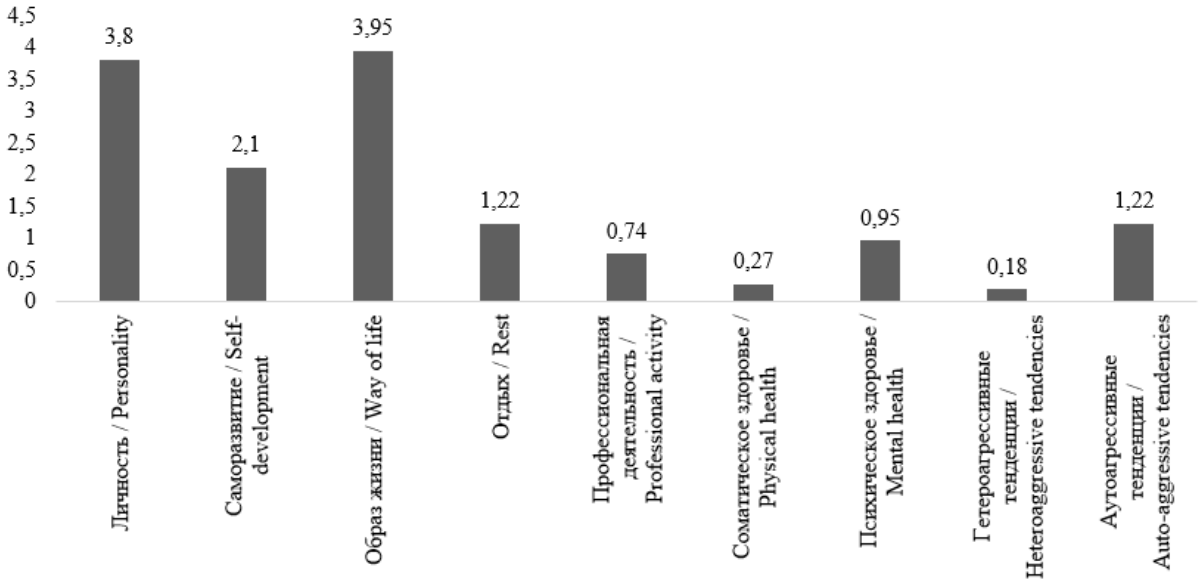

Рис. 3а. Средние значения содержательных шкал ММИ Ж. Нюттена
Fig. 3a. Mean values of the content scales of J. Nuttin's MIM

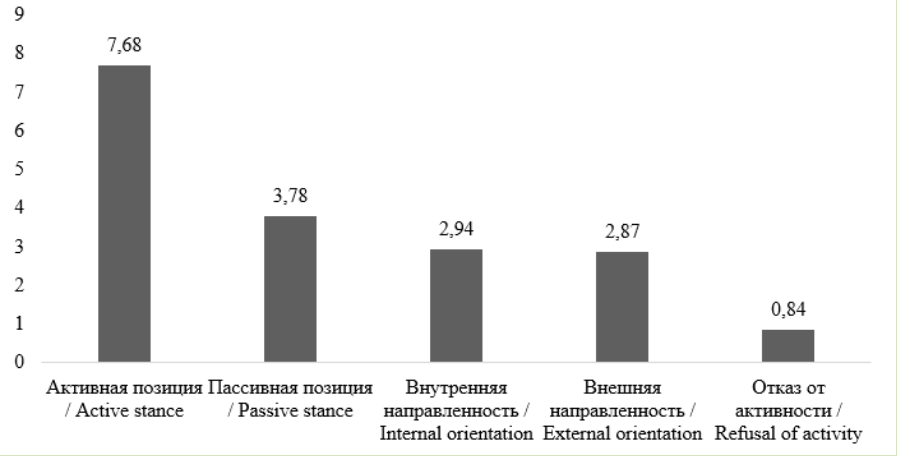

Рис. 3б. Средние значения содержательных шкал ММИ Ж. Нюттена (активность субъекта)
Fig. 3b. Mean values of the content scales of J. Nuttin's MIM (subject's activity)

Таблица 5 / Table 5

Значимые различия мотивов, отражающих содержание смысловой сферы, %
Significant differences in motives reflecting the content of the semantic sphere, %

Мотивационно-смысловые темы / Motivational-semantic themes	**Низкий уровень / Low level**	**Средний уровень / Medium level**	**Высокий уровень / High level**
Личность / Personality	39,2	11,9	49,0
Саморазвитие / Self-development	25,2	26,6	48,3
Образ жизни / Way of life	40,6	21,0	38,5
Отдых / Rest	49,7	21,7	28,7
Профессиональная деятельность / Professional activity	70,6	16,1	13,3
Психическое здоровье / Mental health	59,4	16,8	23,8
Аутоагрессивные тенденции / Auto-aggressive tendencies	63,6	15,4	21,0
Активная позиция / Active stance	23,8	28,7	47,6
Пассивная позиция / Passive stance	30,8	28,7	40,6
Внутренняя направленность / Internal orientation	34,3	23,8	42,0
Внешняя направленность / External orientation	35,0	16,0	49,0
Отказ от активности / Refusal of activity	74,1	1,9	14,0

Социальная направленность представлена низким уровнем направленности на любые виды межличностного взаимодействия, при высоком уровне ориентации на близких людей (рис. 4, табл. 6).

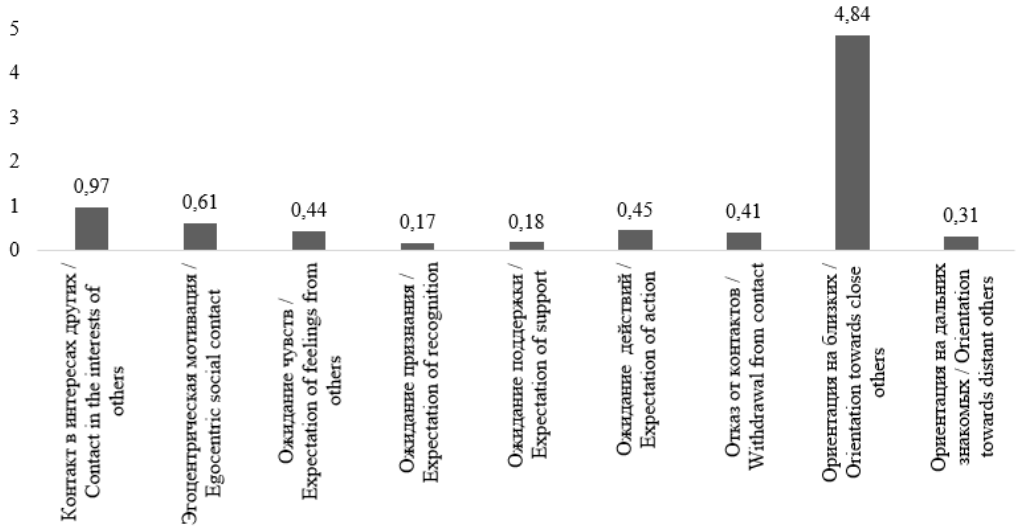

Рис. 4. Средние значения шкал социальной направленности ММИ Ж. Нюттена
Fig. 4. Mean values of the social orientation scales of J. Nuttin's MIM

Таблица 6 / Table 6

Значимые различия мотивов социального взаимодействия, %
Significant differences in social interaction motives, %

Темы социального взаимодействия / Themes of social interaction	**Низкий уровень / Low level**	**Средний уровень / Medium level**	**Высокий уровень / High level**
Контакт в интересах других / Contact in the interests of others	55,2	22,4	22,4
Эгоцентрический социальный контакт / Egocentric social contact	69,9	18,2	11,9
Ожидание от других чувств / Expectation of feelings from others	74,8	16,1	9,1
Ориентация на близких / Orientation towards close others	28,0	30,0	42,0

С целью проверки психометрических свойств ММИ Ж. Нюттена была оценена критериальная валидность с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Проведенный корреляционный анализ между переменными методик ММИ Ж. Нюттена и оценкой мотивационной структуры В.Э. Мильмана позволил выявить следующие значимые взаимосвязи.

Со смысловой темой «саморазвитие» связана направленность на творческую деятельность ($r = 0{,}467$, $p < 0{,}001$), высокая степень удовлетворенности данного мотива ($r = 0{,}339$, $p < 0{,}01$), а также удовлетворенность социальным статусом ($r = 0{,}320$, $p < 0{,}01$). Также направленность на творческую деятельность связана со смысловыми темами «образ жизни» ($r = 0{,}384$, $p < 0{,}01$) и «психическое здоровье» ($r = –0{,}363$, $p < 0{,}01$).

Направленность на общую активность коррелирует со смысловыми темами «соматическое здоровье» ($r = 0{,}351$, $p < 0{,}01$), «внутренняя направленность» ($r = –0{,}312$, $p < 0{,}05$), «внешняя направленность» ($r = 0{,}312$, $p < 0{,}05$).

«Внешняя направленность» также сопряжена с мотивами, отражающими стремление к общественно полезной деятельности ($r = 0{,}445$, $p < 0{,}001$) и высокий уровень их удовлетворенности ($r = 0{,}309$, $p < 0{,}05$).

С пассивностью и отказом от деятельности выявлена отрицательная связь мотивов, отражающих направленность на творческую ($r = —0{,}404$, $p < 0{,}01$) и общественно полезную деятельность ($r = —0{,}418$, $p < 0{,}001$).

«Эгоцентрическая социальная мотивация» коррелирует с мотивами, направленными на достижение и поддержание комфорта ($r = 0{,}301$, $p < 0{,}05$), «ожидание чувств» — с мотивами общения ($r = 0{,}348$, $p < 0{,}01$) и общей активности ($r = 0{,}396$, $p < 0{,}01$), «ожидание действий» — с поддержанием жизнеобеспечения ($r = –0{,}339$, $p < 0{,}01$), мотивами поддержания комфорта ($r = –0{,}315$, $p < 0{,}01$) и общения ($r = –0{,}311$, $p < 0{,}05$).

Наличие «близких персон» в смысловой сфере сопряжено с мотивами, отражающими стремление к общественно полезной деятельности ($r = 0{,}349$, $p < 0{,}01$), и высокой степенью удовлетворения потребности в поддержании жизнеобеспечения ($r = 0{,}309$, $p < 0{,}05$).

Мотив, отражающий ориентацию на общественно полезную деятельность, отрицательно коррелирует с негативной оценкой настоящего ($r = –0{,}307$, $p < 0{,}05$); большое количество тем, расположенных на темпоральной шкале в периоде отбывания наказания, связано с мотивами, отражающими социальный статус ($r = 0{,}302$, $p < 0{,}05$).

Коэффициент α Кронбаха по всей методике ММИ Ж. Нюттена составил 0,872, для темпоральных шкал равнялся 0,828, для шкал, отражающих содержание смысловой сферы, — 0,742, для шкал, связанных с криминальной и судебно-следственной ситуацией, — 0,768, для шкал социального взаимодействия — 0,762. Высокий показатель коэффициента α Кронбаха в целом по всей методике (0,872) и достаточное значение коэффициентов по отдельным шкалам ($\geq 0{,}7$) свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности.

Были установлены корреляционные связи внутри методики. Выявлено, что малое количество отказных реакций ($r = –0{,}333$, $p < 0{,}01$) коррелирует с позитивным отношением к прошлому ($r = 0{,}337$, $p < 0{,}01$) и настоящему ($r = 0{,}315$, $p < 0{,}01$).

Темы, отражающие негативное отношение к прошлому ($r = 0{,}480$, $p < 0{,}001$), связаны с ориентацией на других в межличностном взаимодействии ($r = 0{,}315$, $p < 0{,}01$).

Позитивное отношение к прошлому ($r = 0{,}485$, $p < 0{,}001$) коррелирует с нейтральным отношением к будущему ($r = 0{,}496$, $p < 0{,}001$), отказом от социальных контактов ($r = 0{,}738$, $p < 0{,}001$) и значимостью мотива «саморазвитие» ($r = 0{,}914$, $p < 0{,}01$).

Представленность во временно*й* перспективе тем, относящихся к периоду отдаленного будущего, связана с внутренней направленностью смыслов ($r = 0{,}328$, $p < 0{,}001$), эгоцентрической социальной мотивацией ($r = 0{,}269$, $p < 0{,}01$), активностью ($r = –0{,}254$, $p < 0{,}05$), в том числе творческого характера ($r = 0{,}228$, $p < 0{,}05$).

Для оценки конструктной валидности методики, выделения устойчивых факторов и оценки психометрических свойств модифицированных шкал был проведен факторный анализ. Были проанализированы переменные с факторными нагрузками, превышающими порог 0,6, что

соответствует переходу от средней к сильной степени связи. Факторная структура мотивационно-смысловой сферы в общей выборке испытуемых отличается высокой степенью дифференцированности и логической связностью выделенных конструктов. Дисперсия распределена между факторами достаточно плавно, без резких перепадов, что подтверждает отсутствие жесткой фиксации на какой-то одной теме (совокупно модель объясняет 86,5% дисперсии).

Первый фактор («Установочно-оптимистическое конструирование будущего», объясняет максимальную долю — 16,1% дисперсии) описывает социально желательную стратегию целеполагания. В него с высокими факторными нагрузками вошли переменные «установочный характер ответа» (0,81), «позитивное отношение к будущему» (0,78), «актуализация периода отдаленного будущего» (0,70) и «внутренняя направленность мотивов» (0,62). Данный фактор отражает склонность личности выстраивать идеализированный, защитно-позитивный сценарий своей дальнейшей жизни с опорой на формально-нормативные установки, концентрацией на себе и своих отдаленных перспективах.

Второй фактор («Просоциальная коммуникативная активность», объясняет 14,2% дисперсии) описывает экстравертированную поведенческую стратегию и включает в себя выраженную «активную позицию» (0,82), «внешнюю направленность мотивов» (0,66) и «контакт в интересах других людей» (0,65). Этот фактор отражает мобилизацию ресурсов для межличностного взаимодействия, социальную включенность и альтруистическую мотивацию. Активность субъекта при таком паттерне направлена вовне, на преобразование ситуации и помощь окружающим.

Третий фактор («Дезадаптивная пассивность и аутоагрессия», объясняет 6,06% дисперсии) объединяет переменные с критически высокими нагрузками: «отказ от активности и деятельности» (0,80), «аутоагрессия» (0,76) и «пассивная позиция» (0,72). Данный фактор отражает наличие деструктивных мотивов.

Для оценки конструктной валидности на уровне отдельных нозологий и выявления специфических механизмов адаптации и дезадаптации, мы проанализировали факторную структуру мотивационной сферы внутри каждой группы в отдельности.

В ходе анализа данных обследованных из группы РЛ была получена дифференцированная факторная структура, объясняющая 76,7% дисперсии, однако наиболее значимую смысловую и дисперсионную нагрузку несут 5 базовых компонентов.

Первый фактор («Защитно-установочное планирование будущего», объясняет 8,0% дисперсии). Данный симптомокомплекс отражает склонность лиц с РЛ к формально-нормативному фантазированию. В него с высокими положительными нагрузками вошли переменные: «позитивное отношение к будущему» (0,83), «отдаленное будущее» (0,77), «внутренняя направленность на себя» (0,73), тема «определенный образ жизни» (0,72) и «установочный характер ответа» (0,71). Подобное сочетание свидетельствует о том, что образ будущего конструируется как идеализированный и социально одобряемый сценарий, выполняющий функцию психологической защиты от текущего стресса.

Второй фактор («Фиксация на негативном прошлом», объясняет 6,2% дисперсии). В этот конструкт вошли переменные темпоральной шкалы: «период прошлого» (0,83), «негативное отношение к прошлому» (0,79) и «использование “формального времени”» (0,77). Фактор

описывает характерное для РЛ аффективное «застревание» на травмирующем опыте и неудачах, что препятствует интеграции жизненного пути и затрудняет адаптацию в настоящем.

Третий фактор («Пассивность и аутодеструктивное поведение», объясняет 5,8% дисперсии). Представляет собой дезадаптивный поведенческий паттерн, включающий переменные «отказ от активности и деятельности» (0,89), «аутоагрессия» (0,77) и «пассивная позиция» (0,73). Данный вектор описывает отказ от активных стратегий поведения, направленных на разрешение проблем.

Четвертый фактор («Пассивно-зависимая социальная позиция», объясняет 5,7% дисперсии) описывает особенности межличностного взаимодействия лиц с РЛ и включает переменные: «внешняя направленность» (0,78), «ожидание от других людей конкретных действий» (0,69) и «категория “близкие люди”» (0,63). Этот паттерн интерпретируется как инфантильная социальная позиция, связанная с внешнеобвиняющими формами поведения, невозможностью взять на себя ответственность.

Пятый фактор («Эмоциональная отстраненность и избегание», объясняет 5,2% дисперсии) включает переменные: «нейтральное отношение к будущему» (0,76), «отказ от социальных контактов» (0,68) и «позитивное прошлое» (0,70). Данный фактор отражает тенденцию к дистанцированию от фрустрирующей реальности в безопасные воспоминания, избегание любых контактов и нейтрализацию перспективы.

Специфика клинических данных группы ШС обусловила выделение неротированных главных компонент, описывающих базовые векторы смысловой активности данной группы. Для корректного описания были выделены наиболее значимые факторы (объясняющие максимальный процент дисперсии), в которых есть четкое смысловое ядро, даже если нагрузки чуть ниже порога в 0,60. Совокупная факторная модель объясняет 89,9% дисперсии, что указывает на высокую степень охвата феноменологии. Наибольшую смысловую и дисперсионную значимость несут следующие симптомокомплексы.

Первый фактор («Когнитивно-смысловая продуктивность», объясняет 28,2% дисперсии). Этот конструкт выступает генеральной осью смысловой сферы больных шизофренией, определяя общую способность к планированию и рефлексии. В него с максимальными нагрузками вошли переменные: переменная-маркер «развернутость ответа» (0,62), «активная позиция» (0,48) и «внутренняя направленность» (0,36). На противоположном (отрицательном) полюсе фактора находится метрика формальной оценки «пропуск ответа» (–0,93). Данный вектор делит испытуемых по степени выраженности мотивационных нарушений: от актуализации активных, развернутых и направленных на себя мотивационных тем до полного отсутствия продуктивности (пропусков) и смысловой пустоты.

Второй фактор («Смысловая структурированность», объясняет 14,9% дисперсии). Этот конструкт отражает качественную сторону мотивации и включает в себя переменные с отрицательными нагрузками: «неклассифицируемые ответы» (–0,78), «установочный характер ответа» (–0,46); при этом на положительном полюсе группируются переменные «внутренняя направленность» (0,45) и «активная позиция» (0,45). Фактор описывает способность пациента давать осмысленные, логически связанные и направленные на собственную личность ответы, которые противостоят формально-установочным штампам и паралогичным, разорванным ответам, не поддающимся классификации.

Третий фактор («Противоречивость рефлексии», объясняет 11,6% дисперсии) включает переменные «развернутость ответа» (0,60) и «неклассифицируемые ответы» (0,48) на одном полюсе и «содержание: личность» (–0,64) с «позитивным будущим» (–0,43) — на другом. Подобное сочетание указывает на то, что актуализация тем, связанных с собственной личностью и позитивными планами на будущее, вызывает у больных шизофренией резкое снижение речевой развернутости; и наоборот, повышение речевой активности (развернутости) часто приводит к продуцированию неадекватных (неклассифицируемых) ответов, оторванных от реального Я.

Четвертый фактор («Защитная ориентация на близких», объясняет 10,0% дисперсии). В данный конструкт с высокими отрицательными нагрузками вошли переменные «персоны: близкие» (–0,77), «установочный характер ответа» (–0,73) и «эгоцентрическая социальная мотивация» (–0,46). Этот фактор отражает стремление использовать социально желательные, формальные конструкты, в которых центральное место отводится семье. Эта установка носит эгоцентричный и рентный характер, позволяя больному выстраивать нормативный фасад для маскировки коммуникативного дефицита.

Пятый фактор («Аутистическая пассивность», объясняет 6,9% дисперсии) отражает нарушение социальной направленности, отсутствие инициативы в разрешении жизненных трудностей и полное угасание эмоционального и альтруистического интереса к окружающим людям и включает в себя переменные: «активная позиция» (–0,67), «ожидание от других чувств» (–0,50) и «контакт в интересах других людей» (–0,49).

Результаты факторного анализа группы ПЗ следует интерпретировать с осторожностью ввиду малого объема группы. Тем не менее полученная структура (5 факторов, совокупно объясняющих 90,2% дисперсии) имеет качественный смысл. Выделенная структура принципиально отличается от таковой в клинических группах высокой степенью интеграции адаптивных стратегий: у группы ПЗ конструкты не распадаются на мелкие изолированные фрагменты, а интегрируются в мощные, согласованные векторы адаптации.

Первый фактор («Продуктивность и коммуникативная активность», объясняет 53,5% дисперсии). Этот генеральный фактор объединяет подавляющую часть дисперсии и отражает мощный интегративный механизм совладания. В него вошли переменные: «развернутость ответа» (0,96), «активная позиция» (0,95), «внешняя направленность» (0,92), «контакт в интересах других людей» (0,92) и «внутренняя направленность» (0,85). Этот конструкт свидетельствует о высокой когнитивной сложности и мобилизации ресурсов: психически здоровые лица демонстрируют высокую речевую продуктивность, экстравертированность, альтруистическую направленность и готовность к конструктивному диалогу.

Второй фактор («Смысловая структурированность и осмысленность», объясняет 11,4% дисперсии) включает переменные с высокими отрицательными нагрузками: «неклассифицируемые ответы» (–0,87) и «отказ от активности, деятельности» (–0,76). Положительный полюс этого фактора описывает способность здоровых лиц давать четкие, логичные, целенаправленные ответы и сохранять мотивацию к деятельности.

Третий фактор («Аффективная значимость близкого окружения», объясняет 9,1% дисперсии) объединяет категории «персоны: близкие» (0,80) и «ожидание от других чувств» (0,68) и подчеркивает роль семьи и эмоциональной поддержки со стороны значимых лиц как важнейшего ресурса для психологической устойчивости.

Четвертый фактор («Личностно-профессиональная рефлексия», объясняет 9,0% дисперсии) включает переменные «личность» (0,88) и «профессия» (0,74) и отражает сохранность высших уровней самосознания.

Пятый фактор («Ситуативная соматическая тревога», объясняет 7,2% дисперсии) включает переменные «пропуски ответов» (0,94), «негативное настоящее» (0,94) и «соматическое здоровье» (0,60) и отражает адекватную ситуативную реакцию на стресс: переживание текущего момента как негативного закономерно актуализирует озабоченность собственным физическим самочувствием, что на поведенческом уровне сопровождается ростом отказов (пропусков) при ответах на проективные стимулы.

На следующем этапе были выявлены статистически значимые различия между нозологическими группами по переменным, отражающим особенности темпоральной шкалы (табл. 7) и содержание мотивационно-смысловой сферы (табл. 8).

Было установлено, что для лиц с расстройствами личности по сравнению с остальными группами характерна амбивалентная оценка будущего ($p < 0,01$), сочетающаяся с наиболее частыми отсылками к различным периодам времени ($p < 0,05$). В мотивационно-смысловой сфере представлено большое количество смысловых тем, отражающих активную позицию ($p < 0,05$) и внутреннюю направленность ($p < 0,05$), с ориентацией на достижение определенного образа жизни ($p < 0,05$), включая гедонистическую мотивацию ($p < 0,05$). Мотивация социального взаимодействия представлена ожиданием от других людей активных действий ($p < 0,05$) и отказом от межличностного взаимодействия ($p < 0,05$).

Для лиц с расстройствами шизофренического спектра характерно большое количество нестандартных, неклассифицируемых (например: «Стремлюсь к познанию первопричин этого мироздания», «Лучшая награда — спасение людей от потусторонних, инопланетных угроз» и пр.) мотивационно-смысловых тем ($p < 0,01$). Среди тем, доступных для оценивания, отмечается выраженная активная позиция ($p < 0,05$), сочетающаяся с невыраженной внешней направленностью мотивации ($p < 0,01$), а также наиболее выраженной среди всех нозологических групп направленностью на достижение определенного образа жизни ($p < 0,05$) и удовлетворение гедонистических потребностей ($p < 0,05$). При этом будущее время ($p < 0,05$) представлено в меньшей степени, чем у других нозологических групп.

У психически здоровых обследованных на темпоральной шкале наиболее выраженными временными промежутками являются периоды ближайшего ($p < 0,05$) и отдаленного будущего ($p < 0,05$). Смысловые темы имеют преимущественно внешнюю направленность ($p < 0,01$), однако может быть и внутренняя направленность ($p < 0,05$). Социальные мотивы представлены эгоцентрической социальной мотивацией ($p < 0,05$), сочетающейся с ожиданием действий от окружающих ($p < 0,05$).

Таблица 7 / Table 7

Достоверные различия по темпоральной шкале между группами испытуемых
Significant differences on the temporal scale between subject groups

Темпоральная шкала / Temporal scale	**H Краскала—Уоллиса / H Kruskal—Wallis**	**p**	**Средние ранги / Mean ranks**		
			РЛ / PD	**ШС / SSD**	**ПЗ / HC**
Упоминание времени / Mention of time	6,415	0,040	75,79	66,78	63,00
Близкое будущее / Near future	7,848	0,020	74,36	64,18	97,15
Далекое будущее / Distant future	12,996	0,002	78,19	54,64	95,94
Позитивное отношение к будущему / Positive attitude towards the future	15,716	0,001	77,83	52,28	82,88
Негативная оценка будущего / Negative appraisal of the future	13,945	0,003	80,02	55,79	63,82
Нейтральная оценка будущего / Neutral appraisal of the future	6,000	0,050	76,52	66,69	59,32

Примечание: РЛ — лица с расстройствами личности, ШС — лица с расстройствами шизофренического спектра, ПЗ — психически здоровые лица.
Note: PD — individuals with personality disorders, SSD — individuals with schizophrenia spectrum disorders, HC — healthy controls.

Таблица 8 / Table 8

Достоверные различия по показателям, отражающим содержание мотивационно-смысловой сферы, между группами испытуемых
Significant differences between subject groups in indicators reflecting the content of the motivational-semantic sphere

Мотивационно-смысловые темы / Motivational-semantic themes	**H Краскала—Уоллиса / H Kruskal—Wallis**	**p**	**Средние ранги / Mean ranks**		
			РЛ / PD	**ШС**	**ПЗ**
Нестандартность / Non-standardness	16,671	0,001	65,59	91,69	65,85
Активная позиция / Active stance	5,896	0,049	75,87	63,43	71,12
Определенный образ жизни / Particular way of life	7,804	0,046	70,28	79,29	63,79
Отдых / Rest	7,953	0,047	71,38	74,645	69
Внутренняя направленность / Internal orientation	9,576	0,023	79,06	54,92	60,24
Внешняя направленность / External orientation	12,305	0,002	79,49	51,72	65,29
Эгоцентрическая социальная мотивация / Egocentric social motivation	8,269	0,039	69,46	74,655	79,09

Ожидание действий / Expectation of actions	8,826	0,028	76,03	62,53	71,24
Отказ от социального взаимодействия / Refusal of social interaction	8,672	0,025	74,8	69,375	61,85

Примечание: РЛ — лица с расстройствами личности, ШС — лица с расстройствами шизофренического спектра, ПЗ — психически здоровые лица.
Note: PD — individuals with personality disorders, SSD — individuals with schizophrenia spectrum disorders, HC — healthy controls.

Обсуждение результатов

Модифицированный и переведенный в количественную систему оценки ММИ Ж. Нюттена доказал свою психометрическую надежность и конструктную валидность. Результаты исследования убедительно демонстрируют, что структурно-содержательные и темпоральные характеристики смысловой сферы обладают выраженной нозоспецифичностью.

В практическом отношении особую диагностическую ценность представляет выделенный мотивационно-смысловой профиль, специфичный для лиц с расстройствами личности. Для данной нозологической группы характерна выраженная амбивалентность временной перспективы: склонность выстраивать идеализированные, формально-нормативные сценарии будущего сочетается с глубоким аффективным «застреванием» на негативном опыте прошлого. Выявленное с помощью ММИ доминирование гедонистических мотивов на фоне пассивно-зависимой социальной позиции (ожидание от окружающих активных действий при отказе от собственной ответственности) выступает надежным маркером инфантильности и внешнеобвиняющих форм поведения. Диагностика подобного симптомокомплекса, сопровождающегося тенденциями к эмоциональной отстраненности и отказу от конструктивной деятельности, позволяет прогнозировать высокий риск дезадаптации и вероятность реализации аутодеструктивных паттернов поведения в стрессовых (в том числе юридически значимых) ситуациях.

Не менее значимым для клинической и экспертной работы является профиль, характерный для лиц с расстройствами шизофренического спектра. В этой группе на первый план выходит смысловая разорванность и дефицитарность: сужение перспективы будущего сочетается с противоречивостью рефлексии. Фиксация с помощью ММИ высокого числа пропусков наряду со смысловой пустотой или паралогичными конструктами может быть тесно связана с нарушениями целеполагания и выраженного снижения прогностических способностей.

Заключение

Проведенный теоретико-эмпирический анализ подтвердил высокие психометрические показатели модифицированного варианта оценки ММИ Ж. Нюттена, в частности его внутреннюю согласованность и критериальную валидность. Это обосновывает возможность применения методики в судебно-психиатрической практике в качестве надежного инструмента объективизации смысловой сферы лиц, совершивших противоправные деяния. Показан диагностический потенциал метода при решении задач дифференциальной диагностики: методика позволяет достоверно выявлять нозоспецифические особенности мотивационно-смысловой сферы, дифференцируя паттерны целеполагания и временной

перспективы у лиц с расстройствами личности, расстройствами шизофренического спектра и психически здоровых лиц.

Несмотря на специфику исследованной выборки, модифицированный инструментарий применим и в общей клинико-психологической практике для работы с лицами, не являющимися подэкспертными. Выделенные нозоспецифические особенности смысловой сферы могут служить надежными маркерами при дифференциальной диагностике, оценке эффективности психотерапии и прогнозировании социального функционирования пациентов в обычных (не юридически значимых) условиях.

Таким образом, модифицированный вариант ММИ Ж. Нюттена не заменяет существующие диагностические инструменты, а занимает специфическую, ранее дефицитарную нишу в общей батарее методик, выступая связующим звеном между оценкой когнитивных функций и исследованием личностно-смысловых конструктов. Сопоставление результатов ММИ с клиническими и экспериментально-психологическими данными обеспечивает эксперта объективными критериями для решения диагностических задач.

Ограничения и перспективы исследования. Несмотря на полученные значимые результаты, настоящее исследование имеет ряд ограничений. В рамках данной статьи нами были исключены переменные, связанные с криминальной и судебно-следственной ситуацией, для того чтобы сфокусироваться исключительно на анализе общих психометрических свойств метода и фундаментальных нозоспецифических различиях между группами лиц с расстройствами личности, расстройствами шизофренического спектра и группой психически здоровых лиц. Детальный анализ судебно-следственных паттернов и прикладного экспертного значения выявленных особенностей мотивационной сферы, в частности — их влияния на способность подэкспертных осознавать свои действия и руководить ими, составит предмет дальнейшей адаптации ММИ для экспертных задач. Размеры сравниваемых нозологических подгрупп являются неравными, в связи с этим для межгрупповых сравнений использовались непараметрические критерии, однако увеличение выборок лиц с расстройствами шизофренического спектра и психически здоровых лиц, а также выделение специфических факторных структур для различных нозологических групп представляют собой перспективные направления исследований. Как и любая проективная методика, ММИ Ж. Нюттена, даже при наличии модифицированного рубрикатора, оставляет пространство для субъективности исследователя при отнесении ответа к той или иной категории. В дальнейших исследованиях целесообразно изучение согласованности оценок независимых экспертов.

Помимо отмеченных ограничений, перспективными представляются следующие направления дальнейших исследований. Во-первых, перспективным является расширение нозологического спектра. Внедрение методики в экспертную практику при обследовании лиц с органическими психическими расстройствами, умственной отсталостью или зависимостями от психоактивных веществ позволит выявить специфические особенности мотивационно-смысловой сферы, характерные для данных групп, и сравнить их с уже описанными профилями при расстройствах личности и расстройствах шизофренического спектра. Во-вторых, актуальной задачей является сопоставление полученных данных с результатами патопсихологического эксперимента, что позволит создать комплексную модель оценки способности подэкспертных к осознанно-волевой регуляции поведения, которая будет выступать в качестве дополнительного инструмента для экспертного суждения.

Limitations and future research. Despite the significant results obtained, the present study has a number of limitations. In this article, we excluded variables related to the criminal and forensic-investigative context in order to focus exclusively on analyzing the general psychometric properties of the method and the fundamental nosology-specific differences between groups of individuals with personality disorders, schizophrenia spectrum disorders, and mentally healthy individuals. A detailed analysis of forensic-investigative patterns and the applied forensic significance of the identified features of the motivational sphere-specifically, their impact on the examinees' ability to comprehend and control their actions-will be the subject of further adaptation of the MIM for expert evaluation purposes. The sizes of the compared nosological subgroups are unequal; therefore, non-parametric tests were used for intergroup comparisons. However, increasing the sample sizes of individuals with schizophrenia spectrum disorders and mentally healthy individuals, as well as identifying specific factor structures for different nosological groups, represents a promising direction for future research. Like any projective technique, J. Nuttin's MIM, even with a modified scoring rubric, leaves room for researcher subjectivity when assigning a response to a particular category. In future studies, it would be advisable to examine the inter-rater reliability among independent experts. Beyond the aforementioned limitations, the following avenues for future research appear promising. First, extending the nosological spectrum is a significant direction. Implementing this methodology into forensic practice for the assessment of individuals with organic mental disorders, intellectual disabilities, or substance use disorders will facilitate the identification of specific features within the motivational-semantic sphere characteristic of these groups, enabling a comparison with the profiles already established for personality and schizophrenia spectrum disorders. Second, a key objective is to integrate the obtained data with results from pathopsychological testing. This will enable the development of a comprehensive model for assessing a subject's capacity for conscious volitional regulation of behavior, which may serve as a supplementary tool for expert judgment.

Список источников / References

1. Бочарова, Е.Е. (2017). Временная перспектива старшеклассников с разным уровнем субъективного контроля. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития, 6*(2), 157—163. https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-2-157-163
   Bocharova, E.E. (2017). Time Prospective of Senior High School Students with Different Levels of Subjective Control. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology, 6*(2), 157—163. (In Russ.). https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-2-157-163
2. Братухина, Е.А., Братухин, А.Г., Ражина, Н.Ю. (2023). Особенности восприятия времени в смысловой регуляции личности. *International Journal of Medicine and Psychology, 6*(2), 102—108. URL: https://elibrary.ru/zauluz (дата обращения: 01.07.2025).
   Bratukhina, E.A., Bratukhin, A.G., Razhina, N.Yu. (2023). Features of time perception in the semantic regulation of personality. *International Journal of Medicine and Psychology, 6*(2), 102—108. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zauluz (viewed: 01.07.2025).
3. Гайворонская, А.А. (2023). Портрет личности и его исследование психосемантикой. *Психолог*, 5, 138—145. https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.5.39269

Gaivoronskaya, A.A. (2023). Portrait of a personality and its study by psychosemantics. *Psychologist*, 5, 138—145. (In Russ.). https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.5.39269

4. Гиленко, Т.Д., Гадисов, Т.Г., Зейгер, М.В., Самылкин, Д.В., Ткаченко, А.А. (2024). Особенности мотивационного и эмоционального профилей у лиц с расстройством личности, совершивших агрессивные правонарушения против личности. *Российский психиатрический журнал*, 1, 23—36. URL: https://elibrary.ru/lomvia (дата обращения: 01.07.2025).
   Gilenko, T.D., Gadisov, T.G., Zeiger, M.V., Samylkin, D.V., Tkachenko, A.A. (2024). Special aspects of motivational and emotional profiles of individuals with personality disorder who have committed aggressive offenses against person. *Russian Journal of Psychiatry*, 1, 23—36. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/lomvia (viewed: 01.07.2025).
5. Демидова, Л.Ю., Ткаченко, А.А. (2025). Категории мотива и цели в уголовном праве и судебной психологии. *Психология и право, 15*(1), 29—43. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150103
   Demidova, L.Y., Tkachenko, A.A. (2025). Categories of motive and purpose in criminal law and forensic psychology. *Psychology and Law, 15*(1), 29—43. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150103
6. Зейгарник, Б.В., Холмогорова, А.Б., Мазур, Е.С. (1989). Саморегуляция поведения в норме и патологии. *Психологический журнал, 10*(2), 122—132. URL: https://elibrary.ru/pojelz (дата обращения: 01.07.2025).
   Zeygarnik, B.V., Kholmogorova, A.B., Mazur, E.S. (1989). Self-regulation of behavior in norm and pathology. *Psychological Journal, 10*(2), 122—132. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/pojelz (viewed: 01.07.2025).
7. Каширский, Д.В. (2014). *Психология личностных ценностей: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук*. М.
   Kashirskiy, D.V. (2014). *Psychology of personal values: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.)*. Moscow. (In Russ.).
8. Каширский, Д.В., Старосельцева, О.В. (2021). Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. *Психология и право, 11*(1), 121—134. https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110110
   Kashirskiy, D.V., Staroseltseva, O.V. (2021). Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes. *Psychology and Law, 11*(1), 121—134. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110110
9. Каширский, Д.В., Старосельцева, О.В. (2024). Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2). *Психология и право, 14*(1), 183—196. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140112
   Kashirskiy, D.V., Staroseltseva, O.V. (2024). Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2). *Psychology and Law, 14*(1), 183—196. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140112
10. Кудрявцев, И.А. (1988). *Судебная психолого-психиатрическая экспертиза.* М.: Юридическая литература.

Kudryavtsev, I.A. (1988). *Forensic psychological and psychiatric examination.* Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. (In Russ.).

11. Кудрявцев, И.А., Ратинова, Н.А. (2000). *Криминальная агрессия. Экспертная типология и судебно-психологическая оценка.* М.: МГУ.
    Kudryavtsev, I.A., Ratinova, N.A. (2000). *Criminal aggression. Expert typology and forensic psychological assessment.* Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
12. Леонтьев, Д.А. (2003). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.* М.: Смысл.
    Leontiev, D.A. (2003). *Psychology of meaning: Nature, structure and dynamics of semantic reality.* Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
13. Леонтьев, Д.А. (1987). *Структурная организация смысловой сферы личности: Дис. ... канд. психол. наук.* М.
    Leontiev, D.A. (1987). *Structural organization of the semantic sphere of personality: Diss. Cand. Sci. (Psychol).* Moscow. (In Russ.).
14. Лузаков, А.А. (2008). Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 64—76. URL: https://elibrary.ru/pzvfcl (дата обращения: 01.07.2025).
    Luzakov, A.A. (2008). Psychosemantics of personality traits: Normative and comparative approaches. *Human. Community. Management*, 3, 64—76 (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/pzvfcl (viewed: 01.07.2025).
15. Нюттен, Ж. (2004). *Мотивация, действие и перспектива будущего.* М.: Смысл.
    Nuttin, J. (2004). *Motivation, action and future perspective.* Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
16. Ошевский, Д.С., Назарова, Н.Г. (2016). Смысловая сфера несовершеннолетних осужденных. *Психология и право, 6*(4), 58—71. https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060407
    Oshevsky, D.S., Nazarova, N.G. (2016). The semantic sphere of juvenile offenders. *Psychology and Law, 6*(4), 58—71. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060407
17. Плотникова, Н.Н. (2017). Динамика образа карьеры студентов педагогических специальностей в процессе профессионального образования. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 23*(4), 98—102. URL: https://elibrary.ru/yosoje (дата обращения: 23.01.2026).
    Plotnikova, N.N. (2017). Pedagogic specialties students' career image dynamics in the course of professional education. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 23*(4), 98—102. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/yosoje (viewed: 23.01.2026).
18. Розанов, И.А. Структурно-динамическая модель ценностно-смысловой регуляции деятельности: теоретико-математическая реконструкция на основе уравнения К. Левина (2026). *Медицинская психология в России, 18*(2), 79—93. https://doi.org/10.24884/2219-8245-2026-18-2-80-94
    Rozanov, I.A. (2026). Tructural-dynamic model of value-semantic regulation of activities: theoretical-mathematical reconstruction based on the K. Levin equation. *Medical Psychology in Russia, 18*(2), 79—93. (In Russ.). https://doi.org/10.24884/2219-8245-2026-18-2-80-94
19. Рубинштейн, С.Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир.* СПб: Питер. URL: https://elibrary.ru/lbqest (дата обращения: 23.01.2026).
    Rubinshteyn, S.L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world.* Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/lbqest (viewed: 23.01.2026).

20. Рычкова, О.В., Холмогорова, А.Б. (2014). Основные теоретические подходы к исследованию нарушений социального познания при шизофрении: современный статус и перспективы развития. *Консультативная психология и психотерапия, 22*(4), 30—43. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2014_n4/74202 (дата обращения: 10.04.2026).
Rychkova, O.V., Kholmogorova, A.B. (2014). The main theoretical approaches to the study of disorders of social cognition in schizophrenia: current status and prospects of development. *Counseling Psychology and Psychotherapy, 22*(4), 30—43. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/cpp/archive/2014_n4/74202 (viewed: 10.04.2026).
21. Самылкин, Д.В., Ткаченко, А.А. (2025). Особенности системы индивидуальности, релевантные процессам психической саморегуляции у обвиняемых с личностными расстройствами. *Российский психиатрический журнал*, 2, 27—37. URL: https://elibrary.ru/fyqvgy (дата обращения: 10.04.2026).
Samylkin, D.V., Tkachenko, A.A. (2025). Features of the personality system relevant to the processes. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 27—37. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/fyqvgy (viewed: 10.04.2026).
22. Самылкин, Д.В., Ткаченко, А.А. (2021). Структура аномальной личности как нарушение временной перспективы. *Российский психиатрический журнал*, 3, 32—44. https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10304
Samylkin, D.V., Tkachenko, A.A. (2021). Structure of anomalous personality as a violation of time perspective of self-regulation in defendants with personality disorders. *Russian Journal of Psychiatry*, 3, 32—44. (In Russ.). https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10304
23. Сафуанов, Ф.С. (2024). *Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза.* М.: Юрайт. URL: https://elibrary.ru/zouzfi (дата обращения: 10.04.2026).
Safuanov, F.S. (2024). *Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination.* Moscow: Yurait Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zouzfi (viewed: 10.04.2026).
24. Соболев, И.В., Тагильцева, А.В. (2025). Особенности знаково-символического опосредования понятий у больных шизофренией в условиях наличия или отсутствия мотива социальной значимости (пилотное исследование). *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева, 59*(2), 90—99. https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-1011
Sobolev, I.V., Tagil'tseva, A.V. (2025). Features of sign-symbolic mediation of concepts in patients with schizophrenia in the presence or absence of the motive of social significance (pilot study). *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology, 59(*2), 90—99. (In Russ.). https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-1011
25. Старосельцева, О.В. (2020). Криминальная деятельность обвиняемых в особо тяжких преступлениях в контексте нарушений мотивационного и целевого уровней регуляции деятельности. *Психолог*, 3, 87—102. https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.3.32973
Starosel'tseva, O.V. (2020). Criminal activity of the accused in grave crimes in the context of disorders in motivational and target levels of regulation of activity. *Psychologist*, 3, 87—102. (In Russ.). https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.3.32973
26. Терехина, Н.С. (2014). Соотношение субъектных и личностных характеристик при построении временной перспективы у людей разных профессий. *Психологические исследования*, 7(35). https://doi.org/10.54359/ps.v7i35.628
Terekhina, N.S. (2014). The subjective and personal characteristics ratio in the construction of

time perspective planning in people of different professions. *Psychological Studies*, 7(35). (In Russ.). https://doi.org/10.54359/ps.v7i35.628

27. Ткаченко, А.А., Самылкин, Д.В., Гиленко, Т.Д., Никитский, И.С., Проскурина, В.В. (2025). *Судебно-психиатрическое значение искажений процессов понимания (осознания), внутренней речи и вероятностного прогнозирования: Аналитический обзор.* М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: https://elibrary.ru/hvbvmc (дата обращения: 10.04.2026).
Tkachenko, A.A., Samylkin, D.V., Gilenko, T.D., Nikitskiy, I.S., Proskurina, V.V. (2025). *Forensic psychiatric significance of distortions in the processes of understanding (awareness), inner speech, and probabilistic forecasting: Analytical review.* Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russia Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/hvbvmc (viewed: 10.04.2026).
28. Холмогорова, А.Б., Минакова, К.Ю. (2014). Социальное познание, социальная ангедония и депрессивная симптоматика у больных шизофренией: существует ли связь? *Психическое здоровье, 12*(12), 52—59. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22800911 https://elibrary.ru/teytpd (дата обращения: 22.02.2026).
Kholmogorova, A.B., Minakova, K.Yu. (2014). Social cognition, social anhedonia, and depressive symptoms in patients with schizophrenia: Is there a connection? *Mental Health, 12*(12), 52—59. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22800911 https://elibrary.ru/teytpd (viewed: 22.02.2026).
29. Шеховцова, Е.С. (2025). Возможности оценки мотивационно-смыслового уровня саморегуляции у лиц с расстройством личности, обвиняемых в совершении противоправных действий. В: *Психиатрия и наркология: клинико-диагностические, лечебно-реабилитационные и медико-социальные вопросы: сборник трудов XIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 18 марта 2025 г.)* (с. 52—58). Краснодар.
Shekhovtsova, E.S. (2025). Possibilities of assessing the motivational-semantic level of self-regulation in persons with personality disorder accused of committing illegal actions. In: *Psychiatry and Narcology: Clinical-Diagnostic, Treatment-Rehabilitation and Medical-Social Issues: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference (Krasnodar, March 18, 2025)* (pp. 52—58). Krasnodar. (In Russ.).
30. Шеховцова, Е.С., Гиленко, Т.Д. (2025). Нозологическая специфика мотивационно-смысловой сферы как критерий способности к осознанной регуляции своих действий. В: *Зейгарниковские чтения. Клиническая психология в современном мире: вызовы и ресурсы: Материалы II международной научно-практической конференции. Москва, 13–15 ноября 2025 г.* (с. 551—554). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/zeigarnikovskie_chteniya_2025/ (дата обращения: 22.02.2026).
Shekhovtsova, E.S., Gilenko, T.D. (2025). Nosological specificity of the motivational-semantic sphere as criteria of the ability to consciously regulate one's actions. In: *Zeigarnik Readings. Clinical Psychology in the Modern World: Challenges and Resources: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 13–15, 2025* (pp. 551—554). Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.). URL:

https://psyjournals.ru/nonserialpublications/zeigarnikovskie_chteniya_2025/ (viewed: 22.02.2026).

31. Шеховцова, Е.С., Никитский, И.С., Гиленко, Т.Д. (2026). Оценка способности к восприятию и пониманию в практике судебной психиатрии и психологии. *Социальная и клиническая психиатрия, 36*(2), 77—88. URL: https://elibrary.ru/awxgcy (дата обращения: 22.02.2026).
    Shekhovtsova, E.S., Nikitskiy, I.S., Gilenko, T.D. (2026). Assessment of the capacity for perception and comprehension in forensic psychiatry and forensic psychology practice. *Social and Clinical Psychiatry, 36*(2), 77—88. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/awxgcy (viewed: 22.02.2026).
32. Шпорт, С.В., Дубинский, А.А., Проничева, М.М., Розанов, И.А. (2025). Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности как факторы риска девиантного поведения. *Психология и право, 15*(2), 185—206. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150213
    Shport, S.V., Dubinsky, A.A., Pronicheva, M.M., Rozanov, I.A. (2025). Value-semantic and individual-psychological characteristics as risk factors of deviant behavior. *Psychology and Law, 15*(2), 185—206. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150213
33. Штода, Д. П. (2025). Особенности ценностно-мотивационной сферы подростков склонных к девиантному поведению. В: А.Н. Дворцова (ред.), *Первый шаг в науку: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции: В 2-х томах. Том 1* (с. 265—268). Луганск: Издательство ЛГПУ. URL: https://elibrary.ru/ouzmnk (дата обращения: 22.02.2026).
    Shtoda, D.P. (2025). Features of the value-motivational sphere of adolescents prone to deviant behavior. In: A.N. Dvortsova (Ed.), *First Step into Science: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference: In 2 vol. Vol. 1* (pp. 265—268). Lugansk: Lugansk State Pedagogical University Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/ouzmnk (viewed: 22.02.2026).
34. Allemand, M., Olaru, G., Hill, P.L. (2024). Future time perspective and depression, anxiety, and stress in adulthood. *Anxiety, Stress & Coping, 38*(1), 58—72. https://doi.org/10.1080/10615806.2024.2383220
35. Bandhu, D., Mohan, M.M., Nittala, N.A.P., Jadhav, P., Bhadauria, A., Saxena, K.K. (2024). Theories of motivation: A comprehensive analysis of human behavior drivers. *Acta Psychologica, 244*, Article 104177. https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104177
36. Bondareva, E., Karamyan, M., Mullabaeva, N., Bondarchuk, O. (2024). The life perspectives of students as a factor of mindful attitude towards learning. *SPAST Reports, 1*(1). https://doi.org/10.69848/sreports.v1i1.4597
37. Damiani, S., Zarbo, C., Stolarski, M., Zamparini, M., Casiraghi, L., Rocchetti, M., Starace, F., Fusar-Poli, P., de Girolamo, G. (2023). Time will tell: Associations between unbalanced time perspectives and symptom severity in individuals with schizophrenia spectrum disorders. *Schizophrenia Research, 261*, 116—124. https://doi.org/10.1016/j.schres.2023.09.016
38. Gigerenzer, G. (2008). Moral intuition — fast and frugal heuristics? In: W. Sinnott-Armstrong (Ed.), *Moral Psychology, Volume 2: The Cognitive Science of Morality: Intuition and Diversity* (pp. 1—28). Cambridge, MA: MIT Press.
39. Lens, W., Paixão, M.P., Herrera, D., Grobler, A. (2012). Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of

motivation. *Japanese Psychological Research, 54*(3), 321—333. https://doi.org/10.1111/j.1468-5884.2012.00520.x

40. Martin, H., Stenling, A., Hargreaves, E.A. (2024). Motivational profiles for eating behavior and their associations with intuitive eating. *Appetite, 201*, Article 107603. https://doi.org/10.1016/j.appet.2024.107603
41. Nuttin, J., Lens, W. (1985). *Future time perspective and motivation: Theory and research method.* Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Erlbaum.
42. O'Connor, R.C., Smyth, R., Williams, J.M.G. (2015). Intrapersonal positive future thinking predicts repeat suicide attempts in hospital-treated suicide attempters. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 83*(1), 169—176. https://doi.org/10.1037/a0037846
43. Oyanadel, C., Buela-Casal, G. (2014). Time perception and psychopathology: Influence of time perspective on quality of life of severe mental illness. *Actas Espanolas de Psiquiatria, 42*(3), 99—107 URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24844809/ (viewed: 22.02.2026).
44. Quinton, T.S., Brunton, J.A. (2017). Implicit processes, self-regulation and interventions for behavior change. *Frontiers in Psychology, 8*, Article 346. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00346
45. Read, S.J., Miller, L.C. (2023). Behavioral regulation relies on interacting forces and predictive models. *Journal of Personality, 91*(4), 917—927. https://doi.org/10.1111/jopy.12815
46. Sterna, A., Sakakibara, E., Moskalewicz, M. (2025). Time perception and lived experience in personality disorders: differences across types, dimensions and severity. *PeerJ, 13*, Article e19403. https://doi.org/10.7717/peerj.19403
47. Stolarski, M., Fieulaine, N., Zimbardo, P.G. (2018). Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. In: V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (Eds.), *The SAGE Handbook of Personality and Individual Differences: Volume I: The Science of Personality and Individual Differences* (pp. 592—628). Thousand Oaks: SAGE. https://doi.org/10.4135/9781526451163.n28
48. Styła, R., Zajenkowski, M. (2023). Time perspective and working memory impairments among persons diagnosed with schizophrenia. *Personality and Individual Differences, 210*(16), Article 112215 https://doi.org/10.1016/j.paid.2023.112215
49. Van Beek, W., Berghuis, H., Kerkhof, A., Beekman, A. (2011). Time perspective, personality and psychopathology: Zimbardo's time perspective inventory in psychiatry. *Time & Society, 20*(3), 364—374. https://doi.org/10.1177/0961463X10373960
50. Vázquez, S.M., Rapetti, M.V. (2006). Future time perspective and motivational categories in Argentinean adolescents. *Adolescence, 41*(163), 511—532. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17225665/ (viewed: 23.11.2025).
51. Zarbo, C., Stolarski, M., Martella, D., Toffol, E., de Girolamo, G. (2025). Time perspective matters for working alliance in schizophrenia care: Insights from the DiAPAson project. *Clinical Psychology & Psychotherapy, 32*(5), Article e70151. https://doi.org/10.1002/cpp.70151
52. Zimbardo, P.G., Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology, 77*(6), 1271—1288. https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271

Информация об авторах

Елена Сергеевна Шеховцова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения психогений и расстройств личности, отдел судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3379-3521, e-mail: shekhovtsova.e@serbsky.ru

Иван Сергеевич Никитский, кандидат медицинских наук, научный сотрудник отделения психогений и расстройств личности, отдел судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6238-6496, e-mail: nikitskiy.i@serbsky.ru

Information about the authors

Elena S. Shekhovtsova, Candidate of Science (Psychology), Senior Research Associate of the Department of Psychogenias and Personality Disorders, Division of Forensic Psychiatric Examination in Criminal Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3379-3521, e-mail: shekhovtsova.e@serbsky.ru

Ivan S. Nikitskiy, Candidate of Science (Medicine), Research Associate of the Department of Psychogenias and Personality Disorders, Division of Forensic Psychiatric Examination in Criminal Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6238-6496, e-mail: nikitskiy.i@serbsky.ru

Вклад авторов

Шеховцова Е.С. — концептуализация исследования; разработка модификации метода ММИ; сбор и систематизация данных; написание, аннотирование и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Никитский И.С. — разработка дизайна исследования; идея исследования; проведение исследования; статистическая обработка и анализ данных; написание рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena S. Shekhovtsova — conceptualization; development of the MIM modification; data collection and systematization; manuscript writing, annotation and design; research planning; control over the research.

Ivan S. Nikitskiy — research design; research idea; conducting the study; statistical analysis and data processing; manuscript writing.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено локальным этическим комитетом ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (протокол № 45/4 от 23.09.2024).

Ethics Statement

The study was reviewed and approved by the local Ethics Committee of the V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (report no. 45/4, 23.09.2024).

Поступила в редакцию 16.04.2026 Received 2026.04.16
Поступила после рецензирования 23.06.2026 Revised 2026.06.23
Принята к публикации 23.06.2026 Accepted 2026.06.23
Опубликована 30.09.2026 Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 240–258.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160313
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 240–258.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160313
ISSN 2222-5196 (online)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Технология Big Data и ее влияние на личностное благополучие студентов: психологические риски и правовые решения

И.В. Афанасьева[1] ✉, **И.В. Афанасьев**[2]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
[2] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
✉ irinaafva@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Применение Big Data в университетском образовании открывает широкие возможности для индивидуализации обучения, но сопровождается психологическими рисками: нарушением восприятия автономии, доверия к вузу, ростом тревожности, эмоциональным отчуждением и снижением личностного благополучия студентов. Снижение таких рисков возможно путем интеграции психологических и правовых аспектов, что обеспечит баланс инноваций, защиты данных и психологического комфорта. **Цель:** выявить психологические последствия применения Big Data в высшем образовании и предложить решения, минимизирующие риски и обеспечивающие личностное благополучие студентов. **Методы:** междисциплинарный подход: опросы студентов (шкала Лайкерта — тревожность, восприятие мониторинга); интервью (отчуждение, доверие); контент-анализ; анализ ФЗ-152; обобщение опыта успешных практик; сравнительный анализ; триангуляция. **Результаты:** установлены психологические риски: дегуманизация (62% респондентов ощущают себя «объектами данных»), эмоциональное отчуждение, утрата автономии (67% опрошенных), тревожность (3,5 по шкале Лайкерта). Успешные практики (информированное согласие, психолого-этические кодексы) снижают тревожность (до 2,1 по шкале Лайкерта) и укрепляют доверие (+70%). Устранение правовых пробелов снижает психологические риски и повышает личностное благополучие студентов. **Выводы:** психологические риски, связанные с использованием Big Data, могут быть смягчены через прозрачность процессов аналитики данных, внедрение психолого-этических кодексов и обязательное участие преподавателей в интерпретации данных. Гармонизация законодательства с международными стандартами и регулярный аудит

© Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., 2026
CC-BY-NC

алгоритмов необходимы для компенсации чувства незащищенности студентов, тревожности, для повышения доверия к аналитике данных, что способствует личностному благополучию студентов.

Ключевые слова: Big Data, образовательная аналитика, психологическое благополучие, тревожность, доверие, личностная автономия, эмоциональное отчуждение, правовое регулирование

Для цитирования: Афанасьева, И.В, Афанасьев, И.В. (2026). Технология Big Data и ее влияние на личностное благополучие студентов: психологические риски и правовые решения. *Психология и право, 16*(3), 240—258. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160313

Big Data technology and its influence on the personal well-being of students: psychological risks and legal solutions

I.V. Afanasyeva[1] ✉, **I.V. Afanasyev**[2]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
[2] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
✉ irinaafva@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The application of Big Data in university education opens wide opportunities for personalizing learning but is accompanied by psychological risks: impaired perception of autonomy, erosion of trust in the university, increased anxiety, emotional alienation, and reduced student psychological well-being. Mitigating these risks is possible through the integration of psychological and legal aspects, which would ensure a balance between innovation, data protection, and psychological comfort. **Objective.** To identify the psychological consequences of Big Data application in higher education (HE) and propose solutions that minimize risks and ensure student psychological well-being. **Methods.** An interdisciplinary approach: student surveys (Likert scale — anxiety, perception of monitoring); interviews (alienation, trust); content analysis; analysis of Federal Law No. 152-FZ (On Personal Data); synthesis of successful practice experience; comparative analysis; triangulation. **Results.** Established psychological risks include: dehumanization (62% of respondents feel like "data objects"), emotional alienation, loss of autonomy (67% of respondents), anxiety (3.5 on the Likert scale). Successful practices (informed consent, psycho-ethical codes) reduce anxiety (to 2.1) and strengthen trust (+70%). Addressing legal gaps reduces psychological risks and enhances student psychological well-being. **Conclusions.** Psychological risks associated with Big Data use can be mitigated through transparency in data analytics processes, implementation of psycho-ethical codes, and mandatory faculty involvement in data interpretation. Harmonizing legislation with international standards and conducting regular algorithm audits are necessary to compensate for student feelings of insecurity and anxiety, enhance trust in data analytics, and thereby promote student psychological well-being.

Keywords: Big Data, educational analytics, psychological well-being, anxiety, trust, personal autonomy, emotional alienation, legal regulation

For citation: Afanasyeva, I.V., Afanasyev, I.V. (2026). Big Data technology and its influence on the personal well-being of students: psychological risks and legal solutions. *Psychology and Law, 16*(3), 240—258. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160313

Введение

Современные университеты активно внедряют технологии Big Data, используя платформы управления обучением (LMS), системы распознавания эмоций и датчики посещаемости для мониторинга успеваемости, поведения и эмоционального состояния студентов. Эти инструменты способствуют выявлению студентов из групп риска и персонализации обучения, однако их применение порождает значительные психологические риски у студентов, включая повышенную тревожность, эмоциональное отчуждение и утрату личностной автономии. Интенсивный цифровой надзор, воспринимаемый студентами как постоянный контроль (62% ощущают себя «объектами данных»), подрывает доверие к вузам и усиливает чувство незащищенности, что негативно сказывается на психологическом благополучии всех субъектов образовательного процесса. Такие технологии требуют анализа их влияния на восприятие, эмоции и мотивацию студентов, а также интеграции с правовыми мерами для защиты персональных данных.

В академических исследованиях преобладают два подхода: технократический, акцентирующий внимание на эффективности алгоритмов, и подход, подчеркивающий правовые и социальные риски, такие как дискриминация и утрата человекоцентричности. Однако недостаточно работ, в которых системно анализируются психологические последствия Big Data, включая тревожность и отчуждение, в сочетании с этическими и правовыми аспектами, а также учитываются региональные особенности восприятия автономии и доверия.

Данная статья восполняет эти пробелы, предлагая междисциплинарный анализ с фокусом на психологические механизмы и разработку психолого-этических кодексов, этико-правовых стандартов, адаптированных к цифровизации университетов.

С практической точки зрения внедрение Big Data связано не только с технологическими вызовами, но и с репутационными рисками: утечка данных или их непрозрачное использование могут усилить тревожность, снизить мотивацию студентов, создать чувство личностного неблагополучия. Юридические последствия, такие как нарушение Федерального закона № 152-ФЗ, влекут штрафы и иски, а чрезмерный акцент на сборе данных может подорвать доверие, подавлять креативность и внутреннюю мотивацию у студентов.

Известны случаи, например в университетах США, когда студенты подавали иски из-за использования систем распознавания лиц на экзаменах, воспринимая это как вторжение в личное пространство, усиление чувства контроля и, как следствие, психологического дискомфорта. Подобные прецеденты показывают, что без учета психолого-этических последствий и правовых ориентиров технологии Big Data могут стать угрозой для личностного благополучия студентов.

Главная целевая установка статьи заключается в определении психологических последствий применения Big Data в высшем образовании, включая тревожность,

эмоциональное отчуждение и утрату автономии, и разработке решений, минимизирующих психологические и правовые риски и тем самым обеспечивающих личностное благополучие студентов. Достижение цели позволит систематизировать проблемы и противоречия, связанные с цифровизацией образования, разработать концепцию «цифрового доверия», основанную на прозрачности и контроле студентов над личными данными, и предложить рекомендации по повышению их психологического комфорта и защите личностной автономии.

Исследования последних лет подчеркивают значительный потенциал Big Data в университетском образовании: алгоритмы прогнозируют академические риски, позволяя вузам своевременно оказывать поддержку, а анализ данных обеспечивает персонализацию учебных материалов, адаптированных под индивидуальные потребности студентов (Dudin et al., 2020).

Однако активное использование Big Data порождает серьезные психологические риски, включая тревожность, эмоциональное отчуждение, утрату личностной автономии и подрыв доверия студентов к образовательным институтам. Сбор данных о поведении, эмоциях и активности через платформы LMS, системы распознавания эмоций и датчики посещаемости создает восприятие постоянного контроля, что, по данным опросов, приводит к ощущению 62% студентов себя «объектами данных», усиливая чувство незащищенности и снижая психологическое благополучие (Мартынова, Коваль, Жадунова, 2021).

Психологические аспекты применения Big Data занимают центральное место в современных исследованиях. Так М.Д. Мартынова и др. подчеркивают, что интенсивный цифровой надзор, включая анализ эмоций через камеры, формирует атмосферу контроля, повышая тревожность (средний показатель 3,5 по шкале Лайкерта) и вызывая эмоциональное отчуждение (Мартынова, Коваль, Жадунова, 2021). Е.А. Коваль акцентирует внимание на том, что алгоритмы, такие как ChatGPT, используемые для оценки эссе, лишают студентов человеческой обратной связи, снижая мотивацию и усиливая моральное отчуждение, особенно когда игнорируется контекст, например депрессивное состояние студента (Коваль, 2023). Это создает риск психологического неравенства, так как системы не учитывают индивидуальные особенности обучающихся. А.И. Смирнова и M. Mihăescu выделяют кросс-культурные различия в восприятии надзора: студенты из азиатских стран, реже взаимодействующие в LMS, ошибочно классифицируются как «невовлеченные», что порождает чувство несправедливости (Смирнова, 2023; Mihăescu, 2023). Например, в Румынии алгоритмы маркировали студентов из сельских регионов как «неамбициозных» из-за низкой активности в соцсетях, что усиливало у них психологический дискомфорт (Mihăescu, 2023). Ю.С. Харитонова и др. отмечают, что предвзятость алгоритмов (до 40% случаев) усиливает психологическое неравенство, ошибочно классифицируя студентов из регионов с низким качеством образования или мигрантов как «менее перспективных», что подрывает их самооценку и доверие к системе (Харитонова, 2021). Для смягчения этих рисков авторы рекомендуют регулярный аудит алгоритмов и использование синтетических данных для балансировки выборок, что снижает тревожность и чувство несправедливости у уязвимых групп.

Проблемы, связанные с дегуманизацией образования, имеют выраженную психологическую основу. Т.И. Суслова рассматривает Big Data как «зеркало общества», подчеркивая, что без гуманистического подхода технологии превращают студентов в метрики,

усиливая эмоциональное отчуждение (Суслова, 2020). Чрезмерный сбор данных, например через face-ID или анализ эмоций, создает атмосферу постоянного контроля, что, по данным исследований, снижает личностную автономию и психологический комфорт. Ряд авторов подчеркивают необходимость сохранения «человеческого окна» — обязательного участия преподавателей в интерпретации данных, что укрепляет доверие и смягчает чувство контроля (Гаспарян Турко, Бессчетнова, 2023). Е.А. Коваль в своем исследовании отмечает, что серьезное противоречие возникает при оценке креативности или моральных суждений алгоритмами, что усиливает психологический дискомфорт и снижает вовлеченность студентов (Коваль, 2023).

Правовые аспекты, хотя и опосредованно, но все же заметно влияют на психологическое благополучие студентов. Р.А. Абдусаламов и Х.И. Ильясов критикуют Федеральный закон № 152-ФЗ за отсутствие регулирования образовательной аналитики, включая агрегированные данные, которые могут быть деанонимизированы, что усиливает тревожность из-за непрозрачности (Абдусаламов, Ильясов, 2022). Е.Н. Афанасьева утверждает, что использование данных для дисциплинарных мер, таких как уведомления о низкой активности в LMS, без человеческого аудита воспринимается как нарушение автономии, вызывая недоверие (Афанасьева, 2023).

Н.Н. Ковалева и Н.А. Жирнова отмечают формальность согласий, что усиливает чувство незащищенности, и предлагают селективное согласие, позволяющее студентам выбирать, какие данные собирать (например, активность в LMS, но не геолокацию), что повышает психологическую автономию (Ковалева, Жирнова, 2024). Э.В. Талапина, сравнивая российское регулирование с Общим регламентом по защите данных (GDPR), подчеркивает, что в ЕС явное согласие и права на доступ, исправление и удаление данных (ст. 15—17) снижают тревожность, тогда как в России механизмы реализации этих прав ограничены (Талапина, 2023). Авторы рекомендуют адаптировать Федеральный закон № 152-ФЗ к требованиям GDPR (в части информированного согласия, прав субъекта данных и оценки влияния на приватность), внедрить шифрование, анонимизацию и аудит ИИ, что косвенно укрепляет психологический комфорт через прозрачность процессов.

Успешные практики демонстрируют возможности минимизации психологических рисков. Казанский федеральный университет внедрил селективное согласие, позволяющее студентам через личный кабинет активировать или деактивировать сбор данных, что снизило тревожность (с 3,5 до 2,1 по шкале Лайкерта) и повысило доверие на 70% (Тихомиров и др., 2021). Разработанные психолого-этические кодексы устанавливают принципы минимизации данных, прозрачности и ответственности, укрепляя психологическое благополучие (Алексеев, Алексеева, 2024). Например, запрет на автоматические дисциплинарные меры без человеческого аудита снижает чувство контроля.

Исследователи предлагают образовательным организациям комбинированные подходы: информированное согласие, этические и психологические стандарты, междисциплинарные комиссии и обучение цифровой грамотности, что снижает психологическое давление и усиливает автономию (Параскевов, Уварова, 2023). Учет культурных особенностей, таких как различия в поведении студентов из разных регионов, позволяет адаптировать системы образовательной аналитики к этим региональным и культурным особенностям, минимизируя чувство несправедливости.

Таким образом, психологические риски Big Data, включая тревожность, эмоциональное отчуждение, утрату доверия и личностной автономии, требуют гуманистических решений: регулярный аудит алгоритмов для устранения предвзятости, участие преподавателей для сохранения личностного взаимодействия и учет кросс-культурных особенностей в восприятии надзора. Интеграция с правовыми мерами, такими как селективное согласие, анонимизация данных и адаптация правовых норм, укрепляет доверие и создает психологически безопасную образовательную среду, превращая Big Data в инструмент личностного благополучия студентов.

Материалы и методы

Исследование направлено на анализ психологических и правовых аспектов использования Big Data в вузах, с фокусом на психологическое благополучие студентов и разработку рекомендаций для минимизации тревожности и сохранения личностной автономии. Методология включает сочетание качественных и количественных подходов для комплексного анализа, с акцентом на интерпретативный подход, изучающий субъективное восприятие цифрового надзора студентами (62% ощущают себя «объектами данных») и администраторами через их опыт, эмоции и доверие. Для расчетов использовались данные опросов, интервью и экспертные оценки. Рассчитан индекс этических рисков (ИЭР) с учетом психологических факторов (например, дегуманизация — вес 0,62, полученный на основе экспертной оценки и доли студентов, ощущающих себя «объектами данных»); оценен компромисс между точностью аналитики и автономией; применен t-критерий Стьюдента для анализа тревожности (по 5-балльной шкале Лайкерта).

Методы сбора данных включали: психологические опросы студентов (n = 300) с использованием шкалы Лайкерта для оценки тревожности и восприятия мониторинга (вопрос: «Насколько вас беспокоит сбор данных в LMS?»); полуструктурированные интервью (n = 50) для изучения эмоционального отчуждения и доверия; контент-анализ ответов для выявления субъективных переживаний; анализ нормативных актов (152-ФЗ, GDPR) и вузовских документов (политики приватности). Качественные интервью с администраторами (n = 15) выявили барьеры внедрения стандартов, влияющих на психологический комфорт. Методы анализа включали тематическое кодирование для выделения психологических тем (например, чувство контроля), дескриптивную статистику, качественный и сравнительный анализ подходов в РФ и ЕС к регулированию данных, а также успешных кейсов. Выборка: вузы с системами образовательной аналитики (российские и зарубежные); стратифицированная выборка студентов по курсам и направлениям; эксперты по психологии, праву и этике ИИ. Этические аспекты строго соблюдались (анонимность участников, информированное согласие, минимизация вреда — исключение чувствительных данных). Валидность обеспечена триангуляцией (опросы, интервью, документы) и рецензированием выводов специалистами по цифровой и правой этике. Такая организация исследования обеспечила комплексный анализ, выявив психологические риски (например, тревожность, отчуждение) и

пробелы психолого-этического характера, и позволила сформулировать рекомендации, учитывающие особенности вузовского образования.

Результаты

Использование Big Data целесообразно рассмотреть сквозь призму ее влияния на личностное благополучие студентов и как следствие на академическую среду вуза.

Психолого-правовые аспекты применения Big Data в вузах демонстрируют значительные различия между российским и международным контекстами, а также выявляют ключевые пробелы и противоречия, требующие внимания. В российском законодательстве основным регулирующим документом является Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных». Однако он не адаптирован к специфике образовательной аналитики, что создает существенные сложности, в том числе психологические. Например, в законе отсутствуют нормы, регулирующие работу с агрегированными данными, которые часто используются для анализа успеваемости групп студентов, или сбор данных эмоционального состояния студентов, получаемых через системы мониторинга. Это приводит к ситуации, где формально сбор данных соответствует закону, но фактически нарушает принцип конкретности целей обработки, закрепленный в статье 5 152-ФЗ. Более того, университеты нередко получают согласие студентов на обработку данных формально, без детального разъяснения, какие именно данные собираются и как они будут использоваться, что снижает уровень правовой защиты и повышает уровень психологического дискомфорта и тревожности.

В отличие от российского подхода, международный контекст, представленный Общим регламентом по защите данных (GDPR) в странах ЕС, устанавливает более строгие требования. GDPR требует явного и информированного согласия на сбор данных, предоставляет студентам право на доступ, исправление и удаление своих данных (ст. № 15—17), а также обязывает организации проводить оценку влияния на приватность перед внедрением аналитических систем. Это снижает тревожность у студентов, поскольку повышается прозрачность сбора данных. Однако даже GDPR не лишен недостатков: он не полностью адаптирован под культурные особенности отдельных стран, что может затруднять его применение в образовательных системах с уникальными традициями и ценностями.

Основные правовые пробелы в российском контексте, как отмечают исследователи, связаны с отсутствием четких правил для обработки агрегированных данных, которые при определенных условиях могут быть деанонимизированы, а также с недостаточной регулировкой сбора поведенческих и эмоциональных данных через платформы LMS или системы распознавания (Абдусаламов, Ильясов, 2022).

В международной практике эти вопросы частично решены, но требуют локализации под национальные образовательные системы. Для устранения выявленных проблем предлагается ряд рекомендаций. В российском контексте необходимо гармонизировать законодательство с международными стандартами, такими как GDPR, при этом сохраняя специфику национальной системы образования. Это может включать разработку отраслевых норм, специально предназначенных для регулирования образовательной аналитики, с четким определением правил работы с агрегированными и анонимизированными данными. Такое законодательное закрепление будет способствовать усилению у студентов чувства защищенности, позволит им контролировать данные и, следовательно, снизить тревожность и повысить доверие (Тихомиров и др., 2021). В международной практике акцент делается на

адаптацию существующих стандартов под локальные особенности, чтобы обеспечить их применимость в разных культурных и правовых средах.

Основные противоречия в правовом регулировании Big Data в образовании лежат в плоскости баланса между стремлением к гипертрофированному контролю (например, через сбор максимального объема данных для повышения эффективности обучения) и слабой защитой психологического комфорта студентов. С одной стороны, инновации в образовательной аналитике открывают новые возможности для персонализации обучения и эффективного управления академической средой, с другой стороны, они вступают в конфликт с личностным пространством студентов, создавая у них чувство психологического дискомфорта что требует поиска компромисса между совершенствованием соответствующих норм законодательства и внедрением таких механизмов контроля, которые безусловно обеспечат личностное благополучие студентов в конкретной академической среде.

Психолого-этические аспекты применения Big Data в вузах связаны с вызовами, влияющими на психологическое благополучие и личностную автономию студентов, включая предвзятость алгоритмов и дегуманизацию образовательного процесса. Эти проблемы порождают тревожность, эмоциональное отчуждение и подрывают доверие, требуя комплексных решений для минимизации рисков (Лесюк, 2023).

Предвзятость алгоритмов остается ключевым психолого-этическим риском. Исследования показывают, что в 40% случаев алгоритмы прогнозирования успеваемости воспроизводят системные неравенства, усиливая дискриминацию уязвимых групп, таких как студенты из регионов с низким качеством образования или мигранты (Гнедкова, 2024). Например, такие студенты ошибочно классифицируются как «менее перспективные» на основе исторических данных, что подрывает их самооценку и усиливает чувство несправедливости. Это воспринимается как нарушение автономии, вызывая тревожность (3,5 по шкале Лайкерта). Для решения проблемы предлагается регулярный аудит алгоритмов и использование синтетических данных для балансировки выборок, что снижает дискриминацию. Внедрение селективного согласия, позволяющего студентам контролировать данные, усиливает доверие и смягчает восприятие надзора.

Дегуманизация образования, вызванная чрезмерным сбором данных (например, через face-ID или общего психологического состояния), превращает студентов в «объекты данных», усиливая эмоциональное отчуждение (62% студентов ощущают себя «метриками») и снижая психологическое благополучие. Постоянный контроль воспринимается как угроза личностной автономии, порождая тревожность и снижая мотивацию к обучению. Исследователи подчеркивают важность «человеческого окна» — участия преподавателей в интерпретации данных, что укрепляет доверие и смягчает чувство контроля. Этические кодексы, запрещающие автоматические санкции без аудита, как, например, в МГУ им. М.В. Ломоносова, поддерживают гуманистический подход, снижая отчуждение и повышая личностное благополучие студентов.

Количественная оценка психолого-этических рисков показала, что индекс психолого-этических рисков (ИПЭР) составляет 0,61 (61%), указывая на высокий уровень проблем. ИПЭР рассчитывался как взвешенная сумма трех факторов: $ИПЭР = (0{,}4 \cdot R_1) + (0{,}62 \cdot R_2) + (0{,}8 \cdot R_3)$, где R_1, R_2, R_3 — уровень выраженности соответствующего риска (от 0 до 1). Полученная сумма нормализовалась делением на 3, что позволяет интерпретировать итоговый показатель в диапазоне от 0 до 1. Весовые коэффициенты определялись в два этапа. На первом этапе была

проведена экспертная оценка с участием экспертной группы в количестве 12 человек. В состав экспертной группы вошли специалисты по психологии цифровой среды, праву в сфере персональных данных и этике искусственного интеллекта. Эксперты ранжировали факторы по степени их влияния на личностное благополучие студентов методом парных сравнений. Медианные значения рангов составили: предвзятость алгоритмов — 0,40; дегуманизация — 0,62; отсутствие информированного согласия — 0,80. На втором этапе веса были верифицированы на эмпирических данных исследования. Коэффициент 0,62 для фактора «дегуманизация» прямо соотносится с долей студентов, идентифицирующих себя как «объекты данных» (62%). Коэффициент 0,80 для фактора «отсутствие согласия» отражает долю формальных (неинформированных) согласий, зафиксированную в ходе анализа вузовских документов (более 80%). Меньший вес фактора «предвзятость» (0,40) объясняется его относительно более высокой корректируемостью при проведении регулярного аудита алгоритмов.

Таким образом, веса имеют как экспертное, так и эмпирическое обоснование и отражают реальный вклад каждого фактора в формирование психологических рисков. Нам интересен относительный вклад каждого фактора в общий ИПЭР (1,82), Доли в процентах каждого фактора рассчитаны следующим образом: предвзятость: 0,4 : 1,82 ≈ 0,2198 или 21,98%; дегуманизация: 0,62 : 1,82 ≈ 0,3407 или 34,07%; отсутствие согласия: 0,8 : 1,82 ≈ 0,4396 или 43,96%. Круговая диаграмма (рис. 1) иллюстрирует вклад факторов, подчеркивая роль согласия и дегуманизации в психологических рисках.

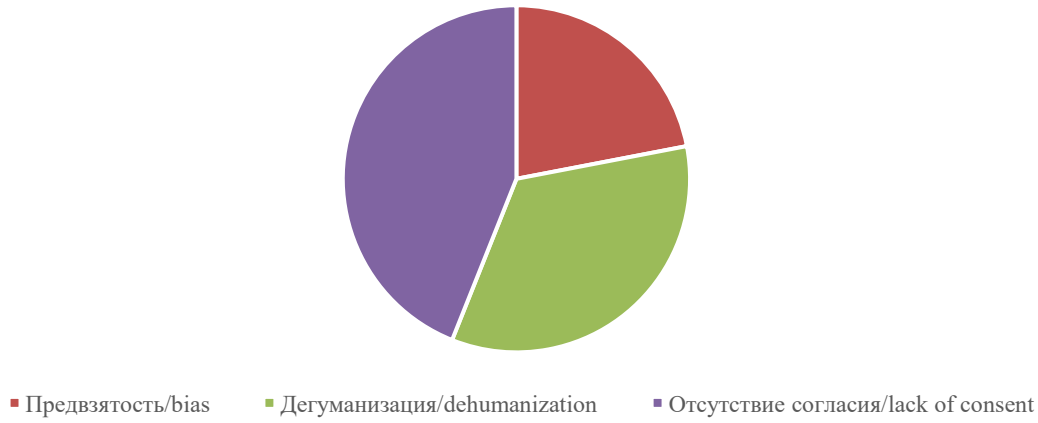

Рис. 1. Доля факторов (предвзятость, дегуманизация, отсутствие согласия) в общем индексе психолого-этических рисков
Fig. 1. The share of factors (bias, dehumanization, lack of consent) in the overall index of psychological and ethical risks

Из диаграммы следует, что «Отсутствие согласия» вносит наибольший вклад (43,9%), за ним следует «Дегуманизация» (34,1%), а «Предвзятость» — наименьший (21,9%). Это подчеркивает системный характер проблемы согласия в образовательной аналитике и подтверждает необходимость системного регулирования психолого-этических рисков.

Ключевая проблема заключается в противоречии между стремлением к эффективной аналитике, которая повышает качество образования, и психологическим благополучием

студентов, посредством защиты их прав на автономию и справедливое отношение. Решение этого конфликта требует не только технических мер, таких как аудит алгоритмов, но и разработку психолого-этических кодексов и вовлечение преподавателей в процесс принятия решений. Такой подход позволяет минимизировать психологические риски, сохраняя при этом преимущества Big Data для создания комфортной образовательной среды.

Согласие на информацию выступает ключевым инструментом, позволяющим студентам контролировать свои данные и тем самым чувствовать себя уверенными и психологически защищенными. Его цель — дать возможность решать, какие данные собирать и использовать, что напрямую влияет на уровень доверия, снижает тревожность и повышает чувство личностного благополучия в образовательном пространстве вуза. Опыт Казанского федерального университета показывает, что внедрение селективного согласия, где студенты через личный кабинет могут активировать или деактивировать сбор определенных данных, привело, по результатам опросов, к росту доверия на 70%. Это также снизило уровень тревожности с 3,5 до 2,1 по 5-балльной шкале Лайкерта. Однако ограничением остаётся недостаточная цифровая грамотность студентов. Часть из них не до конца понимают последствия своих решений о предоставлении или отзыве согласия на сбор данных. Это требует проведения дополнительных психологических мероприятий — разъяснительных бесед, тренингов по цифровой грамотности и индивидуальных консультаций.

Психолого-этические кодексы служат для регулирования работы с персональными и поведенческими данными студентов в вузах (включая данные LMS, систем мониторинга посещаемости и распознавания эмоций). Их цель — установить четкие принципы сбора, хранения и использования информации, такие как минимизация данных, прозрачность и ответственность за их использование. Например, в МГУ им. М.В. Ломоносова внедрение такого кодекса сократило количество жалоб студентов на использование данных и стало моделью для других российских вузов. Кодексы помогают предотвратить злоупотребление данными, например, их применение для автоматических дисциплинарных мер без личностного аудита, что улучшает восприятие аудита, снижает уровень тревожности и повышает мотивацию.

Практика показывает, что успешное внедрение Big Data требует не только и не столько технических решений, сколько адаптации к культурным и психологическим особенностям субъектов образования, что снижает их тревожность и укрепляет доверие. Учет региональных ценностей при разработке законодательных норм уменьшает чувство тревожности, а прозрачность процессов сбора данных повышает психологическое благополучие. При этом значительно возрастает доверие к аналитике, например, в Казанском федеральном университете оно составило 70% (Гнедкова, 2024; Ковалева, Жирнова, 2024). Однако низкая цифровая грамотность усиливает тревожность и требует технических и психологических мероприятий по поддержке восприятия аналитических технологий как безопасных.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что использование Big Data в вузах эффективно при балансе инноваций и прав студентов, гибкости в учете их культурных и психологических особенностей и прозрачности сбора данных, что в совокупности укрепляет доверие и создает чувство личностного благополучия. Опыт ведущих вузов показывает, что это минимизирует эмоциональное отчуждение (62% студентов ощущают себя «объектами данных») и создает персонализированную образовательную среду, поддерживающую личностное благополучие и автономию студентов.

Психолого-правовой анализ показывает, что закон № 152-ФЗ не регулирует образовательную аналитику, включая поведенческие метрики, что усиливает тревожность из-за непрозрачности. Более 80% вузов получают формальное согласие, не разъясняя цели обработки данных, подрывая доверие; лишь 25% российских вузов публикуют «Политики прозрачности» против 70% в ЕС. Это воспринимается как нарушение автономии, снижая психологический комфорт у студентов.

Психолого-этические риски включают предвзятость алгоритмов (например, на 30% чаще рекомендуют девушкам гуманитарные дисциплины), вызывающую чувство несправедливости, и системы распознавания эмоций и психологического состояния студентов, усиливающие тревожность и отчуждение (60% студентов опасаются дегуманизации). В качестве рекомендаций предлагается дополнить 152-ФЗ разделом об образовательной аналитике для защиты личностной автономии; осуществлять ежегодный аудит алгоритмов; проводить междисциплинарные комиссии (юристы, психологи, педагоги) и курсы цифровой грамотности, снижающие тревожность и повышающие доверие и личностное благополучие (Афанасьев, Афанасьева, 2019). Использование Big Data в вузах имеет бинарный характер — персонализация обучения против рисков отчуждения и нарушения личностной автономии студентов. Синтез правового регулирования, психологически ориентированных стандартов и инноваций, учитывающий социогуманитарный контекст, позволит вузам сохранить доверие и личностное благополучие студентов, максимизируя преимущества цифровизации.

Обсуждение результатов

Полученные данные убедительно подтверждают центральную идею исследования о том, что применение технологий Big Data создает системные угрозы личностному благополучию студентов, понимаемому как комплексное состояние психологического комфорта, сохраненной автономии, доверия к образовательной среде и отсутствия тревожности. Эти угрозы имеют глубокую психолого-правовую природу, что нашло отражение в материалах статьи и находит подтверждение в позициях ведущих исследователей рассматриваемой проблемы. Выявленные нами у студентов высокие показатели чувства тотального контроля (67% опрошенных) и самоидентификации как «объектов данных» (62%), напрямую коррелирующие со значительным уровнем тревожности (средний балл 3,5 по шкале Лайкерта), полностью согласуются с выводами М.Д. Мартыновой и Е.А. Коваль о дегуманизирующем эффекте цифрового надзора (Мартынова, Коваль, Жадунова, 2021; Коваль, 2023).

Данное исследование конкретизирует психологический механизм этого влияния — нарушение базовой потребности в личностной автономии, усугубляемое правовой неопределенностью (Ковалева, Жирнова, 2024). Как справедливо отмечают Р.А. Абдусаламов, Х.И. Ильясов и Е.Н. Афанасьева, пробелы в Федеральном законе № 152-ФЗ, особенно в части регулирования сбора поведенческих метрик и эмоциональных данных (например, через системы распознавания), создают у студентов чувство правовой незащищенности, что само по себе является мощным источником экзистенциальной психологической тревоги, подрывающей чувство безопасности как ключевого компонента личностного благополучия (Абдусаламов, Ильясов, 2022; Афанасьева, 2023).

Высокий уровень предвзятости алгоритмов (до 40% случаев), приводящий к стигматизации уязвимых групп и своего рода эрозии их академической самоэффективности, подтверждает и усиливает позиции Ю.С. Харитоновой, В.С. Савиной и А.И. Смирновой (Харитонова, Савина, 2020; Харитонова, Савина, Паньини, 2021; Смирнова, 2023). Наши данные показывают, что отсутствие надежных правовых механизмов для независимого аудита алгоритмов и оспаривания их решений (пробел, на который также указывает M. Mihăescu (Mihăescu, 2023)) трансформирует техническую погрешность в форму психологического дискомфорта, противоречащую фундаментальным принципам личностного благополучия. Это требует не только технических корректировок (использование синтетических данных, балансировка выборок), но и четкого законодательного закрепления процедур, связанных с обязательным независимым аудитом, правом на объяснение алгоритмических решений.

Успешный опыт селективного информированного согласия в Казанском федеральном университете, приведший к статистически значимому снижению тревожности (с 3,5 до 2,1 по шкале Лайкерта) и росту доверия к вузу на 70%, эмпирически подтверждает концепцию Н.Н. Ковалевой и Н.А. Жирновой (Ковалева, Жирнова, 2024). Наши результаты доказывают, что предоставление студентам реального контроля над своими личными данными делает такой механизм действенным психологическим инструментом восстановления агентности и личных границ, напрямую укрепляющим чувство автономии и безопасности. Аналогично, эффективность принципа «человеческого окна» — обязательного участия педагога в интерпретации данных и принятии решений, закрепленного в психолого-этических кодексах, как, например, в МГУ им. М.В. Ломоносова (Алексеев, Алексеева, 2024), подтверждает позицию Д.Э. Гаспарян, Д.С. Турко и Е.В. Бессчетновой (Гаспарян, Турко, Бессчетнова, 2023). Этот подход не только предотвращает дегуманизацию образования, но и формирует у студентов чувство правовой защищенности и субъектности, являющееся краеугольным камнем личностного благополучия. Как обоснованно подчеркивает Е.А. Коваль, оценка креативности или моральных суждений исключительно с помощью алгоритмов, без учета личностного контекста и эмпатии, психологически недопустима (Коваль, 2023).

Специфика восприятия цифрового надзора российскими студентами имеет ряд отличительных черт, обусловленных социокультурным и институциональным контекстом. В отличие от студентов западноевропейских университетов, где высокая ценность индивидуальной автономии и права на приватность формирует выраженную чувствительность к любому мониторингу, российские студенты демонстрируют более амбивалентное отношение. С одной стороны, низкий уровень институционального доверия, характерный для постсоветского пространства, усиливает тревожность при непрозрачном сборе данных и формальном характере согласий. С другой стороны, относительно более высокая толерантность к государственному и организационному контролю (по сравнению, например, с американскими или североевропейскими сверстниками) приводит к тому, что часть студентов воспринимают образовательную аналитику как «неизбежную» и даже полезную при условии ее прозрачности.

Сравнение данных отечественных и зарубежных исследований показывает существенные различия. Так, студенты из азиатских стран, по данным А.И. Смирновой, реже взаимодействуют в LMS и социальных сетях, что приводит к систематической ошибке алгоритмов, классифицирующих их как «невовлеченных» (Смирнова, 2023). В румынском контексте алгоритмы ошибочно маркировали студентов из сельской местности как

«неамбициозных» только на основании низкой активности в соцсетях (Mihăescu, 2023). В российском же случае ключевым фактором риска выступает не столько культурная специфика онлайн-поведения, сколько правовой вакуум вокруг образовательной аналитики и отсутствие у студентов реального контроля над данными. Это порождает специфическое сочетание — высокую чувствительность к нарушению автономии при одновременной готовности принимать технологии, если они сопровождаются понятными правилами и «человеческим окном».

Таким образом, универсальные модели регулирования (в том числе GDPR) требуют обязательной культурной адаптации. Для российской образовательной среды наиболее значимыми оказываются не столько абсолютные запреты на сбор данных, сколько механизмы восстановления агентности студента — селективное согласие, прозрачность целей обработки и обязательное участие преподавателя в интерпретации результатов аналитики. Именно эти элементы позволяют компенсировать культурно обусловленное чувство незащищенности и трансформировать восприятие Big Data из источника угрозы в инструмент поддержки личностного благополучия.

Необходимость учета культурных различий в восприятии цифрового надзора, например, различий между коллективистскими и индивидуалистическими культурами, отмеченные А.И. Смирновой и M. Mihăescu, подчеркивает важность культурного релятивизма в правовом регулировании (Смирнова, 2023; Mihăescu, 2023). Однако это не отменяет универсальной потребности человека в психологических «буферных зонах» — праве на непрозрачность. Концепция Т.И. Сусловой и Э.В. Талапиной аргументированно указывает, что гармонизация российского законодательства с принципами GDPR (требование явного и информированного согласия, права на доступ, исправление и удаление данных) существенно повышает прозрачность и снижает связанную с неопределенностью тревожность (Суслова, 2020; Талапина, 2023). Правовое закрепление этого «права на непрозрачность» (например, через установление четких запретов на сбор особо чувствительных типов данных без абсолютной образовательной необходимости) — это не просто юридическая норма, а гарантия психологической защиты внутреннего пространства личности студента от тотального цифрового надзора, что является неотъемлемым элементом его личностного благополучия.

Таким образом, результаты исследования показывают, что личностное благополучие студентов при использовании Big Data напрямую зависит от преодоления существующего разрыва между психологическими механизмами и правовыми мерами. Технология, внедренная в условиях правового вакуума и без должного учета психологических механизмов (дегуманизация, потеря автономии, предвзятость, тревожность и т. п.), неизбежно становится источником угрозы. Однако, как убедительно доказывают наши данные, согласующиеся с позициями упомянутых исследователей, адекватное психолого-ориентированное правовое регулирование (реализация селективного согласия, по модели Н. Н Ковалевой, Н.А. Жирновой (Ковалева, Жирнова, 2024), обеспечение обязательного «человеческого окна» (Гаспарян, Турко, Бессчетнова, 2023), внедрение правовых норм для аудита алгоритмов на предвзятость (как предлагают Ю. С. Харитонова, В.С. Савина и Ф. Паньини (Харитонова, Савина, Паньини, 2021), гармонизация с GDPR (по рекомендациям Э.В. Талапиной (Талапина, 2023), закрепление «права на непрозрачность» (Суслова, 2020)) выступают ключевыми инструментами защиты и укрепления личностного благополучия. Такое регулирование напрямую трансформируется в улучшение ключевых психологических показателей: снижение

тревожности; рост доверия к образовательному учреждению; восстановление чувства личной автономии, справедливости и безопасности. Развитие образовательной среды университета видится в интеграции защиты психологического благополучия студента в саму основу правовых норм и кодексов, совместно регулирующих образовательную аналитику, что позволит превратить Big Data из потенциального источника угрозы в действенный инструмент гуманизации и гаранта личностного благополучия студентов.

Заключение

Применение технологий Big Data в высшем образовании, несмотря на свой значительный потенциал для персонализации обучения и повышения академической эффективности, сопряжено с серьезными психологическими рисками для личностного благополучия студентов. Настоящее исследование констатирует, что ключевыми угрозами выступают тревожность, чувство потери автономии, эмоциональное отчуждение и подрыв доверия к образовательной среде, порождаемые восприятием постоянного цифрового надзора (67% опрошенных ощущают контроль, 62% идентифицируют себя как «объекты данных»). Эти психологические феномены имеют глубокую психолого-правовую природу, где правовая неопределенность усугубляет психологический дистресс. Основные выводы исследования, подчеркивающие центральную роль психологического благополучия, заключаются в следующем.

1. Правовая неопределенность может выступать как источник психологической уязвимости, поскольку Федеральный закон № 152-ФЗ, не учитывающий специфику образовательной аналитики (сбор поведенческих метрик, эмоциональных данных), создает правовой вакуум. Это напрямую способствует формализации согласий, непрозрачности процессов и, как следствие, росту тревожности и чувства незащищенности у студентов. Гармонизация с международными стандартами (GDPR), гарантирующими информированное согласие, право на доступ и удаление данных, — это не только юридическая необходимость, но и ключевой шаг к снижению психологического дискомфорта и восстановлению доверия.

2. Минимизация вреда личностному благополучию требует внедрения конкретных технологических решений. Среди них — регулярный аудит алгоритмов на предвзятость для предотвращения стигматизации и психологического неравенства; сохранение «человеческого окна» — обязательное участие преподавателя в интерпретации данных и принятии решений. Это критически важно для предотвращения дегуманизации, восстановления субъект-субъектных отношений и снижения тревожности. Необходим запрет на автоматические дисциплинарные меры без личностного аудита. Такие решения должны адаптироваться под локальные культурные ценности и уровень доверия, чтобы не усугублять чувство несправедливости и отчуждения.

3. Для повышения и защиты личностного благополучия студентов необходимо разработать федеральные психолого-этические стандарты для образовательной аналитики, основанные на принципах минимизации данных, прозрачности и приоритета психологического комфорта студента; внедрить обязательный независимый аудит алгоритмов на предвзятость и прозрачность как правовую норму; создать междисциплинарные комиссии в вузах для контроля за использованием данных и оценки их психологического воздействия на студентов.

Дальнейшие исследования должны фокусироваться на углубленном изучении взаимосвязи Big Data и психологии студента. В этот спектр вопросом может быть включен анализ влияния

разных моделей регулирования на показатели тревожности, доверия и восприятия автономии у студентов; исследование роли глобальных платформ в соблюдении психолого-этических стандартов и их психологических последствиях (Бегишев, 2020); исследование долгосрочных психологических эффектов алгоритмического управления образованием, таких как выученная беспомощность, изменение мотивации, снижение креативности. Требуется создание психолого-педагогических методик интеграции Big Data, обеспечивающих персонализацию без ущерба для субъектности и психологического комфорта студента. Нуждаются в исследовании психологические механизмы трансформации представлений о праве на образование, личностной автономии и психологической безопасности в условиях цифровизации в разных культурных контекстах.

Как справедливо подчеркивается в работе Е.А. Коваль (Коваль, 2023) технологии Big Data должны не подменять, а усиливать гуманистическую миссию университета, когда защита и укрепление личностного благополучия студентов, обеспечение их психологического комфорта и автономии являются основополагающим условием эффективности и устойчивости цифровой трансформации высшего образования.

Список источников / References

1. Абдусаламов, Р.А., Ильясов Х.И. (2022) Проблемы правового регулирования больших данных. *Закон и право*, 1, 38—40. https://doi.org /10.24412/2073-3313-2022-1-38-40
   Abdusalamov, R.A., Ilyasov, Kh.I. (2022). Problems of legal regulation of big data. *Law and Legislation*, 1, 38—40. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-1-38-40
2. Алексеев, А.П., Алексеева, И.Ю. (2024). Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта. *Информационное общество*, 4, 43—49. https://doi.org/10.52605/16059921_2024_04_43
   Alekseev, A.P., Alekseeva, I.Yu. (2024). The status of ethical codes in the ethics of artificial intelligence. *Information Society*, 4, 43—49. (In Russ.). https://doi.org/10.52605/16059921_2024_04_43
3. Афанасьев, И.В., Афанасьева, И.В. (2019). *Правовое обеспечение профессиональной деятельности:* Учебное пособие для СПО. М.: Юрайт. URL: https://www.elibrary.ru/ywspvb (дата обращения: 26.05.2026).
   Afanasyev, I.V., Afanasyeva, I.V. (2019). Legal support for professional activities: Textbook for secondary vocational education. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/ywspvb (viewed: 26.05.2026).
4. Афанасьева, Е.Н. (2023). Системы искусственного интеллекта и «большие данные» в правоприменительной практике: правовые и этические проблемы. В: А.А. Макарцев (Ред.), *Большие данные: Материалы I Международного форума, Новосибирск, 16—18 ноября 2022 года* (с. 169—176). Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». URL: https://www.elibrary.ru/dwtijz (дата обращения: 26.05.2026).
   Afanasyeva, E.N. (2023). Artificial intelligence systems and "big data" in law enforcement practice: Legal and ethical issues. In: A.A. Makartsev (Ed.), Big Data: *Proceedings of the I International Forum, Novosibirsk, November 16—18, 2022* (pp. 169—176). Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH" Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/dwtijz (viewed: 26.05.2026).

5. Бегишев, И.Р. (2020). Технология искусственного интеллекта: мировой опыт развития. *Baikal Research Journal, 11*(3), Статья 1. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2020.11(3).1
Begishev, I.R. (2020). Artificial intelligence technology: global experience of its development. *Baikal Research Journal, 11*(3), Article 1. (In Russ.). https://doi.org/10.17150/2411-6262.2020.11(3).1
6. Гаспарян, Д.Э., Турко, Д.С., Бессчетнова, Е.В. (2023). Этические ограничения применимости искусственного интеллекта: культурфилософский анализ. *Вопросы философии*, 9, 93—102. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-93-102
Gasparyan, D.E., Turko, D.S., Besschetnova, E.V. (2023). Ethical possibilities of using artificial intelligence: cultural and philosophical analysis. *Voprosy Filosofii,* 9, 93—102. (In Russ.). https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-93-102
7. Гнедкова, М.А. (2024). Теоретико-правовой анализ стратегий цифровой трансформации регионов. *Legal Bulletin, 9*(3), 57—66. https://doi.org/10.5281/zenodo.13932873
Gnedkova, M.A. (2024). Theoretical and legal analysis of strategies for the digital transformation of regions. *Legal Bulletin, 9*(3), 57—66. (In Russ.). https://doi.org/10.5281/zenodo.13932873
8. Ковалева, Н.Н., Жирнова, Н.А. (2024). Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта. *Журнал российского права, 28*(7), 109—121. https://doi.org/10.61205/S160565900027561-1
Kovaleva, N.N., Zhirnova, N.A. (2024). Issues of ensuring the confidentiality of personal data when using artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law, 28*(7), 109—121. (In Russ.). https://doi.org/10.61205/S160565900027561-1
9. Коваль, Е.А. (2023). Большие языковые модели и моральное зло. В: *Мир человека: нормативное измерение - 8.0. Анормальное*: *Сборник трудов конференции, Саратов, 08—10 июня 2023 года* (с. 256—262). Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. URL: https://www.elibrary.ru/rzyzdy (дата обращения: 26.05.2026).
Koval, E.A. (2023). Large language models and moral evil. In: *Human World: Normative Dimension - 8.0. Abnormal: Proceedings of the Conference, Saratov, June 8—10, 2023* (pp. 256—262). Saratov: Saratov State Law Academy Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/rzyzdy (viewed: 26.05.2026).
10. Лесюк, М.И. (2023). Этические аспекты нейросетевых технологий в науке и образовании. *Искусственные общества, 18*(3), Статья 6. https://doi.org/10.18254/S207751800027043-6
Lesyuk, M.I. (2023). Ethical aspects of neural network technologies in science and education. *Artificial Societies, 18*(3), Article 6. (In Russ.). https://doi.org/10.18254/S207751800027043-6
11. Мартынова, М.Д., Коваль, Е.А., Жадунова, Н.В. (2021). Big Data как технологический вызов этическим принципам. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия,* 4, 84—101. URL: https://www.elibrary.ru/icxxxd (дата обращения: 26.05.2026).
Martynova, M.D., Koval, E.A., Zhadunova, N.V. (2021). Big Data as a technological challenge to ethical principles. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 4, 84—101. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/icxxxd (viewed: 26.05.2026).
12. Параскевов, А.В., Уварова, А.Г. (2023). Аспекты применения Big Data. В: *Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов VIII Международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 24 октября 2023 года* (с. 465—469). Краснодар: Кубанский государственный технологический университет. URL: https://www.elibrary.ru/opninn (дата обращения:

26.05.2026).

Paraskevov, A.V., Uvarova, A.G. (2023). Aspects of Big Data application. In: *Philological and Socio-Cultural Issues of Science and Education: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, October 24, 2023* (pp. 465—469). Krasnodar: Kuban State Technological University Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/opninn (viewed: 26.05.2026).

13. Попов, А.А. (2023). Технические и этические стандарты в сфере больших данных. *Гуманитарные и политико-правовые исследования*, 4(23), 67—77. https://doi.org/10.24411/2618-8120-2023-4-67-77
Popov, A.A. (2023). Technical and ethical standards in the field of Big Data. *Humanitarian and Political-Low Studies*, 4(23), 67—77. (In Russ.). https://doi.org/10.24411/2618-8120-2023-4-67-77
14. Смирнова, А.И. (2023). Предвзятость как проблема алгоритмов ИИ: этические аспекты. *Философия и общество*, 3(108), 118—126. https://doi.org/10.30884/jfio/2023.03.07
Smirnova, A.I. (2023). Bias as a problem of AI algorithms: Ethical aspects. *Philosophy and Society*, 3(108), 118—126. (In Russ.). https://doi.org/10.30884/jfio/2023.03.07
15. Суслова, Т.И. (2020). Теория больших данных в социогуманитарном контексте современного знания. В: *Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2020 «Национальные проекты и профессорское сообщество», Москва, 16—19 ноября 2020 года. Том 1* (с. 57—60). М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание». URL: https://www.elibrary.ru/snhgqj (дата обращения: 26.05.2026).
Suslova, T.I. (2020). Big data theory in the socio-humanitarian context of modern knowledge. In: *Collection of Abstracts from the Professors' Forum 2020 «National Projects and the Professorial Community», Moscow, November 16—19, 2020. Vol. 1* (pp. 57—60). Moscow: Russian Professorial Assembly Publ. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/snhgqj (viewed: 26.05.2026).
16. Талапина, Э.В. (2023). Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию. *Государство и право*, 7, 129—138. https://doi.org/10.31857/S102694520026812-4
Talapina, E.V. (2023). Big data and human rights: Toward legal regulation. *State and Law*, 7, 129—138. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S102694520026812-4
17. Татаринов, К.А., Аникиенко, Н.Н., Савченко, И.А., Музыка, С.М. (2024). Влияние больших данных и искусственного интеллекта на общество. *Экономика и предпринимательство*, 9(170), 510—513. https://doi.org/10.34925/EIP.2024.170.9.090
Tatarinov, K.A., Anikienko, N.N., Savchenko, I.A., Muzyka, S. M. (2024). The impact of big data and artificial intelligence on society. *Economics and Entrepreneurship, 9*(170), 510—513. (In Russ.). https://doi.org/10.34925/EIP.2024.170.9.090
18. Тихомиров, Ю.А., Кашанин, А.В., Чураков, В.Д., Осипова, П.М., Погребной, Е.О., Рофин, М.П., Хачатрян, Г.А. (2021). *Интерпретация и применение больших данных в юриспруденции и юридической практике: Монография.* М.: Юридический Дом «Юстицинформ». URL: https://www.elibrary.ru/iaqovh (дата обращения: 26.05.2026).
Tikhomirov, Yu.A., Kashanin, A.V., Churakov, V.D., et al. (2021). *Interpretation and*

application of big data in jurisprudence and legal practice. Moscow: Legal House "Yustitsinform". (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/iaqovh (viewed: 26.05.2026).

19. Харитонова, Ю.С., Савина, В.С. (2020). Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 49, 524—549. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-524-549
Kharitonova, Yu.S., Savina, V.S. (2020). Artificial Intelligence Technology and Law: Challenges of Our Time. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 49, 524—549. (In Russ.). https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-524-549
20. Харитонова, Ю.С., Савина, В.С., Паньини, Ф. (2021). Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 53, 488—515. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515
Kharitonova, Yu.S., Savina, V.S., Panini, F. (2021). Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issue. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 53, 488—515. (In Russ.). https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515
21. Dudin, M.N., Afanasyev, V.V., Voropaev, M.V., Zasko, V.N. (2020). Situation and problems of digitation of university management in Russia and in three Latin-American countries (Argentina, Chile, and Brazil). *Formacion Universitaria, 13*(6), 61—76. https://doi.org /10.4067/S0718-50062020000600061
22. Mihăescu, M. (2023). Big Data and (the New?) Reality. *American, British and Canadian Studies, 41*(1), 208—231. https://doi.org/10.2478/abcsj-2023-0026

Информация об авторах

Ирина Васильевна Афанасьева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3355-0469, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Илья Владимирович Афанасьев, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финансовый университет»), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9628-820X, e-mail: ivafanasev@fa.ru

Information about the authors

Irina V. Afanasieva, Candidate of Science (Education), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3355-0469, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Ilya V. Afanasiev, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9628-820X, e-mail: ivafanasev@fa.ru

Вклад авторов

Афанасьева И.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования, интерпретация результатов.

Афанасьев И.В. — участие в обсуждении основных положений исследования, применение статистических и других методов анализа данных; сбор, анализ и обработка данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Irina V. Afanasieva — research ideas; annotation, writing, and design of the manuscript; research planning; monitoring the research, interpretation of results.

Ilya V. Afanasiev — participation in the discussion of the main research provisions, application of statistical and other data analysis methods; data collection, analysis, and processing; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 26.05.2026
Поступила после рецензирования 26.08.2026
Принята к публикации 26.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.05.26
Revised 2026.08.26
Accepted 2026.08.26
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 259–272.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160314
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 259–272.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160314
ISSN 2222-5196 (online)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Подходы к изучению межпоколенческих конфликтов в организации и их классификация

А.Ф. Латыпов[1] ✉
[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
✉ fjl.artem@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях одновременного присутствия сразу нескольких поколенческих когорт в едином трудовом пространстве межпоколенческие конфликты приобретают системный характер и создают устойчивые риски для организационного климата, производительности и удержания персонала. **Цель**. Провести комплексный теоретический анализ подходов к изучению межпоколенческих конфликтов, систематизировать их виды и детерминанты. **Методы и материалы**. Работа опирается на методы понятийного анализа, обобщения и системный подход к осмыслению теоретических концепций межпоколенческих конфликтов. **Результаты.** Систематизированы представления о поколении как аналитической единице; выделены 2 ключевых подхода; предложена многомерная классификация по шести основаниям; систематизированы детерминанты на трех уровнях: макросоциальном, организационно-управленческом и социально-психологическом; сформулировано рабочее определение межпоколенческого конфликта. **Выводы**. Представленная работа структурирует существующие научные взгляды на межпоколенческие конфликты и может служить основой для дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Ключевые слова: межпоколенческий конфликт, организация, теория поколений, ценностно-ориентированный подход, теория социальной идентичности, эйджизм, социально-психологические детерминанты, HR-практики

Для цитирования: Латыпов, А.Ф. (2026). Подходы к изучению межпоколенческих конфликтов в организации и их классификация. *Психология и право, 16*(3)*,* 259—272. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160314

© Латыпов А.Ф., 2026

CC-BY-NC

Латыпов А.Ф. (2026)
Подходы к изучению межпоколенческих конфликтов в организации и их классификация
Психология и право, 16(3), 259—272.

Latypov A.F. (2026)
Approaches to the study of intergenerational conflicts in organizations and their classification
Psychology and Law, 16(3), 259—272.

Approaches to the study of intergenerational conflicts in organizations and their classification

A.F. Latypov[1] ✉
[1] HSE University, Moscow, Russian Federation
✉ fjl.artem@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The simultaneous presence of three to five age cohorts within a single organizational space makes intergenerational tension in contemporary organizations increasingly systemic, raising the need for a theoretical understanding of the nature and mechanisms of intergenerational conflicts. **Objective.** The article aims to provide a theoretical analysis of the phenomenon of intergenerational conflicts in modern organizations. **Methods and materials.** The study is based on methods of conceptual analysis, generalization and a systems approach to understanding theoretical concepts of intergenerational conflicts. **Results.** A multidimensional classification of types of intergenerational conflict is proposed, based on five criteria. In addition, the determinants of such conflicts are systematized across three levels of analysis: macrosocial, organizational-managerial, and socio-psychological. **Conclusions.** The findings are of practical relevance for the development of HR tools aimed at diagnosing and managing generational heterogeneity in contemporary organizations.

Keywords: intergenerational conflict, organization, generational theory, value-oriented approach, social identity theory, ageism, generational heterogeneity, socio-psychological determinants, HR practices

For citation: Latypov, A.F. (2026). Approaches to the study of intergenerational conflicts in organizations and their classification. *Psychology and Law, 16*(3), 259—272. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160314

Введение

Современные организации функционируют в условиях принципиально новой демографической реальности: рост продолжительности жизни, повышение пенсионного возраста и ускорение цифровой трансформации привели к тому, что в едином трудовом пространстве одновременно взаимодействуют три—пять возрастных когорт.

Представители разных поколений, чья социализация проходила в принципиально отличных друг от друга исторических, технологических, ценностных обстоятельствах, регулярно осуществляют совместную деятельность, что создает подходящие условия для появления межпоколенческих конфликтов (далее — МПК).

Это усиливается воздействием следующих факторов. Во-первых, в большинстве развитых стран констатируется старение трудовых ресурсов в связи с увеличением профессионального жизненного пути, что увеличивает вероятность и регулярность взаимодействия нескольких поколений друг с другом в организации. Во-вторых, стоит выделить цифровую трансформацию, которая, с точки зрения компетенций и коммуникативных практик, развела

поколения. В-третьих, наличие одинаковых ценностей в организации, состоящей сразу из множества поколений, служит серьезным конфликтогенным фактором

Существующие классификации МПК носят разрозненный, фрагментарный характер. Одни авторы говорят о примате ценностных различий между поколениями (Twenge et al., 2010), другие — о различии поведенческих стилей (Appelbaum et al.., 2022), третьи ставят под сомнение валидность самого понятия «поколение» как аналитической единицы (Urick, Hollensbe, Fairhurst, 2017). Такая теоретическая рассредоточенность затрудняет как сравнительный анализ, так и разработку практических инструментов управления группами с несколькими поколениями.

Целью настоящей статьи является проведение комплексного анализа теоретических подходов к изучению МПК и систематизация их видов по предлагаемым основаниям. Работа включает обзор зарубежных и отечественных источников.

Подходы к изучению межпоколенческих конфликтов

Понятие поколения как исходная аналитическая единица

Изучение проблемы и природы МПК невозможно без концептуализации понятия «поколение». Одним из первых его сформулировал К. Маннгейм (Mannheim, 1952) как совокупность людей одной возрастной группы, объединенных не просто биологическим возрастом, а культурно-историческим контекстом. Ключевым здесь является тот факт, что различия заключаются не в биологии, а в социально-историческом контексте, в котором формируется то или иное поколение.

Ю. Левадой была предложена двухуровневая модель классификации поколений, актуальная для российского контекста. Он выделял «элитарный» уровень, который связан с деятельностью политической элиты, задающей рамки исторических периодов, и «массовый», связанный со сменой образа жизни в широких социальных слоях. На этой основе он определил шесть поколенческих когорт в истории России XX века, каждая из которых обладает ценностно-нормативной спецификой. М. Мид подходит к межпоколенческим отношениям через фокус культурной динамики, закладывая теоретические основания для трактовки поколенческих конфликтов как столкновения принципиально различных культурных паттернов.

М. Финкельштейн и Д. Констанса (Costanza, Finkelstein, 2015) заявляют, что принадлежность к поколению выступает устойчивой личностной характеристикой, слабо подверженной влиянию ситуационного контекста. Даже при трансформации организационной среды индивид сохраняет поколенческую самоидентификацию как базовый компонент социального Я. Этот результат имеет ключевое значение для теории конфликта: поколенческая идентичность предстает не как часть контекста, а как стабильный источник межгрупповой дифференциации.

Ценностно-ориентированный подход

Первым подходом, способным объяснить МПК, является ценностно-ориентированный подход. Он основан на том, что различия в ценностях у представителей разных поколений заключаются как раз в различных исторических, социальных, экономических условиях. Так, Г. Маркузе трактовал конфликт поколений как естественный закон, укорененный в антропологической структуре потребностей: смена поколений означает смену доминирующих форм влечений, что неизбежно порождает противостояние. К. Лоренц описывал «вражду

между поколениями» как проявление массового невроза современного общества — следствие разрыва в передаче культурных норм, выполнявших в традиционных сообществах интегративную функцию.

Что касается отечественных подходов, то имеет смысл раздельно рассматривать советский и постсоветский периоды. Советские исследователи не уделяли достаточного внимания МПК, в том числе в связи с декларируемой ими межпоколенческой бесконфликтности, преемственности. Российские же исследователи стали уделять данной проблематике больше внимания, нередко делая акцент на то, что старшие поколения демонстрируют ценностно-рациональное поведение, а младшие — целерациональное. Это различие само по себе порождает несовместимость в логике принятия решений и служит серьезным конфликтогенным фактором

В контексте организационной психологии Дж.М. Твендж и С.М. Кэмпбелл (2008) зафиксировали, что психологические черты поколений — уровень самооценки, нарциссизм, локус контроля, приверженность организации — систематически различаются и влияют на паттерны поведения на рабочем месте. К. Ченнамо и Д. Гарднер (Cennamo, Gardner, 2008) показали, что несоответствие ценностей сотрудника и организации (P-O Fit) особенно остро проявляется у молодых работников, еще не прошедших полной организационной социализации. К. Смола и Ш. Саттон (Smola, Sutton, 2002) установили, что для молодых специалистов возможности продвижения субъективно значимее, чем для представителей старших поколений.

Причем важно учитывать, что молодое поколение не просто предъявляет новые требования, например к работодателю, но и активно пересматривает нормы, которые старшие воспринимают как незыблемые, устоявшиеся. А.Дж. Денкер, А. Джоши и Дж. Марточио (Dencker, Joshi, Martocchio, 2007) и вовсе продемонстрировали, что системы поощрения в поколенчески негомогенных группах малоэффективны. А концепция «футурошока» Э. Тоффлера интерпретирует МПК как следствие принципиально различного темпа адаптации поколений к социальным и технологическим изменениям.

Вместе с тем ценностно-ориентированный подход имеет уязвимость: он нередко игнорирует внутрипоколенческую вариативность — значительные различия в ценностях внутри одной когорты, обусловленные классовыми, гендерными и этническими факторами. М.Дж. Урик, Э.К. Холленсби и Г.Т. Фэрхёрст (2017) также считают, что организационные различия могут определяться стадией карьеры или опытом работы, а не поколенческой принадлежностью как таковой.

Подход социальной идентичности

Подход социальной идентичности опирается на теорию А. Тэшфела и Дж. Тёрнера (Tajfel, Turner, 1979), в соответствии с которым люди классифицируют себя и окружающих по группам принадлежности и используют эту классификацию как основу социальных оценок и поведения. В организационном контексте работники категоризируют друг друга по поколенческой принадлежности, образуя «ин-группу» (свое поколение) и «аут-группу» (другие поколения), что запускает цепочку процессов, ведущих к межгрупповому конфликту.

Здесь выделяются следующие процессы: сначала происходит социальная категоризация, в рамках которой работники распределяются по поколенческим категориям, затем начинается этап социального сравнения, т. е. оценки своей группы относительно аут-группы, после чего следует этап стереотипизации, приписывания обобщенных характеристик всем членам аут-

группы. Последним этапом является дискриминационное поведение. Важно, что поведение молодых людей сильно отличается в группе от взаимодействия один на один. Они склонны к более агрессивному, конкурентному поведению, что создает дополнительные конфликтогенные факторы (Миронова, Голенков, 2025).

И хотя теория самокатегоризации Дж. Тёрнера подразумевает, что поколенческая идентичнось может актуализироваться и корректироваться в зависимости от контекста, М. Финкельштейн, Дж. Гоннерман и Р. Фоксгровер (2015) показали, что контекст способен смещать акцент, но не менять предписываемую индивидом себе поколенческую принадлежность.

Р. Батлер (Butler, 1969) ввел понятие эйджизма — дискриминации по возрастному признаку — как формы нетерпимости, аналогичной расизму и сексизму.

По итогам рассмотрения двух основных подходов предлагается следующее рабочее определение МПК как формы межгруппового взаимодействия, возникающего между представителями разных поколений в организационном контексте, обусловленного столкновением социальных идентичностей, норм, ценностей, интересов, установок и моделей поведения, усиливаемого механизмами восприятия ин- и аут-групп и проявляющегося в открытом или латентном противостоянии.

Важно указать, что механизм воспроизводства межпоколенческих конфликтов в организации может быть частично объяснен через аналогию с феноменом межпоколенческого переноса семейных паттернов, описанным в рамках теории семейных систем. Согласно этому подходу, супруги с похожим уровнем психологической дифференциации неосознанно воспроизводят усвоенные в родительской семье дисфункциональные модели поведения, что и обеспечивает передачу конфликтных паттернов из поколения в поколение (Миронова, Ковалевская, 2026). По аналогии можно предположить, что часть организационных межпоколенческих конфликтов представляет собой не просто реакцию на актуальный контекст, а трансляцию усвоенных ранее моделей управления и взаимодействия: руководители старшего возраста неосознанно переносят на молодых сотрудников стиль контроля, критики и распределения ответственности, сформированный в период собственного профессионального становления, что порождает конфликт независимо от реальных изменившихся условий труда и ожиданий новых поколений.

Классификация межпоколенческих конфликтов в организации и причины их возникновения

Разрозненность имеющихся подходов к МПК обусловливает необходимость их системной классификации. Ниже представлена классификация по пяти ключевым основаниям, позволяющая охватить многомерность данного феномена.

1. Содержание противоречия

К. Джен, Дж. Чатман (Jehn, Chatman, 2000) представили 3 типа конфликтов — *конфликт задач, личностный и процессуальный*. Под первым понимаются разногласия относительно целей и стратегий работы. Важно, что он часто может восприниматься как профессиональные разногласия. Процессуальный конфликт подразумевает разногласия по вопросам организации рабочего процесса. Там, где для одного поколения важны, например, иерархия и очный формат, для другого на первое место выходят гибкость и дистанционный формат работы. Личностный конфликт затрагивает межличностные отношения, он зачастую деструктивен,

основан на возрастных стереотипах, часто сопровождается снижением психологического климата, а в организациях приводит к текучести кадров. Также К. Джен и Дж. Чатман разработали концепцию пропорционального и перцептивного составов конфликта: восприятие участниками его природы нередко расходится с объективной картиной. В МПК конфликт задач часто ощущается как личностный, что делает особенно сложным его урегулирование.

2. Уровень вовлеченных сторон

С.П. Роббинс (Роббинс, Джадж, 2022), Л. Козер (Coser, 1956), А. Тэшфел и Дж. Тёрнер (Tajfel, Turner, 1979) выделяют 4 уровня конфликтов, которые могут быть также применены к МПК. *Внутриличностный* конфликт подразумевает противоречие между поколенческой и профессиональной идентичностями индивида. Под *межличностным* конфликтом имеется в виду противостояние двух представителей разных поколенческих групп, например молодого специалиста и взрослого руководителя. *Внутригрупповой* конфликт основан на разделении, поляризации группы при эскалации поколенческих различий. *Межгрупповой* конфликт уже подразумевает столкновение отдельных поколенческих групп, с характерной для этого процесса аутгрупповой дискриминацией и ингрупповым фаворитизмом. Важно отметить, что эскалации в этом случае можно избежать, если сформировать общеорганизационную идентичность, которая могла бы вытеснить поколенческую идентичность на второй план.

3. Природа возникновения

Л. Козер (1956) разграничил *реалистические и нереалистические конфликты*. Реалистический (инструментальный) конфликт имеет конкретную цель: это, например, может быть борьба за карьерные позиции, бюджеты, ресурсы; такой конфликт допускает разрешение через переговоры. Нереалистический (экспрессивный) конфликт — выражение накопившегося напряжения: аут-группа становится «козлом отпущения», что требует психологической работы с групповой динамикой. В мультипоколенческих командах распространены смешанные конфигурации: реалистический конфликт приобретает нереалистическую составляющую по мере накопления взаимных обид.

4. Форма проявления

Д.К. Аминова и А.М. Езиев (2021) выделили *открытые и латентные* конфликты. Открытый (эксплицитный) конфликт характеризуется прямыми спорами, публичной конфронтацией, апелляцией к руководству. Латентный (имплицитный) конфликт подразумевает пассивное сопротивление, создание неформальных поколенческих коалиций, утечку молодых кадров, «тихое увольнение», то есть формальное выполнение исключительно тех обязанностей, которые включены в трудовой договор; он характеризуется дискретной динамикой, где накопившееся напряжение высвобождается вспышками под воздействием триггеров, после чего вновь уходит в латентную фазу.

5. Сфера проявления

Когнитивно-темпоральный конфликт — обусловлен выделенными Дж.М. Твендж, С.М. Кэмпбелл, Б. Хоффман и С. Лэнс (2010) различиями в когнитивных стилях, скорости обработки информации и временны́х горизонтах планирования. Одни поколения ориентированы на долгосрочную перспективу и постепенность, другие — на быстрый результат и многократные попытки, что порождает конфликты в совместном планировании.

Ценностно-мотивационный конфликт — наиболее изученный вид. Дж.М. Твендж, С.М. Кэмпбелл, Б. Хоффман и С. Лэнс (2010) выявили систематические поколенческие

различия в пяти кластерах: досуговые, экстринсивные, интринсивные, социальные и альтруистические ценности. Р. Райан и Э. Деси (Ryan, Deci, 2000) в рамках теории самодетерминации показали, что базовые потребности в автономии, компетентности и связанности по-разному выражены в разных когортах, порождая конфликт ожиданий от организационной среды.

Операционно-коммуникативный конфликт —Л., Сеннамо Д. Гарднер (2008) говорили о технологическом разрыве как психологическом феномене: разные поколения выработали принципиально различные ментальные модели работы с информацией и коммуникации. Конфликт стилей управления (строгая иерархия / горизонталь) пересекается с конфликтом оснований авторитета, а стаж и должность конкурируют с компетентностью и результативностью.

6. Ценностные ориентации в построении карьеры

В рамках данного основания межпоколенческий конфликт может рассматриваться как столкновение различных «карьерных якорей» (Hansen, Leuty, 2012; Parry, Urwin, 2011; Twenge et al., 2010).

Здесь за основу предлагается взять теорию карьерных якорей Эдгара Шейна (Schein, 1978; Schein, 1990), которая описывает устойчивые представления человека о себе в профессиональной сфере. Именно различия в доминирующих якорях между поколениями можно рассматривать как ключевой источник стратегико-карьерных конфликтов в организациях.

Конфликт безопасности и автономии — представители старших поколений чаще выбирают безопасность как основной ориентир, ключевую ценность для работы — для них особенно важны гарантированная занятость, предсказуемый доход, социальные гарантии. Молодые сотрудники, ориентированные на автономию, стремятся сохранять контроль над своим временем, форматом работы и возможностью влиять на решения. Долгосрочные обязательства при этом могут восприниматься как ограничение личной свободы, порождающее взаимное недопонимание относительно восприятия лояльности и вовлеченности по отношению друг к другу.

Конфликт менеджмента и компетентности — для одних успешная карьера — это движение к управленческим позициям, расширение зоны контроля, возможности принятия решений, ответственности за людей и ресурсы. Для других карьерный рост означает дальнейшее углубление профессиональной экспертизы без обязательного становления управляющим, и попытки организации «продвигать» такого сотрудника по управленческой лестнице воспринимаются как недооценка его реальных ценностей.

Конфликт преданности делу и вызова — часть сотрудников выстраивают карьеру вокруг миссии, социальной значимости своей работы и лояльности к делу или организации, тогда как другие ищут постоянные интеллектуальные и профессиональные вызовы, новые нерешенные задачи и теряют мотивацию при рутинной, даже социально значимой, работе. Такое расхождение может проявляться в разных реакциях на однотипные задачи и в конфликте относительно распределения «интересных» проектов.

Конфликт баланса работы—жизни и вызова возникает из-за противоположных представлений об успешной карьере: одни сотрудники ценят стабильный график, личные границы и равновесие между работой и жизнью, тогда как другие ищут постоянные сложные задачи и готовы жертвовать личным временем ради азарта и профессионального роста. Это

порождает напряжение вокруг распределения нагрузки, готовности работать в нерабочее время и критериев оценки вовлеченности. К тому же в межпоколенческом контексте старшие сотрудники чаще склоняются к якорю вызова, тогда как молодые — к якорю баланса, что усиливает конфликт при унифицированных системах мотивации в организации.

Детерминанты межпоколенческих конфликтов

Системный анализ детерминантов МПК предполагает их рассмотрение на трех уровнях.

Макросоциальные детерминанты: историко-культурные (события-маркеры поколений — войны, кризисы, технологические революции), экономические (условия вхождения когорт на рынок труда) и технологические (цифровой разрыв). Эти факторы формируют исходную ценностно-нормативную гетерогенность поколений до их встречи в организации.

Организационно-управленческие детерминанты: ригидность структур и HR-практик, не адаптированных к поколенческому разнообразию; управленческая некомпетентность в распознавании МПК как самостоятельного феномена; институционализированный эйджизм в организационной культуре и формальных практиках.

Социально-психологические детерминанты непосредственно обусловливают остроту МПК: механизмы социальной идентичности (категоризация, сравнение, стереотипизация), воспроизводящие поколенческие границы; несоответствие ожиданий по модели P-O Fit; конфликт «образов мира» — несовместимость интерпретативных схем разных поколений.

Три уровня находятся в отношениях опосредования: макросоциальные создают исходную гетерогенность, организационные опосредуют ее трансформацию в актуальный конфликт, социально-психологические определяют остроту и форму его переживания участниками.

Заключение

На основании проведенного теоретического анализа можно сформулировать ряд ключевых выводов.

Во-первых, МПК в организации представляет собой не просто следствие возрастных различий, но и столкновение целостных картин мира, формируемых различными историко-культурными особенностями, которые были во время первых этапов социализации.

Во-вторых, ценностно-ориентированный подход и подход социальной идентичности взаимно дополняют друг друга: первый объясняет содержательную основу поколенческих противоречий (ценностные различия), второй — психологические механизмы их преобразования в актуальный конфликт (как ценностные различия трансформируются в межгрупповое противостояние).

В-третьих, предложенная многомерная классификация по шести основаниям позволяет рассматривать МПК не как целостный феномен, а как сложную проблему, требующую разнообразных стратегий в профилактике и урегулировании: одни виды разрешаются через изменение процедур, другие — через психологическую работу с идентичностью, третьи — через системный пересмотр HR-практик. Итоговая классификация межпоколенческих конфликтов в организации приведена в таблице.

В-четвертых, практическое значение результатов определяется их применимостью для разработки инструментов диагностики и управления поколенческой напряженностью в современных организациях. При этом, по аналогии с моделью копинг-стратегий, разработанной для преодоления трудностей взаимодействия с созависимыми (Миронова,

Роговая, 2026), можно предположить, что эффективное управление межпоколенческими конфликтами в организации также требует комплексного вмешательства — на уровне организации коммуникации, развития индивидуальных ресурсов сотрудников и учета специфики потребностей конкретного поколения.

Таблица / Table

Классификация межпоколенческих конфликтов в организации
Classification of intergenerational conflicts in organizations

Основание / Basis	**Виды МПК / Types of intergenerational conflicts**	**Ключевые характеристики / Key description**	**Авторы / Authors**
1. Содержание противоречия / Content of contradiction	Конфликт задач / личностный конфликт, процессуальный конфликт / Task conflict, relationship conflict, process conflict	Разногласия о целях; межличностный деструктив на почве стереотипов; споры об организации работы (иерархия vs гибкость) / Disagreements about goals; interpersonal destructiveness based on stereotypes; disputes about work organization (hierarchy vs flexibility)	Jehn, Chatman
2. Уровень сторон / Level of parties	Внутриличностный_ межличностный, внутригрупповой, межгрупповой / Intrapersonal, interpersonal, intragroup, intergroup	От конфликта идентичностей внутри индивида до противостояния когорт как коллективных субъектов с взаимно усиливающимся фаворитизмом / From identity conflict within an individual to confrontation between cohorts as collective actors with mutually reinforcing favoritism	Robbins, Koser, Tajfel, Turner
3. Природа возникновения / Nature of emergence	Реалистический, нереалистический / Realistic, non-realistic	Борьба за ресурсы — разрешается переговорами; выражением накопленного напряжения — требует психологической работы / Struggle for resources — resolved through negotiations; expression of accumulated tension — requires psychological work	Coser
4. Форма проявления / Manifestation form	Открытый, латентный/ Overt, latent	Прямая конфронтация vs пассивное сопротивление / «тихое увольнение»; латентный опасен длительным разрушением социального капитала / Direct	Аминова, Езиев / Aminova, Eziev

		confrontation vs passive resistance / “quiet quitting”; latent conflict is more dangerous due to long-term destruction of social capital	
5.Сфера проявления / Sphere of manifestation	Когнитивно-темпоральный, ценностно-мотивационный, операционно-коммуникативный, стратегическо-карьерный, конфликт рациональностей / Value-motivational, operational-communicative, strategic-career, conflict of rationalities	Пять типов отражают разные плоскости поколенческих расхождений — от темпа планирования до конфликта ложных ожиданий / The five types reflect different dimensions of generational discrepancies: from planning tempo to psychological contract conflict	Пашинский / Pashinsky, Twenge, Ryan, Deci
6. Ценностные ориентации в построении карьеры / Value orientations in career	Конфликт безопасности и автономии, конфликт менеджмента и компетентности, конфликт преданности делу и вызова, конфликт баланса работы-жизни и вызова / Security—autonomy conflict, management—competence conflict, dedication—challenge conflict, work-life balance—challenge conflict	Столкновение доминирующих карьерных якорей поколений — от потребности в стабильности и контроле над временем до противоположных представлений об управленческом росте, лояльности делу и балансе между работой и личной жизнью / Clashes between generations' dominant career anchors — ranging from the need for stability and control over time to opposing views on managerial growth, dedication to work, and work-life balance	Schein; Parry, Urwin; Twenge, Campbell, Hoffman, Lance; Hansen, Leuty

Ограничения. Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно является теоретическим, в связи с чем предложенная классификация эмпирически не подтверждена. Во-вторых, оно опирается на отечественные и англоязычные источники, оставляет за рамками изучения те исследования, которые выполнены на других языках. В частности, речь идет об

азиатских, в том числе китайских, авторах. Это снижает универсальность предложенной классификации, глубину представленного теоретического обзора.

Limitations. The study has several limitations. First, it is theoretical, and therefore the proposed classification has not been empirically validated. Secondly, it relies on Russian and English-language sources, excluding studies conducted in other languages. This applies in particular to Asian authors, including Chinese ones. It reduces the universality of the proposed classification and the depth of the theoretical overview presented.

Список источников / References

1. Аминова, Д.К., Езиев, А.М. (2019). Психологизм межпоколенческих конфликтов как предмет научной рефлексии. *International Journal of Medicine and Psychology, 2*(1), 33—41. URL: https://www.elibrary.ru/yyedkp (дата обращения: 01.07.2026).
   Aminova, D.K., Eziev, A.M. (2019). Psychological aspects of intergenerational conflicts as a subject of scientific reflection. *International Journal of Medicine and Psychology, 2*(1), 33—41 (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/yyedkp (viewed: 01.07.2026).
2. Глозман, Ж.М., Наумова, В.А. (2022). Отношения поколений: представления современного ребенка младшего школьного возраста. *Культурно-историческая психология, 18*(1), 90—104. https://doi.org/10.17759/chp.2022180109
   Glozman, Z.M., Naumova, A.A., Naumova, V.A. (2022). Generations Attitudes from the Point of View of a Modern Primary School Age Child. *Cultural-Historical Psychology, 18*(1), 90—104. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/chp.2022180109
3. Григорьева, М.В., Шамионов, Р.М., Абуталипова, В.К. (2026). Дискриминационные установки и их ценностные предикторы у представителей разных поколений. *Социальная психология и общество, 17*(1), 60—76. https://doi.org/10.17759/sps.2026170104
   Grigoryeva, M.V., Shamionov, R.M., Abutalipova, V.K. (2026). Discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of different generations. *Social Psychology and Society, 17*(1), 60—76. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/sps.2026170104
4. Лисовский, В.Т., Иконникова, С.Н., Ермошкина, М.А., Скородумов, А.А. (2000). *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учебное пособие.* СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. URL: https://elibrary.ru/tpmjsv (дата обращения: 01.07.2026).
   Lisovsky, V.T., Ikonnikova, S.N., Ermoshkina, M.A., Skorodumov, A.A. (2000). *The Spiritual World and Value Orientations of Russian Youth: A Tutorial*. Saint Petersburg: St. Petersburg University of Humanities and Trade Unions. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/tpmjsv (viewed: 01.07.2026).
5. Миронова, О.И., Голенков, А.А. (2025). Классификация вынужденных контактов у склонных к аддиктивному поведению подростков, находящихся на социальной реабилитации. *Психология и право, 15*(1), 244—259. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150116
   Mironova, O.I., Golenkov, A.A. (2025). Classification of forced contacts in adolescents prone to

addictive behavior who are in social rehabilitation. *Psychology and Law, 15*(1), 244—259. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150116

6. Миронова, О.И., Ковалевская, Е.А. (2026). Подходы к изучению развития созависимости у членов семьи. *Психология и право, 16*(1), 266—285. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160116
   Mironova, O.I., Kovalevskaia, E.A. (2026). Approaches to studying the development of codependency in family members. *Psychology and Law, 16*(1), 266—285. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160116
7. Миронова, О.И., Роговая, О.С. (2026). Разработка копинг-стратегий на основе оценки трудностей взаимодействия с созависимыми. *Экспериментальная психология, 19*(1), 119—135. https://doi.org/10.17759/exppsy.2026190108
   Mironova, O.I., Rogovaya, O.S. (2026). Developing coping strategies based on an assessment of the difficulties of interacting with codependents. *Experimental Psychology (Russia), 19*(1), 119—135. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/exppsy.2026190108
8. Постникова, М.И., Микляева, А.В., Сиврикова, Н.В., Регуш, Л.А. (2022). Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века. *Социальная психология и общество, 13*(1), 87—103. https://doi.org/10.17759/sps.2022130106
   Postnikova, M.I., Miklyaeva, A.V., Sivrikova, N.V., Regush, L.A. (2022). Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century. *Social Psychology and Society, 13*(1), 87—103. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/sps.2022130106
9. Сапоровская, М.В. (2020). Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 26*(4), 48—54. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54
   Saporovskaya, M.V. (2020). Intergenerational conflict and psychological well-being of family. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 26*(4), 48—54. (In Russ.). https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54
10. Appelbaum, S.H., Bhatt, D., Shapiro, B.T., Egan, R. (2022). A study of generational conflicts in the workplace. *European Journal of Business and Management, 7*(2), 7—15. https://doi.org/10.24018/ejbmr.2022.7.2.1311
11. Butler, R.N. (1969). Age-Ism: Another Form of Bigotry. *The Gerontologist, 9*(4-1), 243—246. https://doi.org/10.1093/geront/9.4_part_1.243
12. Cennamo, L., Gardner, D. (2008). Generational differences in work values, outcomes and person-organisation values fit. *Journal of Managerial Psychology, 23*(8), 891—906. https://doi.org/10.1108/02683940810904385
13. Coser, L. (1956). *The Functions of Social Conflict.* Glencoe, IL: Free Press.

14. Costanza, D.P., Badger, J.M., Fraser, R.L., Severt, J.B., Gade, P.A. (2012). Generational differences in work-related attitudes: A meta-analysis. *Journal of Business and Psychology, 27*(4), 375—394. https://doi.org/10.1007/s10869-012-9259-4
15. Costanza, D.P., Finkelstein, L.M. (2015). Generationally Based Differences in the Workplace: Is There a There There? *Industrial and Organizational Psychology, 8*(3), 308—323. https://doi.org/10.1017/iop.2015.15
16. Dencker, J.C., Joshi, A., Martocchio, J.J. (2007). Employee benefits as context for intergenerational conflict. *Human Resource Management Review, 17*(2), 208—220. https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2007.04.002
17. Hansen, J.C., Leuty, M.E. (2012). Work Values Across Generations. *Journal of Career Assessment, 20*(1), 34—52. https://doi.org/10.1177/1069072711417163
18. Jehn, K.A., Chatman, J.A. (2000). The influence of proportional and perceptual conflict composition on team performance. *International Journal of Conflict Management, 11*(1), 56—73. https://doi.org/10.1108/eb022835
19. Mannheim, K. (1952). The Problem of Generations. In: K. Mannheim *Essays on the Sociology of Knowledge* (pp. 276—322). London: Routledge & K. Paul.
20. Parry, E., Urwin, P. (2011). Generational Differences in Work Values: A Review of Theory and Evidence. *International Journal of Management Reviews, 13*(1), 79—96. https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2010.00285.x
21. Robbins, S.P., Judge, T.A. (2022). *Organizational Behavior* (18th updated ed.). Harlow: Pearson Education Limited.
22. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist, 55*(1), 68—78. https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68
23. Schein, E.H. (1978). *Career Dynamics: Matching Individual and Organizational Needs.* Reading, MA: Addison-Wesley.
24. Schein, E.H. (1990). *Career Anchors: Discovering Your Real Values.* San Diego, CA: Pfeiffer & Company.
25. Smola, K.W., Sutton, C.D. (2002). Generational differences: Revisiting generational work values for the new millennium. *Journal of Organizational Behavior, 23*(4), 363—382. https://doi.org/10.1002/job.147
26. Tajfel, H., Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In: W.G. Austin, S. Worchel (Eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations* (pp. 33—47). Monterey, CA: Brooks/Cole.
27. Twenge, J.M., Campbell, S.M., Hoffman, B.J., Lance, C.E. (2010). Generational Differences in Work Values: Leisure and Extrinsic Values Increasing, Social and Intrinsic Values Decreasing. *Journal of Management, 36*(5), 1117—1142. https://doi.org/10.1177/0149206309352246
28. Urick, M.J., Hollensbe, E.C., Fairhurst, G.T. (2017). Understanding and managing intergenerational conflict: An examination of influences and strategies. *Work, Aging and Retirement, 3*(2), 166—185. https://doi.org/10.1093/workar/waw009

Информация об авторах

Артем Фадланович Латыпов, аспирант департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-2007-4044, e-mail: fjl.artem@gmail.com

Information about the authors

Artem F. Latypov, Postgraduate Student of the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-2007-4044, e-mail: fjl.artem@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 11.07.2026
Поступила после рецензирования 16.08.2026
Принята к публикации 16.08.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.11
Revised 2026.08.16
Accepted 2026.08.16
Published 2026.09.30

Психология и право
2026. *16*(3), 273–292.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160315
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(3), 273–292.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160315
ISSN 2222-5196 (online)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Функциональный катамнез получателей стационарных социальных услуг, которым был повышен гражданско-правовой статус

Н.К. Харитонова[1], **О.А. Русаковская**[1, 2] ✉, **В.И. Васянина**[1]
[1] Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация
[2] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ rusakovskaya.o@serbsky.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Из недееспособных лиц, которые в последующем признавались дееспособными или ограниченно дееспособными, более 75% на момент повышения гражданско-правового статуса проживали в стационарных организациях социального обслуживания. Катамнестического исследования данной когорты ранее не проводилось. **Цель.** Оценить успешность функционального катамнеза получателей стационарных социальных услуг, повысивших гражданско-правовой статус. **Методы и материалы.** Когорту составили 96 человек (62 мужчины, 34 женщины) из 6 стационарных организаций социального обслуживания Московской и Владимирской областей (54 ограниченно дееспособных, 42 дееспособных). Продолжительность катамнеза: M = 4,6; SD = 3,47. Методы: лонгитюдно-динамическое обследование (N = 40), анализ объективных сведений, оценка общего улучшения с применением CGI-S, CGI-I. Для обработки результатов применялись частотный и кластерный анализ по К-средним. **Результаты.** После повышения гражданско-правового статуса 76% испытуемых продолжали получать социальные услуги в стационарной форме, 2% — в нестационарной форме, в отношении 22% социальное обслуживание было прекращено после выписки. В зависимости от тяжести психического расстройства и динамики общего улучшения состояния выделено 6 кластеров испытуемых. Функциональный катамнез 77% испытуемых был благополучным, 16% — сомнительным. **Выводы.** На успешность функционального катамнеза влияют клинические характеристики, личностные особенности и получение необходимого человеку объема социальной поддержки. При повышении гражданско-правового статуса у части

© Харитонова Н.К., Русаковская О.А., Васянина В.И., 2026

CC-BY-NC

граждан сохраняется нуждаемость в стационарной форме социального обслуживания.

Ключевые слова: тяжелые психические расстройства, недееспособность, восстановление дееспособности, функциональный катамнез, социальное обслуживание, стационарные организации социального обслуживания для лиц с психическими расстройствами

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме: «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения», интернет-номер темы в ЕГИСУ НИОКТР — 124020800063-2.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования директоров СОСО: А.А. Ключева, А.А. Казакову, А.А. Иванова, И.В. Морозову, Е.О. Байкалову, Т.Б. Кобелкову.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/383

Для цитирования: Харитонова, Н.К., Русаковская, О.А., Васянина, В.И. (2026). Функциональный катамнез получателей стационарных социальных услуг, которым был повышен гражданско-правовой статус. *Психология и право, 16*(3), 273—292. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160315

Functional catamnesis (longitudinal functional outcomes) in recipients of inpatient social services who were recognized as legally capable or having restricted legal capacity

N.K. Kharitonova[1], **O.A. Rusakovskaya**[1, 2] ✉, **V.I. Vasyanina**[1]

[1] V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

[2] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ rusakovskaya.o@serbsky.ru

Abstract

Context and relevance. Among legally incapacitated individuals who were subsequently recognized as legally capable or having restricted[1] legal capacity, over 75% lived in inpatient social service facilities when their civil-legal status was upgraded. No prior functional outcome assessment in this cohort has been conducted. **Objective.** To evaluate functional catamnesis in recipients of inpatient social services after upgrade of civil-legal status. **Methods and materials.** The cohort comprised 96

[1] Для перевода термина «ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством» (пункт 2 статьи 30 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) использовался термин W.E. Butler (2023).

individuals (62 males, 34 females) from 6 inpatient social service facilities in the Moscow and Vladimir regions (54 with restricted legal capacity, 42 legally capable). Catamnesis duration: M = 4.6; SD = 3.47. Methods included longitudinal dynamic assessment (N = 40), analysis of objective data, and evaluation of overall improvement using the CGI-S and CGI-I scales. Frequency analysis and K-means cluster analysis were applied to process the results. **Results.** After the upgrade of their civil-legal status, 76 % of the participants continued to receive social services in an inpatient form, 2 % received services in a non-inpatient form, for 22 % social services were discontinued after discharge. Depending on the severity of the mental disorder and the dynamics of overall improvement in clinical status and social functioning, 6 clusters of participants were identified. The functional catamnesis was favorable in 77 % of the participants and uncertain in 16 %. **Conclusions.** Functional catamnesis success depends on clinical features, personality characteristics, and whether the individual receives a sufficient volume of social support. Following the upgrade of civil-legal status, some individuals retain the need for inpatient social services.

Keywords: severe mental disorders, legal incapacity, restoration of legal capacity, longitudinal functional outcomes, social services, inpatient social service facilities

Funding. The study was funded by Ministry of Health of the Russian Federation within the framework of the state task, project number in Unified State Accounting Information System for research, development and technological civil works No. 124020800063-2.

Acknowledgements. The authors are grateful the directors of the social service organizations for their assistance in data collection for the study: A.A. Klyuchev, A.A. Kazakova, A.A. Ivanov, I.V. Morozova, E.O.Baikalova, and T.B. Kobelkova.

Supplemental data. Datasets available from https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/383

For citation: Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A., Vasyanina, V.I. (2026). Functional catamnesis (longitudinal functional outcomes) in recipients of inpatient social services who were recognized as legally capable or having restricted legal capacity. *Psychology and Law, 16*(3), 273—292. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160315

Введение

В Российской Федерации в период 2018—2022 гг. судебно-психиатрические заключения, соответствующие дееспособности и ограничению дееспособности были даны в отношении 6263 человек, что составило 4,5% от всех заключений в связи с решением вопросов дееспособности (Русаковская, 2025); при этом более 75% подэкспертных, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в связи с решением вопроса о повышении гражданско-правового статуса, составляли лица, проживающие в стационарных организациях социального обслуживания для лиц с психическими расстройствами (ранее — психоневрологические интернаты, далее — СОСО) (Харитонова, Русаковская, Васянина, 2026).

Повышение гражданско-правового статуса получателей стационарных социальных услуг, наряду с переводом на нестационарные формы социального обслуживания, возвращением в

семью или выпиской из организации после восстановления способности к самостоятельному проживанию, могут рассматриваться как показатели эффективности социальной реабилитации (Русаковская, 2025; Сиснёва, Метрикина, 2026; Dalton-Locke и др., 2021; Martinelli и др., 2023; Parker и др., 2020; Tolonen и др., 2023). Согласно действующему законодательству РФ, вопросы повышения гражданско-правового статуса лиц, признанных ранее недееспособными, с признанием их дееспособными или ограниченно дееспособными, решаются только в судебном порядке, на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы. При этом вывод экспертов о способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими (в том числе лишь с помощью других лиц), после оценки и принятия его судом, является обязательным доказательством по делу и, как правило, ложится в основу судебного решения. В то же время, несмотря на законодательно определенные требования к объективности, доказательности и единому методологическому подходу к судебно-психиатрическим экспертным исследованиям, между государственными судебно-экспертными учреждениями РФ имеются значительные расхождения в оценке способности понимать значение своих действий и руководить ими (Русаковская, 2025). Данные расхождения связаны, в том числе, с различными подходами к решению одной из основных этических дилемм психиатрии, заключающейся в нахождении баланса между патернализмом и личной автономией граждан, страдающих тяжелыми психическими расстройствами (Hommel, Wang, Bergman, 1990; Johns, 2013; Wright, 2010; Zietlow, 2022). В контексте разрешения этого противоречия особую ценность могут иметь результаты катамнестических исследований, которые традиционно проводились в отечественной судебной психиатрии в целях ««катамнестического испытания» для больных, которые в прошлом наблюдались психиатром» (Наталевич, 1987, с.4), оценки успешности клинического и социального катамнеза после прохождения судебно-психиатрической экспертизы (Иванова, 2008; Холодковская, 1969), ретроспективной верификации судебно-психиатрических выводов (Боброва, 1978; Василевский, 1979; Морозов, 1987; Холодковская, 1974). Однако в отношении лиц, гражданско-правовой статус которых был повышен, катамнестических исследований ранее не проводилось, что обусловливает актуальность настоящего ретроспективно-проспективного когортного исследования.

Цель исследования: оценить успешность функционального катамнеза получателей стационарных социальных услуг, которым был повышен гражданско-правовой статус с признанием их ограниченно дееспособными и дееспособными.

Материалы и методы

Настоящее ретроспективно-проспективное когортное исследование проведено в 2026 г. в шести стационарных организациях социального обслуживания (далее СОСО) Московской и Владимирской областей. Когорту составили 96 человек (62 мужчины, 34 женщины). Все они длительное время страдали психическим расстройством, признавались ранее недееспособными и проживали в СОСО. К моменту исследования их гражданско-правовой статус был повышен до ограничения дееспособности (N = 54) или дееспособности (N = 42). Из испытуемых, которые были признаны дееспособными, 7 человек признавались предварительно ограниченно дееспособными. Исследование имело сплошной характер: в

выборку включались все лица, получавшие социальные услуги в организации, которым был повышен гражданско-правовой статус (от 2 до 50 человек в каждом из учреждений).

На момент проведения настоящего исследования 7 человек умерли. Из них на момент смерти 5 проживали в СОСО, двое были выписаны в семью родственников.

Исключая умерших, на момент итоговой оценки возраст испытуемых составлял от 24 до 78 лет (M = 50,06; SD =12,3; Med = 50,5; Low. Quart — Upp. Quart = 41—59,5). Количество полных лет, прошедших после первого повышения гражданско-правового статуса до итоговой оценки или смерти составляло от 0 до 11 лет (M = 4,6; SD = 3,47; Low. Quart — Upp. Quart = 2—8).

В четырех организациях исследование было лонгитюдным динамическим, проводилось с 2019 года (Rusakovskaya и др., 2023). Процедура обследования включала обязательное получение добровольных информированных согласий каждого участника на участие в исследовании, обработку персональных данных, ознакомление со сведениями, составляющими медицинскую тайну. Методы включали наблюдение, изучение медицинской документации, получение объективных сведений от специалистов, ежегодное клинико-психопатологическое обследование получателей социальных услуг с применением Стандартизированного протокола экспертного исследования (Харитонова, Русаковская, Васянина, 2021, 2023). В двух организациях Московской области клинико-психопатологическое исследование не проводилось, функциональный катамнез испытуемых оценивался однократно, по результатам изучения медицинской документации и направленной беседы с комиссией сотрудников организации (директор, врач-психиатр и заместитель директора по социальной работе).

Для количественной оценки улучшения функционального статуса применялась модифицированная Шкала общего клинического впечатления (CGI-S, CGI-I). В 2026 г. во всех организациях, в ходе личного опроса, комиссии сотрудников СОСО в отношении каждого человека предлагалось, с учетом своего опыта работы в СОСО, оценить по шкале CGI-S тяжесть психического расстройства проживающего в настоящее время; по шкале CGI-I оценить общее улучшение или ухудшение состояния после повышения гражданско-правового статуса. В случаях нестабильного состояния проживающего фиксировались оценки в разные периоды времени. Разногласия членов комиссии в оценке тяжести психического расстройства или общего улучшения (ухудшения) состояния устранялись в ходе обсуждения. Если этого не происходило (2 случая), ставилась оценка, соответствующая более тяжелому состоянию.

Как благополучный, неблагополучный или сомнительный, катамнез оценивался авторами на основании всех полученных данных.

Обработка результатов проводилась с использованием программы Statistica 13.0. В качестве статистических применялись методы частотного анализа, кластерного анализа по К-средним.

Результаты

Клиническая и социальная характеристика когорты

Из получателей стационарных социальных услуг, гражданско-правовой статус которых был повышен, 44 человека (46%) страдали шизофренией, 35 (36%) — умеренной и легкой умственной отсталостью, 17 (18%) — органическими психическими расстройствами.

После повышения гражданско-правового статуса 73 человека продолжали получать социальные услуги в стационарной форме. Два человека получали социальные услуги в форме сопровождаемого проживания, жили в служебных квартирах; 21 человек были выписаны из СОСО, после чего социальные услуги им не оказывались.

Из лиц, продолживших получать социальные услуги в стационарной форме, 5 человек умерли; 65 проживали в той же СОСО; 3 человека, на основании личного заявления, были переведены в иную, частную, организацию социального обслуживания. Из лиц, проживавших в той же СОСО, семеро человек готовились к выписке (1 человек — в семью родственников, 5 человек — на самостоятельное проживание, 1 человек — на сопровождение некоммерческой организацией (НКО)).

Из 21 человека, которые перестали быть получателями стационарных социальных услуг, умерли 2 человека. При этом один из них после признания его дееспособным заключил контракт с Министерством обороны, через полгода погиб на СВО. Четыре человека выписались в семью родителей, взрослых детей или иных родственников; шесть человек вступили в брак, стали жить в своей семье; три человека жили полностью самостоятельно, без какой-либо поддержки со стороны социальных служб или родственников. Четыре человека жили самостоятельно, но опекались НКО «Круг»; один — другом; один жил в монастыре.

Социальный катамнез испытуемых иллюстрирует рис. 1.

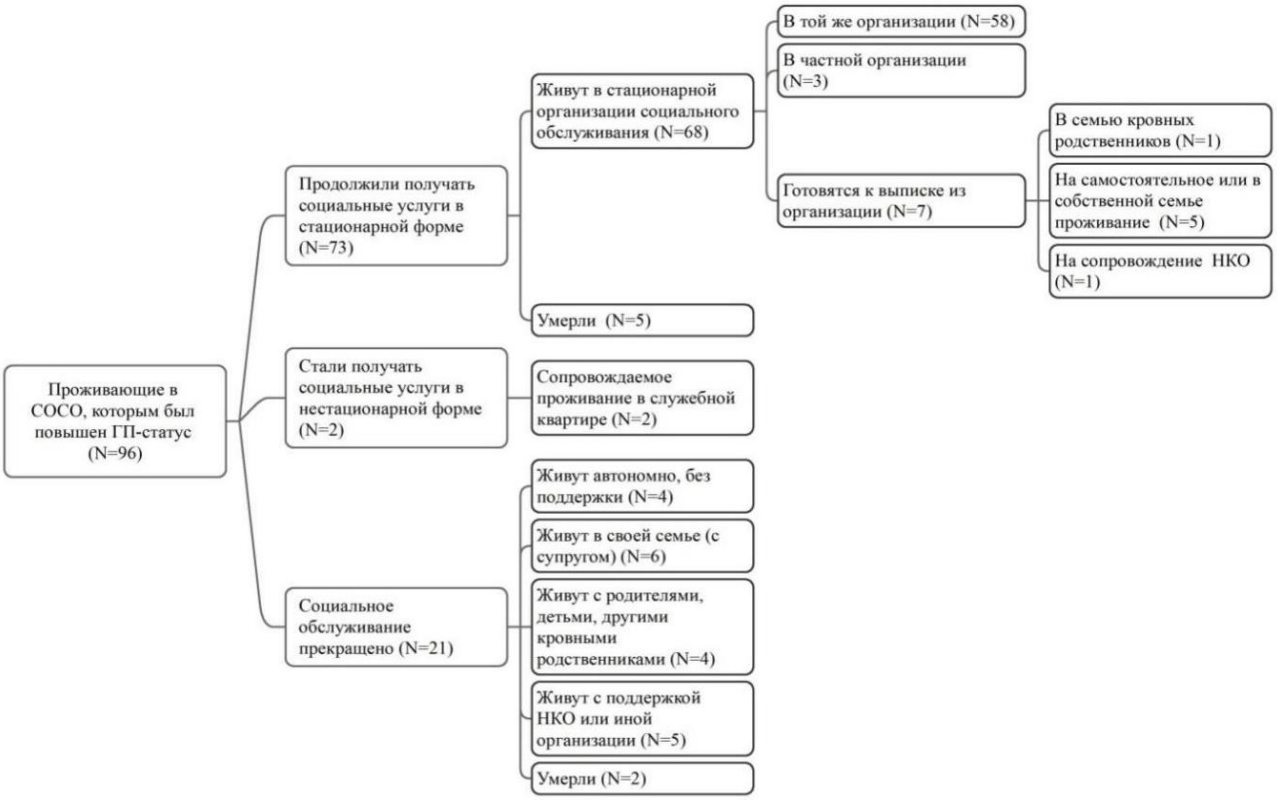

Рис. 1. Социальный катамнез получателей стационарных социальных услуг, повысивших гражданско-правовой статус

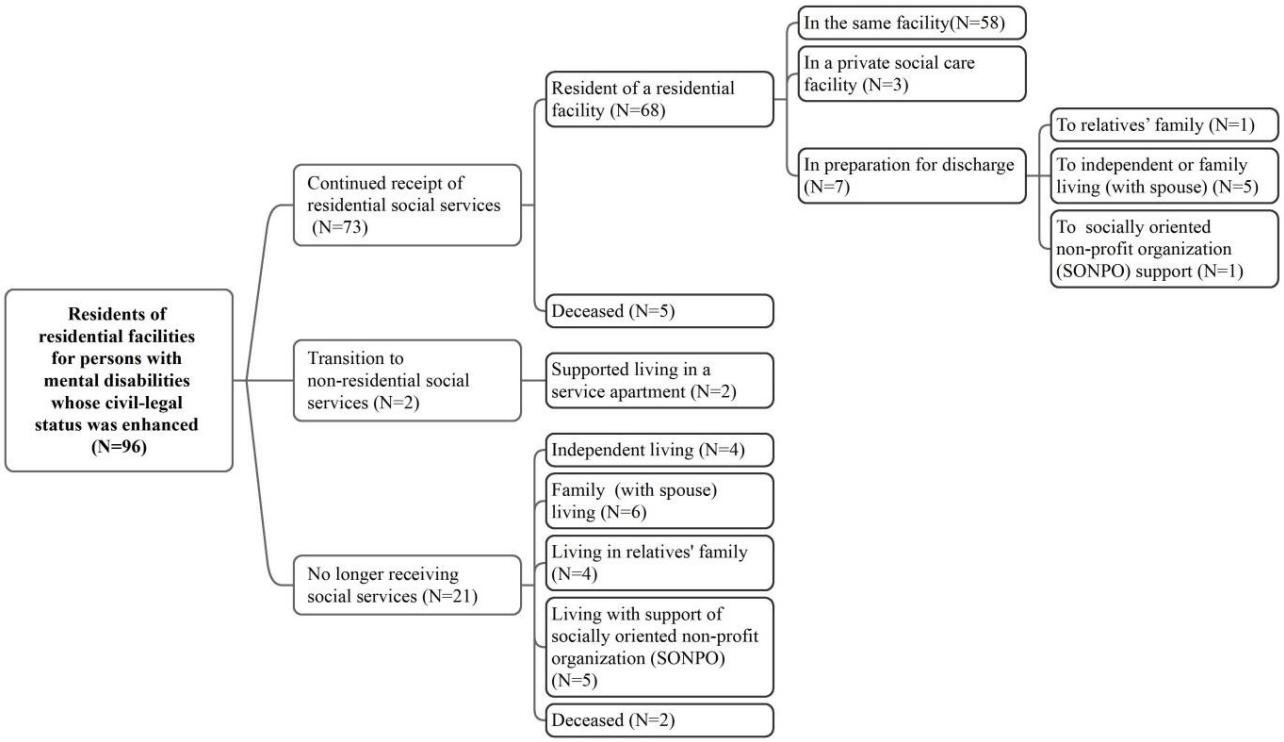

Fig. 1. Longitudinal social outcomes in recipients
of residential social care with improved civil-legal capacity

Комиссией специалистов СОСО психическое расстройство проживающих, гражданско-правовой статус которых был повышен, оценивалось как умеренно выраженное у 40%, выраженное — у 17,7%, тяжелое — у 4,2%. У 25% психическое расстройство оценивалось как легкое, у 11,5% — как «пограничено между нормой и расстройством». В отношении испытуемых, которые обследовались динамически (N = 40), оценка членов комиссии совпала с оценкой авторов в 39 случаях. В целом, среди испытуемых, продолжающих получать социальные услуги в стационарной форме, было больше тех, психическое расстройство которых оценивалось как более тяжелое. Тем не менее, и среди лиц, которые стали получать социальные услуги в нестационарной форме, и среди лиц, прекративших получать социальные услуги, были такие, психическое расстройство которых оценивалось как выраженное и умеренно выраженное. Результаты оценки тяжести психического расстройства у граждан, признанных дееспособными и ограниченно дееспособными, продолжающих и не продолжающих проживать в СОСО, иллюстрирует рис. 2.

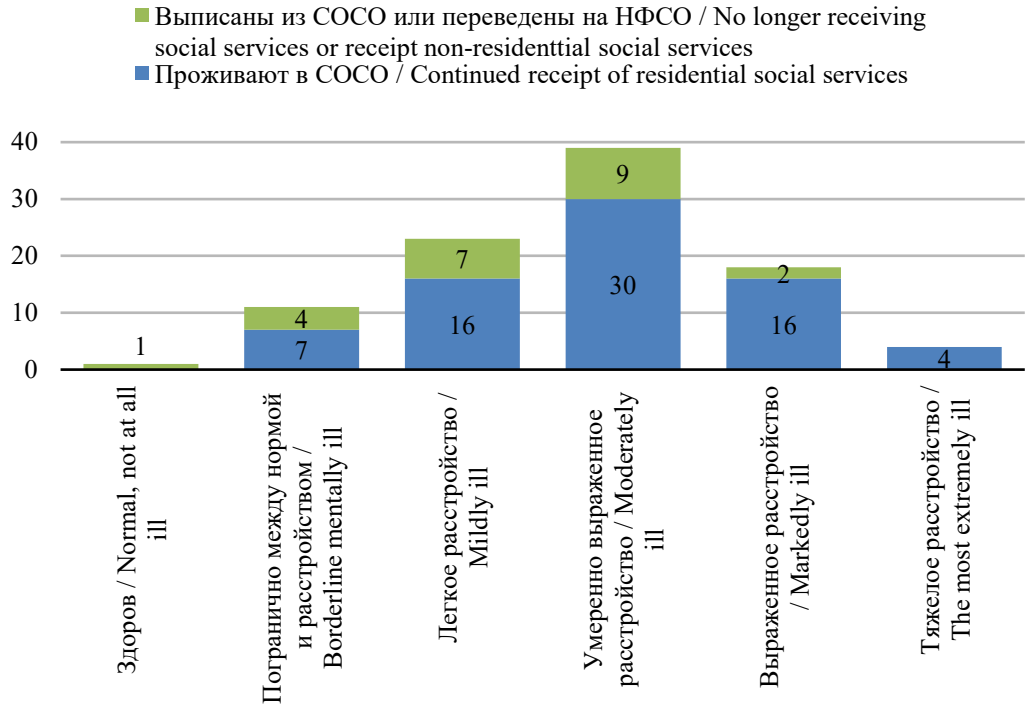

Рис. 2. Оценка тяжести психического расстройства у лиц, проживавших в СОСО, гражданско-правовой статус которых был повышен
Fig. 2. Assessment of psychiatric disorder severity in individuals previously residing in residential social care facilities, whose civil-legal status has been upgraded

Интегративная оценка успешности катамнеза

В группе лиц, продолжавших получать социальные услуги в стационарной форме, у 56 человек (76,7%) катамнез оценивался как благополучный, у 13 (17,8%) — как сомнительный, у четырех (5,5%) — как неблагополучный.

У обоих респондентов, получающих социальные услуги в нестационарной форме, катамнез оценивался как благополучный (100%).

Из граждан, не находящихся на социальном обслуживании, у 16 человек (76,2%) катамнез оценивался как благополучный, у одного человека — как сомнительный, у трех человек (14,3%) — как неблагополучный. Неблагополучный катамнез у лиц, не находящихся на социальном обслуживании, во всех случаях сопровождался возобновлением употребления ПАВ.

Характеристики функционального катамнеза в кластерах испытуемых

Кластерный анализ по К-средним позволил выделить среди 88 испытуемых когорты (91,7%), с исключением из анализа тех испытуемых, актуальные данные по которым отсутствовали (N = 8), 6 кластеров, представленных на рис. 3, различающихся тяжестью расстройства и динамикой изменений состояния в период от повышения гражданско-правового статуса до настоящего момента. Описательная статистика по каждому из кластеров

и результаты частотного анализа параметров оценки функционального катамнеза представлены в табл. 1 Приложения.

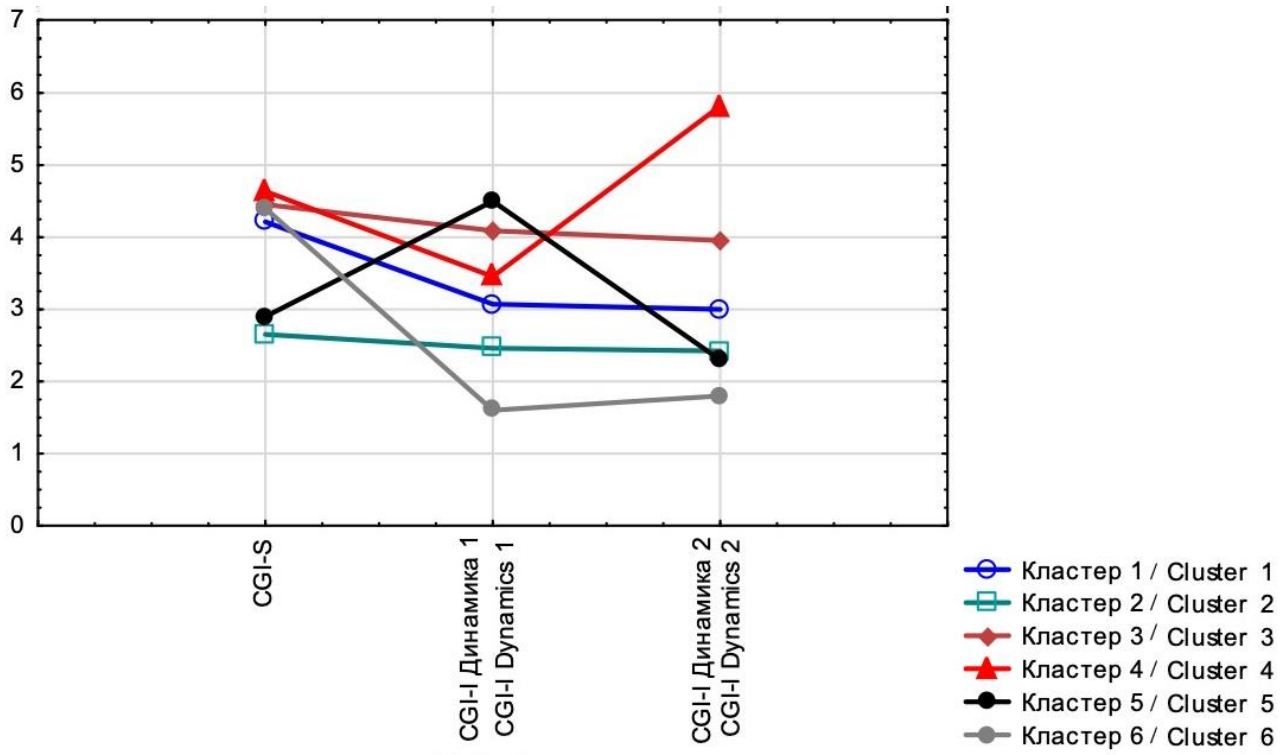

Рис. 3. Кластеры, отражающие динамику состояния у лиц, гражданско-правовой статус которых был повышен
Fig. 3. Clustered dynamics of clinical status after civil-legal status upgrade

В первый кластер (N = 14, 15,9%) вошли проживающие преимущественно с шизофренией, психическое состояние которых как до, так и после повышения гражданско-правового статуса оценивалось как нестабильное, достаточно тяжелое (CGI-S: M = 4,2; SD = 0,4). Клиническая картина заболевания у проживающих с шизофренией определялась выраженными негативными симптомами, нарушениями мышления, патохарактерологическими личностными особенностями в виде раздражительности, конфликтности, навязчивости. У лиц с умственной отсталостью наблюдались умеренно выраженное интеллектуальное снижение, несформировнность элементарных школьных и ограниченность бытовых и социальных навыков, эмоционально-волевые нарушения. Каких-либо изменений в клинических проявлениях психического расстройства у испытуемых первого кластера не отмечалось. Три человека с шизофренией в оцениваемый период перенесли обострения психического расстройства, требовавшие лечения в условиях психиатрического стационара. В то же время, специалистами COCO изменение их состояния оценивалось как «минимальное улучшение»: 57% испытуемых стали позитивнее и увереннее в себе; 43% проявляли бо́льшую активность в повседневной жизни и социальных отношениях; у 35,7% возросло количество контактов с

родственниками; 35,7% трудоустроились в СОСО. Все представители первого кластера после повышения гражданско-правового статуса продолжали проживать в СОСО.

Во второй кластер (N = 26; 29,5%) вошли испытуемые, преимущественно с легкой умственной отсталостью (CGI-S: M = 2,7; SD = 0,3), функциональный катамнез которых оказался самым благополучным. После повышения гражданско-правового статуса у всех значительно возрос уровень автономии. 8 человек (30,8%) вступили в брак, семеро (26,9%) выписались из СОСО и стали жить автономно или в собственной семье, еще несколько человек были готовы выписаться из организации, если будет такая возможность. 20 человек (76,9%), в том числе все испытуемые, живущие самостоятельно, были трудоустроены, в том числе и на общем рынке труда; одна стала мамой и справлялась с родительскими обязанностями (на момент обследования ребенку было больше года). 4 человека (15,4%) получили общее или профессиональное образование. 15 человек (57,7%) сообщали о большей уверенности в себе, удовлетворенности и самостоятельности. У всех испытуемых этого кластера отмечалось значительное расширение знаний и навыков, повышение активности и продуктивности в повседневной жизни, повышение самооценки. В этот кластер вошли несколько испытуемых, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, экспертные случаи которых были подробно описаны нами ранее (Галявин и др., 2024; Мельникова и др., 2024; Русаковская и др., 2023).

В третий кластер (N = 22; 25%) вошли проживающие с тяжелым и умеренно выраженным расстройством (M = 4,5; SD = 0,6), состояние которых после повышения гражданско-правового статуса никак не изменилось. Испытуемые описывались сотрудниками как замкнутые, пассивные, избегающие какой-либо деятельности, не ориентированные на труд, незаметные. В то же время их функциональный катамнез в целом оценивался как благополучный: проживающие могли самостоятельно делать покупки; к 13,6% чаще стали приезжать родственники; некоторые стали бывать в домашних отпусках; 3 человека (13,6%) стали позитивнее и увереннее в себе.

У 6 из 11 человек (54,5%), вошедших в четвертый кластер, катамнез оценивался как неблагополучный. У 7 человек (63,6%) были рецидивы психотических симптомов; у 4 (36,4%) возросло число инцидентов, связанных с употреблением ПАВ; у 5 (45,5%) — инцидентов, связанных с нарушениями поведения; 3 человека, выписавшиеся из СОСО, возобновили систематическое употребление алкоголя.

В пятый кластер (N = 10; 11,4%) вошли проживающие с относительно нетяжелым психическим расстройством (CGI-S: M = 2,9; SD = 0,9), состояние которых непосредственно после повышения гражданско-правового статуса ухудшилось. Отмечались нарушения режима, рост инцидентов употребления ПАВ, высокомерное и пренебрежительное отношение к другим проживающим. У граждан с шизофренией встречались нарушения режима приема лекарств с обострениями продуктивной симптоматики. Испытуемые пятого кластера требовали наиболее активной психообразовательной и психокоррекционной работы, на фоне которой у 9 человек (90%) отмечалась положительная динамика. В итоге, на момент обследования, их катамнез оценивался как благополучный (CGI-S Динамика 1: M = 4,5; SD = 0,7; CGI-I Динамика 2: M = 2,3; SD = 0,7). 8 человек (80%) были трудоустроены; 2 человека вступили в брак; у четырех более активным стало взаимодействие с родственниками; двое человек обратились за наркологической помощью и «закодировались».

В одном случае психокоррекционные мероприятия были неэффективны, поведение гражданина осталось диссоциальным, катамнез оценивался специалистами как неблагополучный.

В шестой кластер (N = 5; 5,7%) вошли проживающие с тяжелым психическим расстройством (CGI-S: M = 4,4; SD = 0,9), состояние которых после повышения гражданско-правового статуса оценивалось как «сильно и очень сильно улучшилось» (CGI-I: M = 1,8; SD = 0,4). 4 человека (80%) стали позитивнее и увереннее в себе. На момент обследования они же были трудоустроены в СОСО.

Обсуждение результатов

Ранее на материале лиц, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в связи с решением вопроса об изменении гражданско-правового статуса, нами были выделены устойчивые сочетания клинико-психопатологических, социальных и психологических характеристик, соответствующих дееспособности и ограничению дееспособности (Русаковская, 2025). Было установлено экспертное значение сочетания таких клинико-психопатологических параметров, как стабилизация болезненного процесса, меньшая выраженность когнитивных и эмоционально-волевых нарушений, специфическая структура негативных симптомов, с такими нозонеспецифическими личностными характеристиками, как адаптированность в актуальной социальной жизненной ситуации, активность, продуктивность в повседневной деятельности и в социальном взаимодействии, инициативность, просоциальность. Функциональный катамнез испытуемых, которые обладали устойчивым сочетанием данных характеристик, действительно, оказался благоприятным, подтвердив результат предыдущего исследования. В то же время, такие лица составляли только два кластера настоящей когорты: второй и пятый.

Напротив, у испытуемых первого, третьего и шестого кластеров, которые составляли 46,6% когорты, после повышения гражданско-правового статуса психическое состояние было нестабильным, сохранялись регулярные рецидивы продуктивных симптомов, структура негативных проявлений заболевания включала выраженные волевые нарушения и социальную отгороженность, что определяло невысокий уровень социального функционирования и низкую продуктивность в повседневной жизни. Несмотря на это, в условиях получения социального обслуживания в стационарной форме, достаточной поддержки со стороны родственников или социально ориентированных НКО, функциональный катамнез таких граждан также оценивался как благополучный. Повышение гражданско-правового статуса таких лиц не приводило к негативным последствиям для самого человека или окружающих, повышало уровень личной автономии и качество жизни.

Наименее благополучным оказался катамнез лиц четвертого кластера, выписавшихся из СОСО и по различным причинам не получавших социальной поддержки. При этом частота инцидентов, связанных с нарушениями режима приема поддерживающей психофармакотерапии и употреблением ПАВ, а также трудностями бытового плана, определяют целесообразность более широкого внедрения в СОСО наркологической помощи, разработки программ постинтернатного сопровождения, включающих социальные услуги, психологическую, психиатрическую и наркологическую помощь.

Полученные результаты свидетельствуют о важнейшем значении социальной ситуации жизни пациента и эффективности получаемой им помощи при проведении судебно-психиатрических экспертиз по делам о повышении гражданско-правового статуса.

Заключение

Проведенное исследование показало, что успешность функционального катамнеза получателей стационарных социальных услуг, чей гражданско-правовой статус был повышен, определяется не столько степенью выраженности психических нарушений, сколько соответствием объема получаемой социальной помощи потребностям человека. Таким образом, для граждан, продолжающих получать социальное обслуживание в стационарной или нестационарной форме, судебно-психиатрические критерии возможности повышения гражданско-правового статуса могут быть значительно смягчены.

Несмотря на то, что после повышения гражданско-правового статуса некоторые из бывших получателей стационарных социальных услуг успешно живут автономно, у большой части признанных дееспособными и ограниченно дееспособными получателей стационарных социальных услуг сохраняются как стойкие и выраженные симптомы тяжелого психического расстройства, так и выраженные нарушения социального функционирования. Такие нарушения определяют нуждаемость в большом объеме медико-социальной помощи и во многих случаях препятствуют автономному проживанию, требуя сохранения стационарной формы социального обслуживания.

Ограничения. Ограничения настоящего исследования связаны с субъективным характером примененных методик исследования, неполнотой динамического клинико-психопатологического обследования когорты, выборочным включением стационарных организаций социального обслуживания из двух регионов.

Limitations. Limitations of the present study relate to the subjectivity of the applied methodology, incomplete dynamic clinical and psychopathological evaluation of the cohort, and the selective inclusion of inpatient social service facilities from two regions only.

Список источников / References

1. Боброва, И.Н., Шубина, Н.К., Пивоварова, В.Л., Сарайкин, С.Р., Ломилина, К.Г. (1978). Клинико-катамнестическое изучение лиц, обнаруживающих психические нарушения, не исключающие вменяемости. В: Г.В. Морозов (Гл. ред.), *Актуальные вопросы социальной и судебной психиатрии* (с. 51—59). М.: Типография Всесоюзного общества «Знание».
   Bobrova, I.N., Shubina, N. K., Pivovarova, V.L., Saraykin, S.R., Lomilina, K.G. (1978). Clinical and catamnestic study of persons with mental disorders not precluding criminal responsibility. In: G.V. Morozov (Ed.), *Current Issues in Social and Forensic Psychiatry* (pp. 51—59). Moscow: All-Union Society "Znanie" Printing House. (In Russ.).
2. Василевский, В.Г. (1979). Судебно-психиатрическая экспертиза больных приступообразно-прогредиентной шизофренией в гражданском процессе. В: Г.В. Морозов (ред.), *Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии: Сборник научных трудов* (с. 48—57). М.
   Vasilevsky, V.G. (1979). Forensic psychiatric examination of patients with episodic‑progressive

schizophrenia in civil proceedings. In: G.V. Morozov (Ed.), *Theoretical and Organizational Issues of Forensic Psychiatry: Collected Scientific Papers* (pp. 48—57). Moscow. (In Russ.).

3. Галявин, С.И., Харитонова, Н.К., Качаева, М.А., Шишкина, О.А., Русаковская, О.А. (2024). Проблемы судебно-психиатрической оценки недееспособных лиц с умственной отсталостью при повышении гражданско-правового статуса. В: Г.А. Фастовцов (Ред.), *Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сборник статей. Том 62* (с. 155—170). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: https://elibrary.ru/acmwjw (дата обращения: 27.08.2026).
   Galyavin, S.I., Kharitonova, N.K., Kachaeva, M.A., Shishkina, O.A., Rusakovskaya, O.A. (2024). Issues regarding the forensic psychiatric assessment of legally incapacitated persons with intellectual disabilities seeking an upgrade in civil legal status. In: G.A. Fastovtsov (Ed.), *Practice of Forensic Psychiatry Evaluation: A Collection of Articles. Vol. 62* (pp. 155—170). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russia Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/acmwjw (viewed: 27.08.2026).
4. Иванова, М.Е. (2008). Отдаленный катамнез больных *шизофренией, признанных невменяемыми: клинико-социальный аспект: Дис. … канд. мед. наук*. ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. М.
   Ivanova, M.E. (2008). *Long‑term catamnesis of patients with schizophrenia recognized as not criminally responsible: a clinical and social aspect: Dis. Cand. of Med. Sci.* V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)
5. Мельникова, В.А., Харитонова, Н.К., Аносова, Н.И., Русаковская, О.А. (2024). Применение специальных методов при стационарной судебно-психиатрической экспертизе в связи с решением вопроса о повышении гражданско-правового статуса. В: *Практика судебно-психиатрической экспертизы* (с. 161—173). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.
   Melnikova, V.A., Kharitonova, N.K., Anosova, N.I., Rusakovskaya, O.A. (2024). Application of special methods during inpatient forensic psychiatric assessment regarding the judicial issue of upgrading the level of civil legal status. In: *Practice of Forensic Psychiatric Assessment* (pp. 161—173). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russia Publ. (In Russ.).
6. Морозов, Г.В. (Ред.). (1987). *Вопросы диагностики в судебно-психиатрической практике (клинико-катамнестический аспект): Сборник научных трудов*. М.: Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии им. В.П.Сербского.
   Morozov, G.V. (Ed.). (1987). *Issues of diagnosis in forensic psychiatric practice (clinical‑catamnestic aspect): A Collection of Scientific Papers*. Moscow: All‑Union Order of the Red Banner of Labour Research Institute of General and Forensic Psychiatry named after V. P. Serbsky. Moscow. (In Russ.)
7. Наталевич, Э.С., Ахмерова, В.К., Горячкин, Е.В., Посохова, В.И. (1987). Катамнез в практике и теории судебно-психиатрической экспертизы. В: Морозов, Г.В. (ред.), (1987). *Вопросы диагностики в судебно-психиатрической практике (клинико-катамнестический*

аспект): Сборник научных трудов (с. 3—11). М.: Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.
Natalevich, E.S., Akhmerova, V.K., Goryachkin, E.V., Posokhova, V.I. (1978). Catamnestic Follow‑Up in the Practice and Theory of Forensic Psychiatric Expertise. In: Moscow. In: G.V. Morozov (Ed.), (1987). *Issues of diagnosis in forensic psychiatric practice (clinical‑catamnestic aspect): A Collection of Scientific Papers*. Moscow: All‑Union Order of the Red Banner of Labour Research Institute of General and Forensic Psychiatry named after V. P. Serbsky Publ. (In Russ.)

8. Русаковская, О.А., Харитонова, Н.К., Фастовцов, Г.А., Казарина, Е.В., Карпова, Т.Н. (2023). «Стандартизированный протокол экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса» как инструмент динамической оценки. В: Г.А. Фастовцов (ред.), *Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сборник статей. Том 61* (с. 109—124). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: https://elibrary.ru/fyokgc (дата обращения: 27.08.2026).
Rusakovskaya, O.A., Kharitonova, N.K., Fastovtsov, G.A., Kazarina, E.V., Karpova, T.N. (2023). “Standardized Protocol for Expert Assessment in Cases Involving Applications to Change Civil Legal Status” as a Tool for Dynamic Assessment. In: G.A. Fastovtsov (Ed.), *Practice of Forensic Psychiatry Evaluation: A Collection of Articles. Vol. 61* (pp. 109—124). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russia Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/fyokgc (viewed: 27.08.2026).
9. Русаковская, О.А. (2025). *Методология судебно-психиатрической экспертизы при лишении, ограничении и восстановлении дееспособности: Дис. … д-ра мед. наук.* ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. М.
Rusakovskaya, O.A. (2025). *Methodology of forensic psychiatric examination in cases of deprivation, restriction and restoration of legal capacity: Dis. Dr. Sci. (Med.).* V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russia. Moscow. (In Russ.)
10. Сиснёва, М.Е., Метрикина, М.Н. (2026). Влияние госпитализма и выученной беспомощности на оценку дееспособности жителей психоневрологических стационаров: анализ случаев. *Социальная и клиническая психиатрия, 36*(1), 100—105. URL: https://elibrary.ru/bidvvz (дата обращения: 27.08.2026).
Sisneva, M.E., Metrikina, M.N. (2026). The impact of hospitalism and learned helplessness on the assessment of legal capacity of residents in psychoneurological residential institutions: case analysis. *Social and Clinical Psychiatry, 36*(1), 100—105. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/bidvvz (viewed: 27.08.2026).
11. Харитонова, Н.К., Русаковская, О.А., Васянина, В.И. (2021). *Методика проведения судебно-психиатрической экспертизы при восстановлении дееспособности гражданина: Методические рекомендации*. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: https://elibrary.ru/ccxtfp (дата обращения: 27.08.2026).
Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A., Vasyanina, V.I. (2021). *Methodology of forensic psychiatric examination in the restoration of a citizen's legal capacity: A methodological*

guideline. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russia Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/ccxtfp (viewed: 27.08.2026).

12. Харитонова, Н.К., Русаковская, О.А., Васянина, В.И. (2026). *Подготовка материалов для обращения в суд с заявлением о повышении гражданско-правового статуса лиц, проживающих в стационарных организациях социального обслуживания (психоневрологический интернат): методические рекомендации.* М: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. URL: https://elibrary.ru/vltcju (дата обращения: 27.08.2026).
    Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A., Vasyanina, V.I. (2026). *Preparation of materials for applying to court with a petition on the upgrading of the civil legal status of persons residing in inpatient social service organizations (psychoneurological boarding home): A methodological guideline*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology Publ. URL: https://elibrary.ru/vltcju (viewed: 27.08.2026).
13. Харитонова, Н.К., Русаковская, О.А., Васянина, В.И. (2023). *Применение стандартизированного протокола экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса: Практическое пособие.* М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, 2023. URL: https://elibrary.ru/hsquvp (дата обращения: 27.08.2026).
    Kharitonova, N. K., Rusakovskaya, O. A., Vasyanina, V. I. (2023). *Application of a standardized protocol of expert examination in cases on the change of civil legal status: A practical guide.* Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russia Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/hsquvp (viewed: 27.08.2026).
14. Холодковская, Е.М., Боброва, И.Н., Торубаров, С.В. (1969) О реадаптации больных шизофренией с параноидным синдромом, по отдаленным катамнезам. В: *Вопросы судебной психиатрии. Сборник научных работ, выполненных в 1967 г.* (с. 66—67). М.
    Kholodkovskaya, E.M., Bobrova, I.N., Torubarov, S.V. (1969). On the readaptation of patients with paranoid schizophrenia based on long‑term catamnestic data. In: *Issues of Forensic Psychiatry. Collected Scientific Works Completed in 1967* (pp. 66—67). Moscow. (In Russ.).
15. Холодковская, Е.М., Боброва, И.Н., Торубаров, С.В., Рыбкин, П.М. (1974). Катамнез больных шизофренией, признанных вменяемыми. В: *Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник 22* (с. 26 — 32). М.
    Kholodkovskaya, E. M., Bobrova, I. N., Torubarov, S. V., Rybkin, P. M. (1974). Catamnestic follow‑up of patients with schizophrenia recognized as criminally responsible. In: *Practice of Forensic Psychiatric Expertise. Issue 22* (pp. 26—32). Moscow. (In Russ.).
16. Butler, W.E. (2023). Civil code of the Russian Federation: Parts one, two, and three. Oxford: Oxford University Press.
17. Dalton-Locke, C., Marston, L., McPherson, P., Killaspy, H. (2021). The Effectiveness of Mental Health Rehabilitation Services: A Systematic Review and Narrative Synthesis. *Frontiers in Psychiatry, 11*, Article 607933. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2020.607933

18. Hommel, P., Wang, L., Bergman, J.A. (1990). Trends in Guardianship Reform: Implications for the Medical and Legal Professions. *Law, Medicine and Health Care, 18*(3), 213—226. https://doi.org/10.1111/j.1748-720x.1990.tb00024.x
19. Johns, A.F. (2012). Person-Centered Planning in Gaurdianship: A Little Hope for the Future. *Utah Law Review, 3*, Article 9. https://doi.org/10.63140/rtebfnx3c6
20. Martinelli, A., Dal Corso, E., Pozzan, T., Cristofalo, D., Bonetto, Ch., Ruggeri, M. (2023). Addressing Challenges in Residential Facilities: Promoting Human Rights and Recovery While Pursuing Functional Autonomy. *Psychiatric Research and Clinical Practice, 6*(1), 12—22. https://doi.org/10.1176/appi.prcp.20230034
21. Parker, S., Arnautovska, U., Siskind, D., Dark, F., McKeon, G., Korman, N., Harris, M. (2020). Community-care unit model of residential mental health rehabilitation services in Queensland, Australia: predicting outcomes of consumers 1-year post discharge. *Epidemiology and Psychiatric Sciences, 29*, Article e109. https://doi.org/10.1017/s2045796020000207
22. Rusakovskaya, O.A., Kharitonova, N.K., Movina, L.G., Papsuev, O.O. (2023). Real-life functioning in women with schizophrenia living in residential facilities: gender-based comparison. *Frontiers in Psychiatry, 14*, Article 1120141. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1120141
23. Tolonen, J., Jääskeläinen, E., Kiviniemi, L., Majuri, T., Haapea, M., Miettunen, J., Moilanen, K. (2023). Functioning, psychiatric symptoms and quality of life of individuals with severe mental disorders after psychiatric rehabilitation. *Nordic Journal of Psychiatry, 78*(1), 54—63. https://doi.org/10.1080/08039488.2023.2262448
24. Wright, J.L. (2010). Guardianship for your own good: Improving the well-being of respondents and wards in the USA. *International Journal of Law and Psychiatry, 33*(5-6), 350—368. https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2010.09.007
25. Zietlow, K., Dubin, L., Battles, A., Vitale, C. (2022). Guardianship: A medicolegal review for clinicians. *Journal of the American Geriatrics Society, 70*(11), 3070—3079. https://doi.org/10.1111/jgs.17797

Приложение / Appendix

Приложение А. Таблица 1. Описательная статистика и частота оцениваемых параметров в шести кластерах испытуемых
Appendix A. Table 1. Descriptive statistics and frequency of the assessed parameters in six clusters of subjects

Параметры / Parameters	**Кластер 1 (N=14) / Cluster 1 (N=14)**		**Кластер 2 (N=26) / Cluster 2 (N=26)**		**Кластер 3 (N=22) / Cluster 3 (N=22)**		**Кластер 4 (N=11) / Cluster 4 (N=11)**		**Кластер 5 (N=10) / Cluster 5 (N=10)**		**Кластер 6 (N=5) / Cluster 6 (N=5)**	
	Описательная статистика для кластеров / Descriptive statistics for clusters											
	M (SD)	**Var**	**M (SD)**	**Var**	**M (SD)**	**Var**	**M (SD)**	**Var**	**M (SD)**	**Var**	**M (SD)**	**Var**
CGI-S / CGI-S	4,2 (0,4)	0,2	2,7 (0,6)	0,3	4,5 (0,6)	0,3	4,6 (0,9)	0,9	2,9 (0,9)	0,8	4,4 (0,9)	0,8
CGI-I Динамика 1: оценка общего улучшения непосредственно после	3,1 (0,3)	0,1	2,5 (0,5)	0,3	4,1 (0,4)	0,2	3,5 (1,0)	1,1	4,5 (0.7)	0,5	1,6 (0,5)	0,3

повышения ГП-статуса / CGI-I Dynamics 1: clinical impression of change assessed immediately after civil-legal status upgrade												
CGI-I Динамика 2: оценка общего улучшения к моменту исследования / CGI-I Dynamics 2: current clinical impression of change (follow-up assessment)	3,0 (0,0)	0,0	2,4 (0,7)	0,5	3,9 (0,2)	0,0	5,8 (0,6)	0,4	2,3 (0,7)	0,5	1,8 (0,4)	0,2
	Траектория повышения ГП-статуса / Civil legal status trajectory											
	N	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**
Признан ограниченно дееспособным / Upgraded to restricted legal capacity	8	57,1	15	57,7	13	59,1	6	54,5	4	40,0	4	80,0
Признан ограниченно дееспособным, затем дееспособным / Upgraded to restricted legal capacity, then to full legal capacity	0	0,0	3	11,5	0	0,0	1	9,1	3	30,0	0	0,0
Признан сразу дееспособным / Upgraded directly to full legal capacity	6	42,9	8	30,8	7	31,8	4	36,4	3	30,0	1	20,0
	Нозологический состав / Nosological composition											
	N	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**
Шизофрения / Schizophrenia	10	71,4	1	3,8	15	68,2	8	72,7	4	40,0	3	60,0
Умственная отсталость / Disorders of intellectual development	3	21,4	21	80,8	3	13,6	1	9,1	3	30,0	2	40,0
Органическое психическое расстройство / Organic and symptomatic mental disorders	1	7,1	2	7,7	4	18,2	2	18,2	3	30,0	0	0,0
	Благополучность функционального катамнеза / Functional outcome assessment											
	N	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**
Катамнез благополучный / Good	12	85,7	24	92,3	14	63,6	2	18,2	9	90,0	5	100
Катамнез сомнительный / Questionable	2	14,3	1	3,8	7	31,8	3	27,3	1	10,0	0	0,0
Катамнез неблагополучный / Poor	0	0,0	0	0,0	0	0,0	6	54,5	0	0,0	0	0,0
	Форма социального обслуживания / Type of social service											
	N	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**
COCO / Residential social care facility	12	85,7	18	69,2	21	95,5	8	72,7	4	40,0	5	100
COCO, готовится к выписке / Residential social care facility, in preparation for discharge	2	14,3	0	0,0	1	4,5	2	18,2	1	10,0	0	0,0
НФСО / non-residential social services	1	7,1	1	3,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0

Не получает СО / No longer receiving social services	1	7,1	7	26,9	0	0,0	3	27,3	6	60,0	0	0,0
Сопровождение НКО / Support of SONPO	0	0,0	0	0,0	1	4,5	0	0,0	3	30,0	0	0,0
	Частота ключевых клинических и социальных показателей функционального катамнеза / Frequency of clinical and social key outcome indicators											
	N	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**	**N**	**%**
Трудоустроены / Employed (in regular employment)	5	35,7	20	76,9	2	9,1	1	9,1	8	80,0	4	80,0
Получают общее или профессиональное образование / Attending educational programs	1	7,1	4	15,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Вступили в брак или стали жить с постоянным партнером / Married or cohabiting with a stable partner	2	14,3	8	30,8	2	9,1	0	0,0	2	20,0	1	20,0
Увеличение частоты контактов с родителями, детьми, супругами / Regular / sustained family contact	5	35,7	3	11,5	3	13,6	2	18,2	4	40,0	1	20,0
Большая активность в повседневной и социальной жизни / Increased participation in everyday and social activities	6	42,9	11	42,3	1	4,5	3	27,3	2	20,0	2	40,0
Стали позитивнее, увереннее в себе / Improvement in mood and self-confidence	8	57,1	15	57,7	3	13,6	1	9,1	2	20,0	4	80,0
Увеличение частоты инцидентов нарушений поведения / Increased frequency of behavioral incidents	1	7,1	0	0,0	3	13,6	5	45,5	0	0,0	1	20,0
Увеличение частоты инцидентов употребления ПАВ / Increased frequency of substance use incidents	0	0,0	1	3,8	2	9,1	4	36,4	1	10,0	1	20,0
Рецидив продуктивных психотических симптомов / Recurrence of positive psychotic symptoms	2	14,3	1	3,8	2	9,1	7	63,6	0	0,0	1	20,0
Госпитализировались в психиатрическую больницу / Were hospitalized in a psychiatric facility	3	21,4	1	3,8	2	9,1	4	36,4	1	10,0	0	0,0
Нарушения режима приема психофармакотерапии / Treatment discontinuation and non-adherence	1	7,1	0	0,0	3	13,6	4	36,4	0	0,0	0	0,0

Информация об авторах

Наталья Константиновна Харитонова, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-0238-1690, e-mail: kharitonova.n@serbsky.ru

Ольга Алексеевна Русаковская, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Российская Федерация; доцент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5602-3904, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Виктория Игоревна Васянина, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4882-4303, e-mail: vasyanina.v@serbsky.ru

Information about the authors

Natalia K. Kharitonova, Doctor of Science (Medicine), Professor, Head of the Department of Forensic Psychiatric Expertise in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Heath of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0238-1690, e-mail: kharitonova.n@serbsky.ru

Olga A. Rusakovskaya, Doctor of Science (Medicine), Leading Research Associate of the Department of Forensic Psychiatric Expertise in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Heath of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5602-3904, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Victoria I. Vasyanina, Candidate of Science (Medicine), Senior Researcher of the Department of Forensic Psychiatric Expertise in Civil Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Heath of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4882-4303, e-mail: vasyanina.v@serbsky.ru

Вклад авторов

Харитонова Н.К. — организация исследования; контроль за проведением исследования.

Русаковская О.А. — сбор и анализ данных; статистическая обработка; написание и оформление рукописи.

Васянина В.И. — аннотирование, сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в разработке дизайна исследования, обсуждении результатов и выводов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalia K. Kharitonova — planning of the research; control over the research.

Olga A. Rusakovskaya — data collection and analysis; application of statistical methods for data analysis; writing and design of the manuscript.

Victoria I. Vasyanina — data collection and analysis.

All authors contributed to the study design, discussion of the results and conclusions, and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено клинической секцией Этического комитета ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (протокол № 46/3 от 09.12.2024 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of “V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of Ministry of Heath of the Russian Federation (report no 46/3, 2024/09/12).

Поступила в редакцию 24.07.2026 Received 2026.07.24
Поступила после рецензирования 30.08.2026 Revised 2026.08.30
Принята к публикации 30.08.2026 Accepted 2026.08.30
Опубликована 30.09.2026 Published 2026.09.30